STUDIA BALKANICA

К юбилею Р.П. Гришиной

ИСлРАН
Москва–2010

inslav

Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН

STUDIA BALKANICA

К юбилею Р. П. Гришиной

Москва
2010

inslav

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *А. Л. Шемякин*

Члены редколлегии:

доктор исторических наук *Е. П. Серапионова,*
кандидат исторических наук *Ю. В. Лобачева*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *А. В. Карасев* (ИСл РАН),
кандидат исторических наук *О. А. Дубовик* (МГУ)

«STUDIA BALKANICA» (К юбилею Р. П. Гришиной). Сборник статей. – М.: Институт славяноведения РАН, 2010. – 400 с.

Сборник статей подготовлен в честь юбилея крупнейшего специалиста по истории Болгарии Института славяноведения Ритты Петровны Гришиной. В него вошла 21 статья; их авторы – сотрудники ряда отделов Института, а также балканисты Московского и Нижегородского университетов, Института этнологии и антропологии РАН, коллеги из Болгарии и Сербии. В сборнике рассматриваются различные проблемы как истории Болгарии, так и соседних с нею стран; международных отношений в регионе. Хронологический охват представленных материалов довольно широк (XIII–XXI века).

Сборник рассчитан на профессиональных специалистов-балканистов и всех интересующихся историей Юго-Восточной Европы.

Сборник подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Социальные конфликты и общественное сознание переходных эпох»

ISBN 978-5-7576-0212-7

© Институт славяноведения РАН, 2010

inslav

inslav

inslav

От редакционной коллегии

Перед читателем книга, созданная коллегами и друзьями Ритты Петровны ГРИШИНОЙ в честь знаменательной даты в ее жизни. Надеемся, что наши скромные усилия доставят приятные минуты уважаемому юбиляру.

Ритта Петровна Гришина, доктор исторических наук, крупный специалист по истории Болгарии и Балкан нового и новейшего времени. Как и многие из нас, – выпускница Исторического факультета МГУ. В 50-е годы на Истфаке был представлен, без преувеличения, весь «цвет» советской исторической науки. Ритте Петровне посчастливилось слушать лекции и заниматься в семинарах С. Д. Сказкина, А. Г. Бокщанина, А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова, М. О. Косвена... Кафедрой истории южных и западных славян, на которой специализировалась Ритта Петровна, руководил в те годы крупнейший славист и болгарист Сергей Александрович Никитин, а преподавали и опекали будущих славистов И. М. Белявская, Б. М. Руколь, В. Г. Карасев, И. Н. Частухин... Из тех далеких лет и берет начало мечта юной студентки связать свою жизнь с серьезной научной работой. Мечта начала сбываться, когда в 1958 г., проработав по окончании университета несколько лет преподавателем истории в московской Школе рабочей молодежи № 49, Ритта Петровна поступила в аспирантуру Института славяноведения АН СССР. С Инславом связана вся ее дальнейшая творческая жизнь. Здесь трудится она и сегодня, заражая коллег своей настойчивостью при решении исследовательских задач, изумляя увлеченностью и преданностью любимому делу.

Исследовательский диапазон Ритты Петровны весьма широк. Отдав дань традиционной проблематике классовой борьбы (в 1963 г. ею успешно была защищена кандидатская диссертация по истории рабочего движения), Гришина сконцентрировала в дальнейшем свои усилия на изучении общественно-политических движений и идейных течений в межвоенной Болгарии. При этом она не обошла вниманием и острую проблему генезиса болгарского авторитаризма. Тогда указанная проблема являлась предметом нестихавших дискуссий и в нашей стране, и за рубежом. Немало копий было сломано болгарскими коллегами, до сих пор помнят яростные споры вокруг этой проблематики и сотрудники нашего Института. Приняла в них активное участие и Ритта Петровна. Итогом упорной многолетней работы и серьезных размышлений стала монография, посвященная болгарскому фашизму. По этой теме в 1978 г. Ритта Петровна защитила докторскую диссертацию.

Новый этап исследований начался, когда группа энтузиастов приступила к изучению важного круга проблем, связанных с внутриполитическими процессами, функционированием политических систем, межпартийной борьбой

inslav

и социальной дифференциацией общества в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. При непосредственном участии Ритты Петровны были подготовлены сборники статей: «Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период)» (1982), «Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период» (1984), «Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Межвоенный период» (1986), а также коллективный труд с участием болгарских, венгерских, польских и чехословацких ученых «Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1917–1929» (1988).

Конечно, с высоты сегодняшнего дня к этим работам, исходившим из господствовавших в те годы марксистских методологических трактовок общего кризиса капитализма, можно предъявить известные претензии. Однако нельзя не отметить введение в научный оборот новых источников, как и попытки авторов переосмыслить многие уже известные факты, стремление отказаться от сковывавшей мысль политизации оценок и характеристик прошлого и влияния конъюнктуры. Так, в частности, родился вывод о недостаточной укорененности левого радикализма и коммунистических идей в обществах стран изучаемого региона и, как следствие, быстрого спада революционной волны в 20-е гг. XX в. Перед думающим читателем открывалась возможность самостоятельно проанализировать цепь дальнейших событий, выйти на сюжеты более позднего времени, попытаться дать им адекватные оценки.

Почти десять лет Ритта Петровна руководила Сектором истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы межвоенного периода, а после реорганизации Института в 1992 г. Отделом истории межнациональных и международных отношений в странах региона в XX веке. В центре внимания коллектива в то время – изучение многоаспектной темы «Общество стран Центральной и Юго-Восточной Европы на историческом переломе». Первая мировая война и вызванные ею революционные потрясения, образование национальных государств, проблемы национально-территориальных противоречий составляли исключительно трудный для освоения исследовательский комплекс. Постепенно интерес сотрудников сфокусировался на феномене реформистских партий, возник соблазн непредвзятого подхода к изучению социал-демократии, поисков ею выхода из войны, социал-демократических и социалистических концепций послевоенного миропорядка. Итоги тщательного исследования проблемы отразила коллективная монография «Европейское социалистическое движение. 1914–1917. Разрубить или развязать узлы?» (1994), одним из ответственных редакторов которого была Р. П. Гришина.

inslav

Внимание к истории региона Центральной и Юго-Восточной Европы сочеталось в творческой деятельности Ритты Петровны с постоянным интересом к болгарским сюжетам. В 1987 г. в серии страноведческих трудов Института вышла «Краткая история Болгарии (С древнейших времен до наших дней)», в которой перу юбиляра принадлежали главы по межвоенной Болгарии. В сборнике статей «Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (Первая треть XX века)» (1993) она опубликовала один из первых в отечественной историографии биографических очерков о царе Борисе III.

Особенно рельефно основательность подхода Р. П. Гришиной к наиболее сложным проблемам новейшей истории проявилась в 1990-е годы. В условиях «архивной революции» она определила в качестве важнейшей для себя задачу содействовать формированию качественно новой источниковой базы исторических исследований. Силами «микроколлектива» (Р. П. Гришина, М. Н. Черных) была осуществлена фундаментальная двухтомная публикация документов «Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции» (2000, 2003). Исследователи получили в свое распоряжение десятки оригинальных документов из фондов Коминтерна и Политбюро ЦК РКП (б)–ВКП (б), находившихся ранее на особом режиме хранения. Подлинным украшением публикации стали серьезные и также основанные на документах научные комментарии, существенно обогатившие представления читателя о событиях прошлого.

Параллельно с подготовкой двухтомника Ритта Петровна вела исследование одного из конкретных «ответвлений» национального вопроса на Балканах – македонского. Историки старшего поколения хорошо знают трудную судьбу македонистики в нашей стране, помнят времена мыслимых и немыслимых идеологических запретов, распространявшихся на трактовки запутанного «македонского» узла национально-территориальных противоречий и историю македонского литературного языка. Несложно представить, каких усилий стоило создание сборника «Македония. Проблемы истории и культуры» (1999), явившегося первым в отечественной историографии комплексным трудом, посвященным прошлому и настоящему молодого македонского государства. Не случайно главным редактором труда была назначена Ритта Петровна: здесь особенно «ко двору» пришлись ее глубокие знания документов и доступной литературы, способность с неожиданного ракурса рассмотреть то или иное явление, умение скрупулезно анализировать факты, упорство в отстаивании собственной позиции. Р. П. Гришина выступила в издании и как автор одной из статей.

В начале нового тысячелетия в Институте было предпринято издание серии книг: «История славянских стран в XX веке». Открывала ее коллективная

inslav

монография «Болгария в XX веке. Очерки политической истории» (2004). В этой работе, признанной специалистами первым крупным достижением постсоветской болгаристики, перу Ритты Петровны принадлежат главы по истории Болгарии в 1923–1935 гг. В это же время в своем научном подразделении Ритта Петровна выступила инициатором масштабного комплексного проекта «Модернизация традиционных обществ у славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XIX – начало XX веков». В рамках его реализации на протяжении 2002–2009 гг. вышло пять выпусков серии работ «Человек на Балканах», освещающих такие грани проблемы, как государство и его институты в контексте политической модернизации, социокультурные измерения модернизации, взаимоотношения власти и общества и др. В 2008 г. увидела свет и индивидуальная монография Ритты Петровны «Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX века».

Большое внимание уделяет Ритта Петровна работе в редколлегии журнала «Славяноведение». Ее отличают доброжелательно-строгое отношение к авторам, готовность поддержать любой интересный материал, независимо от титулов и регалий авторов, озабоченность сохранением лучших традиций научного академического издания. Все эти качества высоко ценят коллеги и сотрудники журнала.

Особое место в научно-организационной деятельности Ритты Петровны занимает двусторонняя Комиссия историков России и Болгарии, где на протяжении почти 15 лет она является заместителем председателя Российской части Комиссии. В истории Комиссии было немало сложных периодов, вплоть до приостановки ее деятельности в начале 1990-х гг., однако убежденность российских болгаристов и их коллег-единомышленников в Болгарии в необходимости укрепления и развития взаимных контактов помогла преодолеть непростые преграды. Сейчас Комиссия является одной из наиболее активно и результативно работающих двусторонних комиссий РАН. Ритта Петровна – не только руководитель, но и непременный деятельный участник всех совместных проектов, научных обсуждений, публикаций.

Исследовательский азарт, увлеченность любимым делом, высокая требовательность к себе, глубокий профессионализм и, как следствие, плодотворность научной деятельности – вот важнейшие составляющие, обусловившие серьезный вклад Ритты Петровны в российскую историческую болгаристику. Но для своих коллег Ритта Петровна, прежде всего, – внимательный и неравнодушный человек, принципиальный, иногда резкий в суждениях и оценках, надежный товарищ.

В год юбилея от всего сердца желаем Ритте Петровне здоровья и дальнейших творческих успехов!

inslav

Л. В. Горина

Болгарский хронограф и русский митрополит Кирилл II

По мнению автора, митрополит Кирилл II был прямо знаком с Болгарским хронографом, важнейшим памятником средневековой Болгарии X века, и использовал его материалы в своей духовной деятельности.

Как известно, жизненный и творческий путь Кирилла II сложился следующим образом. Свою деятельность еще до проставления на митрополичью кафедру Кирилл начал в Галицкой Руси при дворе князя Даниила.

Он являлся, судя по источникам, «печатником», т. е. канцлером Даниила, выполняя не только административные, но и литературные задания своего князя. Писать ему приходилось и о боярских бунтах, и о войнах Даниила с соседями – Польшей и Венгрией. В 1250 г. с согласия своего князя Кирилл отправляется в Никею на посвящение: он становится русским митрополитом Кириллом II. Еще до поездки в Никею, начиная с 1243 г. ему приходилось выполнять обязанности митрополита. Это были первые тяжелейшие десятилетия татаро-монгольского ига на Руси.

Осенью того же 1250 г. русский митрополит прибыл в Суздаль для совершения бракосочетания дочери князя Даниила Галицкого с великим князем владимирским Андреем Ярославичем. Митрополит должен был вернуться в Галицкую Русь к своему князю. Должен был, но не вернулся и остался на Северо-востоке Руси до конца дней своих, порвав, таким образом с Даниилом Галицким.

История отношений Кирилла II и князя Даниила нашла свое отражение в литературе. Учеными были выдвинуты свои версии происшедшего. Так, возможной причиной разрыва стало сближение князя с папским двором, что, конечно, осуждалось русской православной церковью. События весьма красноречиво описал М. Д. Приселков, по мнению которого, «отъезд на север Кирилла был далеко не случаен, как не случайно было и почти тридцатилетнее его проживание на севере, вероятнее всего, там, где проживал великий князь владимирский. Все это было необходимым следствием глубоких перемен в международном положении Европы, вызванных татарскими завоеваниями в Восточной Европе. Успехи татарского оружия над русскими феодальными разъединенными княжествами и угроза татарского завоевания, нависшая над Никейской империей, конечно, не произвели в Западной Европе никакого

inslav

иного впечатления, кроме желания захватить то, что еще оставалось татарами не завоевано. Рим организует шведский поход, затем направляет на восток экспансию немецких рыцарей, – и то и другое, остановленное военным талантом Александра Невского»[1].

Дальнейшие события развернулись следующим образом: обещания папы помочь Восточной Европе в борьбе с татарами оказались пустыми словами, европейские войска не двинулись с места. Тогда император Никеи разрывает отношения с папским двором, вступает в переговоры с Ордой и договаривается с ней о мирных отношениях, а также об отношениях татар с русскими княжествами, поскольку татары признали власть Никейского императора над русской церковью. В новой международной ситуации Галицкий князь Даниил порывает с Никейской империей и вступает в тесные контакты с Римом.

А Кирилл II, в свою очередь, порывает с Даниилом Галицким и начинает поддерживать политику политической покорности татарам, проводимую Александром Невским. В 1252 г. Кирилл II возглавил торжества по случаю восшествия великого князя Александра Невского на владимирский стол. В 1261–1263 гг. мы вновь видим митрополита во Владимире, где он рукополагает ростовского епископа Игнатия. В 1263 г. митрополиту пришлось похоронить во Владимиро-Суздальской земле своего друга Александра Невского. Последнее посещение Суздальской земли русским митрополитом пришлось на 1280–1281 гг. На этой земле он окончил свою жизнь (27 ноября 1281 г. в Переяславле-Залесском).

* * *

Как уже отмечалось, свою творческую деятельность Кирилл начал еще в Галиче, при Данииле. Видимо, по поручению князя им была написана та часть Галицкой летописи, которая относится к первой половине XIII в.

По наблюдениям Л. В. Черепнина, в составе Ипатьевской летописи (Галицкая часть Ипатьевской) находится жизнеописание Даниила Галицкого, которое не разделено на погодные статьи и начинается с лирического вступления, посвященного предкам Даниила и былому могуществу Русской земли[2]. Разделяем высказанное в свое время Д.С. Лихачевым мнение о том, что автором Галицкого раздела Ипатьевской летописи был Кирилл II в бытность его канцлером Даниила Галицкого[3].

Полагаем, что Кирилл II при составлении текста летописи пользовался Болгарским хронографом, обращаясь к тем сочинениям, которые в него входили. Постараемся доказать эту мысль.

inslav

Наиболее обстоятельный анализ Галицкая летопись получила в трудах А. С. Орлова. Наблюдения ученого составляют прочную базу для выводов об использовании русским митрополитом материалов Болгарского хронографа. Сопоставив летопись, Архивский хронограф и Елинский Летописец, Орлов пришел к выводу, что все они имеют общий оригинал, по терминологии ученого, это южнославянский компилятивный сборник, в который входили Библейские книги, переводные византийские хроники, Александрия Псевдокаллисфена и История Иудейской войны Иосифа Флавия[4].

Библейские параллели таковы: под 1224 г. рассказ об Авессоломе из II-й книги Царств вошел в торжественную характеристику Даниила Галицкого: «Авессолом был похвален в быстроте и снизу до верху в нем не было порока». В Галицкой летописи: «Даниил Романович был дерзок и храбр, и с головы до ног в нем не было порока»[5] . Рассказывая о событиях 1229 г., летописец повествует о гибели отступающих венгерских войск в таких выражения, которые находят полное соответствие в Библейской книге Иисуса Навина. Точно такая же Библейская параллель находится и в Архивском хронографе. Орлов справедливо утверждает, что воздействие Библии и в данном случае осуществляется через Хронограф[6]. Вполне возможно, что и предыдущие события (они под 1221 г.) описаны под воздействием Библейских текстов. В летописи имеется фраза: «Как говорят книги: не останется камня на камне»[7].

В. М. Истрин, в свою очередь, указал еще на один эпизод Галицкой летописи под 1229 г., описание которого напоминает Библейскую историю из IV-й книги Царств[8]. В этом сюжете речь идет о переговорах Елиакима с Рапсаком, и Рапсака с воинами, находящимися на стенах Иерусалима и слушающими оттуда. И сюжет этот послужил стимулом к изображению иносказательных переговоров, отраженных в Гал. летописи. Соответствующие места Библии и летописи имеют следующую общность: переговоры ведутся между осаждающими и осажденными, стоящими на стене. Ведутся они во всеуслышание, но иносказательно, т. е. предназначаются не для всех и потому понятны не всем, а лишь кому следует[9].

В историографии отмечено, что наибольшие параллели обнаруживаются между Галицкой летописью и хроникой Иоанна Малалы[10]. Так, под 1229 г. в Галицкой летописи описывается битва галичан с войсками венгерского короля Белы. Текст таков: «Бог наслал на войска венгров фараонову рану, т. к. город Галич укрепился, а Бела изнемог и отошел от города, оставив многих своих людей. На них напали горожане, и многие венгры попадали в реку. Иные были убиты, иные пойманы. Как говорится, Скырт река злую шутку сыграла с горожанами, так и Днестр злую шутку сыграл с уграми». В XVII-й

inslav

книге Иоанна Малалы текст следующий: «В то же лето потоплен был Божьим гневом водами речными Эдес, великий... когда прекратился Божий гнев и вода ушла, близ реки была найдена большая каменная доска, на которой было написано: «Скырт река сыграет злые игры с горожанами»[11]. Упоминание о реке Скырт имеется, таким образом, в этих двух памятниках.

В Галицкой летописи есть пассаж, повествующий о правилах и манере составления хронографов. Летописец отмечает: «В хронографе надо писать все о временах бывших, а иногда возвращаясь к событиям вновь и вновь», иными словами, не всегда соблюдая последовательность событий. Пассаж завершает примечательная фраза: «Умный поймет». А в XVIII-й книге Иоанна Малалы читаем: «В хронографе нужно писать все, какой царь когда царствовал, когда был провозглашен царем. Хорошо читать и о прошлых временах и о нынешних»[12].

«Добрые дела во веки святятся», – читаем в V-й книге Малалы. «Добродеяния во веки святятся», – читаем Галицкой летописи в под 1257 г.[13] А под 1252 г. она, описывая вооружение русских полков и воинский наряд Даниила Романовича: «кожух его был обшит кружевами золотыми, а сапоги зеленой кожи обшиты золотом», заимствует фразеологию из VII-й книги Иоанна Малалы, повествующей об одежде персидского царя[14].

Под 1259 г. летописец описывает постройки в г. Холме, а затем под 1260 г. говорится о чаше-крестильнице, принесенной из Венгрии в Холмскую церковь Приснодевы Марии. Описания эти заключают в себе много деталей, потребовавших довольно сложной терминологии. Все слова этой архитектурной терминологии галицкий летописец едва ли мог подыскать в запасе обыденной речи и потому, вероятно, воспользовался каким-либо книжным описанием построек, замечает А. С. Орлов[15]. Такие описания можно встретить в хронике Малалы (особенно в описании построек в Антиохии), в Библии, в III-й книге Царств, у Амартола, Иосифа Флафия, а также в Александрии.

Имеются текстологические совпадения Галицкой летописи и Александрии. Так, Даниил обращается к своим воинам, подчеркивая, что не подобает воину вступать в битву, имея «страхливу душу»[16]. Примерно то же читаем в Александрии, описывающей выступление Александра Македонского. В Галицкой летописи о Данииле и в Александрии – о Дарии текстологически совпадают сетования на униженное состояние, в которое впали оба эти властодержца, что выражено противопоставлением крайности постигшего их унижения высоте принадлежавшей им ранее власти[17].

В историографии отмечены параллели между Галицкой летописью и Историей Иудейской войны Иосифа Флавия. Так, под 1240 г. рассказывается

inslav

о взятии ханом Батыем Киева, при этом изобразительные выражения заимствованы у Иосифа Флавия[18]. А под 1251 г. повествуется, как галицкая пехота в полном вооружении и блеске дефилирует перед неприятелем. Та же фразеология и в сходном эпизоде в рассказе Флавия о появлении римского войска перед врагами[19].

Итак, как видим, обращение составителя Галицкой летописи к тем памятникам, которые совокупно отразились и в других рассмотренных нами древнерусских сочинениях, а именно в Архивском хронографе и Елинском летописце, – налицо.

Время, когда составлялась Галицкая летопись, и время составления Болгарского хронографа – разное, и страны – тоже. Так, А. С. Орлов полагал, что «компилятивный хронограф полюбился составителю Галицкой летописи, между прочим, вследствие частого сообщения об отношениях правителей к боярам, и, главным образом, о борьбе с последними. Ведь этой борьбой Даниила и Василька Романовичей с безбожными, неверными, льстивыми боярами галицкими и владимирскими обильно наполнены первые 40 лет Галицкой летописи»[20]. Впрочем, как мы знаем, у составителей Болгарского хронографа были совсем иные цели.

По мнению Д. С. Лихачева, русский митрополит Кирилл II имел прямое отношение к составлению еще одного важного древнерусского памятника, а именно жития Александра Невского. И по его же наблюдениям, составитель или составители этого жития воспользовались компилятивным хронографом и теми произведениями, которые в него входили.

Так, в одном из ответов Александра Невского послам Папы римского есть характерная фраза: «От Адама до потопа и, от потопа до разделения языка» и т. д. Примерная фраза, по мнению Д. С. Лихачева, обнаруживается и в Александрии, и в Истории Иудейской войны Флавия. В одном случае речь идет о царствовании Александра Македонского, а в другом – о пленении Иерусалима Веспасианом. В этом ответе Папе, полагает Лихачев, заключалась по существу хронографическая история православия и еретичества. Ссылка Александра Невского на всемирную историю должна рассматриваться в данном случае как ссылка на Хронограф[21].

Считаем весьма важными и убедительными выводы Д. С. Лихачева о параллелях между Галицкой летописью и житием Александра Невского. Вот один из примеров: и в Галицкой летописи, и в житии ликующий народ поет победителям славу. Пышная народная встреча победителей – явление обычное. Но сведения о том, что народ поет именно славу, есть лишь в Галицкой летописи и в житии Александра Невского[22].

inslav

Между житием и Галицкой летописью отчетливо устанавливается сходство в стиле и манере описывать военные действия, битвы и подвиги князей. Есть общие и для жития, и для летописи заимствования из сочинений Иосифа Флавия. Они носят лексический и фразеологический характер. Есть существенное композиционное сходство.

Д. С. Лихачев полагает, что Кирилл II мог быть автором жития Александра Невского или же заказать его кому-нибудь из проживавших на севере галицких книжников. Так, в Псковско-Печерской редакции жития, одной из самых важных для определения первоначального его вида, прямо говорится: «Се же быть проповедано всем от Кирилла митрополита святителя, и от иконома его Севастиана»[23]. И еще один вывод Д. С. Лихачева считаем важнейшим: «Светское жизнеописание Александра Невского продолжило литературную традицию, отложившуюся в светском же жизнеописании Даниила Галицкого»[24].

На основании изучения Архивского сборника мы пришли к выводу, что митрополит Кирилл II имеет к его составлению самое непосредственное отношение. Напомним, что Архивский сборник – сложное сочинение, дошедшее до нас в единственном списке XV в. Утвердившаяся в историографии традиция именует его хронографом, в чем есть большая доля условности: ведь помимо имеющегося в сборнике действительно хронографического текста в нем обнаруживаются и другие составляющие части, а именно: Летописец русских царей, именуемый в литературе Летописец Переяславля Суздальского (ЛПС) и оглавление Сборника XIII в., послужившего основой настоящего памятника. Судя по оглавлению, Сборник XIII в. (1262 г.) включал, помимо упомянутых частей, еще и Апокалипсис, Соборник и Пчелу.

Не все разделы Архивского сборника удостоились равно внимательного отношения к себе ученых. Более всего повезло хронографу и ЛПС. Как уже указывалось, наиболее впечатляющие результаты были добыты трудами отечественных ученых XIX–XX вв.: М. А. Оболенского, арх. Леонида, В. М. Истрина, А. А. Шахматова, О. В. Творогова. Недавно появились статьи Н. И. Милютенко о ЛПС[25].

Неизбежно возникает вопрос о времени, месте и обстоятельствах создания масштабного свода, каковым является Архивский сборник в целом. Рассмотрение этой сложной проблемы целесообразнее начать с ЛПС – равноправной составной части всего свода, органически вписанной в него с помощью общего оглавления. Сам Летописец также имеет сложный состав: он включает Повесть временных лет (ПВЛ), а с 1138 и вплоть до 1205 г. текст ЛПС совпадает с Лаврентьевской летописью; с 1205 и до 1214 г. – изложение самостоятельно, с обилием местных переяславских сведений.

inslav

Именуя первую часть Летописца (до 1138 г.) древнейшей, Милютенко обращает внимание на то, что и она сложна по составу, а работ, специально посвященных этой части, нет. Не решен вопрос о месте и времени ее составления, не ясно, где и кем она была соединена со второй, собственно переяславской частью[26].

На наш взгляд, весьма интересно следующее обстоятельство: ЛПС содержит вставки и замены более поздние, нежели 10-е годы XIII в., которыми оканчивается изложение. Так, «печенеги» памятника многократно заменены на «татар». Очевидно, что столь любопытная замена могла совершиться никак не ранее татаро-монгольского нашествия на Русь и, вероятнее всего, вскоре после разрушительного вторжения иноземцев, поскольку носит эмоциональный характер. Таких замен буквально десятки, посему нет особенной нужды в демонстрации их всех. Однако на самых впечатляющих следует остановиться. Так, ПВЛ, описывая под 992 г. победу русского князя Владимира над печенегами, последовательно удерживает употребление этнонима «печенеги»[27]. Столь же последовательна и Радзивилловская летопись, сохранившая свою редакцию ЛПС. И лишь в ЛПС в составе Архивского сборника «татары» и «печенеги» постоянно сменяют друг друга. Строгости и последовательности в этих заменах нет, создается впечатление эмоциональной спешки. Передаем пассаж Радзивилловской летописи в современном переводе: «Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги с той стороны от Сулы, Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже, у Брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той»[28]. Далее, как известно, следует описание двоеборства русского и печенежского богатырей, победы русского силача и последующего разгрома печенежских войск. Радзивилловская летопись повествует: «На следующее утро приехали печенеги и начали взывать: нет ли у вас мужа? Вот наш готов. Владимир в ту же ночь повелел вооружаться, и сошлись все у реки. Печенеги выпустили своего мужа. Был он очень велик и страшен. Выступил муж Владимира. Увидел его печенег и посмеялся: ибо был он среднего роста... и сошлись они и стали крепко рвать друг друга, и удавил руками печенежина до смерти и бросил его оземь. Закричали и побежали печенеги»[29]. Текст ЛПС в составе Архивского сборника следующий: «На другое утро привели татары мужа и сказали: наш готов, есть ли у вас муж? Владимир вооружил своего и приступили к реке два войска... выпустил Владимир мужа, и посмеялся татарин, узрев его, ибо был он среднего роста... и сошлись они в битве и стали крепко рвать друг друга, и схватил его крепко татарин, наш же за плечи и шею захватил его, стиснул и начал держать...»[30]. Число замен «печенегов» на «та-

inslav

тар» можно многократно увеличить. Так, с татарами приходит Святополк, которого преследует князь Ярослав[31]. «Татары» заменяют «печенегов» не только в древнейшей части ЛПС, но и в оглавлении Архивского сборника. Все эти изменения в тексте едва ли случайны. Послемонгольские вставки есть и в составе сочинения «Убиение св. князей Бориса и Глеба», имеющегося в составе ЛПС. В нем Глеб называет своего отца «святой Владимир-Василий»[32], официальная канонизация которого состоялась, согласно Голубинскому, только в 1240 г. Объяснить послемонгольские вставки можно лишь на пути анализа всего Архивского свода.

Согласно оглавлению, протограф сохранившегося Архивского сборника открывал Апокалипсис. Полагаем, что здесь нет элемента случайности. Тема потрясений и вселенского краха, заложенная в сочинении Иоанна Богослова, как нельзя лучше соответствовала ощущению боли и ужаса охвативших русское общество в связи с разрушительным иноземным вторжением. Все это создает представление о времени составления Архивского свода, времени, близком к татарскому нашествию, отстоящему от него не более, чем на два–три десятка лет.

Естественно, возникает вопрос о канцелярии, усилиями которой был составлен весь сборник и внесены антитатарские вставки в древний текст, а также помещен в начале всего свода Апокалипсис. Равно как и вопрос об авторе и составителе свода, возглавившем гигантскую работу книжников. Разумеется, ответ на этот сложный вопрос требует значительной работы над текстами всего памятника, и лишь на пути его комплексного изучения возможен ответ. Самое общее наблюдение над текстами сборника ведет к заключению о высокообразованном авторе и о канцелярии, располагающей богатой библиотекой как оригинальных древнерусских, так и переводных произведений.

Архивский сборник интересен еще и тем, что он имеет общее, скрепляющее весь свод оглавление, что свидетельствует о знакомстве редактора со всеми составляющими его частями. Таких частей много, и к некоторым из них редактор обращался вновь и вновь. В числе таковых Царские книги Ветхого Завета. Мы уже сослались выше на весьма показательный пример: в составе древнейшей части ЛПС под 980 г. повествуется о неуемном женолюбии библейского царя Соломона. Те же сведения имеются и в ПВЛ, и в других источниках. Однако лишь составитель Архивского свода постарался докопаться до источника этих сведений о Соломоне, дабы точно на него сослаться. Сравним тексты. В ПВЛ он следующий: «Ибо говорят, что у Соломона было семьсот жен и триста наложниц»[33]. В Радзивилловской летописи: «Ибо говорят у Соломона жен восемьсот, а наложниц триста»[34]. В ЛПС Архивского свода: «Ибо

inslav

говорит книга Царская Григорием мнихом о Соломоне, что имел он жен восемьсот, а наложниц триста»[35]. Напомним, что лишь в этом памятнике обнаруживаем отчетливую ссылку на источник приводимых сведений. Появляется новое имя – Григорий мних, имеющий прямое отношение к Царским книгам Ветхого Завета, о чем нами уже говорилось.

Составитель свода обращался за уточнениями не только к Царским книгам, но и к ряду других составляющих сборник блоков. Судя по оглавлению, составной частью памятника была Пчела – нравственно-назидательное сочинение, базирующееся на библейских текстах. Ссылку на Пчелу встречаем в ЛПС под 1186 г. Текст таков: «Как в Пчеле говорится брань славная лучше мира скудного. Жить в скудном мире значит творить великую пакость землям»[36]. В Радзивилловской летописи находим: «Как пророк говорит: брань славная лучше мира студеного. Живя со льстивым миром, великую пакость землям творят»[37]. Точных ссылок на источник сообщаемых сведений в этом случае, как видим, нет. А о нем сообщает лишь составитель Архивского сборника. Обнаруживается, правда, непрямая ссылка еще на один источник. Речь идет об Апокалипсисе. Во вставной статье ЛПС под 1169 г. говориться о «памяти св. Иоанна Богослова», автора знаменитого сочинения[38]. Следует подчеркнуть важную особенность Архивского сборника, которая видится в том, что весь он являет собой единое целое, мощно скрепленное как общим оглавлением, так и общими сквозными идеями, придающими всему памятнику завершенный характер. Одна такая идея – антимонгольская – была уже нами отмечена. Имеется и другая общая идея – антилатинская. Так, судя по оглавлению свода, в его составе находился Изборник Святослава-Симеона, наиболее известный в редакции 1073 г. Источник выступает в сборнике в связке со статьями антилатинской направленности. Именно они открывают Изборник. Статьи таковы: «От Иоанна Златоуста о латинах, когда отделились от греков», «Краткое повествование, какого дела ради отделились от нас латиняне», «Сказание о латинянах 12 апостолов»[39]. Антилатинские вставки встречаются не только в оглавлении памятника, но в разных его частях, в том числе древнейшей части ЛПС. Например, в рассказ ЛПС, базирующийся на ПВЛ, об императоре Ираклии и его походах против персидского царя Коздроя, внесены антилатинские строки о неверии и греховности латинян. К характеристике славян как людей «добрых и кротких» добавлено, что бессовестные латиняне пытаются совратить славян, «толкая их на блуд, советуя любить чужих жен, а не своих»[40]. Схожий рассказ Радзивилловской летописи обходится без антилатинизмов.

inslav

Еще более впечатляющей, нежели две вышеупомянутые, является нравственная идея справедливого возмездия за содеянное, смирения и покаяния, исправления пошатнувшихся нравов. Точнее, это сложный нравственно-учительный комплекс, делающий Архивский сборник ярким и впечатляющим. Думается, что обоснование столь сильного идейного заряда было под силу лишь очень незаурядной личности, обладающей как большим нравственным потенциалом, так и большими возможностями для пропаганды поистине великих идей. Явственно прослеживается стремление составителя свода духовно просветить своих читателей. Обращает внимание специальная заинтересованность редактора в подчеркивании идей смирения. Так, рассказ ЛПС о кончине князя Ярослава получил в оглавлении заголовок: «О преставлении великого князя Ярослава, и как поучал сынов своих смирению»[41]. Любопытно, но в самом рассказе о смирении не говорится вовсе. Стало быть, таковым было авторское видение сюжета.

И еще, хорошо известно, что собственно хронографическая часть Архивского свода в основном совпадает с Виленским и Варшавским хронографами. В их составе обнаруживается вставное произведение «Завет 12 патриархов». Это апокрифическое сочинение восходит к библейскому рассказу о том, как Иаков наставлял своих сыновей, а те, в свою очередь, поучали своих. Каждый завет несет какую-либо нравственно-назидательную идею, о них сообщается в оглавлении сборника. Например, «Завет Рувимов... о благоумии», «Завет Симеона о зависти как не держать ее в сердце», «Завет Гадов о ненависти и что добро есть любовь», «Завет Сиров о двуличии, о злобе и доброумии», «Завет Иосифов о премудрости» и т. д.

Интереснейший материал для наблюдений над идейной стороной Архивского свода дает серия заголовков памятника «Главы соборника числом». Перед нами оглавление одного из списков дошедшего до нас Изборника Симеона-Святослава. Сравнение его с оглавлением Изборника редакции 1073 г. дает основание для вывода о специальном интересе Архивского сборника к раскрытию духовной стороны этого источника. Заголовки «Соборника числом» являются более сложными.

Сравнение названий глав Изборника Симеона, сохраненных в Архивском сборнике, и в Изборнике Симеона-Святослава 1073 г., позволяет установить добавочные тексты списка Архивского сборника. Заключив добавочные тексты в кавычки, передаем названия глав Изборника (по терминологии источника, Соборника), сохраненные в Оглавлении Архивского сборника. Опускаем при этом названия антилатинских статей Соборника, поскольку их не обнару-

inslav

живается в списке памятника 1073 г. Итак, сравнение глав дает следующую картину[42]:

– Златоустого, которое к коринфиом «вере».
– Из Второзакония «как бояться Бога».
– Из апостольских заповедей «об очищении грехов».
– К Олимпию Поспешнику «как во имя Христово поступать».
– Златоустого из толкования «о правде».
– От Матфея «как с правдою входить в церковь».
– Из апостольских заповедей «когда в грехах пребываешь».
– От Иоанна Лествичника «о вере».
– Св. Василия «о мысли».
– Св. Кирилла «о вере и любви».
– Нила Чернеца «о молитве».
– Соломоново «о покоянии».
– Сирахово «о том же покоянии».
– Евангельское «о притче о нечистом духе».
– Петра апостола «о мирской чистоте».
– Златоустого «о покоянии».
– Богословца «о скончании житию».
– Максимово «как уклонившись от зла сотворить благое».
– Исанино «как Господь взыщет».
– Сирахово «о вере к Богу».
– Из Евангелия «о том, если просите, всем воздастся».
– Иовово «об исповедании».
– Исидорово «о прощении».
– Теологово «об исповедании».
– Из Лествицы «как не исповедуются чисто». и т. п.

Необходимы некоторые обобщения относительно приведенных выше текстов. Сравнение названий глав по списку Изборника Симеона (1073 г.) и списку Арх. сборника приводит к выводу, что добавочные тексты последнего носят христианский характер, а именно характер толкований, интересующих новообращенных. Скорее всего, при составлении Архивского сборника был использован более ранний, нежели 1073 г., список. А сами добавочные слова вновь и вновь погружают нас в атмосферу раннего для болгар христианства, в ту самую атмосферу, когда создавался Болгарский хронограф.

Полагаем, что раскрыть содержание сложнейших Библейских книг и сочинений видных византийских проповедников и богословов, представленных в Изборнике Святослава – Симеона, мог лишь высокообразованный человек,

inslav

имеющий, скорее всего, духовный сан и наделенный властью, поскольку в указанных добавочных фразах просматривается сильная нравственно-назидательная сторона и прямое обращение к слушателям и читателям.

Важен вопрос не только об авторе и составителе Архивского сборника, но и о месте его создания. Известно, что в послемонгольской Руси летописание как непрерывный процесс сохранилось лишь на ее Северо-Востоке. На долгие годы значимым духовным центром стал Ростово-Суздальский край. Именно там, по нашему мнению, мог быть составлен или отредактирован Архивский сборник. Скорее всего, это случилось в Переяславле, где была большая библиотека. В Типографской летописи под 1152 г. читаем: «Был заложен Переяславль, построена церковь и наполнена книгами»[43]. Еще раз зададимся вопросом, кто же, в таком случае, возглавил гигантскую работу по составлению всего свода? Полагаем, что им вполне мог являться киевский митрополит Кирилл II.

Присоединимся к обоснованному, на наш взгляд, предположению О. В. Творогова в отношении Кирилла II. Творогов пишет: «Видимо, при посредстве митрополита Кирилла в Переяславль был привезен список обширного хронографического свода, включавшего Библейские книги, извлечения из переводных византийских книг Георгия Амартола и Иоанна Малалы, Александрию хронографическую, Историю Иудейской войны Иосифа Флавия. Этот список сохранился в Архивском хронографе».

Киевский митрополит Кирилл II располагал реальной властью и возможностями для своей нравственно-учительной деятельности. В его распоряжении оказались богатые библиотеки, в том числе Северо-Восточной Руси, а также квалифицированные исполнители задуманных обширных планов.

Повторим, что, по нашему мнению, Кирилл II и возглавил грандиозную работу по составлению Архивского сборника, включившего значительную часть материалов Болгарского хронографа.

Русского митрополита связывали с Болгарией теснейшие отношения. Достоверно известно, что в 1270 (или 1262 г.) Кирилл II получает из Болгарии важнейшую книгу канонического содержания – Кормчую. Ее прислал видный болгарский сановник – деспот Яков-Святослав, получивший книгу из рук самого болгарского патриарха. Яков-Святослав, русский по происхождению, покинул родину в связи с татаро-монгольским нашествием. Поначалу его приютил болгарский царь Иван Асень, который, как известно, скрывался в свое время от преследований узурпатора болгарского престола Борила на юге Руси. К Якову-Святославу благосклонно относился еще один болгарский царь – Константин Асень, пожаловавший ему титул деспота.

inslav

О присылке Кормчей из Болгарии узнаем из письма Якова-Святослава Кириллу II. Этот интереснейший документ дошел до нашего времени. Содержание письма свидетельствует о полной осведомленности отправителя в делах русской церкви и о прочных и длительных связях Якова-Святослава с русским митрополитом. Переписчик письма Иоанн Драгослав, которому помогали в работе еще два писца, уведомлял, что Кормчая была переписана для Кирилла II в «дни благоверного царя Константина Асеня, предержащего стол болгарский, и по цене великого господина, деспота болгарского». Само послание Якова-Святослава носит высокоторжественный характер. К Кириллу II он обращается как к «Богом избранному пастырю и учителю словесного стада правоверной веры нашей, отцу моему по духу, святому преосвященному архиепископу Кириллу; учителю же всей Руси и светильнику церквам богоспасенного града Киева»[44]. Уже одно это письмо позволяет говорить о специальном интересе Кирилла II к Болгарии: ведь именно туда обратился русский митрополит с просьбой о присылке Кормчей.

Едва ли Кирилл II получил Болгарский хронограф таким же образом, каким попала в его руки Кормчая. Ведь о жизни болгарского исторического сочинения, каковым являлся Хронограф, на его родине в Болгарии ничего не известно, в отличие от бытования там Кормчей. Возможно лишь строить предположения о способах поступления Болгарского хронографа на Русь. О путях эмиграции болгарских книжных памятников на Русь существует достаточно обширная литература. Возможно, Болгарский хронограф оказался на Руси таким же образом, как и известный Изборник Симеона и другие значимые памятники средневековой болгарской культуры.

Считаем важным вопрос о возможных сотрудниках Кирилла II по книжному делу, в том числе и в деле составления Архивского сборника. Таковым мог быть Серапион Владимирский[45]. В 1274–1275 гг. Серапион являлся епископом Владимира и Суздаля, т. е. был поставлен на епископию митрополитом Кириллом II. Еще до поставления на кафедру Серапион, будучи монахом Печерской обители, стал свидетелем опустошительного разгрома Киева войсками Батыя. Бедствия и страдания, захлестнувшие завоеванную татарами Русь, дали трагический импульс творчеству писателя. Всего до нас дошло пять принадлежащих перу Серапиона произведений. Все они написаны в жанре поучений. Все тексты имеют общую отличительную особенность: они представляют собой пастырские обращения к верующим с целью наставления и исправления опекаемой иерархом паствы; в поучениях Серапиона нашла отражение теория «казней Божьих», т. е. теория обоснования нравственных причин Божьего гнева. Важно, что Серапион Владимирский рассматривал кошмары

inslav

татарского ига как прямой результат падения нравов в результате двоеверия. А пороком своего времени Серапион считал язычество.

Серапион был высокообразованным богословом, опиравшимся в своих сочинениях на обширную духовную литературу, активно развивалась им и эсхатологическая тема. Серапион обладал поистине великолепным проповедническим даром, который он мастерски использовал в своих выступлениях.

Серапион часто базировал свои произведения на текстах Библии, наставляя свою паству назидательными примерами из книг Священного писания. Есть данные, правда, косвенные, о знакомстве епископа с книгами хроники Иоанна Малалы. Видимо, необходимы последующие текстологические исследования сочинений Серапиона Владимирского для характеристики их источниковой базы. Вместе с тем, работавший рука об руку с митрополитом Кириллом II его духовный сподвижник Серапион вполне мог быть и его помощником по составлению Архивского свода, вобравшего в себя тексты Болгарского хронографа...

Вновь вернемся к вопросу о путях поступления на Русь болгарских памятников, в том числе и Болгарского хронографа. Они могли быть самыми различными: это прямая пересылка памятников, как в случае с Кормчей, поступившей из Тырново в Киев по просьбе митрополита Кирилла II. Пунктами отправления могли стать Константинополь или Афон. На наш взгляд, Болгарский хронограф проследовал на Русь из Самуиловой Болгарии после падения страны под ударами византийского императора Василия II, получившего малопривлекательный титул «болгароубойцы». Дело в том, что о времени правления героического болгарского царя Самуила знали на Руси и сохранили к этим событиям стойкий интерес, отразившийся в памятниках книжности. Так, в Русском хронографе XV–XVII вв.[46]. наиболее эмоционально впечатляющим является рассказ о борьбе болгарских войск под руководством царя Самуила против греческих войск. Этот рассказ построен на данных византийских хроник и отразился в следующих русских памятниках: Хронографе 1512 г., Хронографе западнорусской редакции и Хронографе 1617 г.

В Хронографе 1512 г. встречаем рассказ, основанный на болгарском переводе хроники Константина Манассии и глоссах болгарского переводчика хроники. Любопытно, что в составе Русского хронографа последующей, после Хронографа 1512 г., редакции, а именно Хронографа западнорусской редакции, мы вновь читаем статью о завоевании Болгарии Византией. Причем эта статья меняет свою источниковую базу: в ее основе уже не хроника Манассии, а другая – на этот раз хроника Иоанна Занары в болгарском переводе, точнее, ее сокращенном варианте, так называемом Паралипомене. Впечатляет уже

inslav

сам заголовок этой статьи: «Царство Греческое Василия Болгарского губителя». Составитель последующей редакции русского хронографа, а именно Хронографа 1617 г., все возвращает «на круги своя» и вновь строит повествование о захвате Болгарии Византией на материалах хроники Константина Манассии. Поскольку статья о падении Самуиловой Болгарии в Русских хронографах присутствует постоянно, а, кроме того, еще и меняет свою источниковую базу в разных редакциях Хронографа, ее вполне можно признать уникальной. Полагаем, что вышеизложенные соображения могут стать основой для предположения о путях поступления Болгарского хронографа на Русь именно через Самуилову Болгарию.

Примечания

[1] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XIV вв. С. 157.

[2] *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. № 12. С. 228 и сл.

[3] *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 210 и сл.

[4] *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи. С. 96 и сл.

[5] Там же. С. 102.

[6] Там же. С. 111.

[7] Там же.

[8] *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. С. 336.

[9] *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи. С. 112.

[10] См. там же. С.110 и сл.

[11] Там же. С. 111.

[12] Там же. С. 107.

[13] Там же. С. 108.

[14] Там же. С. 105.

[15] Там же. С. 109.

[16] Там же. С. 115.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 122.

[19] Там же. С. 120.

[20] Там же. С. 126.

[21] *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. С. 203 и сл.

inslav

[22] Там же. С. 211.

[23] Там же. С. 220.

[24] Там же. С. 225.

[25] *Милютенко Л. И.* Переяславское сказание о Борисе и Глебе в составе Летописца Переяславля-Суздальского // Труды Отделения древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 47.

[26] Там же. С. 65.

[27] Повесть временных лет. М., 1978. С. 137.

[28] Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. М.–Л., 1989. Т. 38. С. 55.

[29] Там же. С. 56.

[30] *Оболенский М. А.* Летописец Переяславля-Суздальского. С. 32 и сл.

[31] Там же. С. 40.

[32] *Милютенко Л. И.* Переяславское сказание о Борисе и Глебе... С. 81.

[33] Повесть временных лет. С. 95.

[34] Радзивилловская летопись. С. 39.

[35] *Оболенский М. А.* Летописец Переяславля–Суздальского. С. XV.

[36] Там же. С. 39.

[37] Радзивилловская летопись. С. 156.

[38] *Оболенский М. А.* Летописец Переяславля–Суздальского. С. 77.

[39] Там же. С. XXI.

[40] Там же. С. 3.

[41] Там же. С. XX.

[42] См. там же. С. LXXI–LXXXII.

[43] *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1987. С. 265.

[44] *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 141.

[45] См. о Серапионе Владимирском в кн.: *Мильков В. В.* Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С. 277–337.

[46] См.: *Горина Л. В.* Завоевание Болгарии Византией (конец X – начало XI в.) в Русском хронографе // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999.

inslav

Р. Н. Игнатьев

Люди у святыни: к вопросу о характере власти на Балканах*

Упомянув о пребывании будущего сербского короля Стефана Уроша III и его семьи в Константинополе, сербский ученый Стоян Новакович выражает сожаление, что неизвестно в подробностях то влияние, которое оказала царьградская ссылка на королевского сына, юного Стефана Душана. Остается только говорить о константинопольском Пантократоровом монастыре, в котором семья находилась под присмотром в 10-е годы XIV в.[1]

Вероятно, неслучайно основанная затем Стефаном Урошем III обитель в Дечанах была посвящена Христу Пантократору (Вседержителю). Кроме Высоких Дечан и упомянутого монастыря в Константинополе, российскому исследователю А. И. Яцимирскому были известны еще пять Пантократоровых монастырей: на Афоне, на о. Лемнос, Соловецкий монастырь и два монастыря в Молдавии (близ Ботошан и Нямецкий)[2].

Обратимся к ценным замечаниям о характере высшей светской власти Византии югославского исследователя Г. А. Острогорского, сделанным в 1956 г.[3]

По крайней мере, в IX столетии император приглашал на совместную рождественскую трапезу двенадцать (по числу апостолов) гостей, магистров и патрициев, выступая сам («в той степени, в которой это возможно») в роли Христа[4]. На Великий четверг он участвовал в церемонии омовения ног двенадцати беднейшим людям своего государства[5]. Император считался единственным законным царем на земле[6].

В свою очередь, Стефан Душан также «жил в мире византийских представлений, и его политические воззрения покоились на теории единственной мировой империи», поэтому титул его был «царь и самодержец Сербии и Романии»[7]. «Весьма значимым и, может быть, наиболее важным аспектом этой борьбы за духовное и политическое первенство предстает факт, что и наступавшие молодые силы, и оборонявшаяся древняя империя были пронизаны одной идеологией. Ведь ни римские императоры из германцев, ни южнославянские цари никогда не выступали против принципа иерархии государств. И для них этот принцип оставался неприкосновенным, и соперничающие

* Благодарю Фонд содействия отечественной науке за финансовую поддержку при написании данной работы.

inslav

государи боролись в сущности за высшее положение внутри одной и той же иерархии, в первую очередь, за царский сан»[8].

«Никто не мог показать такого пренебрежения к фактам, противоречащим теории, как византийцы. Когда факты и верования сталкивались, последние перевешивали»[9]. Так, в конце XIV в. константинопольский патриарх Антоний пенял московскому князю Василию I, запретившему упоминать византийского императора в богослужении (по причине того, что «на Руси есть церковь, но нет царя»): царь рукоположен «в царя и самодержца ромеев, а значит, всех христиан. Вот почему, сын мой, совсем не подобает тебе говорить: "у нас есть церковь, а нет царя". Ведь Царство и церковь составляют единое целое и нельзя отделить одно от другого. Послушай, что говорит Петр, первый среди апостолов, в своем первом послании: "Бойся Бога, чти царя". Он не сказал "царей", чтобы никто не подумал, что он имеет в виду мнимых царей прочих народов, но сказал "царя", желая показать, что на свете есть один только царь»[10].

С другой стороны, отмечает Острогорский, «сами иностранные государи не могли не признавать претензии византийского императора на власть над миром. Без этого признания византийская доктрина иерархии государей осталась бы лишь красивой теорией и никогда не стала бы тем, во что она развилась: духовной силой, которая была способна навязать миру свои законы». Таким образом, царь ромеев представал «вождем самого древнего христианского царства и отцом всех христианских народов, а также главой семьи государей»[11].

В своих «Заметках о жизни, обычаях и верованиях турок» сербский этнограф Тихомир Джорджевич упоминает арабскую пословицу «Начало Шам, конец Шам» («Эвели Шам, ахрам Шам»). Известно, что Шам, или аш-Шам, – территория современных Сирии, Иордании, Ливана и Палестины. Сами турки рассказывали следующее (записано Джорджевичем в Нише б. д.): у султана есть ценности и знамя («санджак»), оставленные еще Мухаммедом. Когда султан увидит, что более не может обороняться и настал конец его царству, он бросит эти ценности в море и развернет знамя на Косово. Он призовет собраться под ним всех мусульман. Все должны будут придти и биться. Кто победит, неизвестно, но после битвы случится конец света («киямет»). Если победят христиане, то все турки возвратятся в Шам, и на минарете дамасской мечети (или одной мечети в Шаме) появится Иисус Христос («Азрети Иса»), который возвестит «эзан» (призыв к молитве). Тогда появится Мухаммед, а с ним и все святые люди (шейхи или шахиды), лежащие в тюрбе (усыпальницах). Мухаммед развернет свое знамя и призовет под него всех своих. Он узнает, кто верен, а кто неверен, и истребит всех неверных, и возьмет все земли до «К'з'л Алма» («красного яблока»), т. е. целый мир. На весь свет он оста-

inslav

вит только одного ходжу и одного попа, чтобы они вбили колья (может быть, пограничные). Возможно, после этого жизнь станет лучше, а может быть, случится «киямет»[12].

Т. Джорджевич ссылается также на сходную легенду в известной книге Бартелеми-Сильвестра Кюнибера: согласно старинному пророчеству, Турецкая империя падет, достигнув пика своего могущества; христианские государства изгонят турок из Европы и Малой Азии и вытеснят их в Дамаск, который станет могилой их величия, как был его колыбелью («Eveli Cham. Aheri Cham»); эта катастрофа произойдет незадолго до прихода антихриста и конца света[13].

Сербский ученый Веселин Чайканович, опираясь, главным образом, на образы Рагнарёка (германо-скандинавской версии конца мира), находил в косовском цикле отголосок некоего общего для Евразии дохристианского эсхатологического мифа: исчезновение добрых обычаев и набожности; гибель мира вследствие необыкновенных физических явлений; борьба против змея / змеи; решающая битва – в определенный день, в определенном месте (на ровном и широком поле, окаймленном двумя реками), в один час гибнут верховные предводители обеих армий и т. д.[14]

Земля между реками Лаб и Ситница, где произошло Косовское сражение, была известна под именем «Мазгит-поле» еще в конце XIX в.[15] Здесь на месте гибели султана Мурада I было сооружено тюрбе (в народе «тулбе»). Начиная с 40-х гг. XIX в. до наших дней охраной памятника и приемом гостей занимался род Бухарали, специально приглашенный из Бухары и проживавший в отдельной постройке при тюрбе. В соседнем селе Мазгит, где во второй четверти XX в. жили вместе албанцы-мухаджиры из Топлицы (южной Сербии) и сербы-колонисты из Черногории, хранитель Мурадова тюрбе (турбетар = шейх = дервиш) имел поместье («чифлик»), а в турецкое время также собирал десятину (был «спахием»). Она считалась «завещанной» тюрбе, хоть и шла на нужды «турбетара»[16].

В конце XIX в. Стоян Новакович провел на минеральных источниках в турецком Чекирге под Бурсой 12 дней и неоднократно мог видеть мусульман (мужчин и женщин), выходящих после молитвы из тюрбе, где покоятся останки султана Мурада I и которое было также местом паломничества[17]. Спиридона Гопчевича же перед Мурадовым тюрбе в Косово терзали вопросы: «Шейх утверждал, что в гробу в самом деле останки султана, а Хаммер в своей истории Османского государства говорит о том, что Мурад похоронен в Бурсе... Это возможно, но невероятно. Зачем везти останки так далеко? И какой смысл имело бы это тулбе?..»[18].

В ответ турецкий путешественник Эвлия Челеби мог бы рассказать ему о том, что в тюрбе покоится сердце Мурада[19], и что в свое время он предложил

inslav

румелийскому беглербегу Мелек Ахмед-паше учредить должность хранителя тюрбе – «турбедара» и поселить его с семьей в этом месте, что было и сделано[20]. Российский ученый Александр Гильфердинг уточнил бы, что кенотаф тюрбе скрывает сердце и внутренности султана[21].

Австро-венгерский чиновник Мартин Джурджевич вспомнил бы сердечный прием, оказанный ему и его спутникам-туркам восьмидесятилетним «турбедаром» Османом-эфенди, с длинными, до пояса, усами. Дервиш предложил своему гостю вино и ракию и на вопрос, почему возле святыни он держит алкогольные напитки, ответил, что здесь лежит 100000 погибших мусульман и христиан, и это место посещают те, которые исповедуют эти религии, а он должен уметь угостить всех[22].

Сербский писатель, вице-консул в Приштине Бранислав Нушич добавил бы, что после Каабы «Муратово тулбе» – самое святое место для турка, которое возвышает и Приштину[23]. Согласно «турбетару», с которым беседовал Нушич, под гробницей находится корень дуба, в сени которого умер Мурад[24]. Прежний шейх сторожил «тулбе» 40 лет, его могила рядом с «тулбе», а теперь «турбетар» его сын Мехмед-Али, «очень приятный гостеприимный человек», обучающий грамоте своего сына, будущего преемника. Сторож «тулбе», писал Нушич, получает плату из султанской казны, имеет в окрестностях землю, на которую привел «чифчиев»[25].

Сербский консул в Приштине Тодор Станкович сообщил бы, что отца Мехмеда-Али убил на пороге тюрбе некий «арнауташ», и предупредил бы, что турбетар рассказывает всем гостям, что его предки здесь от основания тюрбе, т. е. можно подумать, что с Косовского сражения, но отец его был первым сторожем в роду[26].

Семья Турбедар (Тюрбедари) была богатой, имела в Косово 150 га земли, сообщала в 2006 г. Сания Турбедар (до замужества Джанкович), родом из Пештера, Сьеница (Нови Пазар). Ее муж «турбедар» Фахри (1937–2000). Его мать Айша, «тоже бошняк», была из Никшича (Санджак) и вышла замуж за Исмаила Турбедара в село Мазгит. Семья мужа была единственным турецким родом в Мазгите. Сейчас она живет одна; дочь замужем в Приштине, но хотела бы продолжить традицию отца. Принимая посетителей летом (май, июнь, июль), приходится работать по 16–17 часов. Свекровь в свое время получала плату из Анкары, сейчас же тюрбе оставляют пожертвования посещающие его албанцы и бошняки.

Согласно Сании, на месте тюрбе стоял шатер Мурада, здесь он стал шахидом, здесь пролилась его кровь[27] и погребены внутренние органы. 500 лет тому назад предки ее мужа пришли из Бухары (Узбекистан). Когда Эвлия Челеби проезжал через Косово, семья уже была здесь. Первая реставрация тюрбе

inslav

была осуществлена при султане Абдул-Меджиде I в 1845 г., затем в 1911 г. и 2005 г. (помогла Турецкая Республика). Место, на котором стоит тюрбе, святое. Весь «наш народ» – мусульмане, албанцы и сербы (пока были), а также цыгане приходили сюда. Прежде всего, приходят женщины, у которых нет детей; недужные, ищущие излечения. Например, одна женщина из Ораховаца не имела детей 13 лет и после посещения Мурадова тюрбе через год родила сына; когда тому исполнилось 20 лет, он посетил тюрбе: шел дождь, тюрбе было закрыто, и он поклонился дверям[28].

В 1911 г. предпоследний султан Османской империи Мехмет V Решат посетил Европейскую Турцию[29]. 16 июня 1911 г., на следующий день после дарования в Приштине амнистии албанцам-участникам восстаний 1910 и 1911 гг., султан в присутствии большого числа верующих[30] участвовал в пятничной молитве («джума-намаз»)[31] рядом с Мурадовым тюрбе. Однако дед Абдуля Подворицы «медресар» Реджеп из с. Мазгит рассказывал, что царь не посещал тюрбе, хоть его и ждали («старейшие жители, которых организовали»), а послал своего представителя. «Турбедар» подарил царскому посланнику белую буйволицу[32].

Недалеко от Мурадова тюрбе находится Газиместан-тюрбе (с двумя гробницами). Б. Нушичу было известно, что здесь похоронен Мурадов байрактар («знаменосец»). Рядом с тюрбе находился домик дервиша, принимавшего пожертвования на масло («зейтин») для горящей в тюрбе лампады. По другой версии, здесь могила Бошко Юговича, знаменосца сербского войска[33]. Дервиша на страже Газиместана видел и А. Гильфердинг[34]. Т. Станкович отмечает, что сторож этого тюрбе не всегда находится на своем месте[35].

По сообщению внештатного учителя гимназии в Приштине Бранислава Печеновича (май 1932 г.), которое приводит Т. Джорджевич, Газиместан-тюрбе считалось местом упокоения турок-героев Косовского сражения («Гази Месты и его помощника Сулеймана Байрактара»). Султан Баязид повелел построить им тюрбе и поставил сторожем самого храброго воина Али-эфенди, родом из Коньи (Малая Азия) и дервиша ордена саади. Так, потомки Хаджи Али-эфенди стали турбетарами Газиместана и тюрбе самого Хаджи Али-эфенди, а также проповедниками («хатибами») мечети султана Мурада в Приштине. Девятый турбетар Газиместана шейх Сали-эфенди почитался в Приштине и после смерти ему также построили тюрбе. В 1932 г. Газиместан-тюрбе сторожил 98-летний шейх Хаджи Али-эфенди, последний потомок этой семьи[36].

Одно из последних упоминаний о сторожах Газиместана оставила английская писательница Ребекка Вест в 1937 г.[37]

До 1999 г. у тюрбе султана Мурада и Газиместана цыгане праздновали день св. Георгия («Джурджевдан», или «Хердельез»). Цыгане считают эти

inslav

тюрбе святынями и приносят здесь в жертву овец за здоровье своих семей и счастье в этом году. Впрочем, многие цыгане, исповедующие ислам, осуждают празднование «Хердельеза», особенно на Косовом поле и Призрене[38]. Добавим, что в конце XVII в. было известно, что гроб султана всегда омыт кровью, так как турки режут там скот за упокой его души[39].

По свидетельству австрийского геолога Ами Буэ, «некоторые турки придерживаются смехотворного утверждения о том, что голову его [Мурада] так и не смогли найти»[40]; «есть турки, которые полагают, что Милош отрубил Мураду голову, и что голова эта никогда не была найдена»[41].

Обезглавливание известно человечеству, как наиболее верное средство умерщвления. В самом деле, нет прочнее доказательства смерти кого-либо, чем его голова, отделенная от тела. Тем ярче попрание этой абсолютно смертельной процедуры в агиографии со стороны святых наподобие Дионисия Парижского, после казни взявшего собственную голову в руки и прошедшего значительное расстояние к месту своего упокоения.

Казнь сербского князя Лазаря исполнена жертвенности, которая предваряет и само Косовское сражение, проявляясь в известной песне «Гибель сербского царства», рисующей нам выбор князя Лазаря между небесным и земным господством[42]. Жертвенность эту подчеркивает ряд символов. Согласно Константину Михайловичу из Островицы, топлицкий воевода Краймир, которому суждено принять смерть вместе с Лазарем, получил от султана разрешение держать полу под головой князя, чтобы она не упала на землю[43]. Б. Нушич сообщает о том, что в приштинской махале Пирназ, во дворе мечети лежит большой четырехугольный камень, из-под которого бьет источник с целебной водой. Втайне от турок сербы считают его «Лазаревым камнем»: на него князь положил голову перед казнью. Камень также считается целебным[44]. С другой стороны, народ еще помнит о том, что имевшиеся рядом с Муратовым тюрбе две груды камней обозначали место гибели Лазаря и Милоша[45]. В песне «Обретение головы кнеза Лазаря» молодой турок сербской крови по матери помещает отрубленную голову князя в источник («кладенац»), а 40 лет спустя ее находят там перевозчики («кириджии»), следующие из Скопье в Ниш и Видин. Будучи извлечена из источника, голова сама идет через поле, чтобы соединиться с телом, как прежде[46].

Кроме темы искупительной жертвы, связанной с обезглавливанием, которая, как можно предположить, исходя из замечания Ами Буэ, проникла и в среду мусульман, перед нами здесь же вырастает локально-ориентальный мотив героя, творящего чудеса после собственной смерти и подчиняющегося законам магии[47].

В албанской песне о Косовском сражении после того, как Милош Кобылич лишается головы: «Смотри, что делает Милош Копилич. / Голову взял под

inslav

мышку. / Хайде, хайд', так и идет». Следуют роковые слова удивления девочки-очевидца («Мори, майко, смотри, человек идет без головы»). Тогда Милош говорит ей и ее матери: «Я без головы, а вы обе, чтобы без глаз остались». «И на этом месте Милош остался... На том месте, где Милош остался, / Здесь Господь воду подарил. / Та вода очень целебная»[48].

Б.Нушич сообщает о турецком предании, согласно которому турки, похороненные вокруг Газиместан-тюрбе, были убиты не здесь, а в другом месте, но затем каждый из них взял свою голову под мышку и пришел к месту своего погребения. Многие турки желают быть погребены здесь, считая эту землю святой[49].

Приведем еще несколько подобных легенд из разных местностей. Исчезнувшее ныне тюрбе Вука Бранковича около Крушеваца было построено там, где обезглавленного Вука, едущего на коне, увидели крестьяне и закричали: «Смотрите, человек без головы!», тогда тело упало с коня[50]. В Модриче (Босния) обезглавленные шейх Муйо и его сын сами принесли свои головы в место, где и были похоронены[51]. В Ульцине (Черногория) есть место погребения головы, которая пришла сама, или самостоятельно добравшегося обезглавленного тела, или тела, пришедшего с головой в руках[52]. Некий «арапин», которому в бою отрубили голову, бежал в Новый Пазар с головой под мышкой; его заметила женщина и воскликнула («ено човека главе!»), «арапин» упал и был похоронен[53]. В районе Гнилане (Косово) двое погибших где-то в бою, родом из Багдада, шедшие со своими головами под мышкой, встретили удивленных людей («как они могут идти без головы») и упали; было сооружено тюрбе[54]. Два брата родом из Анатолии принесли в своих руках головы на то место, где сейчас тюрбе (около Зворника) и сходные[55]. Два мусульманина, которым после сражения неприятель отрубил головы у подножья горы возле Баня-Луки, схватили свои головы в руки и взобрались на эту гору, где упали бездыханными; у тюрбе имелся сторож[56]. Мусульманский святой нес в руках свою голову, а когда оказавшаяся рядом женщина удивилась этому, поставил (уронил) голову в том месте, где затем построили текке (Босния, Македония)[57].

Очевидно, что этот мотив оказывается чужд, например, сербским сказкам, в которых происходит оживление головы (человека)[58]. Сюжету этому не было места и в новой истории сербского народа.

В своих воспоминаниях «революционный» священник Матея Ненадович, в его 20 лет свидетель противостояния Белграда (сербского воинства на службе у Хаджи Мустафы-паши) и Видина (янычар), признается: «я увидел больше ста голов видинских турок, отрубленные, они лежали перед конаком везира; впервые я видел мертвую отрубленную голову»[59]. В разгар восстания и накануне рискованного визита в боснийский лагерь, М. Ненадовичу снится сон:

inslav

о том, что он идет и несет в руках свою отрубленную голову; дважды пытается приладить ее к шее и на второй раз *ему это удается*[60].

Грозовая эпоха, полная неизвестности и невиданного подъема дремавших прежде сил, коснулась всех. После неудачи сербов в бою на Чегару в 1809 г. турки, чтобы устрашить «райю», воздвигают юго-восточнее Ниша на Константинопольском пути так называемую «Челе-кулу» (Череп-башню), в которую вделывают 1000 черепов павших сербских воинов. В албанской песне, записанной в 1934 г. сербским этнографом Татомиром Вукановичем (от семидесятилетнего Истрефа Айдиновича из с. Средне Клине), об участии жителей Дреницы в упомянутом сражении и воспевавшей доблесть павшего Зечира, звучит: «Сделаем Зечиру гробницу-тулбе / Из голов гяурских»[61]. Путешественник Феликс Каниц отметил, что ночью сербы доставали из «Челе-кулы» черепа своих родных, чтобы предать земле[62].

Итак, в отличие от собственно народного творчества, где едва прослеживаются точки духовного соприкосновения «людей Лазаря» и «Мурада», в легендах о князе Лазаре и султане Мураде можно найти сходство. Здесь и народное «возведение» Лазаря в цари, и неясная, утерянная ныне традиция об отсечении головы Мурада, цельность и трагичность обеих фигур (султан решается пойти на Лазаря, несмотря на ряд неблагоприятных для него пророчеств[63]). Таким образом, представляет интерес судьба византийского учения о единственном царе (= одной истине). В виде отдельных элементов или в определенной их совокупности оно оказалось представлено в истории Балкан последних столетий.

Примечания

[1] *Новаковић С.* Црква Пантократорова (Зејрек-џамија) у Цариграду // *Новаковић С.* Балканска питања и мање историјско-политичке белешке о Балканском полуострву (1886–1905). Београд, 1906. С. 237–238.

[2] *Яцимирский А. И.* Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904. С. 110.

[3] *Острогорски Г.* Византијски цар и светски хијерархијски поредак // *Острогорски Г.* Сабрана дела. Књ.V. Београд, 1970. С. 263–277. Его раннюю (1936 г.) публикацию на эту тему («Византијски систем хијерархије држава») см.: Там же. С. 238–262.

[4] *Острогорски Г.* Византијски цар... С. 267.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 268. Ср. у Б.-С. Кюнибера о вере турок в то, что именно султан разрешает европейским государям занимать их престолы, посылая им корону из Стамбула

inslav

(*Cunibert B.-S.* Essai historique sur les révolutions et l'indépendance de la Serbie depuis 1804 jusqu'ŕ 1850. T. I. Leipzig, 1855. P. 272–273).

[7] *Острогорски Г.* Византијски цар... С. 271.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 271–272.

[11] Там же. С. 277.

[12] *Ђорђевић Т.* Белешке из живота, обичаја и веровања у Турака // *Ђорђевић Т.* Наш народни живот. Књ. 4. Београд, 1984. С. 207–208.

[13] *Cunibert B.-S.* Essai historique... P. 272. Один из хадисов гласит: «Появится антихрист в среде последователей моих и будет пребывать он на земле или сорок дней, или сорок месяцев, или сорок лет. И ниспошлет Господь Иисуса, сына Марии. Найдет он антихриста и уничтожит его. После чего семь лет люди будут пребывать в полном мире и благополучии, не будет вражды между ними. Затем Всевышний пошлет со стороны Шама (Сирии) холодный ветер, который не оставит на земле ни одного человека, имеющего хотя бы малую часть веры в Единого Господа. Даже если человек постарается спрятаться в глубине горы, ветер настигнет его и там» (*Аляутдинов Ш.* Путь к вере и совершенству. М., 2003. С. 93).

[14] *Чајкановић В.* Представе српских епских песника о смаку и обнови света // Студије из српске религије и фолклора (1925–1942). Књ. 2. Београд, 1994. С. 358–366.

[15] *Цвијић Ј.* Балканско полуострво. Београд, 1991. С. 433.

[16] *Урошевић А.* Косово. Приштина, Београд, 2006. С. 235.

[17] *Новаковић С.* Бруса. Путничке белешке из Мале Азије, маја и јуна 1891 // Балканска питања... С. 172.

[18] *Гопчевић С.* Стара Србија и Македонија. Београд, 1890. С. 228–229.

[19] *Čelebi E.* Putopis. Odlomci o jugoslavenskim zemljama / Preveo, uvod i komentar napisao H.Šabanovic. Sarajevo, 1967. S. 575.

[20] Ibid. S. 275.

[21] *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 199.

[22] *Đurđević M.* Memoari sa Balkana (1858–1878). Sarajevo, 1910; в виде электронной публикации см.: http://www.montenegrina.net.

[23] *Нушић Б.* Косово. Опис земље и народа. Нови Сад, 1903. Св. II. С. 20.

[24] Там же. С. 21.

[25] Там же. С. 23.

[26] *Станковић Т. П.* Путне белешке по Старој Србији (1871–1898). Београд, 1910. С. 97.

[27] Рассказывают, что когда тело султана Мурада I везли в Бурсу, из него пролилась кровь на дороге между Грачаницей и Янево. В этом месте было построено текке (*Станковић Т. П.* Путне белешке... С. 97).

inslav

[28] Интервью с Санией Турбедар, 1951 г. р., 01.11.2006, Мурадово тюрбе. Я приношу искреннюю благодарность Мустафе Балье (Призрен) за помощь в посещении Мурадова тюрбе.

[29] О визите султана в его европейские владения см.: *Zürcher E.-J.* Kosovo Revisited: Sultan Resad's Macedonian Journey of June 1911 // Middle Eastern Studies. 35/4. 1999. P. 26–39.

[30] Цифра варьируется: 200000 человек (из подписи к фотографиям внутри тюрбе); 100000 (например, Wiener Zeitung. ą 137. 17. Juni 1911. S. 11); 80000 (*Pears E.* Forty years in Constantinople. The recollections of Sir Edwin Pears (1873–1915). London, 1916. P. 308) и т. д.

[31] Turbe sultan Murata na Kosovu // Kosova'da sultan Murat türbesi. Prizren, 2007. P. 38.

[32] Интервью с Абдулем Подворицей из с. Мазгит, 1950 г. р., 01.11.2006, Мурадово тюрбе.

[33] *Нушић Б.* Косово... С. 24–25.

[34] *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия... С. 198.

[35] *Станковић Т. П.* Путне белешке... С. 95.

[36] *Ђорђевић Т.* Још неколико турбета и легенде о њима // *Ђорђевић Т.* Наш народни живот. Књ. 3. Београд, 1984. С. 134–135.

[37] *West R.* Black Lamb and Grey Falcon. A Journey Through Yugoslavia. New York, 2007. P. 902–903.

[38] Kosovar Roma Holidays // Kosovo Roma Oral Histories Project: http://balkanproject.org/roma.

[39] *Трухелка Б.* Старорашка сећања Николе Бошковића // Мисао. Год. XII. Београд, 1930. С. 94.

[40] *Boué A.* La Turquie d'Europe ou observations sur la géographie, la géologie, etc. Paris, 1840. T. II. P. 395.

[41] Ibid. P. 101–102.

[42] *Караџић В. С.* Српске народне пјесме. Књига друга, у којој су пјесме јуначке најстарије. У Бечу, 1845. С. 295–298.

[43] См. главу XVI в: *Михаиловић К.* Јаничарове успомене или Турска хроника / Превео Ђ. Живановић. Београд, 1986.

[44] *Нушић Б.* Косово. Опис земље и народа... С. 11–12.

[45] Там же. С. 24.

[46] *Караџић В. С.* Српске народне пјесме... С. 324–326.

[47] О кефалофорах в контексте мусульманской святости см., например: *Popovic A.* Morts de saints et tombeaux miraculeux chez les derviches des Balkans // Les Ottomans et la mort: permanences et mutations / Sous la direction de G. Veinstein. Leiden, New York, Köln, 1996. P. 97–116. См. у Эвлии Челеби о том, как старуха помогла туркам настигнуть Милоша, посоветовав поразить его коня (*Čelebi E.* Putopis... S. 267).

inslav

[48] Једна арнаутска варијанта о боју на Косову (превео Гл. Елезовић) // *Чајкановић В.* Студије из српске религије и фолклора (1910–1924). Књ. 1. Београд, 1994. С. 207–208. См. комментарий Чайкановича. Там же. С. 219–220.

[49] *Нушић Б.* Косово. Опис земље и народа... С. 25.

[50] *Ђорђевић Т.* Неколико турбета и легенде о њима // *Ђорђевић Т.* Наш народни живот. Књ. 2. Београд, 1984. С. 141.

[51] Там же. С. 141–142.

[52] Там же. С. 142.

[53] Там же. С. 144.

[54] *Ђорђевић Т.* Још неколико турбета и легенде о њима... С. 137.

[55] Там же. С. 138–139.

[56] *Hangi A.* Život i običaji muslimana u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1906. S. 224.

[57] *Hasluck F. W.* Christianity and Islam under the Sultans. T. I. Oxford, 1929. P. 197.

[58] Например, см.: *Караџић В. С.* Српске народне приповијетке, загонетке и пословице. Књ. 1. Биоград, 1897. С. 72 (царская дочь живой водой возвращает жениху отрубленную голову); С. 106 (суженый царской дочери мажет ее кровью нижнюю губу отрубленных голов неудачливых женихов, чтобы их оживить).

[59] *Ненадовић М.* Мемоари. Нови Сад, Београд, 1957. С. 55.

[60] Там же. С. 141.

[61] *Вукановић Т.* Kulla krenash – Ћеле кула. Арбанашка народна песма из Дренице // Косовско-метохијски зборник. 1. Београд, 1990. С. 178–179.

[62] *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenfolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Band II. Land und Bevölkerung. Leipzig, 1909. S. 179. Рисунок башни на с. 181.

[63] Среди них некая древняя надпись, «обнаруженная» турками после взятия Струмицы, и сообщавшая о том, что однажды этот город захватит Мурад из рода Османа, но и сам погибнет на этой земле (*Čelebi E.* Putopis... S. 574–575).

inslav

М. М. Фролова

Забалканский поход 1829 года и «открытие» русскими Румелии (по воспоминаниям русских офицеров)

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. воскресила в русском обществе мечту о Константинополе: «Все двинулось к Югу; судьба Оттоманов казалась решенною; ...для нас не существовало Балкана – Царьград один был только в виду!»[1], – так охарактеризовал настроение русских офицеров в 1828 г. А. Н. Муравьев, служивший в дипломатической канцелярии главнокомандующего 2-й армии генерал-фельдмаршала графа Витгенштейна. В августе 1829 г. русская армия пришла в Адрианополь, совершив блистательный переход через Балканы. События кампании 1829 г. отразились в многочисленных воспоминаниях, записках русских офицеров, которые стали публиковаться сразу же по окончании войны. Русскому обществу были интересны не только подробности сражений и бивуачной жизни, но и описания Болгарии и Румелии, земли, которая оставалась «terra incognita». В последующие десятилетия журналы не менее охотно предоставляли свои страницы мемуарам участников кампании 1829 гг., особенно в связи с очередными русско-турецкими войнами XIX в. Объем статьи не позволяет привлечь весь пласт опубликованных источников, однако и изученный материал дает возможность познать те представления о Болгарии и болгарском народе, которые в целом получили русские офицеры во время кампании 1829 г., что и составляет основную задачу данной работы.

* * *

Первый (1828) год войны не привел к желанному результату: «блестящее и быстрое занятие двух княжеств, славный переход через Дунай, падение Браилова, взятие Исакчи, Мачина, Гирсова, Тульчи, Кюстенджи и торжественное шествие к Балканам» сменилось неудачами под Шумлой и Силистрией. Взятие Варны лишь скрашивало отход русских войск на зимние квартиры. Угнетенное настроение в войсках усугублялось повальными болезнями от «гибельного климата», отчего ряды русских воинов редели больше, чем от схваток с турками.

inslav

В Болгарии были оставлены «на зимние квартиры» 6-й и 7-й корпуса с некоторыми полками 3-го корпуса под главным начальством генерала Рота, и зимовка в разоренной войной местности выдалась для них суровой. Следует вспомнить, что в 1828 г. в Добрудже и Приморском санджаке при приближении русских войск «местные власти принудили все население, христианское и магометанское, покинуть жилища... Если Болгария сильно пострадала от войны, если села ее мало-помалу были разорены и уничтожены, то все это, главным образом, следует приписать именно бегству жителей»[2], – подчеркивал капитан А. О. Дюгамель. Зимний холод, постоянные перебои со снабжением в продовольствии, нехватка теплой одежды, неблагоустроенное сырое и холодное жилье (для офицеров – это чаще всего сараи без потолка и крыши, для солдат – землянки) при ежедневных работах по возведению укреплений на подступах к городкам, где зимовали русские войска, и несении караульной службы вызывали повальные эпидемии. Особенно велика смертность была в Базарджике. В начале весны она «дошла до того, что погребали многими десятками и даже больше ста человек в день»[3], – свидетельствовал И. П. Дубецкий, адъютант генерала П. Д. Горчакова. Поручик артиллерии И. Г. Поливанов назвал Базарджик местом смерти[4]. В Гирсово с марта стала свирепствовать чума, уносившая каждый день от 20 до 30 человек. Офицер 2-го пехотного корпуса А. Макавеев был счастлив, когда оставил Гирсово, «обширную гробницу наших русских братий»[5]. С началом кампании 1829 г. офицеры и солдаты радостно выступали в новый поход, покидая зимние квартиры в городах Европейской Турции, куда по весне пришла чума.

Прапорщик 33-го Егерского полка Ф. Ф. Торнау, впоследствии генерал-лейтенант, передал дух русского войска в кампанию 1829 г.: «Ни в одну кампанию после того я не встречал в солдатах и офицерах такой жажды ловить на лету каждую минуту удовольствия... Турки, лихорадка, горячки и даже чума, расстилавшая свой широкий саван по всему краю, не были в силах умертвить русской беззаботной веселости... Надежда, пожалуй, шагнуть еще за Балкан и завоевать самый Царьград, эта задушевная мысль русского народа, действовала обаятельно на русского солдата»[6].

Кампанию 1829 г. возглавил новый главнокомандующий – граф И. И. Дибич. Уроки неудачной кампании 1828 г. и опасение изменения расстановки сил в ходе Восточного кризиса не в пользу России заставили выработать новый операционный план. Русской армии, чтобы избежать третьей военной кампании, предстояло предпринять массированное наступление в Восточной Болгарии и, овладев крепостями Силистрия и Шумла, переправиться через Балканский хребет. В случае, если турки и тогда не согласятся на русские тре-

inslav

бования, решено было продолжать поход в направлении Константинополя. После победы при Кулевче (30 мая) и сдачи Силистрии (19 июня) Дибич отказался от наступления на Шумлу. Выделив для ее блокады 3-й корпус, главнокомандующий с 35-тысячной армией скрытно от турок отправился 2 июля 1829 г. в Забалканский поход, который решил исход этой войны. Разгромив 14 июля у Айдоса отряд Ибрагима-паши, а 31 июля у Сливена войско Халила-паши, Дибич появился у стен Адрианополя 7 августа, гарнизон которого 8 августа сдал крепость без боя. 2 сентября 1829 г. был подписан Адрианопольский мир.

Кампания 1829 г. открылась операциями под Силистрией, падение которой должно было обеспечить тыл русской армии для дальнейшего наступления. Сюда в частности стягивались зимовавшие в городах Болгарии войска. Прапорщик 7-й артиллерийской бригады П. Н. Глебов, проведший зиму в Кюстенджи, очень живо описал этот переход: «Наш корпус подступал к Силистрии, к той самой крепости, которая когда-то называлась *Доростолом*, с юга от крепости Кюстенджи, некогда знаменитого Истра, и, быть может, по тем же дорогам, по которым за 1000 лет двигались к Доростолу и Переславцу греки со своим героем Цимисхием. Но, дойдя до Черновод, мы должны были бросить старую классическую дорогу, которая пролегала до самой Силистрии по берегу и совсем была затоплена весенним разливом бурного Дуная, и проложить себе новую дорогу, чисто романтическую, через глубокие пропасти и высокие горы... Она хотя и не совсем была удобна для перевозки артиллерии и полковых обозов, однако отличалась такой очаровательной прелестью и повела нас по таким роскошным и живописным местам, что мы, перетаскивая орудия с горы на гору, невольно засматривались на величавые окрестности благословенного края и забывали о трудностях походных... Приближение к Силистрии возвещалось усилением гор... Окрестность господствует над крепостью, и когда войска наши в боевой линии стали приближаться к скатам гор, тогда грозная Силистрия со всеми бастионами и минаретами смиренно представилась на смотр каждого, кто хотел ее видеть и наблюдать»[7]. «Помнится, что город разделен на 2 квартала: один турецкий, а другой – греческий; строения в первом по какому-то суеверию все деревянные, а в последнем встречались иногда и домы каменные»[8].

Личный адъютант графа Толя В. Ф. фон дер Лауниц, весной 1829 г. в первый раз оказавшийся в Болгарии и проследовавший от Гирсово и Черновод до Силистрии, не мог не прийти в восхищение от этого края: «Болгария вообще представляется прекрасной плодородной страной, украшенной живописными ландшафтами, за исключением лишь пространства, тянущегося вдоль морско-

inslav

го берега между Варной и Дунаем, и представляющего ровную степь, богатую сенокосами... Плодородные почвы, значительное обилие воды, в особенности в северо-западной части, и, наконец, живописная местность Болгарии была, по всей вероятности, главными причинами того, что здесь предпочтительно поселились турки, частью вполне вытеснив прежних обитателей болгар, частью отодвинув их к морскому берегу или заселив ими Румелию». Болгарские селения, мимо которых проходил фон дер Лауниц, оставались пустыми. На марше русские войска «ни разу не встретили здесь неприятеля и следовали так же спокойно и безопасно, как по своей стране»[9].

В 1828 г. русские войска в Добрудже и Приморском санджаке испытывали страшный дефицит воды. Эта же проблема с обеспечением войск водой не потеряла своей остроты и в 1829 г. «Вообще фонтаны и ручьи не особенно богаты водой и встречаются не повсеместно; потому по ним-то и составлялся расчет нашего походного движения, причем весьма часто утомленные войска ради одной воды должны были делать много лишних верст или становиться на ночлег поэшелонно на весьма большом расстоянии одни от других. Условия эти, конечно, тягостнее всего отражались на кавалерии; часто случалось также, что вблизи бивачного расположения вместо фонтана или ручья имелись лишь глубокие колодцы, из которых за неимением ведер вода доставалась котелками или походными фляжками, прикрепленными к длинной веревке. Собственно говоря, в Турции фонтаны – единственная вещь, достойная похвал»[10], – делал вывод фон дер Лауниц.

С начала мая 1829 г. была возобновлена осада Силистрии. С 15 мая почти ежедневно стали прибывать в русский лагерь «из крепости перебежчики, большей частью болгары и молдаване». Но фон дер Лауниц скептически оценивал их услуги и качество доставляемой ими информации: «своими сообщениями они причиняли нам, как мне кажется, больше забот, чем существенной пользы, т. к. желая придать себе огромную цену, они обыкновенно являлись с вестью, что турки к предстоящей ночи готовят вылазку. Показания эти ни разу не подтвердились, а между тем войска утомлялись без пользы, т. к. первоначально ради предосторожности, часть осаждающего корпуса находилась всю ночь под ружьем; впоследствии стали мало обращать внимания на эти сообщения»[11]. Однако следует отметить, что в целом осведомленность в русских войсках относительно сил, расположения и намерений турок зиждилась на опросах перебежчиков и пленных, нередко дававших неточные и крайне противоречивые показания. Генерал-майор П. Я. Купреянов, например, вспоминал, как некий грек доставил в 1828 г. в Главную квартиру под Шумлой план крепости Варна и сведения о турецком гарнизоне, за что был награжден

inslav

Николаем I бриллиантовым перстнем. Впоследствии оказалось, что вся информация не только неверна, но даже совсем ложна[12]. Впрочем, за неимением иных источников к сообщениям болгар чаще всего относились с вниманием и вознаграждали довольно щедро. Генерал-майор Л. А. Симанский свидетельствовал, что 27 августа 1828 г. турки атаковали тремя колонами пехоты наши расположения у Шумлы, но неудачно, т. к. «бдительность была удвоена на эту ночь. Пленный булгар, бежавший вчерась, известил наших, что турки собираются сегодня напасть из 6 тыс. человек. Ему главнокомандующий дал 20 червонцев и еще обещал за оставленное им в Шумле стадо овец 250 шт.»[13].

1829 г. был особенно знаменит блестящим переходом русских войск через Малые Балканы, за что Дибич получил к фамилии почетную приставку Забалканский и чин фельдмаршала. Свои впечатления об этом событии оставили многие русские офицеры. «Ничтожность Балкана, столько лет слывшего неприступным для наших войск, нас чрезвычайно удивила. На вершине его мы спрашивали друг друга: где же горы? Ибо хребет их, покрытый лесом и не каменистый, даже не принадлежит к разряду второстепенных. Одни только виды очаровательны и береговою дорогою напоминают Крым; но даже в сих видах нет дикого величия – это ли стена оттоманская?»[14], – вопрошал А. Н. Муравьев, состоявший в дипломатической канцелярии при Главной квартире. «Скаты гор круче восхода, мы спустились в долины цветущей Румелии: Мисемврия, Анхиало, Бургас – одни за другими сдавались... но города залива Бургасского не привлекательны, везде бедность и нечистота, Анхиало – лучший из них»[15]. Согласно сведениям, собранным полковником Генерального штаба Е. И. Энегольмом, в этих приморских городах не было ни одного болгарского дома, их население состояло из греков, турок, а в Бургасе еще проживали армяне и цыгане[16].

Доктору К. К. Зейдлицу, добравшемуся вместе с госпиталем за 8 дней от Шумлы до Мисемврии, «поездка напоминала путешествие по Швейцарии с тою разницею, что вместо гостиниц мы ночевали в палатках, а по дороге попадались вместо туристов только мертвые тела. Но Балканы в восточной части далеко не так величественны, как Альпы в Швейцарии, им недостает светлых озер, горных истоков, снеговых вершин и главное: человеческих существ, сел и городов. Зато Балканы покрыты чудесными лесами: таких дубов и буков я нигде не встречал в Швейцарии»[17]. На Зейдлица, проехавшего по весне 1829 г. через всю Добруджу и Приморский санджак к Шумле и встречавшего одно запустение и разорение, цветущая Румелия произвела неизгладимое впечатление: «Здесь на левом берегу ручья увидели мы первое болгарское село. Женщины замечательно красивы: темно-каштановые волосы, огненные

inslav

черные глаза и благородные очертания носа свидетельствуют об их римском происхождении. Оне ласково кланялись нам, крестились и приговаривали: "Добр! Добр!" Казалось, они этим хотели выразить свое доверие. Один болгарин даже подал мне кусок жареного мяса со словами: "Русс добр! Добр Русс!". Когда турки принуждены бывали бежать из какой-нибудь деревни, они угоняли с собой всех жителей, которые теперь сотнями возвращались на арбах, запряженных волами, в свои покинутые жилища. Долина расстилалась до самого Черного моря. Перед нами был залив Мисемврия. Но Мисемврия очень некрасивый городок, без зелени, и вокруг ничего кроме наносного песку. В городе не нашлось ни сахару, ни вина, на хлеба»[18].

Колонна генерал-лейтенанта Ридигера двигалась через Балканы по дороге из Правод к Айдосу – городу, лежащему у подошвы Балкан. В ее составе находился И. П. Дубецкий, адъютант генерала Горчакова, который заметил: «В 3 перехода мы перешли Балканские горы. Дорога в этих горах лучше, нежели по ровным местам, и не представляет затруднений в пути, кроме нескольких крутых спусков»[19]. Поручик И. Г. Поливанов, также шедший в авангарде в составе 7-го пехотного корпуса, от которого после зимовки в Болгарии осталось только 7 тыс. человек, подчеркнул приподнятость духа у солдат и офицеров: «Вообще все были веселы, потому что шли вперед безостановочно. На третий день нашего похода достигли мы до самой вершины Балканских гор в этом месте. Ночлег на открытом воздухе был холоден»[20].

На пути к Айдосу русские войска не встретили сопротивления противника. Однако к городу скрытно подошел 12-тысячный отряд, который незаметно для русских, осаждавших Шумлу, вышел из крепости. Он был спешно послан визирем с целью задержать русскую армию на перевалах. Русские передовые войска решительно атаковали турок и рассеяли их. Поливанов в своих записках сообщил любопытные подробности об этом сражении, состоявшемся 14 июля. «Близ города находился вал и ров, в котором засели турки с насильно взятыми ими болгарами из окрестностей, почти невооруженными. При приближении нашей пехоты угрозами они заставили их подняться и делать крестное знамение. Офицеры наши, полагая, что христиане одни только находятся во рву, подошли с передним батальоном на близкий ружейный выстрел; тогда турки внезапно вышли из рва и открыли мгновенно сильный ружейный огонь по нашей почти сплошной цепи, коим многих убили или ранили; при том, что их было до 10 тысяч, то наши стрелки вынуждены были отступить... Турки затем были окружены, пехота с яростью бросилась на турок. Вскоре она смешала их толпы, обратила в бегство и за ними ворвалась в Айдос, взятый приступом и отданный на разграбление солдатам за оказанное вероломство; они

inslav

поживились там порядком, особенно набрали много кофе, который распродавали за бесценок»[21].

Доктор Зейдлиц, на чью долю выпадало врачевание раненых после сражений, в Айдосе не увидел ни одного турка. «Оставшиеся болгары употребляли крест как свидетельство благонадежности и с ними обращались хорошо». Болгары ему рассказали, что «с приближением русских турки начали было жечь и грабить, разбивать бочки с вином, выпускали шерсть из матрасов»[22]. Зейдлиц с удовольствием описал Айдос, первый богатый болгарский город, в котором он нашел хорошую квартиру и «сибаритствовал» по сравнению с лишениями, испытанными им в прежних переходах. В Айдосе нетрудно было отыскать хороший дом, поскольку турки ушли из города, а им в городе принадлежало, согласно сведениям Энегольма, 860 домов, болгарам же только 450[23]. «Айдос расположен по отлогому склону восточного отрога Больших Балкан. Тотчас за городом к северу стеной подымаются крутые голые серые утесы, которые при утреннем солнце красиво оттеняют низкие плоские красные крыши и белые минареты мечетей на темной зелени деревьев. В городе много колодцев и фонтанов... В городе узкие и кривые улицы, по обеим сторонам тропинки для пешеходов; на некоторых более широких улицах есть также тропинки для верховых. Кроме домов великого визиря и паши окна нигде не выходят на улицу. На базарной площади множество дощатых лавочек и между ними узкие проходы. Тут же стоит главная мечеть с прекрасным колодцем при входе во двор. У дверей мечети стоит русская стража»[24].

После небольшой стычки 18 июня разведывательного отряда генерала Шереметева у Ямбола с кавалерией Галиля-паши турки оставили город. Пехота отступила по Адрианопольской дороге, а кавалерия была послана в Сливен (Селимно), куда подошли подкрепления, присланные визирем из Шумлы. О сражении, имевшем место у Сливно 31 июля, Поливанов писал: «Скоро бегство турок сделалось общим, а мы, быстро подвигаясь вперед, вошли в город, где прошли по многим улицам. Болгары, которые все остались в городе, вышли к воротам своих домов и стоя крестились; некоторые выносили в стеклянных кувшинах красное вино своего изделия, очень вкусное, и приглашали офицеров и солдат утолять жажду, которая нас мучила, потому что было очень жарко»[25]. Затем войска были выведены за город, где разбили свои бивуаки.

Зейдлиц вступил в Сливно позже: «Дибич дал бой не более получасу... Сливно – небольшой, но чистенький городок, пожар истребил много домов. Вечером же все жители, христиане, во главе с их священником явились в Главную квартиру. Слухи, доходившие из покоренных городов, внушали доверие к русским»[26]. Поливанов, который вновь проходил через город осенью, пора-

inslav

зился его рынкам в торговые дни: «Многолюдство было большое, так что мне не случалось такого видеть в России. Женщины болгарские ходили с открытыми лицами, турчанки, оставшиеся в Сливно, впрочем, в малом числе, завешивались покрывалом»[27]. К описанию города можно добавить некоторые статистические данные полковника Энегольма – в Сливно имелось: 21 небольшая мечеть, 1 древняя греческая церковь, 2 новые церкви, 1 эллино-греческая школа. В городе было 2150 турецких домов, 2070 болгарских и греческих, 23 армянских[28].

Ф. П. Фонтон, офицер Генерального штаба, служа, как и Муравьев в дипломатической канцелярии при Главной квартире, следовал вместе с ней от Айдоса до Сливно. «Мы проходили через пышные, богатые селения. Поселяне с крестами, со хлебом и с солью, со священниками в ризах и с колокольчиками толпами навстречу выходят. Женщины и девушки, обыкновенно так дикие, теснятся около рядов солдат, протягивают руки, целуют их даже. Эта хлебом и сыром, та вином потчует. Везде веселые приветствия и клики, и слезы искренней радости, так что и у многих из нас полились тоже слезы, но умиления и печали, предвидя, что и на этот раз неугомонная политика опять принудит нас бедный этот народ оставить туркам на добычу»[29].

Проходя долинами Румелии, русские офицеры обращали внимание на огромные виноградники, которые, как оказалось, «принадлежали болгарам и доставляли своим хозяевам хороший доход». Поливанов сообщил также, что розовое масло, которым славились эти места, выделывается в большом количестве в Казанлыке, находившемся в 40 верстах от Сливно. Туда ушли турки, но город не был занят русскими войсками[30]. Доктор Зейдлиц особо отметил, что лучшее розовое масло производится в Сливно. «Жители из этих подбалканских роз цветущих составляют розовое масло. Из этих же роз как цветотатство болгаре варят пищу, правда, сладкую, но все-таки пищу. Это варенье. Армия прошлась по этим розам»[31], – констатировал Фонтон грубую реальность войны.

Благоденствие Румелии резко контрастировало с бедностью и опустошенностью Болгарии и Приморского санджака. Капитан А. О. Дюгамель объяснил столь огромную разницу в благосостоянии тем, что «в Румелии турки не следовали той системе обезлюдения, которая по ту сторону Балкан доставила им такие бесспорные выгоды. Явление это объясняется тем, что турки никоим образом не ожидали, что мы перейдем Балканы, которые они считали для нас непреодолимой преградой...»[32].

Фонтон во многих своих письмах рассказывал о теплом приеме русского войска болгарским населением Румелии. «К нам навстречу выходят жители с образами, хлебом солью, с кликами радости. Толпа славных плотных

inslav

и стройных молодцов обступает солдат и с любопытством рассматривает их мундиры и оружие. Девки, которых болгары называют булки и которые свежестью и полнотою лица вполне заслуживают этого прозвания, подают солдатам вино, хлеб, овощи. Все крестятся, поднимая руки к небу»[33]. Фонтон подчеркивал, что «жители нам беспредельно преданы и безвозмездно служат нам лазутчиками, когда турецкий отряд где-нибудь покажется, сейчас булгары или греки прибегают с извещением»[34].

Интересны наблюдения доктора Зейдлица о болгарах и их поведении во время пребывания русских войск в их городах. «Несмотря на долголетнее подчинение чужеземному владычеству в обращении болгар не видно привычки к раболепству. В первые дни после нашего вступления в Айдос они нам низко кланялись, снимали шапки (в противность обычаю, т. к. они должны кланяться приложив руку к груди), но вскоре ободрились, не пугались сурового обращения солдат, одним словом, скоро вошли в обычную колею. Особенно торговки, тотчас принявшиеся за свои дела, отличались развязностью и смелостью. В первый раз видел я наших солдат в покоренном городе, и с удовольствием заметил, как сильна в них подчиненность. Если иногда они хотели обидеть какого-то болгарина, то ему только стоило пригрозить: "Капитану скажу", и его тотчас оставляли в покое»[35].

О дисциплине в русских войсках, которые не позволяли себе мародерствовать в покоренной стране, писал и Дюгамель: «В долинах по южному склону Балканов... увидал мирные селения, возделанные нивы и виноградники, где всюду магометанское и христианское население спокойно, как в самое мирное время, занимались полевыми работами... "Это" происходило вследствие удивительной дисциплины наших войск, которые успели внушить к себе полное доверие со стороны как христианского, так и мусульманского населения Румелии»[36].

Русские офицеры мечтали о Константинополе. Еще в 1828 г., когда вся гвардия после долгого и утомительного похода по Добрудже и Приморскому санджаку к 1 сентябрю собралась на высокой горе, с которой открывался удивительный вид на долину, где находилась крепость Варна, осаждаемая русскими войсками, подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Н. А. Лукьянович записал в своем дневнике заветную мысль, которую разделяли все его товарищи: «Визирь разбит, мы за Балканами, Адрианополь пал, Царьград склоняет главу с покорностью, и щит Олега снова прибит к его вратам в воспоминание наших побед; мы возвращаемся в отечество, покрытые лаврами...»[37].

В 1829 г. русские войска преодолели 120 верст за 6 дней, потеряв множество людей вследствие «убийственного жара», и встали у стен Адрианополя 7 августа. «Вид лежащего в равнине Адрианополя с его высокими башнями

inslav

и минаретами, с великолепными домами и садами, и мысль, что стоит нам шевельнуть пальцем, и все это будет наше, производили на нас глубокое впечатление и ободряющим образом действовали на утомленную армию»[38], – вспоминал Дюгамель. Адрианополь сдался! «Едва успели публичные глашатаи прокричать по городу весть о сдаче Адрианополя, как тотчас толпы турок, греков, армян, жидов нахлынули на наш лагерь; одни из простого любопытства, а другие из видов торговли, и наш лагерь из тихого сделался шумным торжищем... В 5 часов заиграла в полках музыка, составились кружки песенников, и вблизи лагеря запестрелись группы женщин, из коих каждой сердечно хотелось побывать в русской палатке, разумеется, из любопытства, общего всему женскому полу»[39], – свидетельствовал Дубецкий. Дюгамель описал этот волнующий момент несколько иначе: «Христианское население радостно вышло к нам навстречу, и его восторженные крики и приветствия придали этому дню какое-то особенное торжественное, праздничное настроение... Торговля в Адрианополе шла своим чередом. Тотчас после нашего вступления все лавки снова были открыты, и город... имел вид полнейшего спокойствия. Нескольких русских часовых, расставленных по перекресткам, было достаточно, чтобы поддерживать порядок»[40].

«На третий день по занятии Адрианополя был торжественный въезд главнокомандующего в город. Граф Дибич со всем своим штабом, окруженный генералитетом, в сопровождении нескольких эскадронов гусар и конной артиллерии с музыкой проехал по главным улицам города и прибыл в греческую церковь. По окончании молебна при возглашении многолетия государю императору гром русских пушек потряс древнюю столицу Оттоманов... Преосвященный угощал у себя в доме всех превосходным завтраком, а солдат на обширном дворе»[41], – рассказывал Дубецкий.

Муравьев записал свою беседу с митрополитом Герасимом, состоявшуюся перед этим молебном. «Я звал его в нашу великую православную Москву: “Ах! И Адрианополь православен, а если и не совсем, то не по вашей ли вине, братья русские? Пламенно мы вас ждем; что же давно нас не освободили? Если бы я мог предвидеть сию торжественную минуту, пешим пошел бы я к вам навстречу до Петрополя? Посмотри, сын мой, я не стар, но борода моя рано поседела от горя. Взгляни, вот то место, где повесили нашего патриарха Кирилла[42], здесь погиб и митрополит, мой предместник... Неужели братья русские нас опять оставят? Ах, скажите нам это лучше заранее? Нам здесь нечего после вас оставаться; мы соберем женщин и детей и караваном пойдем вслед за вами; духовенство покажет пример, потому что ему предстоит одна лишь гибель!”. Тронутый до глубины души, я не находил слов и оправданий»[43].

inslav

Однако Адрианополь, как и многие другие турецкие города, разочаровал русских офицеров. «Величествен издали его вид. 4 минарета огромной мечети Селима высоко поднимаются из садов города». Но «самый город тесен улицами и нечист и только по многолюдству и обширности может назваться столицею; множество дерев и фонтанов его освежают; базар под крышею напоминает Московский Китай-город... Дивная мечеть Селима... Кто опишет ее великолепие?»[44], – писал Муравьев. Дубецкий и Зейдлиц оставили более пространные описания Адрианополя и его окрестностей. «Адрианополь – огромный древний город, расстилается на высоте на протяжении более 12 верст и имеет до 90 тыс. жителей. Дома все почти деревянные, большей частью 2-х и 3-этажные. За исключением весьма немногих улиц, достаточно просторных для езды в экипажах, все остальные улицы очень узки и есть некоторые до того тесные, что 2 конные всадника, встретившись, не могут разъехаться, не задев друг друга, а выдающиеся на улицу балконы заставляют нередко слезать с лошади. В таких улицах нечистота и зловоние превосходят всякое описание. Мне часто случалось проезжать некоторые улицы, зажимая нос и рот платком, ибо не было возможности выносить отвратительнейшую вонь. К тому же кладбища, в близком расстоянии облегающие город на необозримое пространство, в коих магометане не заваливаются землей, но закрываются сводами или досками, смотря по состоянию, заражая воздух вредными испарениями, споспешествуют развитию эпидемии, столь частой в южном климате. Это одна из главнейших причин, по которой чума вечно гнездится в Турции»[45], – писал Дубецкий.

Рассказ Зейдлица об Адрианополе дополняет сведения Дубецкого: «В середине города за старыми стенами идут узкие кривые улицы, выдающиеся надстройки домов сходятся наверху и образуют в иных местах род сплошной крыши. Вне ея улицы шире, много товарных амбаров, складов... есть также торговые ряды, крытые и некрытые, но площадей нет ни одной. Дома большей частью деревянные. Благодаря неровной почве улицы то поднимаются, то спускаются, мостовые крайне плохие, после дождя грязь везде непроходимая. В городе множество фонтанов со свежей хорошей водой, проведенной издалека; в Марице же вода зеленоватая, мутная и для питья не годится, потому что в нее спускают все городские нечистоты. За городом внизу у самой реки расположены кожевенные заводы, красильни и бойни. Все другие мастерства находятся в самом городе и производятся обыкновенно на улицах. На реке стоит несколько водяных мельниц. Кругом города есть пасеки, огороды; возделываются фруктовые и тутовые деревья, виноградники, хлопчатая бумага; овцы и рогатый скот в изобилии, хлеб плох. Вино здесь во всеобщем употреблении, но не хорошо; в красное подмешивают для цвета сандал, а для крепости

inslav

Capsicum. Рыбы мало, она не вкусна, оттого что живет в мутной воде... Турки составляют только 1/3 часть всего населения; остальные жители – греки, болгары, евреи. Болгары отличаются сильным и красивым сложением; они трудолюбивы и очень общительны»[46]. В Адрианополе, который делился «на 20 магале (частей)», согласно сведениям полковника Энегольма, имелось: «мечетей главных 15, малых 159, греческих церквей 11, армянская церковь 1, католическая 1, синагог 10; домов турецких 13281, греческих и булгарских 3968, армянских 706, католических 25, еврейских 506, цыганских 250; фонтанов 233»[47].

За две кампании русские офицеры накопили сведения о болгарском населении Болгарии и Румелии, о его занятиях и быте. Полковник Генерального штаба Энегольм скрупулезно собрал солидный статистический материал обо всех забалканских городах и поселениях, которые были заняты русскими войсками, и предложил обобщенную характеристику болгарского народа. «Булгары: народ сей славянского происхождения, сохранил еще свое наречие, слишком, впрочем, со многими турецкими словами. Часть оного, за Балканы перешедшая, составляет класс рабочего народа, который обрабатывает поля и сады турок и употребляется греками на заводах. Болгары, в долинах живущие, занимаются хлебопашеством и хозяйством, мирным обитателям благословенной страны свойственного», – писал Энегольм в своем труде. Любопытен его отзыв о болгарах, проживавших в горах, подобного мнения не содержится ни в одних записках о войне: «На Балканах христиане суть бесчеловечные разбойники; они не довольствуются грабежом и похищением имущества проезжего, но, захватив несчастную жертву, прибивают гвоздями к деревьям, отрезывают язык и уши, выкалывают глаза и в неистовстве зверской дикости забавляются мучениями страдальца»[48].

Известные письма Фонтона пронизаны невероятной симпатией к болгарам: «Христианское население, которое составляет большинство по берегам моря, состоит из ловких, проворных и деятельных греков. Внутри же края мы видим плотное, свежее и стройное булгарское племя, одушевленное надеждою освободиться от презренного ига, жаждущие иметь оружие в руках, чтобы основать свою независимость на собственном мужестве. Свистнуть – и будут у нас не 10, не 20, но 200 тыс. под ружьем»[49]. Последнее утверждение Фонтона единично, также как и заявление Энегольма о свирепости балканских болгар. Мемуары русских офицеров, которым нельзя отказать в доброжелательности по отношению к мирному населению, терпящему лишения и бедствия военного времени, отнюдь не содержат даже намека на готовность болгарского населения защищать свою свободу с оружием в руках. Война обостряет наблюдательность, но ни один русский офицер, кроме Фонтона, не заметил воинственности в мирных землепашцах, виноградарях, пастухах.

inslav

А Дюгамель даже подчеркнул поразившую его индифферентность болгар Румелии: «Здесь все население, привычки его и нравы были вполне миролюбны. Это население с полнейшим равнодушием взирало на все события: ему было безразлично, кто выйдет победителем из войны, которая потрясала основы Оттоманской империи»[50].

С начала войны главной темой многих писем Фонтона, как и его бесед в кругу офицеров Генерального штаба являлось устройство будущего болгар: «Россия может заступиться за порабощенных турками единоверных и единородных народов, не давая поводу к подозрению в ея намерениях... Пора эти народы освободить от уничижительного положения, в котором они находятся»[51]. В дни, когда в Адрианополе шли переговоры об условиях мира между Россией и Турцией, как засвидетельствовал Фонтон, «у всех господствует убеждение, что при нынешних обстоятельствах» «возможно одним усилием» «раз и навсегда покончить с турецким владычеством в Европе. К этому желанию ведет не идея расширить пределы России завоеваниями, но необходимость для ее славы и величия исполнить священный и судьбою ей предназначенный долг и освободить соплеменные и единоверные народы от гнусного ига, и этим положить конец периодически возвращающимся славным, но бесполезным – и климатом, и болезнями губительным войнам»[52].

Но, увы, в Адрианопольском договоре не было специальных статей о болгарах. Как подчеркивала И. С. Достян, «Россия в 1828 г. начинала войну с Турцией "с готовым трактатом"»[53]. И Фонтон прекрасно это знал с самого начала войны, знал, что цель этой русско-турецкой войны была не Болгария и не освобождение болгарского народа из-под власти Османской империи. В августе 1829 г. в Адрианополе, несмотря на близкое расстояние до Константинополя, офицеры «все тоже убеждены, что это желание на этот раз не совершится, и вследствие всякий мыслит, что не за что продолжать войну и что скорое заключение мира есть теперь первая необходимость»[54].

Высказанное Дубецким мнение о соотношении выгод Адрианопольского мира и утрат, понесенных в войне Россией, разделяли многие армейские офицеры: «Из всех войн, бывших между Россией и Турцией... история не представляет войны менее кровопролитной и более смертоносной. Летом 1828 г. кровавый понос был печальным предвестником ужаснейшей эпидемии. Чума, проявившаяся кое-где в 1828 г., в 1829 г. разразилась, и тысячи пали ее жертвами. Все занятые нами города и крепости были завалены больными... из 12 тыс. больных, оставшихся в Адрианопольских казармах, вышло около 700 человек... Гвардия по благоразумному распоряжению успела выйти из Турции вовремя[55]. Издержки в продолжение двухгодовой войны на содержании двух армий с ре-

inslav

монтировкою кавалерии и артиллерии в европейской и азиатской Турции и двух флотов в разных морях могли простираться приблизительно до 30 млн. руб. сер.; да убыли людей убитыми, ранеными и умершими должно положить не менее 100 тыс. человек. Столь огромное пожертвование далеко не вознаграждается 1500000 червонцев и приобретением Анапы и Ахалцыха с некоторыми землями за Кавказом; зато признана самостоятельность Греции, утверждены права и выгоды Сербии, Валахии и Молдавии, а главное – поддержано достоинство нации и прославлено ее оружие»[56].

По заключению Адрианопольского мира был объявлен обратный поход в Россию. «В Главной квартире сумятица была страшная: все сломя голову спешили выбраться из этого проклятого болота»[57], где болезни немилосердно косили русское войско. Однако в течение двухдневного пути к «пустынному Бургасу», куда переезжал главнокомандующий граф Дибич, «зимняя буря заменила нам врагов и преследовала победителей»[58], – вспоминал Муравьев.

Войска также стали расходиться на зимние квартиры. «Установилась демаркационная линия между нами и турками под охраной войск. Мы провели спокойно зиму в Румелии за немногим исключением чумных случаев»[59], – сообщал И. Л. Варун-Секрет, офицер Камчатского полка, который разместился в окрестностях г. Карнабата. 18 дивизия, где служили Поливанов и Дубецкий, расположилась в Ямболе. Проходя из Адрианополя через Сливен, Поливанов отметил, что «болгары смотрели на нас уже не так ласково, потому что между ними ходили слухи, что город их остается в турецкое владение, а они все были уверены, что останутся за Россией»[60]. В Ямболе оказалось много квартир, оставленных их хозяевами, турками, «которые составляли большее число жителей и с семействами ушли при наступлении наших войск». По сведениям Энегольма, в Ямболе, где было 11 мечетей, туркам принадлежало 1050 домов, болгарам – 508, евреям – 148 домов[61]. Поливанов писал, что в городе «остались только такие из жителей турок, которые не имели средств выехать, по большей части старики». Эти турки говорили, что «зима необыкновенно холодна. Несколько раз выпадал снег. В начале января река Тунджа покрылась льдом дней на 5, чего не случалось уже несколько десятков лет, потому жители верили, что мы принесли с собой холод»[62].

Дубецкий же свидетельствовал, что в Ямболе, небольшом, но красивом городке, что лежит на большой дороге, на высоком месте, кроме болгар никого не было. Торговля была ничтожная. У Дубецкого «квартира была и выгодна, и хороша. Мясного было достаточно, зато более ничего, а в некоторых продовольственных предметах мы терпели крайность. За фунт крупчатой муки платили рубль и более полтора рубля, за фунт картофеля – 50–80 коп., и даже

inslav

рубль, а фунт чаю доходил до 80 руб. асс. Зиму мы провели спокойно, но скучно и однообразно»[63].

«В христианских селениях солдаты наши стояли по квартирам у жителей и помещались вместе с их семьями, а в мусульманских жители предпочитали уступать им половину избы, а сами помещались в другой ее половине... Мы пользовались полным доверием мусульманского населения, и в тех случаях, когда у них происходили какие-либо ссоры с болгарами, они прямо и смело обращались за помощью и защитой к нашим местным властям. Гораздо труднее было ладить с христианским населением. Приходилось очень часто подавлять взрывы ненависти, гнездившейся в сердце каждого христианина против мусульман»[64], – сообщал Дюгамель. Во время зимнего постоя русские нередко оказывали болгарам помощь по хозяйству. Так, Фонтон сообщил, что «артиллеристы, квартировавшие в селении Факи, дружно и усердно помогали в отправлении хозяйства»[65].

Весной 1830 г. русские войска стали постепенно оставлять Румелию, направляясь через Балканы и Болгарию к границам Валахии и Бессарабии. Перед возвратным походом граф Дибич-Забалканский устроил смотр Охотскому и Камчатскому полкам. «Он благодарил за службу на войне и дал в каждую роту обоих полков по одному Георгиевскому кресту. При этом граф высказал свое особенное удовольствие за обхождение войск с мирными жителями, доведенное до того, что болгары тысячами повозок двинулись в Россию на жительство; многие из них, не имея средств по бедности переселиться к нам с семьями, отдавали офицерам детей своих, лишь бы они вывезены были в наше отечество. Это, конечно, делалось болгарами из страха зверств со стороны турок»[66], – сообщал Варун-Секрет.

С самого начала войны офицеры и солдаты помнили приказ Николая I: «Щадите достояния, домы, храмы и самих врагов, хотя другую веру исповедующих». «И ни одно селение в целой Булгарии не было разорено русскими»[67], даже в голодную зиму 1828–1829 гг. Глебов вспоминал: «Мы сами всегда восставали на тех офицеров, которые позволяли грабительства своим фуражирам: каждый благомыслящий офицер должен употреблять все средства, чтобы облегчать по возможности бедственную участь жителей военного времени»[68]. Подполковник Генерального штаба М. В. Ладыженский подтверждал, что при сдаче Силистрии «собственность каждого из военнопленных жителей и гарнизона оставалась неприкосновенна, не было ни одной жалобы на насилие или похищение»[69].

«Весьма значительное число болгар намеревалось следом за нашей армией выселиться в Россию... В половине апреля, как только стала показываться

inslav

трава, переселенцы разом поднялись и задвигались со всех сторон. Обозы из 200, 300 телег, запряженных волами, длинными вереницами потянулись по направлению к Дунаю. Телеги эти были нагружены всяким домашним скарбом, а женщины, дети и старики шли пешие... Болгарских семей, в то время покинувших Румелию, насчитывалось до 20 тыс. Многие из них остались в Дунайских княжествах, но большая часть поселилась в Бессарабии»[70], – свидетельствовал Дюгамель.

Поливанов сообщил, что его полк выступил к Силистрии в первых числах мая. «Перед нами в апреле отправилось из-за Балкан по тому же направлению несколько десятков тысяч болгарских семейств, которые представляли необыкновенное зрелище. У всякого семейства была своя арба или каруца, запряженная 2 буйволами или быками, на коей помещались все от дряхлого старика до грудных младенцев. Здоровые члены семейства шли пешие возле воза, а дряхлые и малолетние сидели на семейном скарбе, довольно большом и укрытом кожами. На дневках они обыкновенно останавливались возле речки или ключа, где женщины мыли белье и его сушили. Таким образом, перешли мы Балканы и вступили в опустошенную Болгарию»[71].

* * *

Воспоминания и записки участников кампании 1829 г. содержат гораздо больше сведений о болгарах, чем подобные мемуары участников предыдущей кампании 1828 г. Это и понятно. В 1828 г. русские войска шли по безлюдной Добрудже и Приморскому санджаку, откуда подавляющая часть болгарского населения была заблаговременно переведена турками в другие места. В Румелии русских не ожидали, поэтому войска входили в города, из которых уходили мусульмане, но оставались христиане. Проходя по Болгарии, русские офицеры не упускали возможности побывать в городах, которые встречались на их пути. Глебов свою любознательность облек в такие слова: «я люблю узнавать землю и искать приключений у неприятелей в домашнем их быту»[72]. Русские офицеры расспрашивали болгар об их жизни под властью турок, благо сходство языков не препятствовало общению, которое не превращалось в пантомиму как в случае с греками или турками.

И, тем не менее, русские офицеры, вступая на территорию Европейской Турции как в 1828 г., так и в 1829 г., не скрывали своего разочарования. Участники кампании 1829 г., оставившие свои воспоминания и записки, были людьми широко образованными. Литература того времени, где царила эстетика романтизма, воспевала экзотику, негу и роскошь Востока. Офицеры поэто-

inslav

му предполагали, что и в Болгарии они смогут воочию вкусить его прелести, насладиться пышностью природы и богатством городов, полюбоваться черноокими затворницами гаремов. Однако в Европейской Турции русские офицеры ничего подобного не встретили. Глебов писал: «Я помню, как мы оба обманулись в наших ожиданиях. Мнения наши о Турции основаны были на показаниях писателей; и что же нашли мы? Правда, что благорастворенный климат, плодородная земля и живописное местоположение не только в Румелии, но и в Болгарии, могут очаровать каждого путешественника; но где же восточная роскошь, где богатства? В целой Болгарии мы не видали ни одного даже порядочного ковра; а пустые, неопрятные строения свидетельствовали только о безвкусии и бедности турок. Самые мечети с их минаретами, которые в Бургасе, Ахиале, Мисемврии и Адрианополе остались невредимыми, так бедны, так ничтожны, что мы не понимали, на чем могли быть основаны сказания о восточных богатствах»[73].

Большинство русских офицеров, с детства воспитываясь в преклонении перед античностью, в Болгарии предполагали обнаружить следы воспетой древности. Трудность кампании 1828 г. не позволила провести каких-либо исследований подобного плана, офицеры только отмечали, что заметили остатки капителей, обломки колон, латинские надписи... Но трехмесячное стояние русских войск в Адрианополе предоставило такую возможность, и полковник Энегольм попытался провести археологические раскопки кургана, расположенного в двух верстах от города. Он обнаружил пещеру – «рудокопию римлян». В провожатые он нанял 2 болгар и грека из ближайшего селения, которых ни уговоры, ни обещания, ни угрозы, ни деньги не могли заставить сопровождать офицера в подземелье. И только уверения Энегольма в том, что он имеет «верный талисман, оцепляющий нечистых духов», подействовало на «этих простодушных людей». «Однако ж все шествие туда и обратно сопровождалось молитвами и какими-то заклинаниями». Энегольм нашел «медную посуду, небольшой кувшин с монетами Лизимаха, Александра Македонского, триумф Траяна за Дакию». Монеты он взял себе, а «все прочее роздал болгарам, которые были весьма довольны»[74].

Однако редко кто из офицеров мог воспользоваться возможностью изучать окрестности Адрианополя, поскольку хоть и перемирие, но служба оставалась службой, и она усугублялась тем, что русское войско таяло от болезней. «С одной стороны чума, с другой – жестокие лихорадки и горячка, почти все заплатили болезнью дань новому климату, но смертность солдат по недостатку средств к призрению была гораздо сильнее»[75], – мрачно констатировал Муравьев, беспрестанно хоронивший своих товарищей и знакомых офицеров.

inslav

Впрочем, не только обязанности по службе, изнурение от болезней и нестерпимой жары препятствовали познанию болгарского населения и его культуры. Не стоит забывать, что болгары в основе своей были крестьянами, и во многих городах, где останавливались русские войска, болгарские семейства были малочисленны по сравнению с греками и турками, или вообще отсутствовали, как, например, в приморских городах. Русских офицеров, дворян, не следует подозревать в сословной спеси, но особого исследовательского интереса к народу, который был безграмотен и прост, но жил на земле античной цивилизации, они не испытывали. Кроме того, судя по собранному Энегольмом статистическому материалу, в забалканской Болгарии не всегда удавалось точно идентифицировать болгар. Приходилось писать о греко-болгарских или христианских домах в Адрианополе, Карнабаде, Сливно и др. Война и лишения не способствовали ученым занятиям.

Отсутствие в воспоминаниях и записках 1829 г. обширных описаний болгар в этнографическом плане объясняется еще и тем обстоятельством, что внимание к серьезному этнографическому изучению народов начинало только увлекать ученых. Российская академия в 1830 г. направила в ученое путешествие по Болгарии Ю. И. Венелина, известного автора книги «Древние и нынешние болгары...», для того, чтобы он изучил болгарский язык, составил грамматику и словарь, а также выявил материал, который бы прояснил историю славян и историю их письменности. Горя исследовательским энтузиазмом, Венелин намеревался расширить эти задачи, дополнив их сбором болгарского фольклора, описанием жилища, одежды, быта и народной культуры болгар. Однако его пребывание в Болгарии было недолгим и принесло скудную жатву: города были разорены войной. Русские войска покидали страну, и ему пришлось отправиться в Бухарест. Венелин подчеркивал, что «ученое путешествие в какой-либо стране требует много времени, т. е. долговременности наблюдения, иначе оно будет поверхностным и не ученым»[76].

Кроме того, русское общество было еще не готово воспринимать подобные сведения даже в литературном обрамлении. Рассказ В. И. Даля «Болгарка» был рожден впечатлениями от пребывания в Сливно. Случайная встреча с болгаркой, в доме которой Даль оказал врачебную помощь казаку и болгарину, ее жениху, осталась в памяти из-за неожиданно печального конца этой истории. В рассказе Даля много интересных подробностей о болгарах, а описание одежды девушки вполне удовлетворит требованиям этнографа. Может быть, автор и сообщил читателю больше сведений о болгарах, но на опубликованную в 1830 г. его повесть «Цыганка» критика отозвалась, подчеркнув, что «еще не вызрел в обществе, в читающей публике необходимый и острый

inslav

интерес к подробностям народного быта и нравов, к подробностям, которыми щедро уснащена повесть Даля»[77].

Адрианопольский мир не разрешил положительно болгарский вопрос, но русские офицеры, познав непростую действительность болгарского населения, размышляли над его дальнейшей судьбой. Фонтон отмечал, что «булгарские племена, разделенные одни от других естественными препонами и отраслями Балканских гор, не имеют еще чувства общей народности, ни силы, которая дает единство. Булгаре Добруджи, Румелии, Софийского и Видинского пашалыков составляют как будто отдельные общества, не имеющие между собой прямых сношений. Даже во всякой отдельной части не родилось еще сознание, что независимость только совокупными силами может быть приобретена. Если спросить у булгарина: для чего он желает оружья, то он тебе ответит: чтобы защищать свои куты, свой конак, жену, детей. Чувство общим восстанием и временными жертвами освободиться от презренного ига еще покоится в их простодушии. Придет и на это время. Из переселившихся к нам прежде булгар многие в Одесском лицее и в Московском университете получили обширное образование. Другие же из Казанлыка побывали даже в Европе и поселили в недра Балканских ущелий чувство народности и независимости. От них зависеть будет развитие этих мыслей в общей массе и, следовательно, их успех»[78].

«Благодаря русским в болгарах начинает пробуждаться сознание, что турки не полубоги, а такие же люди, и если эта мысль, подкрепленная примерами, укоренится в них, то для турок могут возникнуть многие и многие затруднения; но этим самым только что возникающим сознанием болгарского народа могут легко воспользоваться наши завистники и враги ради собственной наживы. Уже и теперь многие болгары и греки, имеющие сношения с известными купцами, говорят, что "новые условия мира обманули их надежды, что мы их бросили на произвол судьбы, тогда как они были готовы нас встретить с распростертыми объятьями. На будущий раз они уже не будут так доверчивы!" На будущий раз?! Глас народа – глас Божий; я тоже думаю, что наступит и "будущий раз!" Искра будет всегда тлеться под пеплом: ей не дадут потухнуть недовольные нами участники борьбы на Балканском полуострове; и други и недруги будут одинаково поддерживать огонек»[79], – прозорливо заявлял доктор Зейдлиц.

Примечания

[1] *Муравьев А. Н.* Мои воспоминания // Русское обозрение. 1895. № 5. С. 68.

[2] *Дюгамель А. О.* Автобиография // Русский архив (РА). 1885. № 2. С. 193.

[3] Записки Иосифа Петровича Дубецкого // Русская старина (РС). 1895. № 5. С. 99.

inslav

[4] *Поливанов И. Г.* Из записок И. Г. Поливанова // РА. 1877. Кн. 3. № 12. С. 421.

[5] *Макавеев А.* Извлечение из походных записок русского офицера, веденных во время войны с турками в 1828 и 1829 годах // Военный сборник (ВС). 1860. Т. 11. № 2. С. 461.

[6] *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания о кампании 1829 г. в Европейской Турции // Русский вестник. 1867. Т. 69. № 6. С. 479.

[7] *Глебов П. Н.* Осада Силистрии // Отечественные записки. (ОЗ). 1842. Т. 23. № 7. С. 1–2.

[8] Там же. С. 9.

[9] *Лауниц В. Ф. фон дер.* Из военно-походных записок о кампании 1829 г. в Турции // ВС. 1874. Т. 98. № 7. С. 7.

[10] Там же. С. 8–9.

[11] Там же. С. 17.

[12] *Купреянов П. Я.* Действия Праводского отряда в 1828–1829 гг. Посмертные записки генерала Купреянова с планом // ВС. 1875. Т. 101. № 2. С. 165.

[13] *Симанский Л. А.* Походные записки за 1828 г. от 29 мая, т. е. от поступления полков бригады в действие против неприятеля в отряде ген-лейт. кн. Мадатова, ген-лейт. Ридигера и ген-майора Акинфиева // Журнал Русского военно-исторического общества. 1911. Кн. 4. С. 63.

[14] *Муравьев А. Н.* Указ. соч. С. 75.

[15] Там же. С. 78.

[16] *Энгольм Е. И.* Записки о городах забалканских, занятых российскими войсками в достопамятную кампанию 1829 г. СПб., 1830. С. 121, 128.

[17] *Зейдлиц К. К.* Воспоминания доктора Зейдлица о турецком походе 1829 г. М., 1878. С. 36.

[18] Там же. С. 36–37.

[19] Записки Иосифа Петровича Дубецкого... С. 109.

[20] *Поливанов И. Г.* Указ. соч. С. 432.

[21] Там же. С. 433.

[22] *Зейдлиц К. К.* Указ. соч. С. 38.

[23] *Энгольм Е. И.* Указ. соч. С. 129.

[24] Там же. С. 40.

[25] *Поливанов И. Г.* Указ. соч. С. 434.

[26] *Зейдлиц К. К.* Указ. соч. С. 44.

[27] *Поливанов И. Г.* Указ. соч. С. 437.

[28] *Энгольм Е. И.* Указ. соч. С. 130.

[29] *Фонтон Ф. П.* Воспоминания Фонтона. Юмористические, политические и военные письма из Главной квартиры Дунайской армии. 1828–1829. Лейпциг, 1862. Т. 2. С. 65.

inslav

[30] *Поливанов И. Г.* Указ. соч. С. 437.

[31] *Фонтон Ф. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 63.

[32] *Дюгамель А. О.* Автобиография // РА. 1885. № 2. С. 206.

[33] *Фонтон Ф. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 83–84.

[34] *Там же.* С. 71.

[35] *Зейдлиц К. К.* Указ. соч. С. 41.

[36] *Дюгамель А. О.* Указ. соч. С. 206.

[37] *Лукьянович Н. А.* Три месяца за Дунаем в 1828 году // Сын отечества и Северный архив (СОСА). 1833. Т. 33. № 3. С. 162.

[38] *Дюгамель А. О.* Указ. соч. С. 207.

[39] Записки Иосифа Петровича Дубецкого... С. 110.

[40] *Дюгамель А. О.* Указ. соч. С. 207.

[41] Записки Иосифа Петровича Дубецкого... С. 111.

[42] Константинопольский патриарх Кирилл IV (1813–1819), по оставлении престола удалился в Адрианополь и во время Греческого восстания был повешен в июне 1821 г., Константинопольский патриарх Григорий V был повешен над дверью Патриархии в день Пасхи 10 апреля 1821 г.

[43] *Муравьев А. Н.* Указ. Соч. С. 80.

[44] Там же. С. 79.

[45] Записки Иосифа Петровича Дубецкого... С. 111.

[46] *Зейдлиц К. К.* Указ. соч. С. 47–48.

[47] *Энгольм Е. И.* Указ. соч. С. 87.

[48] Там же. С. 54.

[49] *Фонтон Ф. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 108.

[50] *Дюгамель А. О.* Указ. соч. С. 206.

[51] *Фонтон Ф. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 38.

[52] *Фонтон Ф. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 129.

[53] *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 326.

[54] *Фонтон Ф. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 129.

[55] Гвардия принимала участие в осаде и взятии Варны в 1828 г., после чего отправлена на зимние квартиры в Россию. В кампании 1829 г. она не была задействована.

[56] Записки Иосифа Петровича Дубецкого... С. 129.

[57] *Зейдлиц К. К.* Указ. соч. С. 55.

[58] *Муравьев А. Н.* Указ. соч. С. 81.

[59] *Варун-Секрет И. Л.* Воспоминания И. Л. Варун-Секрета о службе в армии. 1823–1860 гг. // РС. 1879. № 5. С. 167.

inslav

[60] *Поливанов И. Г.* Указ. соч. С. 437.

[61] *Энгольм Е. И.* Указ. соч. С. 131.

[62] Там же. С. 438.

[63] Записки Иосифа Петровича Дубецкого... С. 132.

[64] *Дюгамель А. О.* Указ. соч. С. 217.

[65] *Фонтон Ф. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 190.

[66] *Варун-Секрет И. Л.* Указ. соч. С. 168.

[67] *Глебов П. Н.* Воспоминания армейского офицера // ОЗ. 1839. Т. 4. № 7. С. 235.

[68] *Глебов П. Н.* Воспоминания. Письмо 2 // СОСА. 1835. Т. 48. № 10. С. 100.

[69] *Ладыженский М. В.* Осада Силистрии в 1829 г. (Письмо к другу) // СОСА. 1829. Т. 7. № 41. С. 18.

[70] *Дюгамель А. О.* Указ. соч. С. 217.

[71] *Поливанов И. Г.* Указ. соч. С. 439.

[72] *Глебов П. Н.* Воспоминания. Письмо 2... С. 99.

[73] *Глебов П. Н.* Воспоминания. Письмо 1 // СОСА. 1834. Ч. 168. Т. 46. № 52. С. 587.

[74] *Энгольм Е. И.* Указ. соч. С. 108.

[75] *Муравьев А. Н.* Указ. соч. С. 81.

[76] *Никулина М. В.* Путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики в России // Ю. И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998. С. 131.

[77] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1896. Т. 10. С. 131.

[78] *Фонтон Ф. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 196.

[79] *Зейдлиц К. К.* Указ. соч. С. 80–81.

inslav

М. В. Белов

Русский офицер в роли этнографа: А. Г. Розелион-Сашальский описывает Сербию

В 1830 г. капитан генерального штаба А. Г. Розелион-Сашальский получил распоряжение, взяв двух помощников, совершить поездку в Сербию с целью составления подробной карты и статистического описания края. Председатель диванов Молдавии и Валахии П. Д. Киселев, написавший инструкции офицерам, внес в одну из них пункт, выходящий за рамки военных и дипломатических задач. В нем руководителю миссии предписывалось заняться «отысканием древностей, могущих служить полезным материалом для истории, и другими по словесно данным наставлениям учеными исследованиями и изысканиями сего столь мало известного и во многих отношениях любопытного края»[1]. Этот пункт был включен в документ, который получатель мог показать сербскому князю Милошу Обреновичу и представителям турецких властей (кроме него существовало и «тайное наставление»).

Тем не менее, указание-прикрытие Киселева не осталось проформой, поскольку как явствует из «Статистического описания Сербии», представленного Розелион-Сашальским по итогам поездки, он всерьез подошел к решению этой «отвлекающей» задачи (вероятно, к ней также серьезно относился и сам Киселев). В качестве разделов записки значатся не только «географическое положение и граница» (пункт 1), «пространство и народонаселение» (пункт 2), «географическое и гражданское разделение» (пункт 4), «качество поверхности края» (пункт 5), «свойства грунта и произведения земные» (пункт 6), «богатство, торговля и промышленность» (пункт 7), «города и местечки» (пункт 8), сведения о порядке управления, судебной системе, налогообложении и т. д. (пункт 9–11), но также материалы о «нравах и обычаях» сербов и их соседей (пункт 3), вероисповедании (пункт 12), «умственном образовании», науках и памятниках древности (пункт 13, 14). Кроме того, автор снабдил «Описание» пространным историческим введением, которое занимает чуть ли не половину текста (55 листов из 117).

Необходимо учитывать, что понимание сущности статистических знаний в то время было значительно шире, нежели современное[2]. Например, этнография еще не оформилась в качестве самостоятельной дисциплины и рассматривалась как часть общей статистики или географических опытов. «Описанию»

inslav

Розелион-Сашальского в полной мере присущ этот просветительский энциклопедизм. Этнографические разделы записки представляют особый интерес для выявления способов восприятия балканских реалий русской образованной элитой в тот переходный момент, когда центр историко-философских и литературно-эстетических дискуссий начинает занимать проблема «народности»[3].

Угол зрения, лежащий в основе «Описания», осознается автором и прямо фиксируется во фрагментах, отделяющих «историю» от основной части текста. Здесь Розелион-Сашальский делится общим впечатлением от современной Сербии: «Европеец почти нигде не может встретить тех удобств жизни, которые для него служат признаком благосостояния и образованности края, но в том виноваты обычаи народа, столь долго носившего узы турецкого рабства, которое препятствовало развитию в нем способностей, влекущих человека к усовершенствованию своего быта, и которое во многих отношениях ввело между сербов образ жизни их тиранов; виновны столь частые войны, опустошавшие Сербию и отучившие, так сказать, ее думать об удобствах жизни, наконец, виновна новость самая настоящего порядка вещей»[4]. Рефлексия по поводу привилегированного угла зрения позволяла признать его относительность. Условия жизни в Сербии автор предлагает сопоставить с другими провинциями, находящимися под властью Османской империи, и в этом случае результат будет иным[5].

Первую часть раздела записки, озаглавленного «Жители, свойства, нравы и обычаи их», составляет своеобразная экспозиция. Автор «Описания» разделил население Сербии на пять категорий: 1) сербы, 2) болгары и греки, к которым он присоединил куцо-влахов и цинцар, 3) валахи, 4) цыгане и 5) евреи[6]. Вторая и пятая категории не удостоились развернутой характеристики. Последняя по причине малочисленности: «В Белграде находится до 200 домов евреев, которые, подобно грекам, занимаются торговлею и ремеслом»[7]. В обоих случаях этнические категории представлены лишь с хозяйственной точки зрения (о занятиях цинцар и куцо-влахов можно только догадываться). В доброжелательно-нейтральном тоне сказано, что «между болгарами есть и земледельцы»[8]. Названные занятия определяют и подобающий образ жизни; они приемлемы с точки зрения просвещенного наблюдателя.

Прежде чем перейти к характеристике основных жителей Сербии, Розелион-Сашальский более или менее подробно останавливается на «свойствах и нравах» двух категорий: валахов и цыган. И те и другие вызывают у него неприязненные ощущения. Валахи составляют, по предположению автора, приблизительно десятую часть населения, и их существование скрашивается

inslav

лишь тем, что в некоторых местах они смешиваются с сербами. Однако для полной ассимиляции имеются препятствия: «Обитая места гористые и малородные и превосходя невежеством и нерадением все, что можно себе вообразить, жилища, образ жизни и вид сих валахов внушают истинное отвращение. Неопрятность и полускотское небрежение самых последних удобств жизни, малодушие, лукавство и неверность суть отличительные черты их. Сии два последних качества обратились в поговорку между сербами. С помощью их они[9] нередко весьма удачно пользовались добродушием и или неопытностью спайев[10]. Весьма забавным образом валахи изобрели средство удовлетворять своей невоздержанности и вместе [с тем] успокаивать чувства веры: в Петров и Филиппов пост часто между ними одна какая-нибудь старуха обязывается поститься за целое селение, с тем чтобы ей доставляемо было достаточно рыбы»[11]. Удаленности от цивилизации, в рассказе офицера-исследователя, соответствует лживость натуры, как непременный атрибут «варвара» – стереотипа, имеющего давнюю литературную традицию.

Еще более отталкивающих, лишенных спасительной иронии характеристик удостоены цыгане с их подозрительным бродяжничеством и непотребными или даже преступными занятиями. Нейтральный тон рассказчика выдержан лишь в отношении тех из них, кто занят кузнечным ремеслом и изготовлением деревянной посуды. Но уже «искусство» цыган неодобрительно: «Цыганы суть те же, подобно как и в Валахии, музыканты; но дикие нестройные звуки их, сопровождаемые пляскою одетых в женское платье мальчиков служат к увеселени[ю] турок, пожирающих взорами отвратительные телодвижения сих ложных баядерок, возбуждающие похотливость».

В городах так же часто толпы полунагих цыган, особливо женщин, окружают приходящих, стараясь, со свойственным повсюду их имени нахальством, криками и омерзительными кривляньями возбудить их сострадание, заслуживая одно только негодование и презрение, ибо нищета их есть следствие их рода жизни, посвященной лени, бродяжничеству и обманам. Цыганы в Сербии водят также показывать медведей, но весьма мало; без сомнения промысел сей не приносит достаточной прибыли»[12]. Здесь к уже указанным «варварским» характеристикам (нагота, лень, лукавство) прибавляется тема «развращенного Востока»[13].

По-видимому, экскурсы в «этнографию» валахов и цыган выполняют в «Описании» Розелион-Сашальского роль контрастно-проблемного фона для повествования о сербах. «Варварские» («восточные») элементы в их образе жизни и обычаях подверглись таким образом умалению и нейтрализации. Негативному стереотипу «варвара» противостоит руссоистская модель «благо-

inslav

родного дикаря» с его естественной простотой. С нее и начинается рассказ: «Нравы сербов весьма просты. Чиновники, купцы и другие горожане, коих одежда и отчасти род жизни сходствуют с турецкими, не исключаются из сего». Дальнейшее описание сербского «национального одеяния» не акцентирует эти азиатские черты. Напротив, автор подбирает аналоги из традиционного восточнославянского костюма[14]. В описании женской одежды, где влияние показной роскоши варварских и восточных народов более ощутимо, автор предупреждает нежелательные выводы снисходительными ссылками на особенности слабого пола, то есть прибегает к своеобразной гендерной нейтрализации: «Женский наряд весьма разнообразен и не только всякий округ (нахия) или кнежина имеют свой особенный, но часто щеголихи одной деревни не имеют ничего общего в сем отношении со своими соседками, в другом селении живущими. Жены или дочери богатых людей носят такое множество серебряных монет и других украшений, издающих звон при всяком их движении, что надобно иметь их крепкую и неизнеженную комплекцию, чтобы сносить столь тяжелый наряд. Они убирают сими над меру крупными блестками голову, шею и верхнее суконное платье иногда кругом, иногда только сзади, смотря по достатку. Другие заменяют монеты оловянными подражаниями таковым, нарочно для сего делаемыми»[15].

Затушевывая «пагубное» влияние Востока, Розелион-Сашальский указывает, и это симптоматично, на «...многие черты [в обычаях сербов], сходствующие с обыкновениями россиян и доказывающие, что они были общими всему словенскому племени»[16]. Доказательствами являются рефрены народных песен, обычай празднования Иванова дня (24 июня, восточнославянский Иван Купала), а также следы язычества, которые несут в себе некоторые «обыкновения, имена и речи». Последнее замечание, видимо, показалось составителю записки не вполне благонравным, поэтому он заключил свои наблюдения успокоительной констатацией: «Сии следы древности изглаживаются более и более. Сколько от времени и обстоятельств, сколько и чрез старание духовенства».

Внимание к фольклору, пережиткам язычества и бытовой культуре сербов, равно как и установление ее сходства с этнографией россиян, ведущее к выводу об общности происхождения славянских народов, выдвигает автора «Описания» на передовые рубежи тогдашней науки. До того подобные интересы, и тем более выводы, были мало характерны для русских наблюдателей[17]. Устойчивый фольклорно-этнографический интерес проявился, пожалуй, лишь в путешествии П. И. Кеппена, совершившего в 1822 г. поездку по Южной Венгрии и Дунаю[18].

inslav

Рождающаяся этнография строилась на интуитивных основаниях. «Описание» содержит любопытный образец физиогномики, позволяющей распознать добрый нрав серба под обманчивыми внешними атрибутами – необходимо лишь внимательно вглядеться в его лицо: «Физиономия сербов сохранила всю близость к чертам прочих единоплеменных. Они весьма редко имеют совершенно черный цвет волос, но наиболее русый. Лица их, в коих правильность и даже красота не суть редкие явления, представляют выражение мужества и вместе того доброхотства, которое обещает готовность всякую минуту предаться приятным ощущениям и удовольствиям сообщества, что находится в разительной противоположности с отталкивающей угрюмостью турок. Это есть признак, по которому почти всегда можно распознать серба, хотя бы он был в турецкой одежде»[19]. Двигаясь на ощупь, подобная этнопсихология, тем не менее, с неизменной четкостью воспроизводила, как явствует из отрывка, полярность условного Запада и Востока («своего» и «чужого», славянского и турецкого стереотипа).

Интуитивности подхода соответствовала незамутненная цивилизацией чистота объекта исследования, что позволяло развить руссоистские темы близости к природе, врожденной мудрости, физического совершенства, мужественности и любви к свободе у естественных народов: «Сербы, преимущественно же те, кои живут в горах, находятся на весьма низкой степени образования. Во многих отношениях они приближаются к натуральному состоянию человечества; но масса народа сохраняет ту же свежесть разума, которая бывает часто подавляема заблуждениями, сопровождающими почти всегда выход общества из оного состояния. Продолжительная борьба сербов за свою независимость, борьба, в которой всякий, можно сказать, действовал по своему произволу, держался общей цели только по сознанию общей выгоды; борьба сия много способствовала к свободному развитию некоторых способностей народа.

Сербы вообще понятливы, развязны в движениях тела, крепки и храбры; свойства сии располагают их быть хорошими солдатами. Многие уверяют, что вместе с венгерцами лучшее войско в Австрийской империи составляют подданные ее сербского происхождения»[20]. Важно подчеркнуть, что выявление качеств сербского народа в сочинении Розелион-Сашальского не ограничивается указанным стереотипом, но постоянно увязывается с условиями его исторического бытия, в особенности с освободительной борьбой, которую тот вел в три минувших десятилетия.

Этот аргумент использован и для элиминации обвинения в «лени», присущей дикарям: «Трудолюбие нельзя причислить к добродетелям сербов[21]; они

inslav

имеют также мало склонности к промышленности. Это естественным образом происходит от переменчивых обстоятельств, в которых страна их находится с давнего времени, – несмотря на возможное противоречие в трактовке, автор подчеркивает "нравственную" идентичность сербов независимо от пространственной удаленности. – Примечательно, что сербы, рассеянные по Албании и Румелии, почти до Салоники, суть в этом отношении одинак[ов]ых свойств с единоплеменниками своими, живущими в собственной Сербии и многим отличаются от болгар, хотя и смешиваемы с ними бывают по названию»[22].

В пользу сербских «нравов и благосостояния» (sic!) страны, по мнению автора «Описания», говорит малочисленность нищих, отличающая сербов от тех же цыган: «Даже и в городах сей класс людей не столь обыкновенен, как в других странах. Слепцы, лишенные пропитания, снискивают его наиболее не как нищие, коим наичаще дается с пренебрежением и неудовольствием несколько копеек или ломоть хлеба, но как собеседники среди семейств, приводимых ими в восторг и умиление воспеваемыми похвалами подвигам старинных витязей (юнаков) Сербии, а еще более последним боям, в которых многие из сербов сами участвовали, а все имели или имеют родственников, кои бились с турками за Карагеоргия и Милоша. Погибли, либо прославились в сей отечественной войне»[23]. Таким образом, даже физическая неполноценность и сопряженная с ней нищета окружаются романтическим ореолом всеобщей сопричастности геройству поистине гомеровских времен.

Просвещенный наблюдатель не должен идеализировать объект исследования, тем более столь специфичный, поэтому русский офицер признает: «Убийства в Сербии весьма обыкновенны еще и теперь, не взирая на строгость и неупустительность правосудия и множество явлений о том свидетельствующих*. Нередко простые споры имеют таковые последствия»[24]. Эксцессы насилия (но не жестокость правосудия), осуждаемые автором «Описания», связываются с обычаем носить оружие и разреженностью поселений, лишающей сербов «...всякого между собою общежития[25]».

«Нет сомнения, – продолжает убежденный оптимист, – что полезные учреждения могут в короткое время сообщить сему народу хорошие свойства, коих он еще не имеет, и истребит суровые его наклонности, или смягчит их»[26].

---

* «Употребительнейшая казнь в Сербии есть колесование: преступник убивается из ружья или [из] пистолета, а труп, поднятый на так называемое колесо (коло), на мосток, сделанный наверху заостренного столба, коего конец пробивается в тело, остается таким образом на месте казни иногда два и более года. По совершенному истлению [тела] родственники получают позволение предать кости земле» (прим. Розелион-Сашальского).

inslav

Быть может, эти увещевания призваны были сгладить негативный эффект от сказанного.

В разделе о нравах Розелион-Сашальский останавливается на отношении сербов к русским, туркам и австрийцам. Здесь он вновь прибегает отчасти к туманным этнопсихологическим построениям, но в целом объясняет симпатии и антипатии сербов реалистично. Его выводы должны были порадовать и обнадежить начальство: «Преданность к России есть почти врожденное чувство сербского народа, хотя очень часто оно лежит усыпленное в душе его между прочими ощущениями, требующими быть возбужденными, дабы явится чувство сие связано с мыслью о своем существовании и благоденствии. Со времен Петра Великого взоры сербов обращены к своей могущественной покровительнице. Славное имя сего государя и его преемников является с благословениями в народных песнях, составляющих всю поэзию сербов. Есть лица, в которых помянутое чувство превышает меру энтузиазма»[27]. Ненависть к туркам объясняется долгими веками противоборства. Она еще более усилилась в результате «последней революции». Отношение к Австрии продиктовано религиозными притеснениями и недостатком «...в блестящих эпохах военной славы в последних событиях сей империи, эпохах столь сильно действующих на воображение народа, простого и воинственного. Можно сказать, что сербы гордятся столько же бесчисленными лаврами, которые непрестанно были срываемы российскими войсками во всех последних войнах, сколько и сами русские»[28]. Исторические аргументы дополняются простой, но убедительной психологической интерпретацией.

Розелион-Сашальский одним из первых среди русских авторов описал задружную организацию, а также празднование «славы» (дня святого покровителя рода), но гораздо больше места в своем «Описании» он уделил специфике сербского жилища. Неустроенность быта и хозяйства вновь отнесена к нестабильности существования в условиях вооруженной борьбы: «В некоторых странах, где спокойствие не было столь часто нарушаемо, как в собственной Сербии, например, в Черногории жители имеют просторные дома, но в сей первой стране, где нет ни одного дома, который бы был старее 15 или 16 лет, во многих местах жилища едва ли бы могли удовлетворить где бы то ни было заботливости хорошего хозяина о выгодах своего скота. Они вовсе не предохраняются от стужи, по большей части бывают без потолка и нередко с кровлей, содержащей только две стороны, сзади же и спереди элементы имеют свободный вход. Стены сохраняют все щели, остающиеся при неплотно сложенных брусьях, и не всегда замазываются. Не нужно говорить, что печки бывают здесь бесполезны.

inslav

В подобной избе серб проводит со своей семьей зиму перед камином, в коем он за один день сжигает более дров, нежели сколько бы нужно было, чтобы согревать в продолжение двух недель хорошо устроенную хижину. Такие избы можно видеть среди лесов, в коих нет проезда, за огромными деревьями, сваленными ветрами или срубленными и оставленными без употребления. Дома, кроме в городах, не белятся ни снутра, ни снаружи; и опрятность в них соответствует их постройке»[29]. Идеал цивилизации и комфорта вступает в сознании автора в противоречие с откровением грубой простоты, обнаженностью бытия.

И все же рационалистическое благонравие берет верх над романтическими тенденциями. Хотя Розелион-Сашальский отдает должное народной поэзии сербов, завоевавшей признание просвещенной Европы, он оказывается неспособным принять все ее проявления. Те из них, что не вмещаются в каноны величественной красоты, списаны на пагубное влияние турок: «Увеселения сербов состоят в слушании за стаканом сливенки или красного вина простого, но мелодичного пения героических повестей, сопровождаемого звуком гуслей, которые, впрочем, употребительнее в горных частях страны*. На равнинах, ближе к Саве и Дунаю простирающихся, гусли заменяет волынка, вокруг коей пляшут молодые парни и девки коло (круг или колесо) с припевом легкой поскочицы, в которой первые нимало не щадят стыдливости последних.

Сербы заимствовали от турок обычай, который, если не вредит добрым нравам, то по крайней мере не может способствовать и к сохранению их чистоты, обычай произносить без разбора лет и пола слушающих некоторые выражения, кои могут показаться грубыми и непристойными и не самому деликатному уху. И обычай сей есть общий всем классам народа»[30].

В результате, заказная этнография сербского народа в сочинении Розелион-Сашальского выглядит переплетением разноречивых концепций. Взгляд из мира цивилизации, хотя и был подвергнут остранению, сохранил базовую значимость. Доминантным познавательным подходом стала сентиментально-руссоистская модель, отягощенная неприятием «варварства» и «восточной деспотии». Известное влияние на суждения русского офицера оказало «славянское возрождение», чьи тенденции были восприняты, скорее, из западноевропейских и русских источников. Однако автор не склонен был полностью

* «Гуслями в Сербии называется инструмент, конструкцией похожий на балалайку, коего верхняя дека состоит из натянутой кожи. Вместо струн надевается свиток лошадиных волос, по коим водится дугообразным смычком, в то время как пальцы другой руки легко прикасаются близ грифа к свитку» (прим. Розелион–Сашальского).

inslav

отдаваться стихии «народного духа». Кроме того, на отдельные выводы записки повлияли официальные оценки ситуации в Сербии из окружения князя Милоша Обреновича в случае, если они совпадали с авторским видением современной истории.

Примечания

[1] Цит. по: *Достян И. С.* Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розелион-Сашальским // Славянское возрождение: Сб. статей и материалов. М., 1966. С. 106. Подробнее об обстоятельствах назначения миссии, деятельности Розелион-Сашальского и его коллег в Сербии, а также о результатах их работы см. указанную статью И. С. Достян, которая первой обратила внимание исследователей на эти документы.

[2] *Птуха М. В.* Очерки по истории статистики в СССР. Т. 2. М., 1959.

[3] Термин «народность» впервые был употреблен П. А. Вяземским в письме А. И. Тургеневу от 22 ноября 1819 г. по поводу стихотворения «Первый снег». Обсуждение проблемы «народности» в дальнейшем стимулировалось дискуссиями о романтизме в литературе. См.: *Трубицын Н.* О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. Очерки. СПб., 1912. С. 289, 405–442; *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. 2. СПб., 1891. С. 350–374; *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. [Т. 1]. М., 1958. С. 190–193, 214–255.

[4] Российский Государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 439. «Сербия». Д. 6. Л. 54.

[5] «Вместо угнетенных налогами жителей, вместо непорядков и неповиновения, с одной стороны, насилий и жестокости – с другой, вместо бродяг, наполняющих леса, занимающих ущелья и кроющихся почти во всякой роще, и невозможности, кроме совершенных равнин, путешествовать иначе как верхом, вместо всего этого в Сербии встречается довольство между жителями, вносящими почти не чувствительные подати, невзирая на то народная казна снабжена несколькими миллионами пиастров, плодом бережливости. Заметен во всем порядок и точность исполнения; безопасность жизни и собственности от грабежа, несмотря на обширные и почти дремучие леса, коими покрыта страна и множество теснин, торговцу и путнику предоставляются везде широкие, гладкие и безопасные дороги, где только горные каменистые кряжи или необыкновенная крутизна и вышина гор не положила тому непреодолимых препон». (Там же. Л. 53 об.–54).

[6] Матрицей для данной классификации могла служить характеристика А. М. Спиридонова, с которой автор «Описания», вероятно, был знаком: [*Спиридонов А. М.*] Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в европейской части Турецкой империи // Северный архив. 1825. № 14. С. 84–133; № 15. С. 191–234; 1826. № 1.

inslav

С. 34–48. Об авторе этого сочинения см.: *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 173–185.

[7] РГВИА. Ф. 439. «Сербия». Д. 6. Л. 59.

[8] Там же. Л. 57 об. Ср.: *Куприянов П. С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 28–30.

[9] Валахи.

[10] Спахиев, турецких землевладельцев.

[11] РГВИА. Ф. 439. «Сербия». Д. 6. Л. 58–58 об.

[12] Там же. Л. 58 об.–59.

[13] *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

[14] «Для зимы имеют род суконного зипуна или тулуп». Сербская обувь сравнивается с «малороссийскими постолами» (РГВИА. Ф. 439. «Сербия». Д. 6. Л. 59–59 об.).

[15] Там же. Л. 59 об. Ср. устойчивое отождествление Востока с женским началом в европейской культуре, рассмотренное Э. В. Саидом.

[16] Там же. Л. 59 об.–60.

[17] И. А. Калоева приводит пример Ф. П. Лубяновского (путешествие 1800–1802 гг.), указавшего на близость чешских обычаев к обычаям Малороссии, и М. Бобровского, подчеркнувшего славянские обычаи Далмации в статье 1824 г.: *Калоева И. А.* Изучение южных славян в России в конце XVIII – начале XIX века // Труды Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т. 7. М.–Л., 1963. С. 183, 199. К важному исключению следует отнести и некоторые записи А. С. Кайсарова, сделанные во время путешествия по Южной Венгрии. См.: Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. // Архив братьев Тургеневых. Вып. 4. Пг., 1915. С. 71–77, 89–94. Ср.: *Куприянов П. С.* Указ. соч. С. 32–33.

[18] Петербургский филиал архива РАН. Ф. 30. Д. 138 (Кн. IV). Л. 2, 4, 5 об., 9 и др. См. также: *Потепалов С. Г.* О роли П. И. Кеппена в истории русско-славянских культурных связей // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962. С. 177–211; *Он же.* Путешествие П. И. Кеппена по славянским землям // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М., 1963. С. 5–22; *Цейтлин Р. М., Никулина М. В.* П. И. Кеппен и его путешествие по Сербии и Хорватии и соседним с ними землям // Зборник за славистику. Кнь. 17. Нови Сад, 1979. С. 61–87.

[19] РГВИА. Ф. 439. «Сербия». Д. 6. Л. 60–60 об.

[20] Там же. Л. 60 об.–61.

[21] Ср. у А. М. Спиридонова: «Народ, воинственный, *трудолюбивый* (курсив мой. – *М. Б.*), почти презирающий торговые промыслы, исключительно промышляющий об освобождении своего отечества...». [*Спиридонов А. М.*] Указ. соч. С. 109.

[22] РГВИА. Ф. 439. «Сербия». Д. 6. Л. 61.

inslav

[23] Там же. Л. 61–61 об.

[24] Там же. Л. 61 об.–62. Выше автор замечает: «Впрочем, жестокость можно причислить в Турции к эпидемиям...» (Л. 51).

[25] Логично было бы, напротив, предположить, что это снижает уровень социальной конфликтности.

[26] Там же. Л. 61. Такая уверенность была свойственна не ему одному. Ср. с оптимизмом С. А.Санковского в его описании Черногории: Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. Руски извори о Црној Гори од краја XVII до середине XIX вијека. Подгорица–Москва, 1992. № 5. С. 66–77 (С. А. Санковский – А. А. Чарторыйскому, 24 октября 1805 г.).

[27] РГВИА. Ф. 439. «Сербия». Д. 6. Л. 62–62 об.

[28] Там же. Л. 62 об.

[29] Там же. Л. 63–63 об. См. также: Л. 54.

[30] Там же. Л. 63 об.–64. Розелион-Сашальский подробно характеризует народную поэзию в XIII разделе своего «Описания» (Л. 114–117 об.).

inslav

Латинка Перович
(Сербия)

Личность князя Михаила Обреновича на страницах дневника Николы Крстича

«В это время нигде в мире
нельзя было найти человека,
более подходившего на роль князя...»
(Никола Крстич. 26 сентября 1867 г.)

1. Чем была обусловлена точка зрения автора дневника

В дневниковых записях о своей частной и общественной жизни, которые Никола Крстич вел на протяжении многих лет (с 31 декабря 1859 до 20 августа 1896 г.), описана вся история Сербии второй половины XIX в., возможно, единственная ее цельная история. В его описаниях общественной и политической действительности и обыденной жизни, а также в его впечатлениях, отражены возможности, тенденции и прогнозы развития Сербии. Как пишет Милош Ягодич, «рассматриваемые в целом, размышления Крстича содержат в себе обоснованную критику существующего положения в стране и немалую долю пессимизма во взгляде на ее будущее»[1]. Однако гораздо проще понять то, что точка зрения Крстича специфична, чем объяснить, почему она является таковой[2].

Доктор философских и юридических наук, и, наряду с этим, профессор истории, Никола Крстич принадлежал к той части сербского народа, для которого было характерна вера в разум, власть закона и представление о всеобщем благе. Родившийся в 1829 г. в Ваце (Венгрия), где он учился и где формировались его взгляды на личность, общество и государство, Никола Крстич переехал в Сербию в 1853 г. и прожил там до самой смерти (умер он в 1902 г. в Белграде).

Как и большинство венгерских сербов, «людей, которые открывали школы, писали школьные учебники, распространяли знания в народной среде, пытались переустроить государство»[3], Никола Крстич считался в Сербии иностранцем, «швабом». Нет сомнений, что это повлияло на то, что в Сербии, где нельзя было найти «даже десятка образованных людей», ему, несмотря на знания, необходимую подготовку и искренние патриотические чувства, удалось получить место, которое отвечало интересам государства, но не то, которое

inslav

было бы достойно его заслуг. Ему было доверено исполнение важных миссий в 1861, 1866 и 1867 гг. Они, в основном, касались венгеро-сербских отношений. Два раза (в 1873 и 1874–1875 гг.) он назначался правительственным депутатом скупщины. Однако, в будущем его карьера уже не выходила за рамки высоких чиновничьих должностей внутри судебно-полицейской системы. Но предполагать, что критические взгляды Николы Крстича на развитие Сербии и его карьера были взаимосвязаны, значит упрощать ситуацию. Никола Крстич служил Сербии 49 лет. Он никогда не изменял себе. А это значит, что основы для единства сербского народа он тесно связывал с такими понятиями, как разум, законность и всеобщее благо. Именно здесь корни его независимости, его критических взглядов. Он не мог от них отречься и покинуть Сербию[4].

И в Сербии самыми близкими ему людьми были те, которые разделяли те же ценности: государственные деятели Илия Гарашанин, Йован Маринович и Коста Цукич; немногочисленные интеллектуалы: Джуро Даничич и Иосиф Панчич, историк Лазар Арсениевич Баталака. Дневниковые записи Крстича – это ценный источник об их стремлениях и неудачах. И только он оставил об этом столь исчерпывающие свидетельства.

2. Эпоха Обреновичей как хронологические рамки и историческое содержание дневниковых записей

Никола Крстич начал вести дневник в последний день 1859 г., через год после возвращения князей Милоша и Михаила из эмиграции, а закончил 20 августа 1896-го. До убийства короля Александра 29 мая 1903 г. он не дожил.

При помощи дневниковых записей, в которых отражена общественная и личная жизнь Николы Крстича, можно составить целостные портреты всех Обреновичей: князей Милоша и Михаила, князя и короля Милана и короля Александра, а также княгинь Любицы и Юлии, королевы Наталии. Записи Крстича – это своеобразная сага об Обреновичах. Он считал их одаренными, но не великими правителями. Недостатки, которые проявлялись в частной жизни каждого из них, для Крстича означали то, что они не имели понятия о трудностях и о бремени власти вообще[5]. Отсюда и его предсказание трагедии династии Обреновичей. Кроме того, в дневниковых записях Крстича отношения между Обреновичами и народом показаны с двух сторон. Наблюдая, к примеру, за воспитанием малолетнего князя Милана, а затем и короля Александра (они воспитывались бездарными учителями в отсутствии родителей, получив, таким образом, эмоциональные травмы, став капризными и расточительными), Крстич предчувствовал их недостатки, как будущих правителей.

inslav

Дневниковые записи свидетельствуют об осведомленности Н.Крстича в делах Обреновичей. Между тем, такую его осведомленность признавали уже современники – католический священник Викторини в 1863 г. просил его подготовить биографию князя Михаила[6]. А в связи с убийством князя от него затребовали написание брошюры «Обреновичи и Сербия», которую он написал за одну ночь[7]. Как современник династии Обреновичей, Никола Крстич делал записи обо всех ее представителях. Но создается впечатление, что в его заметках о князе Михаиле, если оценивать их спустя почти полтора века, отражается история всей династии Обреновичей: успешное начало, стремительный, но постепенный подъем, застой, упадок и конец. Дневниковые записи Николы Крстича особенно интенсивны и подробны во время второго правления князя Михаила. И это не случайно.

Смерть князя Милоша в 1860 г. явилась для Николы Крстича важным рубежом: речь шла о курсе дальнейшего развития страны. Все с большими надеждами ждали князя Михаила. Крстич, как и большинство, также смотрел на князя с надеждой, но разделял и опасения меньшинства. Он не распространял на князя Михаила свое понимание просвещенного монарха и не пытался разглядеть в князе какие-то добродетели, которые было бы приятно видеть ему самому. Но, по его мнению, Михаил, еще находясь в тени отца, князя Милоша, зарекомендовал себя как человек образованный, мудрый и великодушный, понимающий всю важность достижения всеобщего блага[8]. Как правитель с ясным представлением о политике, осознающий свою миссию и знающий страну, где эту миссию необходимо выполнить. В князе Михаиле «соединялись все желания». Поскольку «возможности для проведения реформ не соответствуют нашим стремлениям, в соответствии с которыми мы бы хотели эти реформы провести»[9]. По мнению Крстича, препятствия для проведения реформ имели двойственный характер.

Положительные личные качества князя Михаила не могли заменить всеобщих усилий, которые были необходимы для того, чтобы отсталая и бедная страна преобразилась. Было необходимо, чтобы князя Михаила окружали просвещенные и честные люди, которых вокруг него не было. Как говорил Баталака Крстичу, «князь был должен рассчитывать на свои силы, а не на нас, так как мы ему помочь не можем, ведь мы все никуда не годимся, все мы подлецы»[10]. Другими словами, он должен был уравновешивать «своим характером слабости своих министров, своими знаниями – их незнание, своей умеренностью – их крутость, своей справедливостью – их беззакония и своей строгостью любого удерживать в правовых рамках»[11]. То есть, князь Михаил мог выбирать – или он закрывает глаза на некомпетентность, безответственность и коррумпированность своих министров и советников, или берет все

inslav

в свои руки. Крстич считал, что «абсолютизм сам по себе – негативное явление, но с помощью абсолютной власти, сосредоточенной в руках одного человека, если он справедлив и разумен, можно многое осуществить. Это зависит от князя Михаила, и поэтому его вина в том, что он сам не взялся за решение многих проблем»[12]. Однако, по мнению Крстича, этому мешали некоторые черты характера самого князя.

Князь Михаил находился вне среды – в том числе и физически: «по пять-шесть часов проводил в комнате безвылазно... и жаловался на то, что ему некуда пойти»[13]. Ему было одиноко: «У него были министры и советники, т. е. люди, которые служили ему, ... но не было людей, с которыми он бы мог общаться искренне, как с друзьями»[14]. Крстич был уверен, что такие разговоры помогли бы князю отделить частное от государственного и не совершить в личной жизни никаких поступков, которые могли бы нанести ему ущерб как правителю, посвятившему свою жизнь достижению всеобщего блага. Это помогло бы ему избежать как женитьбы, так и развода с княгиней Юлией[15], а также мыслей о женитьбе на своей родственнице Катарине. «Частная жизнь монарха должна быть такой чистой и незапятнанной, чтобы ее можно было приводить в пример всему народу, так же, как и чувство патриотизма, которое у князя должно быть самым сильным. Добродетели общественного характера не всегда могут оттеснить на второй план тени приватной жизни»[16]. Монарх должен разделять свой долг и частную жизнь: «Имеющий власть над всеми, он должен отбросить все свои личные ощущения, если они входят в противоречие с общими интересами. Поставленный надо всеми, он должен возвыситься и над своими личными слабостями, страстями и желаниями. Всеобщее благо для него должно значить больше, чем для кого-то другого, быть для него единственной целью в жизни»[17]. Это и есть «бремя и муки власти», которые Обреновичи тяжело переносили. Их окружение использовало это в своих целях, чтобы помешать тому, чего они хотели и что от них ожидали немногочисленные просвещенные люди в Сербии.

3. Князь Михаил и положение в Сербии после смерти князя Милоша

Никола Крстич не пытался на страницах своего дневника совладать со своими негативными эмоциями, которые у него вызывала долгая жизнь и энергичность князя Милоша[18]. Долгая жизнь основателя сербского государства, который превратился в тирана, по его мнению, мешало князю Михаилу провести необходимые изменения в состоянии Сербии, которое он описывал как кризисное и болезненное, как аномальное. Сербия отставала в развитии от других стран. Народ был бедным и необразованным. Не хватало людей, обла-

inslav

давших знаниями и характером. Эгоизм и личные интересы сводили на нет само понятие всеобщего блага. Враждебное отношение к критике тормозило прогресс во всех сферах и приводило к деморализации[19].

Среди депутатов Народной скупщины преобладали крестьяне, полуграмотные или вообще неграмотные. Они знали только обычное право, и какие бы то ни было современные правовые нормы и институты власти они расценивали как угрозу обычному праву и даже самому народу. Тех людей, которые составляли законы и обосновывали в Скупщине необходимость их принятия, большинство депутатов считало предателями. Они не просто критиковали государственных чиновников за их злоупотребления, но желали уничтожить сам институт чиновничества. В основе деятельности политических партий лежали семейные и личные интересы. Они вели между собой борьбу не на жизнь, а на смерть, до полного уничтожения противника. Немногочисленная интеллигенция была еще полуобразованной, в ее среде преобладали эгоистические интересы. Следствием всего этого была полная путаница в понятиях. А именно от этого явления, по мнению Крстича, необходимо было избавиться прежде всего.

С его точки зрения, князь Михаил разделял ожидаемое многими желание направить Сербию по пути перемен: «Многие сербы искренне радуются тому, что на престол вступил князь Михаил. Все разумные люди говорят, что он будет в состоянии повести народ по пути прогресса. Те, кто знает князя, говорят, что это человек с характером, и вместе с тем, рассудительный, что он настоящий патриот, о чем говорят сами его поступки и вся его жизнь... О нем везде думают хорошо: те, кто его знает, превозносят его до небес, те, кто не знает, ждут от него только позитива – чтобы были искоренены все пороки, царившие до недавнего времени в сфере государственного управления; чтобы права народа соблюдались как в стране, так и вне ее; чтобы были отменены должности, в которых нет надобности; чтобы были найдены новые источники государственных доходов; чтобы расширялись возможности для торговли; чтобы шло вперед дело народного просвещения; чтобы появлялись новые возможности для научной деятельности, которая должна занять достойное место; чтобы на должности назначались люди способные и заслуживающие их; одним словом, чтобы в Сербии началась новая жизнь во всех сферах – государственной, общественной, литературной и религиозной; и все это ожидали от правления князя Михаила»[20].

Большие надежды, которые связывались с князем Михаилом, были для него тяжелым испытанием. Об этом хорошо знали и «все разумные люди». Поэтому они и опасались того, что князь может махнуть на все рукой и покинуть страну. В противном случае он бы вряд ли остался в живых.

inslav

4. Внутренняя и внешняя политика князя Михаила

Сразу же после смерти князя Милоша его преемник обнародовал особый манифест, в котором былы изложены основные пункты программы его деятельности, и которая, по мнению Крстича, была «важной и обоснованной».

Во-первых, принимая власть «по воле Бога и народа сербского как наследственный князь, в соответствии с султанскими хатт-и-шерифами и Законом о престолонаследии», Михаил утвердил право наследования княжеского престола. Тем самым он сразу бросил вызов Порте, и любой отпор с ее стороны уже ничего не значил[21].

Во-вторых, основой своей политики князь провозгласил законность. «Пока на престоле находится князь Михаил, – говорилось в манифесте, – каждый должен знать, что закон в Сербии – главная сила, которой следует подчиняться. Это и в самом деле золотые слова, которые, особенно в Сербии, имеют огромное значение, ...это то, чего в Сербии как раз и не было»[22]. Смешение законности и тирании превратилось в анархию и беззаконие, стабильность в таких условиях была невозможна.

В-третьих, князь Михаил объявил амнистию политическим преступникам. Тем из них, которые были изгнаны, было позволено вернуться в страну: «Им ничего не угрожает за то, что они, возможно, когда-то были врагами династии Обреновичей». Князь старался «примирить все партии и сделать так, чтобы все люди, что бы они не думали о положении в государстве, ради пользы народа и страны, сплотились вокруг него – человека, желающего добра и прогрессивного развития своему народу»[23]. Раньше в Сербии не могли и представить себе такого.

В-четвертых, монарх провозгласил, что «должности будут занимать только достойные люди»[24]. Для страны, где царили деспотизм и некомпетентность, это было новым явлением. В манифесте обещалось, что «за несколько лет Сербия добьется больших успехов на пути прогресса»[25].

Таким образом, князь Михаил обнародовал во всех отношениях беспрецедентную программу деятельности. До него о реформах такого масштаба не задумывались ни государственные, ни политические деятели, ни интеллигенция. Поддержка этих реформ была открытой, а сопротивление тайным.

Крстич считал особенно важным для Сербии то, что во время Восточного кризиса на ее престол вступил монарх с репутацией благородного человека, ставивший перед собой конкретные задачи. Князь Михаил добивался своей главной цели (освобождения от власти османов) дипломатическим путем, устанавливая тесные связи между балканскими народами: «Освобождение городов от турецких гарнизонов означало бы наиважнейшую победу Сербии,

inslav

которая стоила бы многочисленных человеческих жертв и материальных затрат. Князь освободил города мирным путем, без финансовых затрат и не пролив ни единой капли крови»[26].

Князь Михаил пытался объединить вокруг себя молодых образованных людей, воспитывая в них энергию и отвергая месть, как главный компонент политической борьбы. Благодаря доброй воле князя и его личному вкладу, в стране появлялись новые учреждения и новые люди[27]. Однако свою отрицательную роль сыграла инертность князя Михаила, из-за которой он терял инициативу. Постепенно у «разумных людей» рассеивались иллюзии, что князь может что-то изменить. И все же – убийство монарха, тем более, такого, как князь Михаил, было равно национальной катастрофе и краху государства, причем не только с точки зрения современников князя.

Описанием первой вести об убийстве князя Михаила, которую из Топчидера донес Илия Гарашанин, самого убийства, предположений о его политических мотивах и далеко идущих последствиях («легко может случиться, что это событие ознаменует начало новой эпохи в жизни сербского народа»[28]), Никола Крстич завершил повествование об истории жизни князя Михаила в своем дневнике.

По своим характеристикам убийство князя Михаила было предательским – он был убит во время прогулки по Топчидеру[29]. Оно было жестоким – пострадало окружение князя, в том числе женщины[30]. И, наконец, оно было ритуальным, как и остальные политические убийства в Сербии, – убийцы изуродовали тело уже мертвого князя[31].

Убийство князя Михаила вызвало шок. Господствующими были два чувства – жалость и страх, а также неопределенность. «Чувство какого-то необъяснимого страха овладело мной, да и всем городом. Мы боимся за свое будущее. Да, всюду поддерживается порядок, но когда вспоминаешь, какой страшной смертью умер князь, душа не может не затрепетать. Бедная Сербия, что с тобой будет?! За много лет мало что осталось здесь от взаимного доверия. Да смилуется над нами Бог и сохранит нас от еще больших напастей»[32].

5. Прямые и долгосрочные последствия убийства князя Михаила

Прямым следствием убийства князя Михаила было снижение уровня нравственности общества, который и без того был не особенно высоким.

В своем дневнике Никола Крстич не раз высказывает сомнения в том, что о подготовке убийства князя Михаила было известно заранее[33]. Под подозрение попали некоторые политические деятели, прежде всего Миливое Блазнавац. Он играл ключевую роль в первые дни после убийства. С помощью армии

inslav

ему удалось добиться того, что малолетний Милан Обренович был избран престолонаследником. Несколько месяцев спустя после убийства князя Блазнавац женился на Катарине[34].

Процесс над князем Александром Карагеоргиевичем, обвиненным в том, что он материально поддерживал участников заговора против Михаила Обреновича, проходил в судебных инстанциях Венгрии, сопровождаемый различными перипетиями – сербское правительство не предоставило необходимые документы; имущество Карагеоргиевичей в Венгрии и Румынии было арестовано в счет покрытия расходов Сербии, понесенных вследствие убийства князя (экстренный сбор народного ополчения, усиление охраны, созыв Народной скупщины); поддержка обвинения в первичных судебных инстанциях и его отклонение на высшем судебном уровне. Во всем чувствовалась разница между Венгерским королевством, где действовали правовые нормы и Сербией, которая правовым государством не являлась[35].

Позиция министров была основана на отрицании всего, что было осуществлено во время правления князя Михаила.

Партии стремились «использовать в своих целях» убийство князя Михаила[36].

Это убийство само по себе являлось важным фактором деморализации народа, поскольку «печальный конец князя Михаила может только упрочить в народе мысль, что руки убийцы не сможет избежать и самый праведный и честный правитель»[37]. Это событие вызвало не просто сильное потрясение в стране. Сербия была отброшена в своем развитии «на много лет назад». К первой годовщине убийства князя Михаила Никола Крстич написал следующее:

«Это событие, последствия которого так остро ощущаются сегодня, будет еще долго напоминать о себе. Страна лишилась мира и покоя, а надежды на ближайшее счастливое будущее были утрачены. Партийная борьба, в основе которой лежат прежде всего частные интересы, разъединяет не народ, а наше чиновничество, нашу интеллигенцию; но она может проникнуть и в народную среду, ведь народ – это масса, а чиновничество и интеллигенция – ее движущая сила. По всей вероятности, противоречия между отдельными группами людей будут нарастать. Разве они могут привести к чему-то хорошему?»[38]. Могут ли они привести к чему-то, кроме аномального состояния, из которого князь Михаил пытался вывести Сербию и был остановлен на этом пути таким жестоким образом?

Состояние и тенденции развития страны после убийства князя Михаила только убеждали Николу Крстича в том, что его пессимистические прогнозы верны. «Говорили, что настало новое, более благоприятное время для всех»[39],

inslav

но окружение князя совсем не разделяло его программу – признание закона как выражения высшей воли, прекращение политической вражды, компетентность во всех сферах деятельности. Реформы не проводились[40], преобладали личные и клановые интересы[41]. Проводимые ежегодно торжественные мероприятия в память о князе Михаиле могли ввести в заблуждение многих, но никак не Николу Крстича. Он ясно видел, что политический курс князя был предан забвению[42]. Конкретной программы развития страны не было, не было и людей, «которые нашли бы в себе силы и умение направить общие стремления в русло созидательной работы так, чтобы устранить все препятствия на пути к достижению всеобщего блага»[43].

Частные и клановые интересы господствовали в стране, нанося ущерб интересам государственным. Крстич писал, что в стране не хватает людей с характером, обладающих знаниями. Но главной причиной «сербского несчастья», как Илия Гарашанин назвал убийство князя Михаила, было непонимание роли и значения всеобщего блага и государственных интересов в среде интеллигенции.

6. Сила и право

В своих дневниковых записях Никола Крстич постоянно возвращался к личности князя Михаила. По мнению автора, положив в основу программы своей деятельности принцип соблюдения законов, он сделал важный шаг в процессе модернизации Сербии. Без этого невозможно продвинуться в деле государственного строительства. Возможно, Крстич не знал о высказывании Герцена: «Только у диких народов история пробивается убийствами»[44]. Но не один раз на страницах своего дневника он высказывал убежденность в том, что через убийства нельзя придти к свободе, это путь к тирании. Он приводил в пример смену правителей в Османской империи (точнее, смерть султана Абдул-Азиза) как доказательство того, что «Турция – не европейская держава». А в связи с изданием «Истории сербского народа» Беньямина Каллая, в которой тот высказал мысль, что у сербского народа нет способности к государственному строительству, Крстич написал следующее: «Да, в самом деле, есть такое впечатление. После невероятного напряжения народных усилий, направленных на освобождение от пятивекового рабства, сербы получили сначала полунезависимое, а затем и полностью независимое государство; но чего только не произошло в этом государстве за какие-то 87 лет. Первый наш правитель убил своего отца и дал повесить родного брата, после чего покинул Сербию. Второй правитель убил первого, а заодно и воевод, чтобы укрепить государственный строй, а потом, когда он превратился в тирана, его изгнали вместе с сыном. Изгнали и сына первого правителя, князя Александра. Князя

inslav

Михаила, когда он во второй раз вступил на престол, убили, и один Бог знает, что бы было со старым князем Милошем, если бы он прожил еще сколько-то лет. Король Милан на пике своего правления оставил престол, измученный неудачами во внутренней политике и в личной жизни»[45].

Никола Крстич не дожил до 29 мая 1903 г., когда вместе с женой был зверски убит последний из Обреновичей – король Александр. После стольких убийств и изгнаний, убийство князя Михаила – первого просвещенного монарха в новой истории Сербии, правителя, который провозгласил закон выражением наивысшей воли («право идет рука об руку с просвещением»[46]) было достаточным поводом для пессимистического взгляда в будущее. Никола Крстич знал, что это убийство нанесло тяжелый удар по самой идее правового государства и, таким образом, в стране продолжало царить беззаконие[47]. Нельзя придти к свободе и прогрессу, проливая кровь, – этот путь ведет лишь к тирании. Закон – это условие свободы и прогресса, мерило политической зрелости и цивилизованности народа[48]. Так Никола Крстич объяснял свое понимание жизни, судьбы и роли князя Михаила в истории Сербии.

(Перевод с сербского языка – *М. С. Ващенко*)

Примечания

[1] *Jagodić M.* Predgovor // *Krstić N.* Dnevnik. Javni život. IV. Priredio M. Jagodić. Beograd, 2007. S. 6.

[2] См.: *Perović L.* Nikola Krstić – Srbin iz Austrougarske i intelektualac u Srbiji druge polovine XIX veka. Prilog proučavanju srpske elite // Tokovi istorije. Beograd, 2008. Br. 1.

[3] *Krstić N.* Dnevnik. Privatni i javni život. I. Priredili A.Vuletić i M.Jagodić. Beograd, 2005. S. 21.

[4] «На самом деле, мне не было бы жаль оставить Сербию, и я был бы согласен и на то, чтобы изгнали всех иностранцев, всех "швабов", если бы я знал, что тогда в народе воцарится мир и покой, что страна станет счастливой, и если бы я мог увидеть хотя бы какую-то положительную сторону такого изгнания. Но жалко то, что здесь нет заботы о всеобщем благе, которое таким всеобщим изгнанием было бы отброшено назад, а над людьми бы властвовали только их страсти. Тяжко нам, когда мы такие; дай Бог, чтобы все это пошло на пользу Сербии и сербскому народу» (Ibid. S.46).

[5] «И впрямь, нашей правящей фамилии будто бы свойственно нечто, вызывающее постоянные скандалы. Князь Милош прославился своей безнравственной жизнью; Анка Евремова родила ребенка от зятя; Мима-Ермила-Йованова расстается с мужем; у князя Михаила – внебрачный сын; сейчас он в процессе развода с княгиней Юлией, и, говорят, что он женится на дочери Анки. Я не знаю, все ли это правда, но полагаю, что и это большой позор для лиц из правящего дома, если о них распускают такие скандальные

inslav

слухи. У народа, который должен бороться за свое будущее, правители должны быть нравственно чисты и они должны добиваться успехов в важном деле национального возрождения. Тень, которая будет падать на князя Михаила, если он разведется с женой, и, в особенности, если он, как говорят, женится на Катарине, помешает ему, даже при всех своих положительных качествах, воздействовать на народ так, как необходимо для большего напряжения усилий. Пороки, свойственные его частной жизни, мешают ему в общественной деятельности, и недовольные люди из-за этого найдут повод распространять в народе сплетни и слухи» (*Krstić N.* Dnevnik. Javni život. I... S. 216–217).

[6] «Недавно я получил письмо от католического священника Викторини, в котором он просит меня, чтобы я описал жизнь князя Михаила. Я передал это князю через Настаса Петровича, и он мне это позволил, таким образом, для меня появилась новая работа» (*Krstić N.* Dnevnik. Privatni i javni život. II... S. 140).

[7] «Сегодня сдана в печать брошюра "Обреновичи и Сербия", датированная 31 мая. Я писал ее всю ночь и закончил только в половине девятого утра. Вчера ко мне зашел Коста Цукич и попросил меня ее написать. Он добавил к ней несколько стихотворений. Йован Маринович сегодня поблагодарил меня за написание этой брошюры; она ему понравилась» (*Krstić N.* Dnevnik. Javni život. II... S. 31).

[8] «Когда князь Михаил в первый раз (в 1839–1842 гг. – *Л.П.*) вступил на престол, ему было чуть больше шестнадцати лет. В Белграде тогда не было нормальных постоялых дворов. Князь Михаил издал указ о строительстве большого здания, предназначенного для этих нужд: "К нам приезжают иностранцы, которым негде остановиться и разместиться; поэтому пусть будет построен этот постоялый двор, где иностранцы смогут проживать с комфортом". Тогда управляющий княжеским имуществом был некто Пазарац, который сказал, что князь не понимает, что делает и на что тратит деньги, и что необходимо их беречь. Князь спросил его: "А на что их беречь?", и Пазарац ответил, что будто бы деньги могут понадобиться в том случае, если ситуация в Сербии изменится в худшую сторону. "Я так не думаю, – ответил молодой князь, – мне деньги не нужны. А если Сербия погибнет, то и мне жить будет незачем, тогда и я погибну с ней"» (Ibid. S. 58).

[9] Ibid. S. 108.

[10] *Krstić N.* Dnevnik. Privatni i javni život. I... S. 128.

[11] Ibid.

[12] *Krstić N.* Dnevnik. Javni život. I... S. 291.

[13] *Krstić N.* Dnevnik. Javni život. II... S. 13–14.

[14] Ibid. I... S. 209.

[15] «Как говорит Карло Пацек, "afterminister" Димитрие Матич пришел к князю Михаилу, чтобы извиниться за то, что не включил в схему государственного родословия имя княгини Юлии, утверждая при этом, что так предполагалось в прошлом году, а в нынешнем – вновь было издано "родословие" из прошлогоднего календаря; к тому же они не знали, когда родилась княгиня. Пацек говорит, что тот, кто редактировал "родословие", специально не включил в него княгиню, подчеркнув, что есть люди, которые говорят, что княгиня Юлия – католичка, позорящая сербский народ, и что князь

inslav

Михаил сопровождает ее в часовню при австрийском консульстве, а потом сам идет в православную сербскую церковь» (*Krstić N.* Dnevnik. Privatni i javni život. I... S. 49).

[16] *Krstić N.* Dnevnik. Javni život. I... S. 182.

[17] Ibid.

[18] «Я слышал, что князь Милош болен. Но с ним ничего не случится, он уже завтра сможет поехать в Топчидер. В самом деле, этот человек обладает недюжинной силой... Завтра, как и в Тодорову субботу, празднуется день рождения князя Милоша, которому исполнится 81 год» (*Krstić N.* Dnevnik. Privatni i javni život I... S. 72, 77).

[19] «Панчич вчера сказал, что мне не стоит критиковать наше положение, особенно когда я езжу по Сербии. Нежелательно, чтобы люди слышали о том, что государство никуда не годится. И есть ли такие люди, которые бы хотели, чтобы у нас все было в порядке, кроме меня одного... Нет сомнения, что дела наши плохи, но хуже всего то, что нет никого, кто бы знал обо всех опасностях, которые нам угрожают. Везде царит одно только уныние, и я бы сказал, что деморализация чиновничества и народа приобретает угрожающие размеры. Новое государственное устройство в стране привело к централизации, которая бы в разумных пределах была бы благом, а у нас приводит лишь ко злу» (Ibid. II... S. 65–66).

[20] Ibid. I... S. 128–129.

[21] Ibid. S. 127.

[22] Ibid. S. 127–128.

[23] Ibid. S. 28.

[24] Ibid.

[25] Ibid.

[26] *Krstić N.* Dnevnik. Javni život. II... S. 168.

[27] «До меня давно доходили слухи, что князь Михаил, верный своему манифесту, пытался исправить ситуацию, при которой люди, несправедливо лишившиеся своих должностей, не были обеспечены пенсиями. Из своих собственных средств он выделил на это четыре тысячи дукатов в год, поскольку ожидалось, что на пенсию выйдет большое количество чиновников; потом, на эту же цель он выделил правительству пятьдесят тысяч дукатов без начисления процентов; кроме того, на его личные средства была построена лестница, по которой удобно спускаться к Савве, около дома Станимировичей, а городским властям Белграда он ссудил тридцать тысяч дукатов под небольшие проценты» (*Krstić N.* Dnevnik. Privatni i javni život. I... S. 130).

[28] *Krstić N.* Dnevnik. Javni život. II... S. 29.

[29] «Князь Михаил был убит вчера, во второй половине дня в Топчидере. Говорят, что трое убийц, у каждого из которых было по два револьвера, подкараулили князя, преградили ему путь и застрелили его» (Ibid).

[30] «Горе! Беда! Князь Михаил убит. Вместе с ним погибла госпожа Анка Константинович. Катарина и Светозар Гарашанин ранены. Все это произошло этой ночью в Топчидере... Это страшно» (*Krstić N.* Dnevnik. Privatni život. II... S. 167); «Об убийстве князя стало известно больше. Князь гулял вместе с Катариной, за ними следовала Анка

inslav

и Светозар Гарашанин с Томанией Обренович. Трое убийц вышли к ним навстречу, поклонились князю и, когда князь попытался пройти дальше, выхватили револьверы и выстрелили в него и в Катарину. Князь сразу упал, пробормотав что-то – по слухам, он сказал: "Люди, оставьте меня, Боже, помоги мне!" – и Катарина пустилась бежать; правда, Анка решила вступиться за князя, но и она сразу же была убита. Гарашанин выхватил саблю, но его ударили по руке и он упал» (*Krstić N.* Dnevnik. Javni život. II... S. 30).

[31] «Преступники (покончив с Михаилом – *Л. П.*), наступили на грудь князя и каким-то топориком изуродовали его – разбили ему лоб так, что вытек мозг; отрубили верхнюю челюсть и один ус, искромсали ему всю грудь и ноги. На мертвое тело князя страшно смотреть» (Ibid).

[32] Ibid. S. 168.

[33] «И иностранцы, накануне убийства князя находившиеся в Белграде, писали о том, что до них доходили слухи о подготовке убийства» (*Rovinski P. A.* Zapisi o Srbiji 1868–1869 (Iz putnikovih beležaka). Novi Sad, 1994).

[34] «Правда ли это, возможно ли это? Не имею понятия; хотя существуют факты, опираясь на которые можно так думать, ... что несколько месяцев спустя после смерти князя (Блазнавац – *Л. П.*), женился на Катарине, мать которой была убита; и он наверняка это сделал, чтобы иметь влияние на дальнейшие события» (*Krstić N.* Dnevnik. Javni život. II... S. 198).

[35] «Хотят ли иностранные суды, чтобы имущество Карагеоргиевичей в Венгрии и Румынии на этих основаниях были проданы, и сербские притязания были удовлетворены, я не знаю, но считаю, что с правовой точки зрения некорректно, что вопрос покрытия расходов перешел в политическую плоскость» (Ibid. S. 53–54).

[36] Ibid. S. 281.

[37] Ibid. S. 240.

[38] Ibid. S. 111–112.

[39] Ibid. S. 177.

[40] «Правительство не следует курсу, который избрал князь Михаил; кажется, что вместо того, чтобы бороться за общие интересы, правительство проявляет заботу лишь о самом себе. Его курсом является политическое лицемерие. Казалось бы, правительственные чиновники пытаются создать независимые государственные институты, но на деле – железной рукой сдерживают всякое проявление оппозиции. Такое впечатление, что они борются за власть ради самой власти, а не ради благополучия страны. Вот они, наши государственные деятели» (Ibid. S. 94).

[41] «Складывается ощущение, что уровень кумовства у нас растет угрожающими темпами; такого рода кумовство никогда не приводило страну ни к чему хорошему» (Ibid. S. 66); «Господство частных интересов проявлялось во многих сферах. Родственникам и прихлебателям тех людей, которые занимают правительственные должности, предоставилась отличная возможность набить карманы и занять самые лучшие места в сфере государственного управления. Из трех шуринов: один – наместник, другой – министр, а третий – посланник в Турции, которому в один момент повысили жалование,

inslav

тогда как представителю Сербии в Румынии его уменьшили. Два двоюродных брата занимают два министерских кресла, да и их родственникам кое-что достается» (Ibid. S. 177).

[42] «Вчера исполнился ровно год с того ужасного дня, как погиб князь Михаил. И смотрите, спустя совсем немного времени, почти ничто не свидетельствует о том, что люди помнят человека, которого оплакивали сразу после его смерти. Нельзя сказать, что в это время в стране все переменилось, но несомненно одно: было сделано многое, что не согласуется с мыслями и действиями князя Михаила. Серьезных перемен мы можем ожидать лишь в далеком будущем» (Ibid. S. 86).

[43] Ibid. S. 245.

[44] Цит. по: *Шишкин М.* Русская Швейцария. Литературно-исторический путеводитель. М., 2006. С. 67.

[45] *Krstić N.* Dnevnik. Javni život. IV... S. 146.

[46] Ibid. II... S. 376.

[47] «Мы не умеем действовать согласно этому, имеющему столь важное значение, девизу князя Михаила: "Закон – это выражение наивысшей воли". А пока законы у нас не уважают, пока они не действуют в полную силу, всегда и в отношении каждого человека, до тех пор будут пустыми разговоры о законности; до тех пор и быть не может ни у кого гарантированных прав в полном смысле слова. У нас во всех случаях частное мнение находится выше закона. Ни Скупщина, ни правительство, ни министры, ни Совет, ни сами суды не придерживаются закона, а действуют согласно своему разумению или даже скорее – по своей потребности исказить закон и истолковать его так, как им удобно» (Ibid. IV... S. 166).

[48] «Однако пока у нас не будет создана партия, для которой высшей ценностью будет закон, пока наш народ и политики не поймут, что без уважения и строгого соблюдения законов в стране не будет порядка в правовом смысле слова, без которого невозможно гарантировать ни личную и имущественную безопасность, ни право на свободу, до тех пор наши государственные учреждения, пусть даже они и самые лучшие, будут иметь формальный характер и долго не продержатся. Столкновение личных интересов или уничтожит их, или, в лучшем случае, изменит до неузнаваемости. С тех пор, как погиб князь Михаил, у нас не было правительства, о котором можно было бы сказать, что оно – гарант законности. Все наши правительства старались обойти закон, и это им удавалось (4 января 1895 г. – *Л. П.*)» (Ibid. S. 222).

inslav

И. Ф. Макарова

Апрельское восстание 1876 года в Болгарии: две версии одного события

Влияние Апрельского восстания (1876) на организаторов более поздних болгарских повстанческих акций бесспорно. На данный факт обратила, в частности, внимание в недавно опубликованной монографии Р. П. Гришина[1]. Особенно наглядно это влияние проявилось в деятельности оформившейся в 1893 г. Внутренней македонской революционной организации (ВМРО). Так, один из руководителей ВМРО Д. Груев прямо заявлял: «Будем действовать по примеру Ботева, Левского, Бенковского и других. Мы изучили эту организацию. На нас повлияли, например, "Записки" Захария Стоянова и вообще вся тогдашняя болгарская революционная литература»[2].

В использовании организаторами Ильинденско-Преображенского выступления (1903) схемы подготовки Апрельского восстания современные болгарские историки не видят ничего предосудительного. Например, академик К. Косев в официальном приветствии от лица Болгарской академии наук участникам конференции, посвященной юбилею Преображенского восстания признавал, что оба выступления готовились по единому клише. Цель обоих восстаний он сформулировал следующим образом: «В неравной борьбе с многократно превосходящими силами империи-тирана добиться не столько победы на поле сражения, сколько политического эффекта, который достигается путем интернационализации конфликта, вызывая вмешательство великих держав в надежде на возможную благоприятную политическую развязку»[3].

Аналогичный и крайне циничный подход к подготовке революционных акций был характерен в 60–70-е гг. XIX в. и для лидеров болгарских революционных комитетов. Так, в частности, задолго до начала Апрельского восстания глава БРЦК Л. Каравелов в доверительной беседе со своим соратником М. Грековым прямо заявлял: «Необходимо оживить комитеты, но не для того, чтобы освободить народ от тяжкого ярма, но для того, чтобы подготовить его к революции, которая вызовет русское вмешательство. Представляешь, какой огонь разгорится в Европе, которая едва знает имя болгарина, когда она услышит, что в Турецкой империи на Балканском полуострове сожжены столько-то и столько-то сел и городков, убито столько-то тысяч человек. Если мы сможем вызвать с помощью комитетов где-нибудь в отечестве смуты, бунт

inslav

и как результат – резню-заклание, это, несомненно, вызовет вмешательство России, я скажу: "Комитеты сыграли свою роль!" и буду очень доволен»[4].

Разразившийся в 1875 г. новый виток Восточного кризиса предоставил исключительно благоприятные возможности для реализации замыслов подобного рода. Восстание в Герцеговине и Боснии, вмешательство в конфликт Черногории, волонтерское движение в среде сербов, резко возросшая активность европейских дипломатов, сбор средств в помощь повстанцев со стороны славянских обществ Москвы и Петербурга, организация международного комитета в Париже – все это привлекало внимание международной общественности к Балканам. Данным обстоятельством не замедлили воспользоваться болгарские революционеры-радикалы. Как отмечал в феврале 1876 г. в своем донесении российский генеральный консул в Бухаресте И. А. Зиновьев, интерес мировой прессы к событиям в Боснии и Герцеговине провоцировал их революционную активность, позволяя надеяться, что восстание в Болгарии также «не замедлит привлечь внимание держав и заставит вмешаться»[5]. Именно стараниями этих элементов весной 1876 г. в Болгарии и было организовано знаменитое Апрельское восстание, оказавшееся прологом освободительной для болгар русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Упомянутые Д. Груевым воспоминания одного из организаторов и непосредственного участника событий 1876 г. Захария Стоянова в представлении не нуждаются. Его «Записки» уже более столетия остаются для историков едва ли не основным источником по изучению Апрельского восстания[6]. Достоверность приводимой автором информации сомнений в историографии не вызывает. Между тем, нарисованная З. Стояновым картина событий настолько не соответствует укоренившимся стереотипам, что невольно возникает желание сопоставить две версии одного и того же исторического события – ту, которую изложил автор-участник Апрельского восстания и ту, которую внедряла в общественное сознание европейцев пресса.

Как известно, неудача, постигшая БРЦК в его попытке склонить болгар к бунту в сентябре 1875 г. привела к расколу этой организации и фактически парализовала ее деятельность. Став свидетелем внутреннего кризиса ЦК, небольшая группа молодых людей (15–20 человек), бежавших после Старозагорского восстания в румынский город Гюргево, решила взять инициативу в свои руки и попытаться самостоятельно подготовить в 1876 г. новое выступление, не информируя о своих планах руководство комитета (исключение было сделано лишь для известных своими радикальными взглядами Хр. Ботева и Л. Каравелова). В число заговорщиков входили: Ст. Стамболов, П. Волов, С. Заимов, Ив. Х. Димитров, Ил. Драгостинов, Г. Икономов, Н. П. Мартинов,

inslav

Т. Чорбаджи, А. Апостолов, Н. Обретенов, Хр. Караминков. И хотя сами революционеры называли себя товариществом (дружеством), в мемуары и в историографию они вошли под названием «Гюргевский центральный комитет». Впрочем, сам З. Стоянов говорит об его членах как о крошечной группке никому неизвестных «голых и босых» «изгнанников»[7].

Парадоксально, но члены Гюргевского комитета оценивали итоги Старозагорского восстания исключительно позитивно. Воспринимая ситуацию исключительно с позиций болгароцентризма, они склонны были объяснять влиянием именно этой крайне незначительной по масштабу акции все реформаторские шаги Порты, предпринятые в конце 1875 г. По свидетельству З. Стоянова, заговорщики ликовали: «Если турецкое правительство так испугалось какого-то Старозагорского восстания, ...то, что же станет с турецкой державой, если подготовить весной всеобщее выступление...»[8]. К своим заслугам они относили, в частности, обнародованное 27 сентября ираде, согласно которому отменялась $^1/_4$ часть сельскохозяйственного налога и прощались недоимки по нему за 1872–1873 гг. (хотя, по мысли разработчиков, этот шаг был призван разрядить ситуацию в Боснии и Герцеговине); ферман от 30 ноября о реформах в судопроизводстве и налогообложении и ферман от 8 декабря о принципах гражданского равенства, вызванные к жизни давлением со стороны стран-гарантов Парижского мирного договора (1856).

З. Стоянов не считал нужным скрывать, что в рамках информационной подготовки восстания, комитетчики постарались наполнить газеты (в первую очередь столичные) многочисленными репортажами с мест, большинство из которых «писали сами апостолы». «Все они были одинаковыми по содержанию и подробно описывали невыносимые условия жизни болгар и невозможность долго терпеть подобное положение дел»[9].

Он также открыто признавал, что в основе проводимой на местах агитационной работы лежал циничный пропагандистский трюк, ориентированный на откровенный обман и запугивание сельского населения. Во-первых, каждый апостол должен был распространять по деревням якобы достоверную информацию о готовящемся турками геноциде болгар. Легенда подавалась следующим образом: «Известно ли вам уже братья, что турецкий комитет в Царьграде, состоящий исключительно из фанатиков-софт, подготовил всеобщее избиение болгар. Резня начнется предстоящей весной. Целый рой ходжей и софт уже отправился по турецким селам распространять это решение... Во всех городах туркам от мала до велика раздают оружие... страшные времена наступают для нашего народа»[10]. Во-вторых, взывая к инстинкту самосохранения, призывать соотечественников срочно вооружаться для самообороны[11].

inslav

В-третьих, намекать, что действия комитетчиков являются не самодеятельностью, а мероприятием, спланированным совместно с правящими кругами некой страны (России, Сербии или Румынии), которое подразумевает немедленную помощь извне[12]. В-четвертых, откровенно угрожать колеблющимся расправой, предупреждая, что «все села, которые не восстанут... будут считаться врагами, как сами турки»[13].

Благодаря мемуарам З. Стоянова наиболее полная картина событий реконструируется по отношению к продемонстрировавшим особую активность районам Фракии (так называемый Пловдивский революционный округ). На практике руководителем этого округа оказался не назначенный Гюргевским комитетом П. Волов, а его амбициозный, наделенный ораторским даром и диктаторскими замашками помощник – Г. Бенковский (Гаврил Хлытев), в мобильной чете которого постоянно и находился З. Стоянов. Именно благодаря своей близости к Г. Бенковскому он оказался в самом центре событий и получил прямой доступ к информации, недоступной для рядовых участников восстания.

При анализе «Записок» обращает на себя внимание факт, что среди сложностей, с которыми пришлось столкнуться организаторам восстания, едва ли не на первом месте оказалась проблема втягивания мирных обывателей непосредственно в саму повстанческую акцию. Отмечая традиционную привязанность болгар к семье, дому, имуществу, З. Стоянов сетовал, что крестьян интересовало лишь благополучие семей, они «не хотели знать ничего, что делается за оградой», а такие абстрактные понятия как свобода их волновали крайне мало[14]. Против замыслов апостолов работал и социальный фактор. Относительно высокую степень материального благосостояния болгарского крестьянства Фракии была вынуждена признавать в свое время даже официальная марксистская историография[15]. К тому же, несмотря на охвативших многих сельчан патриотический подъем, повода для массового недовольства, ожесточения и конкретно мотивированной ненависти к туркам у болгар в данный момент все же не было. Поэтому для достижения высокой целей освобождения народа апостолам необходимо было, в первую очередь, этот народ озлобить и, связав кровавой круговой порукой, противопоставить османским властям.

Для начала организаторы позаботились о появлении в болгарских селах турецких трупов. В частности, именно убийство нескольких турок ознаменовало собой начало событий в Панагюрище. Эту тактику Г. Бенковский цинично называл недоступной для понимания простолюдинов «бунтарской тонкостью»[16]. В ответ на недоумение крестьян («зачем убивать всех без разбора, среди них есть вполне приличные люди») он откровенно пояснил: «Я уверен,

inslav

что при малейшей неудаче с нашей стороны... многие уберут оружие и снова преклонят голову перед ятаганом тирана, особенно наши сельские бунтовщики. Другое дело, когда село запятнало себя несколькими трупами»[17].

К «тонкостям» подобного рода можно, по всей видимости, отнести и упоминаемую З. Стояновым тактику преднамеренного поджога комитетчиками временно оставленных по их призыву деревень. Так по прямому указанию Г. Бенковского в Пловдивском округе были дотла сожжены (иногда вместе с оставшимися стариками и скотом) многие опустевшие села – Смолско, Каменица, Раково, Дереорман, Паланка, Славовица и др.[18] Эти пожары местные жители естественным образом списывали на действия фанатиков-мусульман. Заговорщики же благодаря поджогам решали сразу две задачи: заставляли потерявших имущество и обозленных крестьян участвовать в бунте (делали их «насильно восставшими»)[19] и одновременно приобретали повод привлечь внимание мировой прессы к зверствам турок.

В интересе иностранных журналистов к начавшимся событиям апостолы, кстати, не сомневались. Ради них Г. Бенковский даже специально держал при своей чете юношу со знанием французского языка[20]. В значительной степени с расчетом именно на европейского читателя сочинялись и многие патетические воззвания к соотечественникам. На необходимость постоянно учитывать этот сегмент читателей обратил, в частности, внимание на совещании в Панагюрище (17 апреля) П.Волов, отметив, что «образованный свет будет судить о нас исключительно по нашему воззванию»[21]. Поэтому составленный в итоге текст содержал, с одной стороны – привычные для европейцев клише о «зверствах» и «злодеяниях» турок, а с другой – не менее знакомые слоганы типа «свобода или смерть»[22].

Освободительные цели, судя по тексту «Записок», при организации восстания апостолами заведомо не ставились. Главной задачей на собрании представителей местных комитетов в Обориште была признана не организация вооруженных и боеспособных отрядов (чет), а вовлечение в акцию как можно большего количества мирных жителей. Смысл этого решения З. Стоянов объяснил со слов сторонников этой тактики просто: «Правительство выставит четников разбойниками, изловит и ничего более. А если восстанет все население, села и города, внимание человеколюбивой Европы будет возбуждено»[23]. Тем самым населению изначально отводилась роль жертвы, призванной сначала спровоцировать гнев турок, затем ответное возмущение просвещенной Европы и, если удастся, вмешательство великих держав.

Откровенно провокационный характер запланированной акции Г. Бенковский даже не пытался скрывать от своего окружения. З. Стоянов сам был

inslav

свидетелем, как в присутствии соратников, глядя с высоты холма на пламя подожженных по его приказу болгарских деревень и театрально распростерши руку, он публично заявил: «Моя цель достигнута! В сердце тирана я нанес такую лютую рану, которая уже никогда не заживет. Пусть теперь Россия разбирается!»[24].

Справедливости ради стоит, впрочем, отметить, что массовое заклание соотечественников апостолы все же вряд ли планировали. Скорее всего, речь шла о попытке организовать инсценировку, рассчитанную на ментальность европейцев, готовых верить в любые «турецкие ужасы». Этот вывод напрашивается в связи с тем, что, несмотря на отсутствие продуманного плана действий (З. Стоянов признавал, что в реальности все делалось без плана, «театрально»[25]), комитетчики, тем не менее, последовательно старались организовать уход в горы как можно большего количества людей. Необходимость решения этой задачи присутствовала не только в текстах документов. Например, в протоколе заседания в Панагюриште под председательством Г. Бенковского от 17 апреля («семьи крестьян должны погрузить имущество на повозки и укрыться в лесу и в горах»)[26]. На практике ее реализацией занималась чета Г. Бенковского. Из «Записок» отчетливо видно, что ее функция в значительной степени сводилась не столько к вовлечению крестьян непосредственно в бунтарские акции, сколько к организации их массового отхода в горы. Например, успешная агитация Г. Бенковского в с. Мечка имела следующий результат: 20–25 человек он отправил на строительство укреплений в Панагюриште, 20–25 всадников взял с собой, остальным «дал распоряжение увести семьи в лес вместе с едой и скотом, оставив в селе несколько сторожей[27]. Можно также вспомнить повстанческий опыт села Еледжик, переселившегося на близлежащую одноименную гору практически в полном составе (в количестве около двух тысяч семей)[28]. Всего З. Стоянов упоминает 13 сел, полностью оставленных жителями по призыву организаторов восстания[29]. Из числа жителей этих сел лишь относительно небольшое количество мужчин оставило свои семьи и посчитало необходимым удалиться в немногочисленные опорные пункты повстанцев (главным образом в Панагюриште и Брацигово).

Информация о бунте повергла администрацию Адрианопольского вилайета в панику. Об этом уже 22 апреля доносил русский консул в Адрианополе И. А. Иванов. Он также сообщал, что местные чиновники требовали от Порты разрешения на раздачу оружия мусульманским добровольцам и срочной переброски в регион регулярных войск[30]. В происходящем турецкие власти винили иностранных агентов, в первую очередь русских шпионов[31]. Основанием для этого являлись, по всей вероятности, слухи, активно распространяемые самими комитетчики.

inslav

Спешно вооружив добровольцев, 22 апреля власти Адрианопольского вилайета смогли направить против бунтовщиков отряды башибозуков, позднее подоспели и регулярные войска. Уже 26 апреля пала Клисура. 30 апреля были взяты Панагюриште (по данным З. Стоянова, число убитых приближалось в этом селе к 600–650, остальные защитники разбежались)[32]. Окруженная Копривштица сдалась без сопротивления и единого выстрела, выдав неприятелю апостолов и главарей. В Перуштице башибузуки устроили побоище (количество трупов, согласно тому же источнику, составило 248, еще 24 человека скончались позднее от ран)[33]. В Батаке восставших усмирял отряд местных помаков (болгар-мусульман) во главе с Ахмедом Барутанлия. Здесь было наибольшее количество жертв. По информации З. Стоянова, в ходе беспощадной резни погибло более 2 тыс. человек[34]. Более других повезло с. Брацигово. Его обитатели и пришедшие на помощь жители соседних сел шестнадцать дней отбивали из окопов нападения башибузуков, а затем сдались подошедшим регулярным войскам (поэтому, как отмечал З. Стоянов, жертв было относительно мало). Сам Г. Бенковский успел скрыться. Вместе с небольшой четой и казной повстанцев он достиг Балканского хребта, но вскоре попал в засаду и погиб.

Другие округа преждевременно начавшееся на юге восстание застигло врасплох. В Тырново власти уже на следующий день после начала восстания в Панагюриште (20 апреля), получив по телеграфу тревожную информацию, начали обыски и аресты, парализовав тем самым всю повстанческую деятельность. Из восьми районов Тырновского революционного округа относительная активность наблюдалась лишь в Габровском и Дряновском районах. Здесь наиболее прославился бывший иеромонах Преображенского монастыря поп Харитон, который смог собрать чету в количестве 200 человек из жителей сел Мусина, Бяла Черква, Михалици, Дичин, Вишовград[35]. Девятидневная оборона этим отрядом Дряновского монастыря (с 29 апреля по 8 мая) оказалась самым крупным событием в Тырновском округе в период Апрельского восстания.

В Сливенском и Врачанском округе попытка поднять народ полностью провалилась. Прибывшая из Румынии немногочисленная чета Т. Стоянова (в составе около 20 чел.) поддержки не получила и была быстро разбита. Трагической оказалась и судьба отряда Хр. Ботева. После того как в других округах все очаги бунта были уже подавлены, его чета в количестве около 200 человек, захватив австрийский пароход «Радецкий», высадилась 17 мая у с. Козлодуй. Приближаясь к Враце, четники рассчитывали на подкрепление со стороны местных жителей, но напрасно. 18 мая отряд оказался в окружении и понес большие потери. После гибели Хр. Ботева отряд быстро распался.

inslav

На этой трагической ноте история Апрельского восстания, строго говоря, закончилась. Однако районы, в которых была отмечена повстанческая активность, еще не одну неделю страдали от бесчинств со стороны банд мусульманских добровольцев (в основном черкесов, цыган и люмпенов). Как отмечал 25 мая в своем донесении управляющий российским консульством в Адрианополе князь А. Н. Церетелев, анархия в крае «стала хронической... Правительство потеряло власть над опасными элементами, неосторожно призванными им»[36].

Информация о событиях в Болгарии, поступавшая за границу через телеграф, письма и газеты изначально мало соответствовала действительности. Поэтому во внешнем мире история этой повстанческой акции сразу начала обрастать фантастическими подробностями. Способствовали данной метаморфозе, в первую очередь, информаторы из числа самих болгар. Например, Ив. Сапунов телеграфировал 27 апреля из г. Кладова в Белград П. Хитову: «От Габрово, Сливена, Ямбола, Казанлыка, Пловдива, Самокова до Софии все в огне»[37]. К. Цанков сообщал 30 апреля российскому генералу М. Черняеву в Белград: «В Татарпазарджике вспыхнуло восстание, которое распространилось по селам и городам округа, а именно на Панагюрище, Копривштицу, Карлово, Калофер и др. Железнодорожное сообщение прервано, также как и телеграф. Сообщают об уничтожении нескольких турецких батальонов. Согласно последним сообщениям, движение охватило также и Габрово. Относительно Западной Болгарии ничего точно неизвестно, однако есть сведения, что Берковица и Пирот также восстали»[38]. В издававшейся в Болграде газете «Български глас» от 1 мая 1876 г. сообщалось (со ссылкой на информатора из Русе), что революция в Болгарии приобрела широкий размах, что «количество восставших с минуты на минуту растет», что в Пазарджике за два часа собрались 3000 хорошо вооруженных повстанцев, во Враце и Ломе поднялись 10000 человек, дороги и телеграф между Тырново, Русе и Свиштовым перекрыты[39].

В русской периодической печати первые сообщения о событиях в Болгарии появились между 24 и 28 апреля, а с первых чисел мая уже почти вся русская пресса восторженно писала о народном бунте. «Восстание в Болгарии распространяется с неудержимой быстротой», – сообщал издатель «Русского мира» генерал М. Г. Черняев в редакцию своей газеты[40]. Произвол Порты по отношению к христианам довел до того, что «миролюбивые болгары принуждены были взяться за оружие, и теперь вся Румелия до самых Родопских гор находится в восстании», – писала 30 апреля «Петербургская газета»[41]. «Число инсургентов так велико, что они решаются спускаться в долины для разруше-

inslav

ния железных дорог и телеграфов», – отмечал 13 мая «Правительственный вестник»[42].

А. А. Улунян, специально изучавший материалы русской периодики 1876 г., отмечал, что основной контингент авторов, писавших в России на тему Апрельского восстания, состоял из болгар-эмигрантов и анонимных болгарских корреспондентов. Именно желанием вызвать сочувствие к соотечественникам он склонен объяснять их неуемные восторги по поводу мнимых успехов повстанцев, а также обнародование сведений, заведомо не имевших места в действительности. К таковым А. А.Улунян относит, в частности, полностью вымышленную информацию о сражениях отрядов П. Хитова, Ф. Тото, Ильи-воеводы и т. д., которую охотно публиковали многие русские издания («Правительственный вестник», «Русские ведомости», «Московские ведомости» и др.)[43].

Отчасти влиянием болгарской пропаганды можно объяснить и дезинформацию, поступавшую в Россию по дипломатическим каналам. Так, например, посол в Константинополе Н. П. Игнатьев докладывал 29 апреля императору Александру II: «Восстание распространяется по всей цепи Балканского хребта, и уверяют, что основные перевалы... уже заняты отрядами. Повстанцы пытаются задерживать воинские транспорты, мешая работе железных дорог. Вокзал Белово... сожжен. Вокзал в Филиппополе, как говорят, горит. Мост на Марице разрушен. Деревни и чифтлики (фермы), принадлежавшие богатым туркам... преданы огню»[44].

К середине мая, когда провал восстания уже невозможно было скрывать, информационный фон начал наполняться столь же откровенно преувеличенными повествованиями о «болгарских ужасах». Первоисточником их распространения также выступили сами болгары. 15 мая, поддерживавший тесные связи с российским посольством в Константинополе болгарский публицист Т. Бурмов писал секретарю Московского славянского комитета Н. А. Попову: «Турки, вызвав как бы нарочно восстание в Болгарии, чтобы предаться кровавой оргии над несчастным ее населением, сожгли в одном Филиппопольском санджаке 118 сел и деревень. Пострадавшее от этого население, которое, по всей вероятности, большей частью истреблено, простирается до 100 тысяч... Башибузуки режут под прикрытием регулярного войска всех попадающихся им навстречу болгар, не различая женщин и детей. Филиппопольский санджак ныне везде усыпан трупами... Видно, что это избиение несчастного населения происходит по наперед обдуманному плану султанского правительства»[45]. Ему вторил врач российского посольства в Константинополе В. Караконовский (также болгарин): «С 21 апреля башибузуки, черкесы, цыгане и турецкие

inslav

войска начали жечь болгарские села в Филиппопольском и Татар-Пазарджикском округах, обвиняя болгар в непокорности. Турки сожгли в продолжение 10 дней до 100 сел и избили до 20 тыс. мужчин, женщин и детей. В настоящее время турки разоряют и опустошают Софийский и Терновский округа... Говорят, что кругом Филиппополя такая вонь от разложения трупов избитых болгар, что жители убегают, боясь заразы. В самом городе несколько тысяч женщин и детей лежат на улицах и умирают с голоду»[46].

Информация о страданиях турецких христиан быстро привлекла внимание международной общественности. Тема «болгарских ужасов» охотно муссировалась и русской, и западной прессой. «Московские ведомости» писали в передовой от 18 июня, что в Болгарии под предлогом усмирения бунта происходит «чуть ли не поголовное избиение христианского населения»[47]. «Русский инвалид» сообщал, пересказывая статью константинопольского корреспондента норвежской газеты «Ля Норд», что «в Болгарии продолжается господство ужаса... Можно подумать, что главная забота правительства заключается в том, чтобы вырезать, по крайней мере, десятую часть населения»[48]. По сведениям французской газеты «Фигаро», после подавления Апрельского восстания в Турции якобы возродилась давно запрещенная работорговля: средняя цена христианского ребенка составляет на сей день 10 франков, а «маленьких девочек отправляют на Константинопольский рынок с полного согласия властей»[49].

Пытаясь опровергнуть подобные нелепицы и спасти репутацию в глазах цивилизованного мира, Порта поторопилась отправить по местам восстания своих инспекторов, а также допустила в эти районы международных наблюдателей. Летом 1876 г. пострадавшие области посетили несколько комиссий. В состав одной из них входил российский дипломат А. Н. Церетелев, генеральный консул при американском посольстве в Стамбуле Ю. Скайлер, примкнувшие к ним немецкий корреспондент К. Шнайдер и американский Дж. Макгахан, а также болгарский переводчик П. Димитров. Приблизительно в это же время работала английская комиссия во главе с адрианопольским вице-консулом Г. Дюпюи и вторым секретарем посольства в Стамбуле У. Берингом. Согласно собранной наблюдателями информации, так или иначе под ударом оказались сотни сел: некоторые обезлюдели, часть была разграблена или сожжена, а количество пострадавшего населения могло колебаться от 10 тыс. до 30 тыс. человек[50]. Правда, из доклада английской комиссии становилось ясно, что, говоря о пострадавших, наблюдатели имели в виду не количество обнаруженных трупов, а людей, которые могли ранее проживать в разоренных или опустевших селах[51]. Однако, судя по ответной реакции прессы, детали

inslav

подобного рода были журналистам мало интересны. Преданные гласности материалы расследований не только не успокоили общественность, но породили новый шквал публикаций о зверствах турок. Исследования показывают, что за период с апреля по декабрь 1876 г. около 200 европейских газет и журналов, причем, наиболее авторитетных и читаемых, опубликовали около 3000 статей, телеграмм, писем, сообщений, посвященных теме, так или иначе связанной с Апрельским восстанием[52].

В контексте событий на международной арене эта информационная кампания способствовала резкой политизации болгарского вопроса, превратив его в одну из актуальных тем очередного витка Восточного кризиса. Итогом кризиса стала, как известно, русско-турецкая война 1877–1878 гг., принесшая болгарам освобождение от многовекового османского владычества. Так откровенная авантюра крошечной группы заговорщиков-маргиналов неожиданно увенчалась головокружительным успехом. До такой степени головокружительным, что к XX в. Апрельское восстание превратилось для нового поколения болгарских революционеров в своеобразный эталон для подражания, а «Записки» З. Стоянова, судя по признанию Д. Груева, в своеобразное учебное пособие по политическим провокациям.

Примечания

[1] *Гришина Р. П.* Лики модернизации в Болгарии (Бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008. С. 156.

[2] Там же.

[3] *Косев К.* Приветствие от Българската академия на науките // Илинденско-Преображенско въстание: върх на освободителните борби на българи. София, 2005. С. 23.

[4] Цит. по: *Фролова М.* «Теперь дело за Россией!» – проекты и действительность болгарского революционно-освободительного движения // Родина. 2008. № 12. С. 34.

[5] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. 1. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877. М., 1961. С. 177–178.

[6] *Стоянов З.* Записки по българските въстания. София, 1976.

[7] Там же. С. 128, 247.

[8] Там же. С. 233–234.

[9] Там же. С. 221.

[10] Там же. С. 249.

[11] Там же. С. 450.

inslav

[12] Там же. С. 250, 247.

[13] Там же. С. 260.

[14] Там же. С. 460, 491.

[15] *Косев К., Жечев Н., Дойнов Д.* История на Априлското въстание 1876. София, 1976. С. 10.

[16] *Стоянов З.* Записки... С. 405.

[17] Там же. С. 404–405.

[18] Там же. С.455–457, 461, 474–475.

[19] Там же. С. 455.

[20] Там же. С. 485.

[21] Там же. С. 377.

[22] Там же.

[23] Там же. С. 360–361.

[24] Там же. С. 512.

[25] Там же. С. 424.

[26] Там же. С. 375.

[27] Там же. С. 412–413.

[28] Там же. С. 469.

[29] Там же. С. 427.

[30] *Улунян А. А.* Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. М., 1978. С. 86.

[31] Априлското въстание 1876 г. Т. 1. Сборник от документи. София, 1954. С. 298.

[32] *Стоянов З.* Записки... С. 504, 507.

[33] Там же. С. 895.

[34] Там же. С. 927.

[35] *Маждракова О.* Четата на поп Харитон. 1876. София, 1963. С. 135–146.

[36] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы... Т. 1. С. 233.

[37] Априлското въстание 1876 г. Т. 1... С. 287.

[38] Там же. С. 312.

[39] *Бурмов А.* Формиране на Ботевата чета // *Бурмов А.* Избрани произведения в три тома. Т. 3. София, 1976. С. 189.

[40] *Улунян А. А.* Апрельское восстание... С. 125.

[41] Там же. С. 124.

inslav

[42] Там же. С. 125.

[43] Там же. С. 130.

[44] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы... Т. 1. С. 211–212.

[45] Там же. С. 222–223.

[46] Там же. С. 223–224.

[47] *Улунян А. А.* Апрельское восстание... С. 140.

[48] Там же. С. 144.

[49] Там же. С. 145.

[50] *Томова Д., Драголова Л.* Анкетни комиссии за разследване на изстъпленията при потушаването на Априлското въстание през 1876 г. // Известия на Народната библиотека «Кирил и Методий». Т. 14. София, 1978. С. 643–667.

[51] Априлското въстание 1876 г. Т. 1... С. 525.

[52] *Възвъзова-Каратеодорова К.* Българският и чуждият периодичен печат от 1876 г. и Априлското въстание // Априлското въстание 1876–1966. София, 1966. С. 190.

inslav

А. Л. Шемякин

Никола Пашич в Болгарии (1883–1885 годы)

Поражение в октябре 1883 г. Тимокского восстания нанесло сильнейший удар по Сербской народной радикальной партии, которая со дня своего основания в январе 1881 г. вела активную борьбу против австрофильского курса и авторитарного правления короля (до 22 февраля 1882 г. – князя) Милана Обреновича. Подавив крестьянское движение в Восточной Сербии, монарх, казалось, получил долгожданную возможность рассчитаться с ненавистными радикалами за их яростную оппозицию своей политике. Он поспешил ею воспользоваться, и жернова королевской мести завертелись. Немедленно был учрежден военно-полевой суд, через который прошли сотни партактивистов и рядовых инсургентов. Не миновала «чаша сия» и большинства членов ЦК Радикальной партии, арестованных в Белграде вечером 25 октября. Месть Обреновича IV-го была предельно жестокой, вполне адекватной степени его ненависти: двадцать одного обвиняемого расстреляли у подножия холма Кралевица под Заечаром – центром Тимокского края; 516 человек приговорили к каторжным работам; около сотни получило различные сроки тюремного заключения[1]... Среди последних оказались и члены высшего партийного руководства – Пера Тодорович, Раша Милошевич, Коста Таушанович, Пайя Михайлович[2].

В этой компании закованных в железо радикальных бонз не хватает центральной фигуры – председателя ЦК партии Николы Пашича. 25 октября, в полдень, он перебрался на венгерский берег Савы и кружным путем – через Венгрию, Румынию и Болгарию – поспешил в охваченный восстанием Заечарский округ. В Видин, городок вблизи болгаро-сербской границы, Пашич прибыл 29 октября. До «малой родины» – Заечара* оставалось рукой подать, но перейти границу ему так и не пришлось: повстанцы были уже разбиты, в Заечаре заседал военно-полевой суд, на Кралевице звучали первые выстрелы, а в Видине и Куле появились беженцы, спасавшиеся от террора «победителей». «Подлинное несчастье нашего народа, – писал Пашич чуть позднее, – помешало мне вовремя добраться до места и направить движение в более успешное русло»[3]. Дорога в Сербию была для него закрыта. Начинался долгий, шестилетний период эмиграции.

---

* Никола Пашич родился в 1844 г. в Заечаре; от него же в 1878 г. он был избран депутатом Народной скупщины Сербии.

inslav

Исчезновение Пашича из Белграда было для него, по точной оценке Алексы Ивича, «единственной возможностью избежать неминуемой гибели, ибо, в отличие от других, он не мог надеяться на помилование»[4]. И действительно, Милан Обренович слишком рано опознал в радикальном лидере своего самого опасного противника, чтобы позволить ему выйти живым из Тимокского переплета, окажись он в руках властей. Пашич прекрасно понимал это, и его бегство и скорое появление на болгаро-сербской границе стали горькой пилюлей для коронованного гонителя радикалов. Тем более, что сразу же по прибытии в Видин беглец, по словам русского консула Н.Павлова, заявил, что «последние события – это только начало восстания, которое кончится лишь с удалением короля Милана»[5]. Через два месяца он подчеркнул в известном меморандуме «О восстании в Сербии»: «Главной ошибкой Радикальной партии было то, что она всегда уверяла народ, будто рыба с головы не гниет, то, что она всегда была против насилия; теперь эту ошибку исправил сам король Милан»[6]. Посланник России в Белграде А.И.Персиани совсем не без оснований посчитал этот документ, растиражированный европейской печатью, «объявлением открытой войны эмигрантов сербскому престолу»[7].

Но в чем же была причина столь жесткого антагонизма Николы Пашича и Милана Обреновича?

* * *

Начало 80-х оказалось для независимых балканских государств временем бурным. Элита освобожденных народов стояла перед выбором пути внутреннего развития: куда идти, и с кем идти? Столкнулись, а кое-где буквально вошли в клинч, два подхода – один на ускоренную модернизацию (или вестернизацию); другой на отстаивание традиционных ценностей в рамках привычной системы аграрного мира. «Либеральная идея и традиция» – это сквозное противоречие определяло всю историю Балкан вплоть до Первой мировой войны.

Наиболее драматично оно проявилось в Сербии*. После Берлинского конгресса, даровавшего ей независимость, князь Милан открыто перешел на австрофильские рельсы, связав судьбу страны и династии с Веной. Тем самым,

* По точной оценке наблюдателя – болгарского общественного деятеля Стефана Бобчева, считавшего «внутреннюю» борьбу явлением *типическим* в период становления молодых балканских государств, Сербия (отягощенная соперничеством двух своих «народных» династий) «представляет собой его самый рельефный пример» (*Бобчевъ С. С.* Изъ славянските земи. I. Въ Белградъ. 1897 г. София, 1903. С. 27).

inslav

он четко обозначил свое намерение втянуть Сербию в Европу. Призванный в октябре 1880 г. к власти кабинет прогрессистов (напредняков) во главе с Миланом Пирочанцем и попытался осуществить этот «прыжок из балканского мрака на европейский свет».

Понятно, что брошенный столь явно вызов не мог остаться без ответа. Стремление властей «европеизировать» страну скорым кавалерийским наскоком – т. е. «насадить в ней европейскую культуру» и «сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские», как отмечали русские очевидцы[8], причем без всякого учета ее адаптивных способностей, вызвало протест со стороны оппозиции, принадлежавшей к Радикальной партии. Отрицая универсальный характер исторического пути Европы и ее образцов, радикалы с Пашичем во главе провозгласили в качестве главной задачи защиту сербской самобытности, каковую они отождествляли с только что обретенной свободой. «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, – подчеркивал Пашич, – но, следуя моде, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы»[9].

По своей внешнеполитической ориентации и цивилизационному настрою вождь и его соратники всегда оставались стойкими русофилами...

Острый внутренний конфликт завершился лобовым столкновением – неудавшимся Тимокским восстанием. Пашич и несколько десятков радикалов покинули страну. Но, как мы обнаружили, они и не собирались складывать оружия. Напротив, ожесточение против «внутренних изменников» только росло.

За время эмиграции Никола Пашич предпринял четыре попытки поднять в Сербии новое восстание и свергнуть Милана Обреновича с престола[10]. Две из них были связаны с Болгарией, где он и осел временно в октябре 1883 г. Весьма важным представляется и то, что практически тогда же там находился и низвергнутый властями предстоятель Сербской Православной Церкви митрополит Михаил. Былые политические оппоненты (митрополит тяготел к либералам Йована Ристича) в новых условиях быстро нашли общий язык.

* * *

Все исследователи сходятся во мнении, что в конце 1883 г. сербские эмигранты вошли в контакт с опальным владыкой, проживавшим в Рущуке, с целью склонить его к продолжению борьбы против Милана Обреновича. Средства этой борьбы не скрывались – подготовка нового вооруженного движения. Михаил согласился с замыслом радикальной эмиграции[11]. Также не является секретом, что, по приезде в сентябре 1884 г. в Россию, он, используя свои много-

inslav

численные связи в российских общественно-политических кругах, смог добиться одобрения планов переворота в Сербии со стороны руководителей Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества и московских славянофилов, а также получить от них некоторую субсидию для проведения этой акции[12].

Однако важнейшим итогом такого рода деятельности изгнанного иерарха явилось то, что, во многом благодаря его посредничеству и рекомендациям, лидеры российских славянофилов и целый ряд влиятельных политиков теперь уже совсем по-иному смотрели на вождя сербских эмигрантов Николу Пашича. Былой его лик (нигилиста и бунтовщика), вызывавший ранее немалую настороженность, сменялся постепенно в их представлениях образом борца за общеславянское дело. Прежняя идеологическая нетерпимость уступала место более трезвому, прагматическому подходу. Когда в декабре 1885 г. Пашич впервые объявился в Петербурге, в нем уже видели союзника. Подобная трансформация его облика – несомненный результат дипломатических способностей митрополита.

Все эти факты известны, однако, далее их констатации дело, как правило, не идет – не хватает источников. Используя «хрестоматийную» канву и привлекая новые данные из российских и сербских архивов, попытаемся детально проследить конспиративные деяния отставленного владыки и беглого политика в период их болгарского изгнания...

Что касается встречи митрополита Михаила с Пашичем в Болгарии, то оказалось, что таких встреч было две. Первая – та самая, о которой уже писалось: в декабре 1883 г. Пашич и его давний знакомый со времени их совместного обучения в Цюрихе Владимир Милоевич пригласили владыку к сотрудничеству, с чем он и согласился. О том, первом, контакте, кстати, проговорился сам Михаил. В письме Т. И. Филиппову, по приезде в Киев, он сообщал: «Я воротился в Болгарию, куда потом наехало довольно эмигрантов, но их я не видел, потому что они остановились на границе Сербии, а видел только двух, которые явились ко мне на пути в Силистрию и Цариград»[13].

Но куда больший интерес представляет второе совещание митрополита с Пашичем – предыдущее ограничилось одной лишь принципиальной договоренностью... Теперь же его участники разработали детальный план операции по свержению Милана Обреновича. Согласно попавшей в руки сербских властей достоверной информации, на том совещании (состоявшемся в мае–июне 1884 г. в Софии) было принято решение поднять восстание в Сербии в августе того же года. На случай неудачи был разработан «запасной вариант» – организовать с помощью «бомбистов» покушение на короля. Атентат был назначен на 15 августа. По словам Пашича, для успеха восстания было необходимо

inslav

минимум три тысячи ружей. Найти денег и обеспечить закупку и транспортировку оружия в Болгарию вызвался присутствовавший на совещании Николай Александрович Нотович – русский доброволец Сербско-турецкой войны 1876 г., – предложивший свои услуги Пашичу в деле свержения сербского монарха. Он же согласился отправиться в Париж для организации покушения и установления связей и координации действий с князем Петром Карагеоргиевичем. На том и порешили.

Однако из этой «затеи» митрополита и Пашича (а в совещании, кроме них, приняли участие Аца Станоевич и Стеван Петранович) ничего не вышло. «Задержавшись» на пути в Париж в Белграде, Нотович раскрыл все детали разработанного плана... лично министру внутренних дел Сербии Стояну Новаковичу, чья собственноручная запись беседы с ним и является нашим источником[14]. Сербское правительство, таким образом, оказалось вовремя информированным о готовившемся в соседней стране преступлении. Видимо, именно это обстоятельство и заставило его в достаточно нервозной форме потребовать от болгарских властей выдворения митрополита из страны и удаления Пашича с другими заговорщиками подальше от болгаро-сербской границы[15]. Кстати, 13 июля, обретаясь в Париже, Нотович посетил сербскую миссию и сообщил посланнику Йовану Мариновичу о своем «тайном» задании, повторив дату 15 августа[16]...

Дальнейшее известно. Потерпев первое фиаско, митрополит и Пашич расстались. Опальный владыка в конце лета 1884 г. выехал в Россию; лидер же эмигрантов остался в Болгарии и на время затаился, окруженный шпионами короля Милана и агентами австро-венгерских спецслужб. Однако ни один, ни другой и не собирались отказываться от своей «идеи фикс» – организации переворота в Сербии. Причем в новых условиях между ними произошло разделение обязанностей. Митрополит должен был обеспечить «совместному предприятию» финансовую и политическую поддержку со стороны русских; Пашич же брал на себя всю организационно-техническую сторону дела.

И здесь уместно задать вопрос – каковы были шансы митрополита Михаила в его стремлении найти в России «спонсоров» и покровителей эмигрантского движения? Что касается российского правительства, то попытка Михаила и Пашича привлечь его на свою сторону успеха не имела – отношение официального Петербурга к сербской радикальной эмиграции и ее планам организации восстания в Сербии и свержения Милана Обреновича отличалось холодностью и недоверием. Главной причиной такого недоверия являлось то, что петербургский кабинет, занятый в середине 1880-х гг. болгарскими делами, совсем не желал содействовать рискованным замыслам сербских беглецов. «Как бы неполитично не вел себя король Милан, – высказывал “взгляд

inslav

императорского правительства" российский представитель в Белграде А. И. Персиани, – Россия не будет сочувствовать революции»[17]. В условиях нестабильных отношений с Софией оно было заинтересовано в сохранении спокойствия в сопредельной стране, о чем Персиани заявил радикалам в сентябре 1886 г.: «Готовящееся в Сербии движение кажется мне несвоевременным, так как императорское правительство в настоящее время занято улучшением болгарского вопроса, и всякое новое осложнение на Балканском полуострове может лишь затруднить решение в желательном смысле...»[18]. Что же касается последствий возможной акции эмигрантов, то в Петербурге прекрасно отдавали себе отчет в том, что очередное, инспирированное на сей раз извне, восстание в Сербии привело бы к немедленной оккупации последней войсками Австро-Венгрии[19].

Была и другая причина недоверия российских правящих кругов к радикалам – это их социалистическое прошлое. Диппредставитель России в Болгарии А. С. Ионин открыто заявил Пашичу в ноябре 1883 г.: «Хотя мы сознаем причины и законность недовольства сербского народа, но собственно с Радикальной партией... мы не можем иметь ничего общего, ибо не можем сочувствовать утопиям... Мы уверены, что дальнейшее брожение по программе Радикальной партии произведет только хаос – резню без цели и мысли»[20].

Таким образом, своим отказом от прямой помощи российское правительство ясно давало понять митрополиту и Пашичу, что оно не симпатизирует их планам вооруженного вторжения в Сербию, грозящим вылиться в серьезный международный конфликт. Именно поэтому их неоднократные апелляции к официальным властям так и остались без ответа.

Мало того, как выясняется, российский МИД, прекрасно осведомленный о том, чем занимается владыка в Болгарии, по каналам «коллег» из МВД, отнюдь не горел желанием, чтобы его деятельность была перенесена в Россию. В секретном отношении директора Азиатского департамента И. А. Зиновьева российскому генеральному консулу в Рущуке от 4 мая 1884 г. подчеркивалось, что «по разным политическим соображениям нам крайне желательно, насколько возможно, отклонить митрополита Михаила от своего намерения поселиться в Империи»[21]. Митрополит, однако, не хотел отказываться от своих намерений и продолжал настаивать на выезде в Россию. В таких условиях руководство МИД, – после консультаций с главой Синода К. П. Победоносцевым[22], – нашло соломоново решение. Не считая целесообразным откровенно отталкивать опального иерарха, оно, скрепя сердце, согласилось выдать ему въездную визу, но местом пребывания избрало не Москву – этот признанный центр славянофильского движения, – как того желал Высокопреосвященный, а Киев, где, по суждению российских властей, тому сложнее было бы продолжать свою конспиративную деятельность.

inslav

В общем контексте негативного отношения Петербурга к планам насильственного устранения сербского монарха с престола крайне показательным является тот факт, что, по свидетельству самого Нотовича, провалившего первую попытку заговорщиков поднять восстание в Сербии, его шпионская деятельность координировалась посланником России в Софии А. И. Кояндером и военным министром Болгарии генералом М. А. Кантакузеном. Кроме того, российский дипломат предложил Нотовичу «присматривать» – назовем это так – за не в меру активным и неосторожным митрополитом, в бытность того в Софии[23]*.

Как видим, российские власти не только проявили нежелание поддержать акцию сербских эмигрантов, они прямо способствовали неудаче их авантюры, по крайней мере на первом этапе ее подготовки. Последние же, естественно, и не догадывались о подобном раскладе. И хотя Никола Пашич в конечном итоге потерял доверие к Нотовичу, заметив, что тот, «вместо того, чтобы посодействовать в получении нами денежных средств, решил использовать нас, дабы извлечь выгоду для себя»[24], его продолжала вдохновлять вера в Бога и в Россию. Что ж, эта вера не была абсолютно беспочвенной. Митрополиту удалось-таки, как мы упомянули, отыскать союзников в России, и немалое расстояние от Киева до Москвы не смогло ему в этом помешать...

* * *

Здесь остановимся и проанализируем одну версию, развиваемую в последнее время сербскими исследователями. Они увязывают воедино шпионскую деятельность Нотовича с визитом, который примерно тогда же (в начале июля 1884 г.) нанес в сербскую Миссию в Петербурге Никандр Васильевич Зюсман – также экс-доброволец в войнах 1876–1878 гг., оставшийся в Белграде и состоявший корреспондентом русских газет во время правления либерального правительства Йована Ристича, однако в 1881 г. объявленный персоной нон грата из-за конфликта с пришедшим тому на смену кабинетом напредняков.

Так вот, он якобы предложил сербскому посланнику «тайные данные о подготовке к “ликвидации существующего легального порядка в Сербии”»[25]. Таким образом, делается вывод – «Нотович и Зюсман являлись теми, кто свя-

* Никакой переписки Кояндера с Петербургом, относительно «использования» Нотовича, равно как и санкции из столицы на сей счет, мы не обнаружили. Очевидно, что российский посланник проявил в данном вопросе вполне похвальную собственную инициативу.

inslav

зывал официальную и неофициальную политику России – с целью не допустить ухудшения ее отношений с Австро-Венгрией»[26], которая, как было ясно заявлено в Вене, не остановится перед применением военной силы в случае новых попыток бунта в Сербии. Российский же министр Н. К. Гирс, следуя логике коллег, убоявшись столь опасной перспективы, и «предпринял через Нотовича и Зюсмана примирительные шаги по отношению к Белграду»[27].

Отметим сразу, что такая «связь» кажется нам явно натянутой, а сделанные из нее выводы – абсолютно искусственными.

Во-первых, и здесь нам трудно согласиться с интерпретацией Душко Ковачевичем использованного им документа, сам визит Зюсмана ничего не говорит о том, что именно о подготовке радикалами заговора он сообщил посланнику: содержание донесения слишком туманно и неопределенно. Закавыченная фраза в нем действительно присутствует, но это – слова самого Зюсмана; касательно же реальных фактов, дипломат лишь констатировал, что тот показал письмо, посланное из Венгрии, где говорится, что «Петр Карагеоргиевич с супругой Зоркой собирается предпринять важное путешествие...»[28]. И все! А далее – одни только обещания «открыть тайну» доверенному представителю сербского кабинета, с тем, что, если встреча с ним состоится вне Петербурга, то ему – Зюсману – «компенсировались бы путевые расходы»[29]. Как-то не вяжется «поручение» самого Гирса со столь вопиющей мелочностью. Уже из одного этого факта очевидно, что посещение сербской Миссии было сугубо частной инициативой визитера.

И во-вторых, зададимся вопросом, кто были эти люди? Ответить на него нетрудно – проходимцы, которых никакой уважающий себя глава МИД не стал бы использовать в важном деле. Аргументы для столь жесткого «вердикта» – в воспоминаниях и архивных досье. Их много, ибо указанные господа «засветились» в разных местах.

Начнем с Нотовича. Сей персонаж был профессиональным интриганом, причем не только в Сербии. А. С. Суворин, к примеру, окрестив его «негодяем», привел далее в своем дневнике слова М. Т. Лорис-Меликова, что тот приходил к нему «проситься в шпионы», но ему было отказано, ибо «надует, пожалуй, подлец»[30]. Сохранился и четкий ответ министра иностранных дел, графа В. Н. Ламздорфа своему товарищу – Н. П. Шишкину, относительно одной из многочисленных затей Нотовича: «Возвращая при сем письмо г. Нотовича, смею думать, что нам едва ли возможно и удобно войти с ним в сношение»[31].

А теперь дадим слово самому Николаю Карловичу Гирсу. В его письме Александру III также упоминался Нотович, «сделавшийся известным, благодаря своим неблаговидным похождениям в Константинополе и затем в Хорасане...»[32]. Что касается Константинополя, процитируем здесь отношение

inslav

тамошнего российского Генерального консула Одесскому градоначальнику от 20 апреля 1887 г.: «18 сего апреля, с пароходом из Батума, прибыл русский подданный Николай Нотович, значайщийся прапорщиком Кавказской милиции в предъявленном им заграничном паспорте, выданном С.-Петербургским градоначальником от 30 марта сего года, и явился к военному здесь агенту полковнику Пешкову с заявлением, что он прислан с поручением от Военного министерства. Так как, тот самый Николай Нотович, выдававший себя здесь в 1885 г. за отставного юнкера, был за клевету и предосудительное поведение, решением Консульского суда в Константинополе от 4 апреля 1885 г., лишен права возвращаться в Константинополь, то – по появлении его здесь – он был задержан при вверенном мне Генеральном консульстве. Причем, в словесных своих показаниях он называл себя то корреспондентом, то имеющим поручения от разных министерств. Ныне, отправляя Н. Нотовича в распоряжение Вашего Превосходительства, покорнейше прошу, вследствие просьбы военного агента, передать его Одесским военным властям»[33].

Уже этих данных, думается, вполне достаточно для создания ясного представления о человеке, который якобы «связывал официальную и неофициальную политику России». Однако самое удивительное даже и не в них – в 1931 г. в собственноручном письме послу Югославии в Париже Мирославу Спалайковичу Нотович умильно «вспоминал» о... своей «энергичной работе с Пашичем и Петрановичем», и все были воодушевлены «чарующей улыбкой на устах и многострадальной слезой в глазах за любимый народ великого старца – митрополита Михаила». И оказывается, «первая прокламация к народу сербскому» была разработана «в Париже осенью 1883 г. мною и сербом Свилокосичем под редакцией тогда еще князя Петра Карагеоргиевича». Данную прокламацию «я провез в Белград, и она была распространена друзьями Пашича, Джурича и т. д.»[34]. Комментарии, думается, излишни! А в письме Димитру Ризову от 7 августа 1902 г. он выставил себя уже героем, «боровшимся за свободу Болгарии»[35]...

И Зюсман был не меньшим пройдохой*. Сначала несколько слов о его «участии» в войнах 70-х гг. Впоследствии он не раз распинался о своем геройстве и наградах. Однако в воспоминаниях Г. Н. Александровского эти участие и геройство представлены несколько по-иному: «Славянский комитет принял

* Представить подлинное лицо этого человека следует и потому еще, что в советской историографии о нем сложилось незаслуженно благостное мнение – «За годы жизни в Сербии Зюсман установил связи со многими общественными деятелями, литераторами и учеными страны, он был как бы посредниками между ними и общественностью России» (*Павлюченко О. В.* Россия и Сербия. 1888–1903. Киев, 1987. С. 96–97).

inslav

мои услуги и назначил меня начальником партии добровольцев... К партии в виде чиновника для особых поручений присоединился некто Зисман, в крещении Васильев». Выехав 11 сентября, она, сразу же по прибытии в Сербию, отправилась на фронт – вот «только Зисман, в крещении Васильев, остался в Белграде; как оказалось, он поступил в общество Красного Креста, в больничары (носильщики)»[36]. Дело почтенное, но зачем врать, спрашивается?*

Что касается дальнейшего пребывания Зюсмана в Белграде, то яркий рассказ о нем содержится в письме одного информированного серба (его конец с подписью отсутствует, но, судя по почерку, это был Джордже Генчич) Ап. А. Майкову. Оно говорит само за себя: «Этот "Васильевич" – и не Васильевич, а виленский жид (Ицко), перекрещенный в своей жизни несколько раз и бывший многих государств подданным. Когда принял православие, поместили его было сначала в какую-то из духовных семинарий, потом в Моск. Дух. Академию, из коей был исключен 73 года и с того времени шлялся по белу свету, а теперь (письмо написано летом 1878 г. – *А. Ш.*) и с начала прошедшей войны находится в Сербии, и именно в Белграде, из которого никуда не выходил во время войны, хотя и публикует себя в "Совр. Изв."**, что он взял главное турецкое знамя на Пирот. Это не Васильевич, как он называется, а его фамилия Susman... Вот какие люди срамят и бесчестят имя русского человека. Представьте себе, он успел уже поставить разные сплетни и раздоры не только между весьма честным здешним русским обществом и сербами, а даже и самих русских между собой, а также и сербов. Благодаря одной весьма высокой здесь личности, этот шпион*** живет здесь для одной только пропаганды и безобразий, которыми наносит только вред нам, а нашим неприятелям пользу! Об нем говорили мне все русские, которые здесь, и высшие даже сербские

* Как видим, О. В. Павлюченко ошибается, считая, что «Зюсман прибыл на Балканы в 1876 г., в разгар восстания в Боснии», и даже проявил «смелость в сражениях с османскими угнетателями» (*Павлюченко О. В.* Россия и Сербия... С. 96).

** Имеется в виду газета «Современные известия». Ее белградским корреспондентом являлся Зюсман.

*** «Высокой личностью», покровительствовавшей Зюсману в Белграде, являлся Матия Бан. В письме премьеру Сербии Йовану Ристичу от 28 июля 1878 г., рассматривая вопрос о представлении ее интересов в России, Бан писал: «Лучшего, чем Никандр Васильевич, я не мог бы Вам предложить... Имея в виду, что в необходимости такой миссии ... твердо убежден и Его Высокопреосвещенство митрополит Михаил, и что я, со своей стороны, готов добавлять 10 дукатов в месяц к недостаточному воспомоществованию Никандра, ... соблаговолите приказать, чтобы указанному господину из кассы Министерства иностранных дел выдали, кроме двухмесячного воспомоществования, еще и 20 дукатов (240 франков. – *А. Ш.*) на дорожные расходы туда и обратно» (Архив Српске Академије наука и уметности. Ф. Јована Ристића. Инв. бр. 19/2. Сигн. XIX).

inslav

особы. Жаль, что пришлось Вам столько говорить об этой темной личности, но через несколько дней придется и еще больше. Не подумайте, что это говорю, судя о нем только по одним слухам или какому-либо с ним личному неприятному случаю. Нет, я это говорю даже безо всякого пристрастия – из симпатии к русским и России, которая мне настолько дорога, насколько и собственная моя родина»[37].

Касательно мнения о Зюсмане белградских русских, Генчич абсолютно прав, чему доказательством может служить хотя бы отзыв профессора П. А. Кулаковского, назвавшего того в своем дневнике «мошенником и шпионом»[38], а также «авантюристом и наемником Ристича в его Correspondenz-bureau...»[39]. По свидетельству ученого, «он производил здесь весьма частые безобразия, защищаясь именем русского добровольца»[40], имея при этом три паспорта – российский, сербский и австрийский[41]. «Уж не шпион ли австрийский в ловкой шкуре?», – вопрошал Кулаковский и продолжал: «Знаю то, что он был корреспондентом у Каткова, и что Катков мне охарактеризовал его словом мошенник»[42].

Еще во время войны Зюсман втерся в доверие к митрополиту Михаилу*, с которым поддерживал отношения и в период пребывания владыки в России. По словам последнего, «я и Черняев** давали ему частные поручения, которые

* Отношение митрополита к Зюсману было, мягко говоря, противоречивым – сплавом отвращения и страха. По словам Кулаковского, «митрополит мне раз очень плохо отрекомендовал Васильевича-Зюсмана: он назвал его прямо пройдохой, а теперь, очевидно, связался с ним и боится его, как ловкого человека, всюду пролезающего» (Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 14. Д. 190. Л. 2 об. (П. А. Кулаковский – И. С. Аксакову. Белград, 17 апреля 1879 г.)). А теперь приведем высказывание самого владыки из разговора с Кулаковским: «Зюсман страшно нахален, надоел всем нам, но избавиться от него не можем» (Там же. Л. 5. Белград, 8 мая 1879 г.). Видимо поэтому, он и «действовал все время двулично: меня шепотом, на ухо, убеждал уговорить Персиани, чтобы потребовал у Ристича высылки Зюсмана, который ему надоел нахальством (от этого поручения я отказался), а потом вновь принимал Зюсмана, как приятеля и друга» (Там же. Л. 7 об. Белград, 31 мая 1879 г.).

** С М. Г. Черняевым Зюсман поддерживал отношения и позднее – в 1880 г., когда экс-генерал прибыл в Белград для лоббирования интересов русских железнодорожных компаний. Но как? Кулаковский писал: «Связался он с... Зюсманом, который ему, наверное, напакостит, служа в одно и то же время шпионом Ристичу. Удивительно, как может быть охота у людей, подобных Черняеву, связываться с подобными мошенниками, которые явно их надувают...» (Рукописное отделение Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). Ф. 572. Д. 1. Л. 9. (Дневник П. А. Кулаковского, запись от 20 мая 1880 г.)). И ведь впрямь надувал. По свидетельству Кулаковского, Зюсман до высылки из Сербии в январе 1881 г. «стоил» Черняеву более тысячи рублей (Там же. Д. 44. Л. 1 об. (П. А. Кулаковский – И. С. Аксакову. Белград, 14 февраля 1881 г.)).

inslav

он исполнял точно»[43], – это опять к вопросу о его участии в боях с турками. И далее: «Хотя он человек, мне преданный (как же ошибается Высокопреосвященный, не ведая об интригах Зюсмана у него за спиной[44]. – *А. Ш.*), упомяну и о его слабости хвалить себя и воображать себя умнейшим человеком»[45]. Как доверенное лицо Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества и одновременно И. С. Аксакова, он в 1885 г. провел все лето в Болгарии и Румынии, войдя в ближайшее окружение Николы Пашича и став его подручным в деле подготовки в Сербии нового бунта против Милана Обреновича[46]. Что не помешало ему клеветать на Пашича в письмах либеральным вождям Йовану Ристичу и Алимпие Васильевичу[47], а всего десяток лет спустя прибыть в Белград по приглашению того же Обреновича IV-го, чтобы он (через Зюсмана) мог «подбросить в русскую печать свои соображения, которые, как мыслит экс-король, будут иметь влияние даже на самого императора»[48].

На закате жизни Зюсман, наконец, угомонился – он оставил былые аферы и занялся переводом исторических сочинений Йована Ристича, негодуя при этом на В. В. Комарова, который обещал их напечатать, но так и не напечатал[49].

Его сын служил офицером в сербской армии. Под фамилией Велькович.

Умер Н. В. Зюсман в 1901 г., в том же году вдова Любица вернулась в Сербию...

Такие люди окружали Николу Пашича в его борьбе. Масса предателей оказалась и в собственных (сербских) рядах. Но тот жестокий опыт лишь закалил его, навсегда сделав истинным «ловцом человеков».

* * *

Объявляя войну сербскому престолу, Пашич, понятно, рассчитывал и на помощь политических кругов Болгарии, реанимируя при этом старую мысль сербских социалистов о тесном сербско-болгарском сотрудничестве. В интервью либеральной газете «Сазнание» он заявил о потребности «широкого распространения идеи сближения и союза балканских народов, в первую очередь, болгарского и сербского»[50]. Непременным же условием самой возможности подобного союза Пашич считал свержение Милана Обреновича с сербского престола. «Если сербский народ сможет освободиться от этого “развратного монарха”, и радикалы придут к власти, то отношения между Сербией и Болгарией станут цветущими, а Македония будет освобождена от турецкого владычества» – нередко говаривал он своим софийским знакомым[51]. Следовательно, – согласно его логике, – помощь болгар сербским эмигрантам в деле подготовки нового восстания в Сербии непосредственно отвечала бы и их собственным перспективным интересам.

inslav

Эту мысль Пашич последовательно проводил на протяжении всего пребывания в Болгарии, стремясь привлечь к своим заговорщическим планам внимание различных групп болгарской политической элиты с целью добиться от них материальной поддержки и, прежде всего, оружием. Однако, уже первое его обращение к главе консервативного правительства Драгану Цанкову встретило явно негативную реакцию – просителю было отказано в «военной» помощи... Хотя в целом, заметим, болгарские власти отнеслись к беглецам из Сербии вполне доброжелательно. Так, несмотря на противодействие сербской и австро-венгерской дипломатии, им было разрешено остаться на жительство в Видине, а не переселяться вглубь страны – подальше от болгаро-сербской границы, как того желали Белград и Вена[52]. 8 ноября 1883 г. болгарский премьер распорядился выделять каждому беженцу по одному леву в сутки на жилье и пропитание[53], а 15-го числа совет министров принял принципиальное решение «не выдавать сербскому правительству политических эмигрантов, которые перебегают из Сербии в Княжество»[54]. И, наконец, 7 февраля 1884 г. кабинет подвел первые итоги по приему сербских беженцев – на их «обустройство» по линии МВД было истрачено 1320 левов[55].

Все эти меры болгарских властей (особенно разрешение на проживание в Видине) сопровождались обещанием Пашича «сидеть тихо» и не предпринимать никаких вылазок против сербского режима[56].

На самом деле, тот и не думал отказываться от своих замыслов. Не дождавшись от правительства Д. Цанкова никакой иной помощи, кроме гуманитарной, Пашич, по словам очевидца, обратился к представителям «революционных и патриотических организаций, которые могли бы предоставить ему известное количество ружей из тех, что остались после русской оккупации и в которых не нуждалась наша армия...»[57]. В 1884–1885 гг. он вошел в связь с лидерами македонского движения и будущими участниками болгарского Объединения. В круг его близких друзей входили председатель Македонского комитета в Софии Коста Паница и его заместитель Димитр Ризов, кооптированные в 1885 г. в состав Болгарского тайного центрального революционного комитета; его глава Захарий Стоянов, члены Иван Андонов и Иван Стоянович, а также деятели «второго эшелона» Объединения Продан Тишков (Чардафон Великий), Илия Куртев, Спиро Костов[58]. И никак нельзя здесь не вспомнить двух самых близких друзей Пашича в Болгарии – Николу Сукнарова и Симо Соколова – бывших студентов белградской Великой школы.

В конце июля 1885 г. Ризов, весьма увлекшись «предприятием» Пашича, пригласил его в Пловдив на пленум БТЦРК[59]. На нем предводитель эмигран-

inslav

тов, обрисовав ситуацию в Сербии и борьбу народа против «насильнического режима короля Милана», обратился к болгарским левым с просьбой о помощи оружием[60]. По свидетельству Ивана Стояновича, «в то время наша интеллигенция сочувствовала борьбе, которую радикалы вели в Сербии против королевского режима», и потому его просьба была встречена благожелательно[61] – часть оружия, заготовленного революционными комитетами для вторжения в Македонию с целью организации там антитурецкого восстания*, была уступлена Пашичу.

Иван Андонов (секретарь БТЦРК) вспоминал: «Спиро Костов докладывал мне, что некоторое количество ружей, по приказу Чардафона Великого, он передал в распоряжение Николы Пашича для препровождения в Видин, где формировались сербские четы»[62]. Это свидетельство подтверждается другими источниками. Так, 6 сентября 1885 г. российский консул в Видине Ю. Карцов доносил в императорскую Миссию в Софии, что «сербскими эмигрантами приобретено до пятисот магазинок (магазинных винтовок. – *А. Ш.*) системы Мартини»[63]. 17 августа человек Милутина Гарашанина в среде эмигрантов Йоле Пилетич докладывал своему шефу, что «в Видин было отправлено 500 ружей», которые «почти все системы Мартини»[64]. А 3 сентября он же напоминал ему, что «в монастыре Св. Архангела спрятано 500 ружей, приготовленных для восстания»[65].

Итак, в конце августа 1885 г., т. е. в момент завершения всех подготовительных мероприятий по организации вторжения в Сербию, в распоряжении сербских эмигрантов оказалось около тысячи стволов**. Из той тысячи, осмелимся утверждать, по крайней мере 500 винтовок – те, что системы Мартини, – были болгарского «происхождения» (вторую половину беглецы закупили в Румынии[66]). На это указывает хотя бы «родословная» самой марки: еще в 1871 г. магазинная винтовка «Мартини-Генри» принимается на вооружение в Англии, – и именно этим типом стрелкового оружия Лондон снабжал Турцию во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. А потому вполне естественно предположить, что на многочисленных складах, оставшихся на территории Болгарии со времен Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., среди оружия

* Только в 1885 г. в Болгарии и Восточной Румелии было ограблено, как минимум, два казенных военных склада – в Кюстендиле и Чирпане.

** В своем известном письме И. А. Зиновьеву Пашич писал: «Таким путем собраны были некоторые средства и куплено около тысячи ружей и необходимые снаряды...» («Обзор деятельности сербской оппозиции». Записка Н. Пашича директору Азиатского департамента МИД России И. А. Зиновьеву. 1887 г. // Исторический архив. Москва, 1994. № 5. С. 117).

inslav

различных систем, в немалом количестве хранились и винтовки данного типа (в еще большей степени это должно было относиться к Восточной Румелии, вплоть до сентября 1885 г. находившейся под властью султана).

* * *

Вторжение в Сербию, с целью свержения Милана Обреновича, Пашич планировал на начало осени 1885 г. Но... все карты заговорщикам спутал Пловдивский переворот (6 сентября) и болгарское Объединение, в результате которого разразился новый Балканский кризис.

Поначалу активные приготовления продолжалась. Имевшаяся тысяча стволов была роздана эмигрантам и черногорским добровольцам, стекавшимся (под командой воеводы Пеко Павловича) со всей Болгарии к границе. А. И. Кояндер докладывал о том в Петербург: «Через несколько дней после Филиппопольского (*болг.* Пловдивского. – *А. Ш.*) переворота я узнал из достоверного источника, что на самой границе с Сербией в Видинском округе собирается шайка из 500 сербских эмигрантов и черногорцев для вторжения в Заечарский уезд и для поднятия там восстания против короля Милана. Герцеговинский воевода Пеко Павлович выступил туда же из Софии в ночь на 9 сентября». Глава заговорщиков Пашич также выехал к границе, чтобы «принять участие в движении»[67].

Подготовка к вторжению сопровождалась пропагандистскими мерами. 15 сентября Н. Пашич и П. Павлович обратились к сербскому народу с призывом «восстать и сбросить ярмо угнетателей», подчеркнув при этом, что «мы переходим границу и идем на помощь братьям...»[68]. Тот же мотив немедленного действия звучал и в обращении Пашича к главе черногорского правительства воеводе Божо Петровичу: «Мы идем на помощь братьям, и если другая часть нашего народа (намек на братскую Черногорию. – *А. Ш.*)» останется к этому равнодушной, то наше дело обречено на провал. Мы гибнем с честью!»[69].

Итак, на карту поставлено все. Пашич играл ва-банк. Оставалось сделать один шаг, о котором он уже объявил. Но его-то и не последовало. И в Цетинье, столицу Черногории, уходит срочная телеграмма, адресованная тому же Божо Петровичу, – «Не удовлетворяйте нашу просьбу. Никола»[70]. Причин неожиданного «отбоя» было несколько. Вычленим две основные.

Во-первых, болгарские «коллеги» так и не оказали Пашичу той помощи, на какую он рассчитывал, строя планы «сербско-болгарского сотрудничества». И дело не в том, что его «предали» З. Стоянов, Д. Ризов, Н. Сукнаров, С. Соколов. Они-то, вдохновленные идеей «сближения и союза» двух госу-

inslav

дарств, делали все, что могли, для успеха «общего дела»[71]. Но одних их усилий было явно недостаточно для реализации столь грандиозного замысла. Требовалась помощь болгарского правительства. А оно, возглавляемое с конца июня 1884 г. куда более умеренным (да к тому же не отличавшимся особыми симпатиями к сербам) Петко Каравеловым, ясно дало понять Пашичу и его ходатаям из местных радикалов, что они могут ожидать от него подмоги только тогда, когда восстание в сопредельной стране уже станет свершившимся фактом. Но никак не раньше[72]...

Своим трезвым и холодным умом Пашич сознавал, что это – почти верная смерть. И понятен вполне в той связи пафос его обращения к черногорскому руководству – если и вы не поддержите, дело восстания в Сербии безнадежно. «Мы гибнем с честью...». Хоть и высокий стиль, но ни одной фальшивой ноты*.

Второй причиной внезапного отказа эмигрантских вождей от перехода сербской границы стало осознание ими того, что благоприятный момент для этого уже упущен. В условиях мобилизации сербской армии в ответ на «попрание» болгарами постановлений Берлинского конгресса и появления слухов о ее якобы предстоящем вторжении в Старую Сербию (нынешние Косово и Метохию), любая попытка такого рода носила бы слишком двусмысленный характер – нож в спину своему же «национальному делу». И не случайно на состоявшемся 18 сентября расширенном заседании штаба заговорщиков многие из его участников задавали вопрос: «А хорошо ли это, что мы собираемся вторгнуться в Сербию как раз в тот момент, когда она собирается мстить за Косово?»[73]. Такие сомнения только усилились после того, как делегат из Сербии – представитель Ужицкого округа – заявил, что накануне войны «за сербские земли» народ вряд ли поддержит восстание. В данной ситуации собрание решило повременить с вторжением. Комментируя это решение, Пашич (в третьем уже по счету письме Божо Петровичу в Цетинье) резюмировал: «Мы отложили наше предприятие, покуда ситуация не прояснится...»[74].

А между тем, «новые» болгарские власти вели себя в эмигрантском вопросе весьма двулично. Отказывая беглецам в содействии, они тем не менее сквозь пальцы смотрели на их лихорадочную деятельность в приграничных округах. В условиях внешнеполитической нестабильности и резко

* 18 сентября, на знаменитом совещании эмигрантской верхушки в Видине, Пашич заявил: «Я довел все дело до нынешнего состояния – если вы решите, что мы должны перейти границу, то я иду с вами, хоть и уверен, что погибну» (Цит. по: *Раденић А.* Радикална странка и Тимочка буна. Зајечар, 1988. Т. 2. С. 806).

inslav

обострившихся (после событий 6 сентября) отношений с Сербией, в Софии, видимо, рассматривали эмигрантов как своего рода «козырь» в дипломатической игре. 18 сентября диппредставитель Болгарии в Вене Григор Начевич в письме министру иностранных дел Илии Цанову вопрошал: «Почему эмигранты не нахлынут в Сербию в ту минуту, когда сербское правительство обнаруживает явную неприязнь и самым активным образом нам препятствует и угрожает? Революция в Сербии в этих обстоятельствах может облегчить нашу задачу»[75].

Болгарский министр в разговоре с французским дипломатическим агентом заметил, что у Болгарии есть средство для создания в Сербии больших внутренних затруднений[76]. По оценке В. И. Косика, «эта преднамеренная утечка информации была предназначена для охлаждения сербского короля – путем ли собственного отказа от своих планов, или через давление западных дипломатов, не заинтересованных в возникновении еще одного очага войны на Балканах»[77]. Однако, своим демаршем И. Цанов добился обратного эффекта – у аккредитованных в Софии иностранных дипломатов сложилось мнение, что болгарское правительство поддерживает тесные связи с сербскими революционерами. Тем более, что усилиями премьера Сербии Милутина Гарашанина прокламация Н. Пашича и П. Павловича с призывом к восстанию против короля Милана от 15 сентября очень скоро стала известна в европейских столицах. Ситуация для Софии складывалась щекотливая. Ее «козырь» был «перехвачен» Белградом, чья выраженная антиболгарская позиция неожиданно получила дополнительное обоснование.

Первым «забил тревогу» князь Александр Баттенберг, который ранее уже приказал арестовать предводителей эмигрантов. Каравелов тогда обещал это сделать и... не сделал. Теперь же, оказавшись по воле правительства в явно двусмысленном положении, монарх отправил его главе весьма нервную телеграмму: «Как же могло так случиться, что Пашич и Пеко Павлович, которые, по вашим словам, уже под арестом, выпустили прокламацию, направленную против сербского короля? Если они еще обретаются на нашей территории, их необходимо немедля арестовать. Опасность слишком велика. Мы не можем сражаться на два фронта, против Турции и Сербии»[78]. На сей раз Каравелов подчинился – на границу по телеграфу ушло его распоряжение: «Немедленно арестуйте Пашича»[79].

Местные власти реагировали оперативно. Жандармы собрали эмигрантов в Видине и погнали сначала на восток страны – в Тырново, а затем, изменив маршрут, к румынской границе – в Рущук. Многодневный путь их был усеян терниями: «В местах остановок заставляли их ночевать в тюрьмах, а где тю-

inslav

рем не было, – просто на голой земле, без огня и покрова. Пищу эмигранты выпрашивали как милостыню или снимали с себя платье и продавали, дабы купить себе хлеба»[80]. Из Рущука несчастных депортировали в Румынию.

В отличие от них, Пашича не «гоняли» по всей Болгарии, но 3 октября и его настиг арест[81] – «за открытое выражение сочувствия России»[82]. После краткого пребывания под стражей он также был вынужден перебраться в соседнюю страну, дав письменное обязательство о непересечении болгарской границы – все время, пока там действует военное положение, введенное после Пловдивского переворота. 7 октября он прибыл в Бухарест...

Начиналась новая, румынская, глава «Балканского детектива»[83].

Примечания

[1] Тимочка Буна 1883. Грађа. Т. 2. Приредио М. Николић. Београд, 1955. С. 588–589.

[2] *Милошевић Р.* Тимочка буна. Успомене Р. Милошевића, члана Главног одбора Народне радикалне странке. Београд, 1923. С. 195.

[3] Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. «Личный фонд Р. Йовановича». Оп. 915. Д. 26. Л. 217 (Н. Пашић – С. Кокотовићу. Видин, 21 новембар 1883 г.).

[4] *Ивић А.* Историја радикалне странке // Велика Србија. Август 1997. Бр. 403. С. 41.

[5] АВПРИ. Ф. Главный архив. V-А2. Оп. 181. Д. 305. Л. 39 (Н. Павлов – А. С. Иошину. Видин, 30 октября 1883 г.).

[6] Архив Српске Академије наука и уметности (далее – АСАНУ). Бр. 7885/2. Документ опубликован в: Тимочка Буна 1883. Грађа. Т. 7. Приредио Љ. Поповић. Београд, 1989. С. 43–61.

[7] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 429 (1884 г.). Л. 11 об. (А. И. Персиани – А. Е. Влангали. Белград, 5 января 1884 г.).

[8] *Овсяный Н. Р.* Сербия и сербы. 2-е издание. СПб., 1898. С.90; *Кулаковский П. А.* Сербия в последние годы // Русский вестник. 1883. № 4. С. 762.

[9] АСАНУ. Пашићеве хартије. Бр. 14615-1-27.

[10] Подробнее о них см.: *Шемјакин А.* Никола Пашић у емиграцији (1883–1889). Бугарска, Румунија, Русија // Никола Пашић. Живот и дело. Београд, 1997. С. 215–226.

[11] См.: *Ивић А.* Никола Пашић у емиграцији 1884. године. По документима државне архиве у Бечу // Споменица Николе П. Пашића. Београд, 1926. С. 78; *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба. Београд, 1990. Књ. 1. С. 443–444.

inslav

[12] *Слијепчевић Ђ.* Михајло, архијепископ Београдски и митрополит Србије. Минхен, 1980. С. 324.

[13] Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 2199. Л. 19 об. (митрополит Михаил – Т. И. Филиппову. Киев, 12 сентября 1884 г.).

[14] Архив Србије (далее – АС). Ф. Стојана Новаковића. Бр. 104.

[15] Милутин Гарашанин – Ђорђе Симићу. Ниш, 24. маја 1884. // Тимочка буна 1883. Грађа. Т. 7. С. 92–93.

[16] АС. МИД. ПО. II. 3-3/1884. Л. 171–172 (Јован Мариновић – Милутину Гарашанину. Париз, 13. јула 1884.).

[17] АВПРИ. Ф. Политархив (1884 г.). Д. 428. Л. 87 об.

[18] Там же (1886 г.). Д. 434. Л. 207–207 об.

[19] Там же. Л. 204.

[20] Там же. Ф. Главный архив. Д. 921 (1883 г.). Л. 420–420 об.

[21] Оккупационный фонд, основанный для устройства русско-дунайской области. Документы из секретного архива русского правительства. София-Берлин, 1893. С. 117.

[22] Институт рукописей Центральной научной библиотеки НАН Украины им. В. И. Вернадского. Ф. 174. Ед. хр. 2696. Л. 1 (К. П. Победоносцев – митрополиту Киевскому и Галицкому Платону).

[23] АС. Ф. Стојана Новаковића. Бр. 104. Л. 1, 3.

[24] АСАНУ. «Pasic Collection». Бр. 14924/98 (Никола Пашић – неидентификованој особи. Софија, 1. септембра 1884.).

[25] *Ковачевић Д.* Србија и Русија (1878–1889). Од Берлинског конгреса до абдикације краља Милана. Београд, 2003. С. 263; *Самарџић М.* Од Сан Стефана до Сливнице. Нови Сад, 2008. С. 214.

[26] *Ковачевић Д.* Србија и Русија... С. 263.

[27] Там же. С. 264; *Самарџић М.* Од Сан Стефана до Сливнице. С. 214.

[28] АС. МИД. ПО. 3 1-3. Ф-II. Д-II. Пов. бр. 36. Л. II/165.

[29] Там же. Л. II/166.

[30] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999. С. 135.

[31] АВПРИ. Ф. «Личный архив Н. П. Шишкина». Оп. 810. Д. 10. Л. 1.

[32] Там же. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1887 г. Д. 34. Л. 11.

[33] Государственный архив Одесской области. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2304. Л. 1-1 об.

[34] АС. Ф. Мирослава Спалајковића. Бр. 333.

[35] Народна библиотека «Кирилл и Методий» – Български исторически архив (далее – НБКМ-БИА). Ф. 178. А. е. II.В.7817. Л. 2.

inslav

[36] Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 14. Д. 559. Л. 15 об.–16, 19 об.

[37] Там же. Ф. 452. Оп. 1. Д. 388. Л. 1 об. (Неустановленное лицо – Ап. А. Майкову. Б/м (Белград), б/д (лето 1878 г.)).

[38] Рукописное отделение Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). Далее – РО ИРЛИ. Ф. 572. Д.1 (дневник П. А. Кулаковского). Л. 9 (запись от 15 мая 1880 г.).

[39] Там же. Л. 10 об. (запись от 15 июня 1880 г.).

[40] ОР РНБ. Ф. 14. Д. 189. Л. 2 (П. А. Кулаковский – И. С. Аксакову. Белград, 20 января 1879 г.).

[41] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 35. Оп. 1. Д. 802. Л. 4 (П. А. Кулаковский – В. И. Ламанскому. Белград, 19 октября 1879 г.).

[42] Там же.

[43] Центральный Государственный исторический архив Украины (далее – ЦГИАУ). Ф. 192. Оп. 1. Д. 96. Л. 55 (митрополит Михаил – митрополиту Киевскому и Галицкому Платону. Киев, 12 января 1885 г.).

[44] См., например: *Слијепчевић Ђ.* Михајло, архиепископ београдски и митрополит Србије. С. 330.

[45] ЦГИАУ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 96. Л. 55 об. (митрополит Михаил – митрополиту Киевскому и Галицкому Платону. Киев, 12 января 1885 г.).

[46] ОР РНБ. Ф. 14. Д. 55. Л. 2 об. (В. И. Аристов – И. С. Аксакову. С.-Петербург, 19 августа 1885 г.).

[47] АСАНХ. Ф. Јована Ристића. Инв. бр. 25/437. Сигн. XXV/13; Инв. бр. 32/1392. Сигн. XXXII/28.

[48] *Тодоровић П.* Дневник. Приредила Л. Перовић. Београд, 1990. С. 163 (запись от 15 марта 1894 г.).

[49] ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 254. Л. 10 (Н. В. Зюсман – Ап. А. Майкову. С.-Петербург, 10 февраля 1900 г.).

[50] Съзнанье. Либерален орган. София, 23 ноемврий 1883 г. № 44.

[51] *Стоянович И.* Из миналота. София, 1992. С. 41–42.

[52] Д. Кирович – Д. Цанкову. Белград, 30 октября 1883 г. // Тимочка буна 1883. Грађа. Т. 7. С. 273; България в австро-унгарските дипломатически документи. 1879–1885. София, 1993. Т. 1. С. 406–407 (документы 290–291); Д. Цанков – окружному управителю в Видине. София, 8 ноября 1883 г. // Държавен вестник. 1883. Бр. 120. С. 1102.

[53] Д. Цанков – окружному управителю в Видине. София, 8 ноября 1883 г. // Държавен вестник. 1883. Бр. 120. С. 1102.

inslav

[54] Централен Държавен Исторически Архив (далее – ЦДИА). Ф. 284. Оп. 1. А. е. 219 (пункт 8). Протокол заседания Совета министров от 15 / 27 ноября 1883 г.

[55] Там же. А. е. 257 (пункт 8). Протокол заседания Совета министров от 7 / 19 февраля 1884 г.

[56] *Стоянович И.* Из миналота. С. 41.

[57] Там же. С. 42.

[58] Там же. С. 41–42; *Андонов И.* Съединението. София, 1995. С. 40–42.

[59] ЦДИА. Ф. 750. Оп. 1. А. е. 15. Л. 62–63.

[60] *Стоянович И.* Из миналота. С. 42.

[61] Там же.

[62] *Андонов И.* Съединението. С. 40. См. также: *Димитров И.* Преди 100 години съединението. Исторически очерк. София, 1985. С. 225.

[63] АВПРИ. Ф. Главный архив. V-А2. Д. 309 (1885 г.). Л. 9.

[64] АС. Ф. Милутина Гарашанина. Бр. 895. Л. 1 об.

[65] Там же. Л. 8.

[66] *Лазаревић Ђ.* Сећања на Николу Пашића // Политика. 12 децембар 1926 г. Бр. 6694.

[67] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1280 (1885 г.). Л. 404 об. – 405.

[68] АС. Ф. Милутина Гарашанина. Бр. 837.

[69] НБКМ-БИА. Ф. 34. А. е. 8. Л. 32.

[70] АСАНУ. Бр. 11754.

[71] См., например: НБКМ–БИА. Ф. 34. А. е. 8. Л. 3–7; 17–20.

[72] *Пантев А.* Емиграниският въпрос в българо-сръбските отношения (1883–1886) // Векове. 1973. № 4. С. 12.

[73] Н. Пашић – неидентификованој особи. 26 септембар 1885 г. // *Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1869–1891). Приредили Л. Перовић и А. Шемјакин. Београд, 1995. С. 189.

[74] АСАНУ. Бр. 11754.

[75] *Радев С.* Строителите на съвремена България. София, 1910. Т. 1. С. 605.

[76] Там же.

[77] *Косик В. И.* Русская политика в Болгарии. 1879–1886. М., 1991. С. 119.

[78] *Радев С.* Строителите на съвремена България. Т. 1. С. 605–606.

[79] Там же. С. 606.

inslav

[80] «Обзор деятельности сербской оппозиции». Записка Н. Пашича директору Азиатского департамента МИД России И. А. Зиновьеву. 1887 г. // Исторический архив. Москва, 1994. № 5. С. 118.

[81] АВПРИ. Ф. Вице-консульство в Софии. Оп. 782/2. Д. 48. Л. 403.

[82] Там же. Л. 150.

[83] Подробнее о румынской «главе» эмиграции Н. Пашича см.: *Шемякин А. Л.* Никола Пашич в Румынии (1885–1889) // Славянский альманах. 2006. М., 2007. С. 94–113; *Он же.* Никола Пашич в Румынии (1885–1889). Идеологический аспект // Studia Slavica Polonica (К 90-летию И. И. Костюшко). М., 2009. С. 43–53.

inslav

Ю. В. Лобачева

Сербские и хорватские переселенцы в США в конце XIX – начале XX веков

В истории эмиграции югославян из Австро-Венгрии, Сербии и Черногории в США до начала Первой мировой войны можно условно выделить два периода. Первый охватывает промежуток приблизительно с 20-х до 90-х гг. XIX в. Отличительной чертой второго периода, который начинается в 90-е гг. XIX в. и заканчивается к 1914 г., является ее массовость[1]. В данной статье мы рассмотрим фактическую сторону и некоторые особенности процессов переселения сербов и хорватов в США в конце XIX – начале XX вв. и образования там их этнических диаспор.

Эмиграция югославян в Америку была вызвана в первую очередь экономической необходимостью[2]. «Усиление эмиграции обуславливается, главнейшим образом, невозможностью для известной части населения получать необходимый заработок внутри страны, а также и тяжкими экономическими условиями, созданными весьма значительным обложением населения», – указывал в «Заметке об эмиграции из Австро-Венгрии» российский вице-консул в Вене Л. Иславин[3]. А сербский посланник в России Мирослав Спалайкович сообщал российскому министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру о том, что «православные сербы, находясь в большой материальной нужде, со слезами на глазах оставляли свою родину, свои семьи и бросались в объятия чужого мира, в объятия дальней Америки, для того лишь, чтобы заработать свой кусок хлеба ценою упорных физических трудов»[4].

Вместе с тем, определенное значение при переселении югославян из Австро-Венгрии имели социальные и политические обстоятельства[5]. Причем некоторые российские дипломаты полагали, что именно политические причины лежали в основе миграции австро-венгерских славян[6].

Подчеркнем, что процент переселенцев из собственно Сербии был относительно небольшим по сравнению с эмиграцией из других югославянских земель. Это может объясняться ее независимым статусом (с 1878 г.), более благоприятной экономической ситуацией и удаленностью от морских коммуникаций[7].

Добавим, что некоторую роль сыграли и психологические факторы. Во-первых, из родных мест уезжали люди, обладавшие особым складом личности и системой взглядов, позволившей им покинуть традиционную среду.

inslav

Во-вторых, рассказы переселенцев о жизни в Америке и их финансовая помощь нередко побуждали к переезду их семьи, родственников и знакомых[8]. Наконец, сам отъезд, как правило, изначально рассматривался как временное явление...

Точный ответ на вопрос о численности сербской и хорватской диаспор в США на рубеже веков вызывает определенные трудности. Это связано с тем, что документация по переселенческому движению (статистика эмиграции, иммиграции и реэмиграции) велась не с момента его возникновения и зачастую не была систематической[9].

Приведем некоторые данные об эмиграции сербов и хорватов, чтобы представить ее масштаб. Так, российский консул в Питтсбурге Г. В. Чирков указывал в 1916 г., что сербов из Австро-Венгрии в США и Канаде – 100000 человек, хорватов – около 400000 чел.[10] Позднее К. Новакович, банкир из Сан-Франциско, в сообщении королю Александру Карагеоргиевичу подтверждал эти подсчеты[11]. В исторической литературе по проблемам югославянской эмиграции в Америке можно встретить другую статистику. Например, американский исследователь Г. Прпич приводил такие цифры – 650000 хорватов и 100000 сербов[12]. По данным же хорватского историка И.Чизмича, до Первой мировой войны из Хорватии выехало 500000 хорватов, а сербов в США насчитывалось примерно 40000 чел.[13]. Как видим, хорватская диаспора была значительно крупнее сербской. Это, безусловно, отразилось на организации жизни и функционировании обеих общин...

На рубеже XIX–XX вв. югославянскую эмиграцию в США составляли преимущественно крестьяне и рабочие, а общий уровень грамотности переселенцев был низким. По наблюдениям российского консула в Чикаго А. М. Волкова, социальная структура всех славянских колоний была в общих чертах такой: «Подавляющее большинство ингредиентов составляет элемент исключительно трудовой и чернорабочий и только небольшие группы составляют сознательный класс этих колоний, причем количество сознательного элемента прямо пропорционально степени давности колоний»[14]. По его мнению, «хорваты находятся в той стадии своего движения, когда сознательный элемент начинает среди них вырабатываться; но, с другой стороны, колония их, в силу ее давности, когда молодое поколение уже поголовно грамотно, не могла бы быть названной "культурно-убогой". Я положительно могу сказать, что лично я знаю среди хорватов немало высокоинтеллигентных людей, – адвокатов, докторов, публицистов и т. д.»[15]. Заметим, что такой социальный состав и мотивы эмигрантов существенно повлияли на процесс формирования их колоний, определив, в частности, их локализацию и особенности адаптации к новым условиям.

inslav

В конце XIX – начале XX вв. большая часть славянских переселенцев осела в городах фабричных и шахтерских районов северо-восточных штатов – средоточии американской индустрии. «В отношении... географическом, американская их иммиграция обычно направлялась в промышленные центры Штатов – в Пенсильванию, Мичиган, Иллинойс и здесь обосновывалась. С течением времени, среди всех этих славян образовывались национальные организации – просветительные, благотворительные, спортивные и иные. При этом, имея во главе своей вожаков, занятых профессиями или работою в Чикаго, центры славянских организаций, постепенно переносились именно в этот город, и в настоящее время здесь находятся: Чешский Национальный Союз, Польский Национальный Союз, Ховатский, Сербский, Словакский и Словенский центральные комитеты», – сообщал о славянах из Австро-Венгрии А. М. Волков[16].

Главными же центрами сербской и хорватской эмиграции в США, где разворачивалась ее экономическая, общественная, культурная и политическая деятельность, были Пенсильвания, Иллинойс, Огайо. В числе городов можно назвать Питтсбург, Кливленд и Чикаго.

Так, по свидетельству секретаря российского посольства в Вашингтоне Г. де Воллана, хорваты направлялись преимущественно в Пенсильванию, Огайо, Колорадо, Иллинойс[17]. А дипломатический представитель в Бремене Л. Томашевский сообщал, что хорваты следовали в Пенсильванию, Западную Вирджинию и Колорадо[18]. Российский консул в Номе и Сиэтле Н. Богоявленский сообщал о югославянах на Западе: «Сербов и хорватов в Соединенных Штатах очень много. Здесь мне говорили, что, будто бы, более миллиона. В одном Сиэтле, например, 1200 хорватов и около 400 сербов»[19]. Сербский автор Л. Пейович указывал, что югославяне и, прежде всего, переселенцы из Далматинского Приморья, проживали также в Новом Орлеане (Луизиана), а основными их занятиями были мореплавание и рыболовство[20].

Эти сведения подтверждаются и в исследовании И. Чизмича, по данным которого основной поток хорватской эмиграции направлялся в Пенсильванию, Огайо, Иллинойс и Индиану. В Пенсильвании, обеспечивавшей переселенцам возможность получить хорошие заработки, особенно популярными были города Аллегини Кантри и Питтсбург, куда хорваты начали переселяться с 1882 г. Перед Первой мировой войной в районе Питтсбурга предположительно было около 120000 хорватов. Вторым важным центром хорватской эмиграции в США был индустриально развитый город Кливленд в штате Огайо, где в 90-х гг. XIX в. их уже проживало несколько тысяч. Один из известных и преуспевающих центров торговли и промышленности Иллинойса, Чикаго, также стал местом сосредоточения хорватских переселенцев. Здесь они могли получить работу на предприятиях по производству металла, кожи, электриче-

inslav

ских приборов, а также в химической и пищевой промышленности, а неквалифицированные рабочие – на всемирно известных скотобойнях. Кроме того, хорватские эмигранты селились в Калифорнии, где они присоединялись к прибывшим ранее выходцам из хорватских земель, и в других областях США[21].

Больше всего сербских колоний находилось в среднем поясе США от Нью-Йорка до Сан-Франциско[22]. Сербы тысячами селились в Пенсильвании и Огайо. В достаточно большом количестве они проживали в Иллинойсе, Монтане, а их небольшие группы мигрировали в Калифорнию[23]. На юге США сербы из Герцеговины жили в Галвестауне (Луизиана)[24]; на Среднем Западе, в штате Мичиган, сербские/югославянские колонии существовали в Детройте, его пригороде Понтиаке и Флинте[25].

Обобщив сведения о профессиональной деятельности переселенцев, можно сказать, что подавляющее их большинство было занято в различных отраслях американской промышленности. Другая их часть занималась ремеслом и сельским хозяйством. Кроме того, эмигранты содержали «салуны» или организовывали свои «банки»[26]. Сравнительно малый их процент составляли торговцы, служащие и т. д.

* * *

В США сербы и хорваты попадали в новую экономическую и социокультурную среду, в которой должны были приспособиться и найти свое место. Проживание в городах ставило перед эмигрантами, прибывавшими в больших количествах из аграрных областей, еще и задачу преодоления проблем привыкания к городской обстановке. В итоге, нередко жизнь югославян становилась непрерывной борьбой за существование. Положение осложнялось еще и тем, что в конце XIX – начале XX вв. в США почти не было ни социальных служб, ни социального законодательства, ни системы страхования переселенцев от несчастных случаев на рабочем месте, болезни или безработицы. Федеральное правительство, уделявшее много внимания обсуждению вопросов, связанных с упорядочением и ограничением «новой» иммиграции[27], мало интересовалось жизнью переселенцев как таковой. Вследствие этого, существенную роль в процессах адаптации эмигрантов к новым условиям, особенно на начальном этапе переселения, играли американские общественные и религиозные деятели и организации[28] и создававшиеся самими переселенцами общества страхования и взаимопомощи.

Именно необходимость выжить, адаптироваться в чужом мире и сохранить свою национальную культуру явилась главной причиной образования эмигрантами собственных колоний и организаций, одной из функций которых

inslav

было поддержание языка и религиозных традиций – этих важнейших компонентов самоидентификации.

Священник Живоин Ристанович так писал из Америки в Белград о сербских переселенцах: «Бедняк, необразованный и голодный, наш серб с первых шагов в Америке встретился с богатством, культурой и пресыщенностью. Хоть прост [и] недостаточно просвещен, он почувствовал одну большую опасность, которая ему угрожает; опасность для сербского имени, для православной веры Святосавской. Испугался он этого богатства и, видя везде вокруг себя чужестранцев, боялся за свою веру и язык – страшился, что Америка сделает его чужим своему народу, религии и языку. Особенно наш эмигрант боялся за своих детей, которые будут рождаться и воспитываться там – на чужбине. Чтобы уберечь детей от сильного чужеземного влияния, переселенцы, прежде всего, начали объединяться, чтобы создавать колонии и церковно-школьные общины»[29].

Косвенным фактором, оказывавшим влияние на процессы адаптации и ассимиляции эмигрантов, было отношение американского общества к «новой» волне, в состав которой входили сербы и хорваты. Особенностью его эволюции на рубеже XIX–XX вв. явилось постепенное ее выделение на фоне всей иммиграции, которое сопровождалось формированием в массовом сознании негативных стереотипов как «новой» иммиграции в целом, так и отдельных этнических групп[30]. «Изменение, происшедшее в племенном составе эмиграции, озабочивает многих американцев. В газетах зачастую высказываются различные опасения, основанные на том, что в Америку эмигрируют нежелательные в культурном отношении элементы, не имеющие ничего общего с духом американских учреждений и представляющие собою опасное орудие политической борьбы», – замечал Г. де Воллан[31].

Практически каждая этническая группа «новых» переселенцев демонстрировала достаточно сильную тенденцию к обособлению от других групп (в основе этого нередко лежали этнические и культурные различия, национальные конфликты, имевшие место на родине) и «коренного» населения. Жизнь югославян также в значительной степени определялась принадлежностью к определенной диаспоре и протекала внутри нее[32].

Отношения между сербами и хорватами в США складывались по-разному. С одной стороны, как и другие славяне, они существовали отдельно друг от друга. Так, в 1903 г. журналист П. Драганов писал об их расхождениях на религиозной и культурной почве: «К глубокому сожалению, сербы и хорваты даже на чужбине не живут в добром согласии, несмотря на газетные разглагольствования о братстве народов и особенно славянском братстве. Вожди хорватов стараются всеми силами препятствовать развитию сербских право-

inslav

славных обществ, основывая свои собственные римско-католические, или предъявляют притязания на существующие сербские под тем предлогом, что сербы те же хорваты, но лишь православные. Воинственный католицизм поддерживает эту вражду родных братьев, так как надеется окатоличить горсточку православных американских сербов; а последние уверяют, что у хорватов нет вовсе своего литературного языка: они украли его у сербов, подменив кириллицу латиницей и т. д., и т. п.»[33].

В 1917 г. Н. Богоявленский также говорил об их разобщении: «Этнографически сербы и хорваты один и тот же народ... Только религия их разделяет: сербы большей частью православные, а хорваты или кроаты – католики. Различие, казалось бы, небольшое; но на деле оказывается настолько существенным, что об это, по-видимому, малое препятствие разбивались многие добрые начинания в целях более тесного сближения этих двух ветвей одного народа. И можно думать, что на родине, в Европе, это расхождение сербов и хорватов заметно еще сильнее, чем здесь в Америке. Дело в том, что среди кроатов большим влиянием пользуется фанатическое католическое духовенство. Православный серб в религиозном отношении очень терпим; свободно он может смотреть на хорвата-католика или серба-мусульманина как на своего брата; но католический патер всегда тянет своего пасомого хорвата подальше от схизматика серба. Конечно, и среди хорватского духовенства, особенно низшего, есть националисты и либерально в религиозном отношении настроенные люди; но это меньшинство, которое, как говорится, погоды не делает»[34]. И продолжал: «В своей массе сербы и хорваты живут и действуют в Америке самостоятельно, имеют отдельные общества, свои газеты. Конечно, газеты сербские читаются хорватами и наоборот. Но попытки объединить сербов и хорватов в одно национальное общество большей частью оканчиваются неудачей...»[35].

Добавим, что разделение на группы происходило и в рамках одного этнического сообщества. Примером этого могут служить колонии хорватских эмигрантов, образованные жителями одного района (обычно родственниками и/или знакомыми)[36]. С другой стороны, известно о сотрудничестве и совместных общественных акциях сербов и хорватов.

* * *

Особенностью психологии большинства славянских переселенцев (особенно на ранних этапах эмиграции) было то, что они считали себя, образно говоря, «перелетными птицами» и рассматривали свое пребывание в Америке как временное, целью которого было получение денег и возвращение на родину[37]. И, вероятно, поэтому они первоначально не стремились влиться в новый

inslav

социум, с трудом ассимилировались «с местным англо-саксонским элементом»[38].

Однако в повседневной жизни и профессиональной деятельности югославянские эмигранты неизбежно соприкасались с американским образом жизни, общественными и культурными традициями. Индустриальное общество с его ценностями и установками оказывало на них свое влияние, вырабатывая у них адекватные этой культуре модели поведения. Пребывание в городах и мегаполисах трансформировало мировоззрение эмигрантов из сельских областей, «раскрестьянивая» их. Как указывал российский американист Б. М. Шпотов, в XIX в. социально-культурная ассимиляция иммигрантов в США происходила на «"подвижной границе" на западе США, где сами условия жизни быстро сближали и нивелировали переселенцев», а «в дальнейшем мощными "плавильными котлами" стали бурно растущие города и крупные промышленные центры»[39]. Приспособлению к новой среде и американизации сербов и хорватов способствовало также постепенное усвоение ими английского языка.

В результате, многие из них нашли свое место в этой стране и приняли американское гражданство. Часть югославянских переселенцев активно включалась в общественную жизнь, принимая, например, участие в деятельности рабочих и социалистических организаций[40]. «Большинство, проживающих в Америке сербов и, в особенности черногорцы, социалисты», – замечал Богоявленский в 1914 г.[41] Вместе с тем, славянские эмигранты старались сохранить свой этнокультурный опыт, поддерживали связь с родиной. По замечанию А. М. Волкова, «славяне еще в третьем поколении владеют родным языком и связи, иногда лишь духовной, с отечеством не теряют»[42].

* * *

Следует сказать, что, помимо уже упомянутых собственных объединений страхования и взаимопомощи, сербы и хорваты в США основывали и другие организации. Применительно к их диаспорам конца XIX – начала XX вв. вряд ли можно говорить о наличии четкой организационной структуры, однако процесс ее формирования можно проследить приблизительно с 80–90-х гг. XIX в.

Давая общую характеристику этому процессу, отметим, что лидерам переселенцев принадлежала большая заслуга в объединении в целом разобщенной эмиграции, установлении тесных связей внутри сообществ, которые постепенно расширялись от контактов между соседями до интеграции в ассоциации. Югославяне создавали благотворительные и культурно-просветительские объединения, церкви, учреждали политические союзы и периодические

inslav

издания. Особой формой социального взаимодействия внутри сербской и хорватской диаспор были съезды благотворительных союзов или их секций, а также национальные конгрессы. Иногда из-за идеологических или иных разногласий между организациями переселенцев возникали конфликты.

На ранних этапах эмиграции в жизни югославян в США большую роль играли «салуны». Там, помимо прочего, они узнавали новости о событиях на родине, устраивали собрания и т. д. Несмотря на некоторые негативные стороны, салуны были своеобразными центрами их культурной и общественно-политической деятельности[43]. Позже эти функции перешли к благотворительным обществам страхования и взаимопомощи регионального и местного масштаба.

«У сербов и хорватов существуют большие всеамериканские общества, а затем много и местных. Из всеамериканских организаций есть большое политическое общество «Hrvatski Savez» («Кроатская Лига»)[44]; затем, «Narodna Hrvatska Zajednica»[45], рабочий союз, в который входит до 35000 членов. У сербов союзы «Србобран»[46] и «Слога»[47]... Из местных организаций, как у сербов, так и у хорватов должны быть отмечены общества взаимопомощи, основанные частью при церквях, т. е. приходские, частью, если нет церквей, существующие самостоятельно. Но эти организации политического значения не имеют, хотя по случаю национальных праздников тоже устраивают политические демонстрации, с речами, шествиями, как например, сербы и черногорцы в день Св. Саввы», – так описывал сербские и хорватские объединения Н. Богоявленский[48]. И замечал: «Нужно, однако, сказать, что хорваты организованы в Америке значительно лучше сербов, потому что у хорватов больше образованных руководителей, чем у сербов. Сербы по преимуществу простой народ, простые рабочие. Среди них даже лиц, выдвинувшихся из среды рабочего класса, сравнительно немного»[49]. Это замечание кажется вполне справедливым, однако при сравнении организаций переселенцев необходимо учитывать и то, что хорваты были более многочисленны.

Остановимся подробнее на некоторых благотворительных объединениях эмигрантов. «Народное хорватское сообщество» страхования и взаимопомощи было основано в Питтсбурге в 1894 г. Затем его отделения появились и в других городах. «За 8 лет число ее (организации. – *Ю. Л.*) дошло до 14000 человек, так что она могла приступить к организации благотворительности и страхования, благотворно сказавшейся на появлении печати, читален, музыкальных и театральных обществ, устройстве церквей и т. п.», – сообщалось в журнале «Славянский век»[50]. Его главной целью была защита переселенцев во всех сферах жизни. «Народное хорватское сообщество» «вело упорную борьбу против неполноправного положения переселенцев в американском обществе,

inslav

знакомило хорватов с их гражданскими и национальными правами, учило, как лучше приспособиться к новой среде, чтобы сохранить свой национальный облик», – замечал И. Чизмич[51]. Особое место в деятельности общества занимала помощь соотечественникам в Хорватии. Кроме того, до появления «Хорватского союза», о котором будет сказано ниже, оно проводило и общественно-политические акции.

В 1905 г. чикагские хорваты основали «Hrvatsku zajednicu od Illinoisa» («Хорватское сообщество Иллинойса»), а эмигранты в Калифорнии в 1909 г. – «Hrvatsku svezu na Pacifiku» («Хорватский союз на Тихоокеанском побережье»). У этих объединений была та же цель, что и у «Народного хорватского сообщества». Добавим, что у хорватов существовали также «дома эмигрантов» и культурно-просветительные клубы, где переселенцы могли получить необходимые знания о своем положении и правах в Америке, прослушать научно-популярные и политические лекции и принять участие в дискуссиях[52].

Первые благотворительные организации сербов были основаны совместно с хорватами и в рамках «Народного хорватского сообщества». Но уже в 1902 г. они отделились и включили свои организации в «Русский союз», но ненадолго. В том же году эмигранты созвали конвенцию в Мак-Киспорте и учредили Сербский православный союз «Србобран» («Защитник сербов»)[53]. По словам корреспондента «Славянского века», многочисленные разрозненные кружки сербов (главным образом, в Пенсильвании) объединились в одно благотворительное общество – Сербский православный союз «Защитник сербов», при котором была построена церковь и читальня, располагавшая значительным собранием сербских книг и газет[54]. В 1903 г. сербы в Чикаго основали «Први српски добротворни савез» («Первый сербский благотворительный союз»)[55].

Возможно, под влиянием проходившего в Сент-Луисе всеславянского съезда журналистов в 1904 г. переселенцы решили построить в Питтсбурге «Српски дом» («Сербский дом»), который должен был стать их центром в Новом Свете, а американское правительство утвердило его устав[56]. По информации «Славянских известий», в 1907 г. в Сан-Франциско был основан «Сербский народный фонд»[57], который оказывал помощь также «сербам в несвободных краях»[58].

В развитии сербских организаций взаимопомощи можно четко проследить тенденцию к укрупнению объединений. Так, на всесербском конгрессе в Кливленде 14 сентября 1909 г., где присутствовали представители Союза «Защитник сербов», «Первого сербского благотворительного союза» в Чикаго, «Сербского фонда помощи» из Сан-Франциско и других сербских обществ, церковных общин и клубов, произошло объединение сербских органи-

inslav

заций в одну – Союз объединенных сербов «Согласие». Его председателем стал известный сербский ученый-физик, профессор Колумбийского университета Михайло Пупин. Однако летом 1910 г. из-за разногласий с правлением «Согласия» часть членов бывшего Союза «Защитник сербов» вышло из нее. Они реорганизовали Союз, председателем которого в 1914 г. стал Пая Радосавлевич – лектор университета в Нью-Йорке, а почетным председателем – выдающийся сербский ученый-изобретатель Никола Тесла[59]. В итоге у сербов оформились две крупные благотворительные огранизации – «Защитник сербов» и «Согласие», которые справедливо выделялись Н. Богоявленским как «всеамериканские» сербские общества.

В то же время, как говорилось в «Славянских известиях» в 1909 г., «поражает бедность сербских школ: существует всего одна в Питтсбурге, и предполагается открыть вторую в Сан-Франциско... Певческих обществ и читален, имеющих в сербских землях громадное воспитательное значение, у американских сербов пока очень мало, и большинство сербов в Америке неграмотно»[60]...

Реконструируя формы деятельности, характерные для общественной жизни на родине, югославяне в США образовывали сокольские или гимнастические общества. Одну сторону деятельности этих объединений довольно точно описал в своем донесении в Вашингтон в 1916 г. генеральный консул в Сан-Франциско А.Выводцев: «Сокольские организации в Калифорнии не представляют из себя какие-либо политические общества, а всецело преследуют цели увеселительные, чтобы дать возможность славянским выходцам собираться, вспомнить родину и в живописных костюмах исполнить национальные упражнения и игры. Членами этих организаций состоят люди весьма скромных средств, труженники, и вербуются преимущественно из югославян, моравов, чехов, хорватов и сербов, – всех почти исключительно австрийских подданных, римско-католического вероисповедания. Тем не менее, сербские православные клубы, тоже не политические, охотно присоединяются к периодическим празднествам соколов, где еще обыкновенно устраиваются вечеринки. Сокольские организации существуют по всей Америке...»[61]. С другой стороны, известно, что эти спортивные организации также, как и на родине, привлекались и к политической деятельности[62].

«Славянские известия» сообщали о сокольских организациях и у сербов[63]. И. Чизмич указывал, что хорваты основали первое сокольское общество в 1908 г. в Чикаго. Позже подобные организации появились по всей Северной Америке. В 1914 г. их было уже 29 с тысячей членов, входивших в три крупные объединения: «Tomislav» («Томислав») в Чикаго, «General Čanič» («Генерал Чанич») в Калифорнии и «Zvonimir» («Звонимир») в Филадельфии[64]...

inslav

Среди политических организаций сербов и хорватов следует, прежде всего, назвать объединения социалистической направленности. Первое подобное общество хорватов было основано в Питтсбурге в 1903 г. Оно называлось «Jugoslavenski politički klub» («Югославянский политический клуб»). В конце 1907 г. начинается активная деятельность хорватских социалистов в Чикаго. Затем возникают их организации в Милуоки, Сент-Луисе и т. д. К 1909 г. их насчитывалось уже 14. В 1910 г. в Чикаго был образован объединивший все социалистические хорватские организации «Jugoslavenski socijalistički savez» («Югославянский социалистический союз»)[65].

Формирование первого несоциалистического политического объединения хорватов в США относится к 1911 г., а учредительное собрание «Хорватского союза» состоялось 15 сентября 1912 г. На нем присутствовало 500 представителей диаспоры, а председателем был избран хорватский католический священник Нико Гршкович, один из влиятельных югославянских деятелей в США. Большую роль в создании Союза сыграли благотворительные организации эмигрантов. Его целями было оказание помощи «хорватским национальным начинаниям в хорватских землях и Америке» и «духовное, моральное, политическое и общественное воспитание и подъем хорватского народа» для того, чтобы он «мог встать в один ряд с другими передовыми народами». Его основание вызвало живой отклик переселенцев – почти во всех хорватских колониях стали появляться его отделения. Этот процесс продолжился и во время Первой мировой войны. Появление Союза приветствовали некоторые партии и печатные издания в Хорватии, поскольку он создавался с расчетом на участие в широкомасштабных акциях на родине и мог стать важным фактором в ее политической жизни[66]...

Значительную роль в жизни сербских и хорватских эмигрантов играла церковь. «Наш переселенец, уезжая в Америку, взял с собой, кроме голодного желудка и тяжелых воспоминаний о терроре бывшей Австрии, так как за редким исключением все оттуда, еще только веру в Бога, которому постоянно молится, и любовь, большую любовь к сербскому народу и Сербии, своему Пьемонту... Эмигранты знали, что наша сербская православная церковь единственная сможет сохранить в нашем народе веру, язык и любовь к далекому Отечеству. И заслуга в том, что сейчас в Америке столько сербов, принадлежит только национальной, просветительной и религиозной пропаганде, которую проводила среди сербов церковь», – писал Ж. Ристанович[67]. Корреспондент «Славянских известий» также подчеркивал важность культурно-образовательной деятельности церкви в сербских колониях, состоявшую, в частности, в устройстве читален и библиотек, ежедневных, воскресных или субботних церковно-приходских школ[68].

inslav

В становлении Сербской православной церкви в Америке выдающаяся роль принадлежала архимандриту Себастьяну Дабовичу, получившему образование в России и в 1887 г. возвратившемуся в Америку. В 1894 г. он основал первый православный храм в Джексоне (Калифорния). В Чикаго Дабович учредил главное управление Сербской православной церкви, принимал участие в организации других церквей, а также школ, культурных и национальных центров[69]. Он способствовал распространению влияния православной церкви среди эмигрантов, переведя текст православной литургии на английский язык и выпуская периодическое издание, называвшееся «Orthodoxy» («Православие»)[70]. В 1906 г. сербские церкви существовали в Мак-Киспорте, Питтсбурге, Стилтоне, Чикаго, Канзас-Сити, Батте и Джексоне[71].

Несмотря на то, что год от года число сербских храмов и приходов увеличивалось, отмечалась нехватка священников, что говорило о общей слабости организации[72]. Впрочем, помимо этого, существовала и другая серьезная проблема – нерешенный вопрос о юрисдикции Сербской православной церкви в Америке[73].

В каждой крупной хорватской колонии строились католические храмы и приходы, куда приезжали служить священники из Европы. Инициировали строительство сами эмигранты. В 1894 г. Здравко Мужина написал епископу Ю. Штроссмайеру письмо с просьбой прислать в Питтсбург хорватского священника. Штроссмайер направил в Америку боснийского священника Доброслава Божича, за которым последовали и хорватские священники. До войны у хорватов было уже 33 прихода. При первых храмах устраивались школы для изучения языка[74], которые нередко становились политическими и культурными центрами[75]...

Значение собственной периодической печати в жизни югославян в США трудно переоценить. По мере адаптации переселенцев она становилась неотъемлемой частью их повседневности в Новом Свете. В журналах и газетах эмигрантов публиковались материалы, посвященные политическим, национальным, социальным и культурным событиям в их жизни. В то же время сохраняя родной язык (иногда издания выходили на английском языке) и давая обзоры (а часто и полемические статьи) событий на родине и в мире, периодика связывала югославян со Старым Светом. Практически в каждой газете была специальная рубрика под названием «Из старого края», «Из старого отечества», «Из хорватских земель» и т. д.[76]

На страницах печати югославянские эмигранты из Австро-Венгрии имели возможность свободно выразить свое мнение по поводу происходившего в «старом отчестве»[77]. Как отмечал М. Радович, исследовавший историю сербской прессы в США, по сравнению с положением и возможностью самовыражения

inslav

сербов в Австро-Венгрии, их жизнь в США отличалась большей свободой, а газеты могли выполнять свои функции как «настоящий» голос народа[78]. Однако отъезд из Европы не означал полную изоляцию и выпадение эмигрантов из поля зрения Вены и Будапешта. Известно, что австро-венгерское министерство внутренних дел было знакомо с публицистической деятельностью югославянских переселенцев и иногда запрещало распространение их газет на территории монархии[79]. И. Чизмич указывал, что югославянские издания в США нередко подвергались нападкам в австрийском и венгерском парламентах[80].

Югославянская пресса была лучше развита в северо-восточных штатах, где концентрировалась большая часть эмигрантов. «Что касается сербско-хорватской печати, то на западе Америки довольствуются, главным образом, изданиями, выходящими в Чикаго, Кливленде, Нью-Йорке, Питтсбурге и других городах восточных штатов. Местная сербско-хорватская пресса развита очень слабо. В Сиэтле, в частности, несколько лет подряд существовала газета "Свобода"[81]. Потом она прекратилась. Затем снова начала появляться. А теперь, кажется, совсем умерла из-за недостатка средств», – писал из Сиэтла в 1917 г. Н. Богоявленский[82].

Заметим, что многие, особенно ранние, издания быстро появлялись и исчезали или выходили нерегулярно и нередко отличались невысоким качеством публикаций. Это объяснялось недостатками организации (например, отсутствием постоянного финансирования из-за бедности колоний) и нехваткой квалифицированных сотрудников (из-за небольшого процента образованных переселенцев). И. Чизмич отмечал, что чаще всего журналистами становились недоучившиеся студенты, большинство из которых эмигрировало в Америку из-за недовольства политической ситуацией на родине[83].

Появление хорватской периодической печати относится к 80-м гг. XIX в. В 1885 г. хорватские переселенцы в Сан-Франциско основали газету «Slavenska sloga» («Славянское согласие»). Тогда же там начала выходить и «Dalmatinska zora» («Далматинская заря»), развивавшая патриотическую деятельность среди эмигрантов на Тихоокеанском побережье. В 1891 г. в Хобокене (Нью-Джерси) появилась газета «Napredak» («Прогресс»), за публикациями которой следили не только в США, но и в Хорватии[84].

На раннем этапе развития хорватской периодики важной была издательская деятельность Николы Полича. В октябре 1892 г. он основал в Чикаго, где проживало значительное число хорватов, еженедельную газету «Chicago» («Чикаго»), в июле 1893 г. – газету «Sloboda» («Свобода»), которые в 1896 г. были объединены в «Chicago–Sloboda» («Чикаго–Свобода»). Он настоятельно советовал своим читателям учить английский язык и «становиться американ-

inslav

скими гражданами»[85]. Полич видел большое будущее за хорватами в Чикаго и полагал, что помощь «старому отечеству» эмигранты могли оказать, только добившись положения в Америке[86].

Г. Прпич и М. МакАдамс, исследовавшие хорватскую периодику, выделяли публикации З. Мужины[87], с именем которого связано появление первых благотворительных обществ и издание первого хорватского альманаха. Этот эмигрант появился в Питтсбурге в 1893 г., где в то время значительное число хорватов (около 9 тысяч) было задействовано в низкооплачиваемом и опасном для жизни производстве стали. Видя необходимость в создании для них организации взаимопомощи, он призвал к этому в первом же номере своей газеты «Danica» («Утренняя звезда»), вышедшем 4 января 1894 г. В том же году появилось «Народное хорватское сообщество» в Питтсбурге, а затем и в других городах[88].

С 1895 г. в Нью-Йорке под началом хорватского эмигранта А.Фабриса еженедельно выходил «Narodni list» («Народная газета»). С 1898 г. ее издательством занялся Франк Зотти (эмигрант из Далмации, банкир и предприниматель) и превратил в ежедневную[89]. В 1902 г. она стала первой хорватской ежедневной газетой в США с тиражом свыше 25 тысяч экземпляров. «Narodni list» просуществовал до 1923 г.[90] Нельзя обойти вниманием и деятельность Н. Гршковича. В 1902 г. он приобрел газету Полича «Chicago–Sloboda», переименовал ее в «Hrvatska sloboda» («Хорватская свобода») и перенес ее издательство в Кливленд, где она и выходила до 1904 г.[91]

Несмотря на многообразие ранних изданий, одними из самых читаемых и влиятельных были газеты благотворительных организаций. Так, официальным печатным органом «Хорватского сообщества Иллинойса» была «Hrvatska zastava» («Хорватское знамя»), публиковавшаяся с 1909 г. Анте Бьянкини, одним из югославянских лидеров в период Первой мировой войны, в Чикаго. В 1909 г. в Калифорнии Франье Акачич начал выпускать «Jadran» («Адриатика»), представлявшую «Хорватский союз на Тихоокеанском побережье».

С 1904 г. «Народное хорватское сообщество» издавало свою ежемесячную газету «Zajedničar» («Участник объединения»), которая превзошла все хорватские периодические издания. С 1909 г. она стала еженедельной, а редактором был избран Н. Гршкович (в то время священник церковного прихода в Кливленде). И оставался им до 1912 г., пока на очередной конвенции организации постановили, что редактор должен находиться в главной канцелярии «Народного хорватского сообщества» в Питтсбурге. Его сменил Франье Коландер, занимавший эту должность до 1919 г.

Второй ведущей газетой являлся «Hrvatski svijet» («Хорватский мир»), основанный в Нью-Йорке в 1908 г. банкиром и известным деятелем словенской

inslav

колонии Франом Саксером. Ее редактором стал Иван Крешич, переселившийся в Америку в 1906 г. и работавший до этого времени сотрудником «Народной газеты». После основания «Хорватского союза» в 1912 г. «Hrvatski svijet» стал его печатным органом, а его главным редактором – Н. Гршкович. Для переселенцев эта газета являлась носителем идеи национальной борьбы за освобождение от владычества Австро-Венгрии и объединение хорватов с другими югославянскими народами.

Добавим, что хорватские социалисты издавали газету «Radnička straža» («Рабочая стража»). Она начала выходить в декабре 1907 г. как «газета о борьбе рабочих, просвещении и политике». Ее редактором стал специально приглашенный из Загреба Милан Глумац, а после его смерти Тодор Цветков. Газета имела большое влияние в среде переселенцев и являлась одной из самых хорошо издаваемых[92]. Кроме того, в 1911 г. в Чикаго публиковалось социалистическое издание «Svietlo» («Свет»)[93]. Сокольское общество «Генерал Чанич» в 1914–1915 гг. выпускало ежемесячно «Sokol» («Сокол»)[94].

Таким образом, к началу Первой мировой войны хорватская эмигрантская периодика состояла из изданий 3-х видов – органов политических и неполитических организаций, а также частных изданий. Самыми влиятельными и читаемыми газетами были «Zajedničar», «Hrvatski svijet», «Narodni list», «Hrvatska zastava» и «Radnička straža».

Начало формирования сербской периодической печати в США приходится на последнюю треть XIX в. М. Радович указывал, что первым сербско-черногорским журналом в Америке стала «Словенска читаоница» («Славянская читальня»), основанная сербским Литературным обществом в Сан-Франциско в 1869 г. В числе других периодических изданий раннего периода можно выделить газеты «Србин Американац» («Серб Американец») и «Слобода» («Свобода»), издававшиеся в том же городе в 1893 г. А наряду с ними – газеты «Славенско Јединство» («Славянское единство») (1897) и «Независност» («Независимость») (1900)[95]. Причем, помимо сюжетов о культурной и общественной деятельности переселенцев, политическая жизнь на родине с самого начала была одним из важнейших предметов освещения в сербской прессе[96].

С начала XX в. сербы из Европы активно мигрировали в индустриальные районы восточного Чикаго, где основали многочисленные периодические издания. Так, с 1900 по 1914 гг. там увидело свет не менее 50 изданий. Во время Первой мировой войны в США стало выходить еще 24 газеты[97].

«Американски Србобран» («Американский защитник сербов») с 1902 г. был официальной газетой Союза «Защитник сербов», а с 1909 г. – Союза «Согласие». Газета «Ујединено Српство» («Объединенный сербский народ») являлась печатным органом «Первого сербского благотворительного союза», из-

inslav

дававшемся сначала под редакцией Джордже Чокорило, а с 1907 г. – Ивана Паландачича[98].

В 1905 и 1906 гг. в Нью-Йорке выходили «Радник» («Рабочий») под редакцией Радоя Йовановича, «Српски родољуб» («Сербский патриот») под редакцией журналиста Милана Ефтича и «Српска стража» («Сербская стража») под редакцией П. Радосавлевича и Чедомира Павича. В Сан-Франциско выходил «Српски гласник» («Сербский вестник»). В 1912 г. сербский эмигрант Божа Ранкович начал выпускать «Српски дневник» («Сербскую ежедневную газету»). Редактором этой газеты стал М. Ефтич, а ее изданию способствовал и М. Пупин, благодаря которому газета печаталась в «Сербском доме» в Нью-Йорке и выходила ежедневно с тиражом 4000 экземпляров.

Социалисты издавали «Народни глас» («Народный голос») в Чикаго и писали для газеты «Радничка борба» («Борьба рабочих») в Кливленде. В Сиэтле сербский эмигрант Стево Богданович выпускал газету «Слободна трибуна» («Свободная трибуна»)[99]. У сербских сокольских обществ была своя газета – «Соко» («Сокол»), выходившая с 1911 г. в Чикаго под редакцией Петра Стиячича[100]. Добавим, что в «Славянских известиях» в 1909 г. сообщалось об издании таких сербских газет, как «Лесковац» (Нью-Йорк), «Балкан» («Балканы») (Чикаго), «Борба Балкана» («Борьба Балкан») (Сент-Луис), «Србин» («Серб») (Пуэбло) и «Српски родољуб» («Сербский патриот») (Нью-Йорк)[101].

По оценке М. Радовича, в первые десятилетия XX в. успешнее всего издавались «Српска стража», «Слобода», «Српски дневник», «Србобран», «Американски Србобран», «Радничка борба», «Ујединено Српство». В общей сложности с 1900 по 1930 гг. на сербском языке выходило около 100 периодических изданий, три из которых были ежедневными[102].

* * *

В заключение следует подчеркнуть, что, как и другие славяне, сербские и хорватские переселенцы и их организации не ограничивались решением социально-экономических вопросов. Постепенно ими приобретался опыт участия в культурной и общественной жизни как Соединенных Штатов, так и европейских стран. Помимо оказания финансовой поддержки «старому краю», эмигранты устраивали манифестации и митинги, участвовали в добровольческом движении во время войн. Можно привести целый ряд примеров общественных акций сербов и хорватов в ответ на политические перипетии в Европе (в частности, события в Хорватии в 1903 г., Русско-японскую войну, аннексию Боснии и Герцеговины в 1908 г., Балканские войны 1912–1913 гг.). По оценке очевидца, «вся эта громадная масса переселенцев (славянских – *Ю. Л.*),

inslav

численность которых выражается в настоящее время цифрою в несколько миллионов человек, сохраняет, за редкими исключениями, связь с родиной и живо реагирует на происходящие там события... Годы жизни в Америке перевоспитали забитый на родине крестьянский элемент, и славянское движение в Европе, помимо материальных, черпало из Америки и свежие нравственные силы для борьбы с угнетателями»[103].

Примечания

[1] По оценке хорватского историка И. Чизмича, массовая эмиграция хорватов в США началась в 90-е г. XIX в., словенцев – в конце XIX в., сербов – в начале XX в. (*Čizmić I.* Jugoslavenski iseljenički pokret u SAD i stvaranje jugoslavenske države 1918. Zagreb, 1974. S. 9, 11).

[2] *Jončić K.* Društvena funkcija iseljeništva u odnosima među narodima i državama // Iseljeništvo naroda i narodnosti Jugoslavije i njegove uzajamne veze s domovinom. Zagreb, 1978. S. 17.

[3] Сборник консульских донесений. СПб., 1899. Вып. 3. С. 232.

[4] Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф. Особый политический отдел. № 135. Оп. 474. Д. 349. 1916 г. Л. 11.

[5] *Гречић В., Лопушина М.* Сви срби света. Београд, 1994. С. 22; *Čizmić I.* Op. cit. S. 23.

[6] В частности, в записке «Славяне в Америке», составленной в 1917 г., говорилось следующее: «Главный... поток славянской эмиграции за последние полвека направлялся в Америку, куда в громадном количестве выселялись славяне, побуждаемые к эмиграции тяжелыми экономическими и, главным образом, политическими условиями жизни на родине» (АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 363. 1917 г. Л. 2 об).

[7] *Jončić K.* Op. cit. S. 18.

[8] Abstract of the Report on «Emigration Conditions in Europe» // Abstracts of Reports of the Immigration Commission, with Conclusions and Recommendations and Views of the Minority. Vol. 1. Washington, 1911. P. 187–188; *Govorchin G.* Americans from Yugoslavia. Gainesville, 1961. P. 17–20.

[9] Так, на некоторые недостатки американской статистики указывали в своих донесениях российские дипломаты в США А. Вейнер и Г. де Воллан (Сборник консульских донесений. 1898. Вып. 5. С. 415; Там же. 1902. Вып. 1. С. 22).

[10] *Шемякин А. Л.* «Главнейшие задачи юго-славян». Донесение российского консула в Питтсбурге Г. В. Чиркова в посольство России в Вашингтоне 1916 г. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 109.

[11] Архив Југославије (далее – AJ). Ф. 335. Фасц. 19. С. 427.

[12] *Prpic G.* The South Slavs // The Immigrants' Influence on Wilson's Peace Policies. Lexington, 1967. P. 174.

inslav

[13] *Čizmić I.* Op. cit. S. 10–11.

[14] АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. № 170. Оп. 512/1. Д. 417. 1917 г. Л. 6 об–7.

[15] Там же. Л. 7–7 об.

[16] Там же. Л. 2 об.–3.

[17] Сборник консульских донесений. 1902. Вып. 1. С. 26.

[18] Там же. 1903. Вып. 3. С. 235.

[19] АВПРИ. № 135. Оп. 474. Д. 347. 1917 г. Л. 39 об.

[20] *Pejović L.* Jugosloveni na Jugu. New York, 1935. S. 25–27.

[21] *Čizmić I.* Op. cit. S. 10–11.

[22] Ibid. S. 11.

[23] Dictionary of American Immigration History. London, 1990. P. 664.

[24] *Pejović L.* Op. cit. S. 88–89.

[25] *Pejović L.* Srbi na Srednjem Zapadu. New York, 1936. S. 19–20, 69, 72.

[26] Как указывалось в отчете Иммиграционной Комиссии США, хорватские банки существовали, в частности, в Буффало, Чикаго, Кливленде, Канзас-Сити, Сент-Луисе. Подробнее об «иммигрантских банках» см., например: Abstract of the Report on "Immigrant Banks" // Abstracts of Reports of the Immigration Commission, with Conclusions and Recommendations and Views of the Minority. Vol. 2. Washington, 1911.

[27] Термин «новая» иммиграция (New Immigration) используется учеными для обозначения волны переселения из Австро-Венгрии, России, Турции, Италии и Греции в США в период с 1880-х гг. до Первой мировой войны.

[28] Подробнее см., например: Abstract of the Report on "Immigrant Homes and Aid Societies" // Abstracts of Reports of the Immigration Commission, with Conclusions and Recommendations and Views of the Minority. Vol. 2. Washington, 1911.

[29] AJ. Ф. 335. Фасц. 21.

[30] Подробнее см., например: *Curran T.* Xenophobia and Immigration, 1820–1930. Boston, 1975; *Highem J.* Strangers in the Land. Patterns of American Nativism. 1860–1925. New York, 1977; *Highem J.* Send These to Me. Jews and Other Immigrants in Urban America. New York, 1975 etc.

[31] Сборник консульских донесений. 1902. Вып. 1. С. 27.

[32] См., например: *Пурић Б.* Наши исељеници. Београд, 1929. С. 12–14.

[33] Славянские известия. СПб., 1903. № 5. С. 46.

[34] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 347. 1917 г. Л. 39 об.–40.

[35] Там же. Л. 40.

[36] *Čizmić I.* Op. cit. S. 14.

[37] *Green V.* The Slavic Commuity on Strike. Immigrant Labor in Pennsylvania. London, 1968.

[38] АВПРИ. Ф. 170. Оп. 512/1. Д. 417. 1917 г. Л. 3 об.–4.

inslav

[39] *Шпотов Б. М.* «Плавильный котел» Генри Форда: опыт «американизации» рабочих-иммигрантов (1914–1917 гг.) // Политика, культура стран Европы и Америки. Йошкар-Ола, 1996. С. 121.

[40] См., например: *Čizmic I.* The Involvement of Yugoslav Socialists in the Socialist Party of America and the Socialist Labor Party of America, 1903–1924 // The Press of Labor Migrants in Europe and North America. 1880-s to 1930-s. Bremen, 1985. P. 459–473.

[41] АВПРИ. Ф. 170. Оп. 512/1. Д. 364. 1914 г. Л. 54.

[42] Там же. Д. 417. 1917 г. Л. 4.

[43] *Sirovatka H.* Kako je u Amirici i komu se isplati onamo putovati? Zagreb, 1907. S. 42–44; *Čizmić I.* Op. cit. S. 12–13.

[44] «Хорватский союз».

[45] «Народное хорватское сообщество».

[46] «Защитник сербов».

[47] «Согласие».

[48] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 347. 1917 г. Л. 40 об.

[49] Там же.

[50] Славянский Век. 1903. № 65. С. 537–538.

[51] *Čizmić I.* Op. cit. S. 14.

[52] Ibid. S. 15.

[53] Извештај Главног Одбора Савеза сједињених срба «Слога». Лос Анђелес, 1920. С. 4.

[54] Славянский Век. Вена. 1902. № 54. С. 189–190.

[55] Dictionary of American Immigration... P. 664.

[56] Славянский Век. Вена. 1904. № 88. С. 487.

[57] Речь идет об организации «Српски потпорни фонд (Сербский фонд помощи)».

[58] Славянские известия.1909. № 3. С. 432. Также см., например: *Слијепчевић П.* Срби у Америци. Женева, 1917. С. 70.

[59] *Čizmić I.* Op. cit. S. 16.

[60] Славянские известия.1909. № 3. С. 432.

[61] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 343. 1916 г. Л. 30.

[62] *Čizmić I.* Op. cit. S. 15.

[63] Славянские известия. 1909. № 5. С. 707.

[64] *Čizmić I.* Op. cit. S. 15.

[65] Ibid. S. 23–24.

[66] Ibid. S. 29–30.

[67] AJ. Ф. 335. Фасц. 21.

[68] Славянские известия.1914. № 7. С. 111.

inslav

[69] И. Чизмич указывал, что Дабович прибыл в Америку в 1906 г., поселился в Чикаго и стал главой Сербской православной миссии в Америке (*Čizmić I.* Op. cit. S. 22).

[70] Dictionary of American Immigration... P. 664.

[71] Извештај Главног Одбора... С. 5; *Čizmić I.* Op. cit. S. 22.

[72] Как сообщалось в статье «Славянских известий» в 1909 г., «сербских православных церквей в Америке насчитывается 13; в 9 из них служат священники из Сербии и из Боснии, четыре церкви вовсе не имеют священников; вообще же церковное дело совершенно неорганизовано» (Славянские известия. 1909. № 3. С. 432).

[73] *Čizmić I.* Op. cit. S. 22.

[74] Вопрос о школах нуждается в дополнительном рассмотрении, поскольку есть мнение, что второе поколение эмигрантов училось почти исключительно в американских школах и хорватского языка не знало. (См., например: *Tresić Pavičić A.* Preko Atlantika do Pacifica. Život hrvata u Severnoj Americi. Zagreb, 1907. S. 113–114.) Уместно привести здесь выдержку из заметки в «Славянских известиях» за 1909 г.: «В культурном отношении американские хорваты стоят довольно низко: у них имеются всего три хорватские школы, между тем как в одном Кливленде живет около 12000 хорватов; своих детей хорваты принуждены поэтому посылать в английские и чешские школы» (Славянские известия.1909. № 4. С. 593).

[75] *Čizmić I.* Op. cit. S. 21–22.

[76] Ibid. S.16.

[77] Ibid; *Prpić G., McAdams M.* The Croatian Press // The Ethnic Press in the United States. A Historical Analysis and Handbook. New York, 1987. P. 45.

[78] *Radovich Ě.* The Serbian Press // The Ethnic Press in the United States. A Historical Analysis and Handbook. New York, 1987. P. 338.

[79] Ibid. P. 347.

[80] *Čizmić I.* Op. cit. S. 20.

[81] Речь идет о газете «Слобода» («Свобода»).

[82] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 347. 1917 г. Л. 40об.

[83] *Čizmić I.* Op. cit. S. 21.

[84] *Hranilović N.* Novinstvo iseljeništva 1883. do 1940. // Iseljeništvo naroda i narodnosti Jugoslavije i njegove uzajamne veze s domovinom. Zagreb, 1978. S. 505; *Čizmić I.* Op. cit. S. 17.

[85] *Prpić G., McAdams Ě.* Op. cit. P. 45.

[86] *Čizmić I.* Op. cit. S. 17.

[87] Его деятельность отмечал также И. Чизмич. По его данным, Мужина (родом из Хорватского приморья) был студентом в Загребе, но из-за своей правашской политической деятельности потерял стипендию и был отправлен своими друзьями из партии Права в Чикаго, чтобы помочь Н. Поличу, тоже правашу, в издательстве его газеты «Chicago». Однако Мужина не поддержал концепцию Полича об «американизации» хорватских переселенцев и вскоре переселился в Питтсбург, где и начал пропагандировать необходимость образования хорватских обществ взаимопомощи и объединение

inslav

в общехорватское содружество. С этой целью он и начал издавать газету «Danica», но она выходила недолго (*Čizmić I.* Op. cit. S. 17).

[88] *Prpić G., McAdams M.* Op. cit. P. 46.

[89] *Čizmić I.* Op. cit. S. 17.

[90] *Prpić G., McAdams M.* Op. cit. P. 47.

[91] Ibid. P. 45–46. По информации И. Чизмича, Н. Гршкович начал издавать в 1902 г. в Чикаго газету «Hrvatska sloboda». Это было влиятельное среди переселенцев издание, но, поскольку не сохранилось ни одного его номера, нельзя что-то сказать о нем с уверенностью (*Čizmić I.* Op. cit. S. 17).

[92] *Čizmić I.* Op. cit. S. 15, 18–19. Также см., например: *Kesterčanek N.* Croatian Newspapers and Calendars in the US. Scranton, 1952. S. 11, 17–18, 22, 24, 33.

[93] *Rosental H.* A List of Russian, other Slavonic and Baltic Periodicals in the New York Public Library. New York, 1916. P. 34.

[94] Ibid. P. 33.

[95] *Radovich M.* Op. cit. P. 338. Также см., например: Славянские известия. 1902. № 2. С. 44.

[96] *Radovich M.* Op. cit. P. 338–339.

[97] Ibid. P. 339.

[98] *Čizmić I.* Op. cit. S. 16.

[99] Ibid. S. 19–20.

[100] *Rosental H.* Op. cit. P. 32.

[101] Славянские известия. 1909. № 3. С. 432. Также см., например: *Срндовић С.* Библиографија Југословенске исељеничке периодике у Северној и Јужној Америци до 1945. Београд, 2008. С. 21, 22, 50, 77, 81.

[102] *Radovich M.* Op. cit. P. 339.

[103] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 363. 1917 г. Л. 2 об.–3.

inslav

В. Б. Каширин

Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году

«О, руси, о, братя славянски,
Защо сте вий тука? Защо сте
Дошли на полята балкански
Немили, неканени гости?»
Иван Вазов, «На руските воини»
(1916)

Самой мрачной и трагической страницей во всей тысячелетней истории русско-болгарских отношений стали боевые действия в Добрудже осенью 1916 г., в ходе кампании на вновь открывшемся Румынском фронте Первой мировой войны и похода за Дунай русского 47-го армейского корпуса генерала от инфантерии А. М. Зайончковского. В тот короткий отрезок времени, с середины августа до конца декабря[1], русские и болгарские воины, сыновья и внуки освободителей и освобожденных, не просто встретились с оружием в руках, но и ожесточенно сражались друг с другом, впервые со времен Дунайского похода князя Святослава. Кампания 1916 г. в Добрудже была настоящей «битвой народов», так как на небольшом участке суши между нижним Дунаем и Черным морем в борьбе на стороне Четверного Союза участвовали подразделения болгарской, германской и турецкой армий, а на стороне Антанты – русские и румынские войска, а также 1-я Сербская добровольческая дивизия из корпуса Зайончковского, в состав которой входили сербы, хорваты, словенцы, босняки, чехи и словаки. И все же именно русские и болгары вынесли на себе основную тяжесть добруджанских боев и понесли в них наибольшие кровавые потери (т. е. убитыми и ранеными).

Борьба в Добрудже осенью 1916 г. стала трагедией для братских русского и болгарского народов. И именно поэтому политическую и военную историю (и ближайшую предысторию) той кампании следует внимательно и беспристрастно изучать, а не стыдливо умалчивать о ней, как то делалось в период советско-болгарской дружбы, сакральной в своих застывших официозных формах. Тем не менее, и до сих пор поход русских экспедиционных сил в Добруджу в 1916 г. остается не только самой мрачной, но и самой неизученной

inslav

страницей в отечественной историографии отношений между Россией и Болгарией.

В полную противоположность тому, еще в Третьем Болгарском царстве, до его падения в 1944 г., вышел целый ряд воспоминаний и исследований по истории осенней кампании в Добрудже 1916 г. Ей были целиком посвящены 8-й и 9-й тома незаконченной 10-томной официальной истории участия болгарской армии в Первой мировой войне[2]. Совокупный объем двух этих томов – 1700 страниц. Большую ценность представляют и документально-мемуарные труды генерала Стефана Тошева, командовавшего 3-й болгарской армией во время боев в Добрудже, а также других видных болгарских военачальников той кампании – Тодора Кантарджиева, Александра Кисьова[3]. Увидели свет книги об участии отдельных полков и дивизий болгарской армии в борьбе на северном фронте в 1916 г. В период государственного социализма в Болгарии даже упоминание в академической литературе о боевых действиях между русскими и болгарскими войсками было практически невозможно, не говоря уже о подробном исследовании этой страницы истории. Однако в современной Болгарии кампания 1916 г. в Добрудже вновь вызывает немалый интерес историков, подтверждением чему служит выход на болгарском языке в 1996 и 2007 гг. солидных научных сборников к 80-ти и 90-летнему юбилею взятия Туртукая и победы в Добруджанской войне[4]. Общий военно-политический очерк этой кампании дается и в заключительной книге фундаментальной тетралогии академика БАН Георгия Маркова по истории Болгарии в период войн 1912–1918 гг.[5]

В то же время нельзя не отметить, что современная болгарская историография борьбы за Добруджу в 1916 г., эксплуатирующая богатейший фактический материал трудов военных мемуаристов и историков межвоенного периода, проникнута духом националистического и военно-патриотического самолюбования и подчас несвободна от завуалированных русофобских интенций, имеющих очевидную политическую мотивацию. Отсутствие трудов российских историков по этой теме и незнакомство с документами русских архивов позволяет иным из болгарских исследователей заниматься откровенным мифотворчеством в вопросах о численности, потерях и эффективности боевых действий русских войск в Добрудже. Так, болгарские авторы, к примеру, любят повторять небылицу об уничтожении целого казачьего полка при штурме Добрича 23 августа (5 сентября), причем участие в мнимом истреблении казаков, якобы, приняли и храбрые горожане-болгары[6]. Очевидно, речь идет о 3-м Донском казачьем полке 3-й кавалерийской дивизии генерала Е. А. Леонтовича, поскольку других казачьих частей в Добрудже не было. Однако согласно официальному донесению в штаб 47-го корпуса, общие потери всех

inslav

четырех полков 3-й кавалерийской дивизии в Добрудже с начала кампании по 9 сентября 1916 г. составили 14 офицеров и 152 нижних чина убитыми, ранеными, контуженными и пропавшими без вести[7]. Иными словами, не только вышеприведенное, но и многие другие утверждения болгарских историков не переживут момента их перепроверки по документам русских архивов.

В Румынии и Турции давно написаны подробные официальные истории боевых действий частей румынской и османской армий в Добрудже в 1916 г.[8] В Югославии вышел ряд ценных мемуарных публикаций и научных исследований, посвященных сербским добровольческим формированиям в России в годы Первой мировой войны, прежде всего 1-й Сербской добровольческой дивизии, которая с самого начала задунайского похода принимала в нем участие и вплоть до середины октября 1916 г. сражалась в самых жарких местах, неся огромные потери[9].

И лишь в России бои в Добрудже остаются практически неизвестной страницей истории Первой мировой войны. В 1922 г. вышел краткий общий очерк операций на Румынском фронте, написанный военным специалистом Ф. И. Васильевым[10]. Сам А. М. Зайончковский тогда же готовился издать статью «Поход в Добруджу» в одном из номеров «Военно-исторического сборника»[11], но так и не сделал этого до своей смерти в 1926 г. Судьба его рукописи неизвестна. Зато в 1933 г. сотрудник аппарата Реввоенсовета бригадный комиссар С. Р. Будкевич, ранее занимавший высокие должности в советской военной разведке, опубликовал в «Красном архиве» всеподданнейшую записку Зайончковского о Добруджанской операции, которую тот составил 20 октября 1916 г., сразу после своего смещения с должности командира 47-го корпуса[12]. В конце октября эта записка была представлена императору через великого князя Александра Михайловича. В то время среди русских генералов, потерпевших неудачу на поле сражения, было принято составлять в целях самооправдания подобные записки и направлять их высшему руководству и даже самому императору, а также распространять в военных кругах. Эта записка Зайончковского ценна тем, что в ней он, весьма серьезно подходя к защите собственной репутации, приводил обширные фрагменты своей служебной переписки в ходе экспедиции в Добруджу. Данный отчет по сей день был единственным введенным в научный оборот документальным источником по задунайскому походу русских войск 1916 г.

С тех пор не было напечатано ни одного специального исследования об операциях русских войск на Румынском фронте в 1916–1917 гг. и, в частности, на правом берегу Дуная. В период после Второй мировой войны отечественные историки-международники и балканисты Ф. И. Нотович, В. А. Емец, Ю. А. Писарев, В. Н. Виноградов создали капитальные труды по истории балканских

inslav

государств в 1914–1918 гг. и о дипломатической борьбе за Балканы в те годы. Однако до сегодняшнего дня никто из исследователей не ставил целью изучение сухопутной кампании русских войск в Добрудже. Связанные с ней вопросы отчасти затрагиваются в содержательных статьях О. Р. Айрапетова о балканской стратегии Антанты и ее противников в годы Первой мировой войны[13]. Крупный специалист по военно-морской истории Д. Ю. Козлов написал ценную монографию «Флот в румынской кампании 1916–1917 годов»[14]. На сегодняшний день это исследование ближе всего затрагивает проблему борьбы в Добрудже осенью 1916 г. и фактически закрывает тему участия в ней русского Черноморского флота. Однако планирование, подготовка и ход сухопутных боевых действий русских экспедиционных сил к югу от Дуная остались за рамками внимания Козлова.

Современный российский историк-болгарист Г. Д. Шкундин посвятил ряд солидно фундированных исследований политическим отношениям между Болгарией и державами Антанты, в т. ч. Россией, в годы Первой мировой войны[15]. Однако в центре его внимания находится проблема поиска дипломатией Согласия путей к заключению сепаратного мира с Болгарией в первые месяцы после ее вступления в войну. Темы подготовки и ведения военных действий против Болгарии не получили раскрытия в работах Шкундина. Меж тем, с осени 1915 г. ведущая роль и главная ответственность за выработку стратегического курса в отношении Болгарии перешли к военному ведомству России, практическая деятельность которого на болгарском направлении заключалась в организации конкретных силовых мероприятий, операций армии и флота, вплоть до похода русского корпуса в Добруджу осенью 1916 г. И хотя в Ставке и Генштабе до самого начала боев на правом берегу Дуная в 1916 г. действительно обсуждали возможности детронизации Фердинанда Кобурга и отрыва Болгарии от враждебного лагеря, рассмотрение этих вопросов, по сути, не выходило за рамки теоретической дискуссии, а на практике решение судеб Болгарии и всех Балкан раз за разом доверялось силе оружия.

Из англоязычных историков кампанией 1916 г. на Румынском фронте подробно занимался только известный американский исследователь-румынист Гленн Торрей. Им, в частности, была написана статья о русско-румынском военном сотрудничестве в 1916 г., где затрагивается и проблема операций в Добрудже[16]. Однако Торрей и в этой, и в других своих работах воспроизводит, как правило, точку зрения румынской стороны, фактически солидаризируясь с нею. Это сильно снижает объективность его оценок, в том числе относящихся к действиям корпуса А. М. Зайончковского. Способствует тому и слабое знакомство Торрея с русскими источниками.

inslav

Огромное количество документов по истории кампании в Добрудже хранится в фондах российских архивов; прежде всего – в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), в фондах Штаба Верховного Главнокомандующего (Ставка, ф. 2003), Главного управления Генерального штаба (ГУГШ, ф. 2000), штаба Юго-Западного фронта (ф. 2067), штаба Одесского военного округа (ф. 1837), штаба 47-го армейского корпуса (ф. 2270) и других соединений и частей, принимавших участие в той экспедиции, а также в личных фондах М. В. Алексеева (ф. 55) и А. М. Зайончковского (ф. 69). Однако до сих пор история участия России в «Добруджанской войне» 1916 г. еще не изучена, хотя эта тема заслуживает написания отдельной книги, которая, как мы надеемся, будет создана в ближайшем будущем. В рамках же данной статьи представляется уместным остановиться на очень важном вопросе о возникновении замысла, планировании и подготовке экспедиции русского корпуса в Добруджу в 1916 г.

* * *

Идея отправки на правый берег Дуная отряда русских войск для оказания воздействия на Болгарию впервые возникла в самом начале Первой мировой войны. В течение августа и сентября 1914 г. в России ожидали скорого вступления Румынии в войну на стороне Держав Согласия. В связи с этим русские представители на Балканах предлагали конкретные меры по предотвращению возможных враждебных шагов Болгарии. В шифрованной телеграмме в Отдел генерал-квартирмейстера (Огенквар) ГУГШ от 5 сентября 1914 г. русский военный агент в Софии полковник Ю. Д. Романовский высказал предложение направить в румынскую Новую Добруджу[17], в случае выступления Румынии против Австро-Венгрии, отряд русских войск для оказания силового давления на Софию. Романовский писал: «Бригада русской пехоты с двумя-тремя сотнями казаков где-либо в Балчике или Добриче не только отобьет у царя (Фердинанда Кобурга. – *В. К.*) желание свести счеты с Румынией, но, принимая во внимание симпатии к нам болгарского народа, в воображении которого наш отряд вырастет в экспедиционный корпус, дает нам большие шансы удержать царя от других авантюр и может круто изменить политику в нашу сторону»[18], При этом русский военный агент докладывал, что в этом вопросе он поддерживает точку зрения посланника А. А. Савинского. Полковник Романовский был гораздо более опытным и авторитетным знатоком Болгарии и Балкан, чем Савинский, и все же, предлагая силовое давление на Софию, он ссылался на мнение главы русской миссии. Думается, это было вызвано стремлением избежать межведомственных трений с МИДом. Любопытно, идея посылки русских

inslav

войск в Добруджу стала в те дни известна и союзной дипломатии. 24 сентября (7 октября) британский военный атташе Генри Нэпир обратился с вопросом по этому поводу к Савинскому. Тот сообщил в ответ, что замысел посылки русских войск в Добруджу изначально принадлежал Романовскому, но русское военное ведомство отклонило данный план, отказавшись выделить для этого войска[19].

Возлагая ответственность за этот отказ на военных, дипломат говорил неправду. В действительности, его собственное ведомство с самого начала было напугано радикальным предложением Романовского и поспешило похоронить его. 6 сентября министр иностранных дел С. Д. Сазонов телеграфировал посланнику в Румынии С. А. Поклевскому, что он опасается возникновения в Бухаресте неправильного представления о русских намерениях послать войска в румынскую Добруджу. Сазонов поручал сообщить главе правительства Иону Брэтиану, что в России не возникало подобных предположений, которые здесь, по словам министра, считали нецелесообразными[20]. Поклевский в ответ телеграфировал 11 сентября, что и по его мнению было нежелательно даже поднимать вопрос о посылке русских войск в Новую Добруджу в той форме, в какой это предложила миссия в Софии. Появление там русских войск, писал Поклевский, Румыния могла бы одобрить лишь в случае своего активного выступления на стороне Антанты и нападения на нее Болгарии[21]. Фактически, дипломат спрогнозировал именно тот сценарий, который реализовался по итогам переговоров 1916 г., когда Бухарест потребовал прибытия русского корпуса на болгарскую границу, для отражения угрозы с юга и обеспечения румынского наступления на севере, в Трансильвании. Причем тогда инициативу в этом вопросе проявляли как раз румыны, а не русские военные круги.

В сентябре 1914 г. полковник Романовский тщетно продолжал настаивать на целесообразности своего предложения о посылке отряда в румынскую Добруджу, естественно, с разрешения Бухареста. Как он докладывал 16 сентября, из достоверного источника ему стало известно о заявлении болгарского министра-председателя Васила Радославова, что, в случае выступления Румынии против Австрии, Болгария частью сил займет Македонию и направит свои войска против румын. В связи с этим русский военный агент подчеркивал: «В случае намерения Румынии выступить против Австрии, считаю своим долгом вновь указать на целесообразность посылки, с согласия Румынии, небольшого нашего отряда в Добруджу. Мера эта даст нам следующие выгоды: первое – надежно обеспечит тыл Румынии, ибо против русских штыков (болгарский. – *В. К.*) народ никоим образом не пойдет, за это я ручаюсь. Второе: позволит нам по той же причине легко занять Варну, если бы турки захотели ею воспользоваться; третье: представит действительную угрозу авантюризму

inslav

царя, который сдерживался до сих пор исключительно симпатиями к нам народа, который не преминет в данном случае откликнуться на наш призыв. Без реальных же угроз удержать царя и правительство почти невозможно»[22].

Таким образом, представитель русского Генштаба в Болгарии уже в самом начале мировой войны пришел к справедливому убеждению, что силовое давление на Софию было единственным средством разрешения болгарской проблемы в интересах России. Уже тогда полковник Романовский не питал никаких иллюзий насчет перспектив дипломатических увещеваний софийского руководства и обещаний уступки Болгарии части Вардарской Македонии. Однако осенью 1914 г. Романовский еще сохранял общее для большинства русских деятелей заблуждение, что болгарские солдаты ни при каких обстоятельствах не будут сражаться против России. Лишь события осенней кампании 1916 г. в Добрудже окончательно развеяли эту пагубную иллюзию.

Весной 1915 г. высшее военное руководство и дипломатическое ведомство Российской империи рассматривали вопрос об использовании черноморских портов Болгарии, прежде всего Бургаса, в качестве промежуточных баз для операций русского флота против Босфора. Не исключалась и возможность высадки русских войск в болгарских портах для дальнейшего наступления сухим путем к Константинополю, в случае политического соглашения с Болгарией. Существовали даже расчеты на то, что такая высадка поможет в корне изменить политический курс Софии и чуть ли не положить конец правлению Фердинанда Кобурга.

В октябре 1915 г., после вступления Болгарии в войну на стороне Центральных Держав и Турции, русское командование с огромным запозданием приступило к подготовке экспедиции на Балканы. Для этого в пределах Одесского военного округа была заново сформирована отдельная 7-я армия в составе трех армейских корпусов, отдельной стрелковой дивизии, одной кавалерийской дивизии и двух отдельных казачьих бригад, общей численностью около 120 тыс. штыков и сабель. В то время Румыния отказалась пропустить русские войска через свою территорию для вторжения в Болгарию, и тогда Ставка и штаб 7-й армии стали готовиться к осуществлению десантной операции на болгарском черноморском побережье. Однако из-за нехватки разведданных, отсутствия разработанных планов, а также из-за неподготовленности войск и флота к десантным операциям от замысла вторжения в Болгарию было решено отказаться. Вместо этого 7-ю армию направили на Юго-Западный фронт, где она была задействована в неудачном наступлении на р. Стрыпа в Восточной Галиции в декабре 1915 г.[23]

После этого в начале 1916 г. руководство России и союзных Держав активно обсуждало возможность заключения сепаратного мира с Болгарией. Осо-

inslav

бенно поддерживал эту идею начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал М. В. Алексеев. Однако общее заключение союзников о целесообразности компромисса с Болгарией было отрицательным[24].

В конце марта – начале апреля 1916 г. в русской Ставке даже рассматривали предложение устроить государственный переворот в Болгарии и, низложив Фердинанда Кобурга, вывести эту страну из Четверного Союза, вознаградив ее территорией Македонии до р. Вардар, Фракией до линии Мидия – Энос и нейтрализацией Салоник. Это предложение поступило от «серьезного лица», «генерала, деловитость которого уже не раз была доказана», как Алексеев рассказал о том директору Дипломатической канцелярии Ставки Н. А. Базили[25]. Еще Е. А. Адамов в 1925 г. и, вслед за ним, Г. Д. Шкундин в наши дни высказали гипотезу, что это предложение могло исходить от генерала Радко Димитриева, в то время командовавшего русским 7-м Сибирским армейским корпусом, затем, с 20 марта 1916 г., 12-й армией на Северном фронте[26]. Фактических подтверждений этой версии нет. Возможно, так оно и было на самом деле, потому что именно Димитриева в русском военном ведомстве всегда считали и самым талантливым генералом Болгарии, и наиболее энергичным и влиятельным человеком среди вождей болгарских русофилов[27].

Однако существует и одно серьезное возражение против этой догадки. В фонде Ставки в РГВИА нам удалось обнаружить рукописный подлинник записки с предложением о перевороте. Текст ее выглядит так: «Справка. Имеется очень серьезное предложение приступить к попытке склонить Болгарию, путем государственного переворота, отказаться от союза с Австро-Германией и стать на нашу сторону. Часть нужных деятелей будет подкуплена деньгами, но большая часть деятелей может быть привлечена на нашу сторону только путем определения: на что может рассчитывать Болгария в случае, если она станет на нашу сторону. Политические деятели оценивают сделку (с Болгарской стороны) путем обещания Болгарии: 1) Македонии до Вардара. 2) Нейтрализации Салоник. 3) Европейская часть Турции до линии Мидия – Дедеагач. Ген.-майор Дитерихс. 28/III 1916 г.»[28].

Принципиально важно, что генерал М. К. Дитерихс тогда занимал должность генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта, а Радко Димитриев находился на Северном фронте. К тому же надо помнить, что, помимо Димитриева, в русской армии в то время служили еще два генерала-болгарина – Анастас Бендерев и Иван Сарафов, оба, как и Радко, пылкие русофилы и деятельные участники свержения князя Александра Баттенберга в 1886 г. и, вслед за тем, эмигранты. В начале 1916 г. Бендерев командовал 121-й пехотной дивизией на Северном фронте, а Сарафов – 103-й пехотной дивизией, которая входила в состав 9-й армии Юго-Западного фронта и занимала участок

inslav

фронта близ границы Буковины. Однако Бендерев находился в России с самого времени своей эмиграции в 1887 г. и имел российское подданство, а Сарафов, вернувшийся на болгарскую службу в 1898 г. и сделавший там успешную карьеру, был, как и Радко Димитриев, удален из вооруженных сил Болгарии только после 2-й Балканской войны. В отличие от Бендерева, он имел свежую и близкую связь со своей страной и ее войском. Таким образом, с большей вероятностью именно генерал Иван Сарафов, воспитанник Одесского пехотного юнкерского училища и Николаевской академии Генштаба, герой штурма Адрианополя в 1913 г., мог в марте 1916 г. через генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта М. К. Дитерихса предлагать Ставке проект переворота в Болгарии.

Как бы то ни было, в апреле 1916 г. против этой идеи выступило русское дипломатическое ведомство в лице его главы С. Д. Сазонова, указавшего, что возможная огласка могла скомпрометировать правительство России, а устранение Фердинанда от власти еще не гарантировало дружественного поворота в болгарской политике. Следует признать, что в данном случае суждения Сазонова звучали трезво, однако причиной тому, как представляется, было отнюдь не более глубокое, чем у военных, понимание ситуации на Балканах. Напротив, по крайней мере с 1912 г. чиновники из высшего эшелона МИДа постоянно демонстрировали полное отсутствие такого понимания, как и неспособность проводить успешную политику в странах региона. В 1914–1915 гг. кадровые дипломаты сколь упорно, столь и безнадежно выступали за достижение сербско-болгарского компромисса в разделе Македонии, а в начале 1916 г. превратились в не менее убежденных противников идеи сепаратного мира с Болгарией на основании того же компромисса. Причина и тому, и другому была одна – полнейшая приверженность ведомства на Певческом мосту рутинным приемам и методам работы, нежелание и неспособность проявлять инициативу, жестокая боязнь вызвать «осложнения» с западными союзниками и т. д., и т. п. В этих условиях Алексеев был вынужден временно отказаться от идеи сепаратного мира с Болгарией, но отнюдь не забывал о ней.

Еще осенью 1915 г. стало ясно, что одним из главных условий своего выступления на стороне Антанты Румыния будет выдвигать требование о направлении на помощь ей значительных русских сил на границу с Болгарией, в Добруджу. На совещании русских главнокомандующих фронтами 14 февраля 1916 г. в Ставке было намечено, на случай союза с Румынией, сформировать для обороны Добруджи особую армию силой в 3 армейских корпуса, под командованием генерала Д. Г. Щербачева[29]. Однако после начала активных наступательных операций русских армий на австро-германском фронте планы выделения в Добруджу таких крупных сил были забыты.

inslav

Все последующее обсуждение и планирование русскими штабами возможного похода в Добруджу было неразрывно связано с переговорами о заключении военной конвенции с Румынией. Процесс подготовки и согласования ее условий имеет достаточно обширную историографию. Здесь мы затронем лишь вопросы, связанные с условием о направлении русских экспедиционных сил в Добруджу. В начале 1916 г. представители румынского руководства продолжали настаивать на присылке на границу с Болгарией крупной группировки русских войск, численностью до 250 тыс. человек. Однако русское командование указывало, что это совершенно не отвечало ни задачам борьбы на главном австро-германском фронте, ни даже размерам самого Добруджанского театра войны. При этом неофициальные заявления и намеки румынского руководства о планах его действий в отношении Добруджи в случае начала войны с Болгарией были крайне противоречивыми и туманными. Так, в конце января 1916 г. премьер-министр Румынии Ион Брэтиану сказал Поклевскому, что считает неизбежным очищение Добруджи в случае открытия болгарами боевых действий. Однако русский военный агент в Бухаресте полковник Б. А. Семенов докладывал, что спрошенный им об этом полковник Ираклий Никуляну, глава румынской военной разведки, не подтвердил этих сведений и уверил его, что, благодаря наличию тет-де-понов (предмостных укреплений, плацдармов) на Дунае у Туртукая и Силистрии, румынская армия сохраняет свободу маневра и потому ей не нужно покидать Добруджу[30].

Переговоры о союзе с Румынией и выработка условий военной конвенции резко активизировались после прибытия в Бухарест 31 января нового военного агента России полковника А. А. Татаринова, сменившего на этом посту дискредитированного Б. А. Семенова. Уже 5 марта 1916 г. Татаринов докладывал Алексееву о своем разговоре 2 марта с генеральным секретарем (и фактическим главой) военного министерства Румынии бригадным генералом Думитру Илиеску. Тот заявил, что румынская армия готова наступать крупными силами в Трансильванию на линии Гимеш – Кронштадт – Германштадт, но при условии, что русские войска возьмут на себя оборону Добруджи. Помощь им в этом со стороны Румынии, по словам Илиеску, могла выразиться в оставлении на границе двух резервных дивизий и в прочном занятии тет-де-понов у Туртукая, Силистрии, Черновод и Гирсово, спешно укреплявшихся в то время. Татаринов отвечал на это, что Россия могла взять на себя оборону Добруджи, при условии наступления румын в Трансильвании и выделения нескольких румынских дивизий в распоряжение русского командования. Однако Татаринов в разговоре с Илиеску подчеркнул, что русские войска смогут держать оборону, конечно, не на самой линии румынско-болгарской границы, а севернее. Его собеседник сразу согласился и сказал, что для обороны Добруджи

inslav

союзные войска могут отойти на линию Мангалия – Караомер – Аириакиой – Ольтино, которая в то время усиленно укреплялась. Примерно эту линию считал оптимальной для обороны и сам М. В. Алексеев[31]. После этого, с разрешения румынских властей, Татаринов совершил негласную разведывательную поездку в Добруджу для осмотра местности и производимых там фортификационных работ.

В ходе переговоров весной 1916 г. румынская сторона иногда выдвигала откровенно неприемлемые условия, вроде провокационного пожелания, чтобы русские войска не только защищали Добруджу, но и провели наступление с целью захвата Рущука как ключевого пункта на болгарском берегу Дуная[32]. Но в Могилеве даже не собирались всерьез рассматривать подобные заявления будущих союзников. Напротив, по мере развития успехов Юго-Западного фронта, Ставка все более жестко давила на бухарестское руководство, добиваясь уменьшения требований румын о присылке русских войск в Добруджу. 17 июня Татаринов телеграфировал Алексееву: «При последнем разговоре с Илиеско я только ему указал, что теперь, когда на румынской границе совершенно нет германских войск, которые все прикованы нашими союзниками к Салоникскому фронту, требование со стороны Румынии значительного количества наших войск для обороны Добруджи будет сочтено нами за предлог уклониться от выступления. На это Илиеско заверил меня, что он понимает, что теперь вопрос о шести-семи русских дивизиях отпадает, но что все-таки была бы желательна присылка двух дивизий пехоты с конницей»[33].

Русское командование пыталось уменьшить даже это количество войск для Добруджи. В составленном Алексеевым черновом проекте военной конвенции с Румынией, в пункте 11-м, говорилось: «Для усиления румынских войск, действующих в Добрудже, русское верховное командование направляет в этот район одну пехотную и одну кавалерийскую дивизию»[34]. Но русский контингент такой силы не устраивал румын, и торг продолжался. В предложенном румынской стороной варианте текста конвенции говорилось, что Россия обязуется предоставить в распоряжение Главнокомандующего румынскими армиями корпус численностью, по меньшей мере, 50 тыс. человек – 2 пехотные и 1 кавалерийскую дивизию. Это условие Алексеев предложил исправить следующим образом: «Пункт третий надлежит ограничить указанием на число дивизий, не упоминая численности, ибо цифра 50000 обяжет нас отправить третью пехотную дивизию, что при современной обстановке сделать трудно»[35].

Одновременно с ведением переговоров с Румынией русское военное ведомство готовилось к возможному походу за Дунай путем сбора и распространения в войсках необходимых для этого сведений. В конце 1915 и в первые

inslav

месяцы 1916 г. Генштабом, штабами Одесского военного округа и дунайской Экспедиции особого назначения (ЭОН) был подготовлен и издан целый ряд справочных изданий, посвященных вооруженным силам Болгарии и Румынии, а также вероятным театрам военных действий русский войск на Балканах[36]. В частности, был переиздан капитальный военно-географический и статистический труд М. И. Занкевича «Добруджа»[37], а также напечатан военный переводчик с турецкого, болгарского и румынского языков[38]. Наконец, типолитография штаба Одесского округа напечатала брошюру «Описание условий наступления русских войск в Добруджу, составленное по распоряжению Штаба Одесского военного округа генерального штаба капитаном Базаревичем. Июнь–июль 1916 г.». Эта работа В. И. Базаревича имела скорее теоретический характер и отчасти напоминала т. н. стратегические темы, которые все слушатели Николаевской академии Генштаба разрабатывали на ее дополнительном третьем курсе. Тем не менее, эта брошюра наиболее полно отражала существовавшие в русских штабах представления о возможном характере и целях операции в Добрудже.

В работе Базаревича подчеркивалось, что первоочередным объектом действий русского отряда силой в 2 корпуса должна была стать Меджидийская долина в центральной части Добруджи, удаленная от переправ с русского берега Дуная на 6–7 переходов. Через эту долину проходила стратегически важная железная дорога Черноводы – Меджидие – Констанца, кратчайший путь из центральной части Румынии к ее единственному оборудованному черноморскому порту, через единственный же на всем нижнем Дунае Черноводский мост. Главной задачей русских войск было возможно скорейшее достижение Меджидийской долины и занятие там обороны на фронте примерно в 60 верст, поскольку союзные румыны были не в состоянии долго удерживаться южнее этой долины против германо-болгарских войск. Для решения этой задачи русским необходимо было заблаговременно сосредоточить экспедиционные силы на нижнем Дунае. Многообещающей Базаревич называл и переброску части отряда морем в Констанцу[39]. В целом, его прогноз сбылся, потому что в первые же дни после вступления в войну Румынии ее войска действительно начали терпеть болезненные поражения на границе с Болгарией, на правом фланге фронта в Добрудже. Позорной катастрофой румынского оружия стало падение Туртукайской крепости, которую болгары блистательным штурмом взяли уже на 6-й день своей войны с Румынией. 40-тысячный гарнизон этого «предмостного укрепления», даже не имевшего моста через Дунай, был потерян, причем 30 тыс. человек сдались болгарам в плен. Это предрешило оставление румынами без боя их второго тет-де-пона у Силистрии. И лишь прибытие русского корпуса Зайончковского позволило союзникам закрепиться на

inslav

Кобадинской линии (от дунайского города Расова до озера Тузла у черноморского побережья) и продолжать борьбу к югу от Дуная.

Май–июнь 1916 г. стали временем крупных побед русского оружия над австрийцами, и в Ставке становилось все более ясно, что, под воздействием эффекта этих успехов, переговоры о выступлении Румынии в ближайшем будущем будут благополучно завершены. Ожидая скорого подписания военной конвенции с Румынией, Ставка решила начать практическую подготовку экспедиционного корпуса для похода в Добруджу. В первых числах июля 1916 г. Алексеев телеграфировал главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта А. А. Брусилову: «По видимому можно надеяться, что Румыния присоединится к нашему союзу и в конце этого месяца или начале августа объявит войну Австрии и Болгарии. Оставив до ста тысяч в Добрудже, румыны до 250 тысяч направят в Трансильванию, причем разграничительная линия между нами будет Дорна-Ватра, Быстрица, долина Симош, Жибо, Дебречин. Нам придется направить в Добруджу кроме Сербской дивизии одну пехотную и одну кавалерийскую или казачью. Подвоз Гвардии, 3-го корпуса позволяет выделить эти силы от Юго-Западного фронта. Прошу разработать соображения, подготовить в Бессарабии укомплектования для дивизий, дабы при первом признаке решения Румынии ввести войска наши в Добруджу. Выступление Румынии сильно изменит обстановку и некоторое ослабление фронта вполне окупится»[40].

Согласно ожиданиям русского командования, для разработки планов операций на Добруджанском театре, формирования экспедиционного корпуса и осуществления различных подготовительных мероприятий в запасе у него было около одного месяца, но сделать за это время надо было многое. Характерной чертой подготовки экспедиционного корпуса стало то, что намечаемые командованием мероприятия и назначения постоянно отменялись, за приказами следовали контрприказы и, как закономерное следствие, неразбериха.

Формирование корпуса, первое время именовавшегося в переписке «Особым» и лишь затем получившего название 47-го армейского, было поручено штабу Юго-Западного фронта. В состав корпуса предполагалось включить, помимо Сербской добровольческой, 4-ю Финляндскую стрелковую и Уссурийскую конную дивизию. На должность командира корпуса штаб фронта первоначально предложил генерала Н. И. Булатова, на пост его начальника штаба – генерала В. В. Нагаева. Выбор корпусного командира был особенно непростым вопросом. Русским экспедиционным силам предстояло действовать на чужой территории, подчиняясь вышестоящим румынским штабам. Командир корпуса должен был владеть иностранными языками, по крайней мере, французским, и обладать достаточным дипломатическим тактом, чтобы

inslav

выстраивать отношения с румынами и подчиненными ему сербами. Уже через несколько дней для русского экспедиционного корпуса в Добрудже был избран другой командир. Им стал генерал от инфантерии А. М. Зайончковский (1862–1926), в то время комкор 30-го армейского.

* * *

Андрей Медардович Зайончковский был незаурядным военачальником, вдобавок снискавшим себе позднее славу крупнейшего военного историка нашей страны в XX в. Он родился 8 декабря 1862 г. в семье статского советника. Окончив Орловскую Бахтина военную гимназию, он в 1879 г. поступил в Николаевское инженерное училище и 5 августа 1882 г. был выпущен подпоручиком в 5-й саперный батальон. В 1886–1888 гг. Зайончковский успешно прошел курс Николаевской академии Генерального штаба, окончив ее по 1-му разряду и получив перевод в корпус генштабистов. После этого его карьера развивалась блестяще и стремительно, при столичных штабах, на виду и в прямом подчинении у военачальников августейшего происхождения. Полтора следующих десятилетия он занимал должности в штабах Гвардейского корпуса, 1-го армейского корпуса, войск Гвардии и Петербургского военного округа, был штаб-офицером для особых поручений при главнокомандующем войсками этого округа великом князе Николае Николаевиче, состоял при великом князе Михаиле Николаевиче. В русско-японскую войну Зайончковский отличился, командуя 85-м пехотным Выборгским полком и бригадой 3-й Сибирской пехотной дивизии. За боевые отличия он был произведен в чин генерал-майора и награжден орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами, мечами к ордену Св. Владимира 3-й степени и золотым оружием. В феврале 1906 г. Зайончковский получил командование лейб-гвардии Егерским полком и с этого момента двигался по лестнице исключительно строевых, а не штабных должностей. С июля 1908 по май 1912 г. он занимал почетнейшую и ответственную должность командира 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии – знаменитой «Петровской бригады», состоявшей из лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков и числившей в своих рядах представителей знатнейших фамилий империи. 30 июля 1912 г. Зайончковский был назначен начальником 37-й пехотной дивизии 18-го армейского корпуса Петербургского военного округа. Летом 1914 г. во главе этой дивизии он отправился на фронт и с успехом командовал ею в течение первых семи месяцев Великой войны, а затем 10 марта 1915 г. был допущен к командованию 30-м армейским корпусом и 27 марта утвержден в этой должности высочайшим приказом[41].

inslav

Служебные и частные документы А. М. Зайончковского, отложившиеся в его личном и иных архивных фондах, рисуют его человеком и военачальником с незаурядными достоинствами и сложным характером. Он был до крайности честолюбив, избалован успехами, знал себе цену, был очень требователен к подчиненным, умел подстраиваться под начальников, но, при необходимости, мог и резко спорить с ними. К успехам сослуживцев, как подлинным, так и раздутым, он был ревнив. Великолепно владея пером, он не жалел чернил и любил письменным словом доказывать начальству свою правоту в различных ситуациях, а также критиковать других. При всем этом генерал Зайончковский был отличным боевым командиром и строгим, но заботливым начальником для своих подчиненных. Последним, впрочем, он также любил устраивать разносы в своих блестяще написанных приказах и распоряжениях.

В составе 9-й и, затем, 8-й армий Юго-Западного фронта 30-й корпус Зайончковского (второочередные[42] 71-я и 80-я пехотные дивизии) в ходе кампании 1915 г. добился выдающихся успехов в оборонительных и наступательных боях с австрийцами на верхнем Днестре и Пруте и на Волыни, под Луцком[43]. С 31 августа 1915 г. его корпус входил в 8-ю армию генерала А. А. Брусилова, который давал высокую оценку качествам Зайончковского. Брусилов вспоминал: «Я был очень рад этому назначению, так как знал Зайончковского уже давно и считал его отличным и умным генералом. У него была масса недругов, в особенности среди его товарищей по службе генерального штаба. Хотя вообще офицеры генерального штаба друг друга поддерживают и тащат кверху во все нелегкие, но Зайончковский в этом отношении составлял исключение, и я редко видел, чтобы так нападали на кого-либо, как на него. Объясняю я себе это тем, что по складу его ума, очень едкого и часто злого, он своим ехидством обижал своих штабных соратников. К этой характеристике можно еще прибавить, что это был человек очень ловкий и на ногу не давал себе наступать, товар же лицом показать умел. Что касается меня, то я его очень ценил и считал одним из наших лучших военачальников, невзирая на его недостатки. Но у кого их нет? Его достоинства значительно превышали его недочеты»[44].

10 апреля 1916 г. Зайончковский был произведен в чин генерала от инфантерии[45]. Во время Брусиловского наступления 1916 г. его 30-й корпус вновь был на острие главного удара, на ковельском направлении, на правом фланге 8-й армии. Форсировав р. Стырь, он завяз в упорных боях за левый берег р. Стоход, в которых сражался героически и нес огромные потери. В разгар операции Зайончковский, по своему обыкновению, посчитал, что пришелся не ко двору у нового командующего 8-й армией А. М. Каледина, с которым у него, якобы, возникло взаимное непонимание. В частном письме на имя

inslav

Брусилова он просил перевести его в другую армию и напоминал, что тот еще раньше обещал дать ему корпус первоочередных войск[46].

Как раз в те недели штаб фронта решал вопрос о формировании экспедиционного корпуса для похода в Добруджу. Искали командующего, и перст судьбы указал на генерала Зайончковского, который всегда стоял на хорошем счету у Брусилова. Последний вспоминал: «Потребовали, чтобы я выбрал и назвал корпусного командира в направленный в Добруджу отдельный корпус. Затруднение выбора состояло в том, что недостаточно было избрать хорошего боевого генерала, но требовалось, чтобы он также был человеком ловким и умел не только ужиться с корпусом и румынским начальством, но и оказывать на них возможно большее влияние. Мною избран был генерал Зайончковский, который, как мне казалось, отвечал всем вышеперечисленным требованиям. Такое назначение очень расстроило этого генерала, и он начал усиленно от него отговариваться, ссылаясь на то, что с таким составом и качеством русских войск, которые ему назначены, он не будет в состоянии высоко держать знамя русской армии, что ему нужно не менее трех–четырех дивизий пехоты высокого качества, иначе он рискует осрамиться и, по совести, такой ответственности взять на себя не может»[47].

Далеко не просто решился и вопрос о выборе человека на ключевую должность начальника штаба Особого корпуса. Первоначально предполагалось, что этот пост займет генерал-майор В. В. Нагаев, опытный штабной работник; ему же хотели поручить формирование корпусного управления. Сам Зайончковский в письме к Алексееву от 10 июля попросил назначить генерала М. И. Занкевича. Лучшую кандидатуру трудно было придумать. Занкевич являлся одним из выдающихся работников Генерального штаба, служил прежде военным агентом в Румынии и Австро-Венгрии, был автором капитальных военно-географических обзоров Добруджи и Молдавии. Однако вместо него начальником штаба экспедиционных сил в Добрудже был избран генерал-майор Николай Петрович Половцев, начальник штаба 5-го Кавказского армейского корпуса. А. А. Свечин в своих воспоминаниях дал ему убийственную характеристику: «Человек с большими средствами и ничтожного ума, кавалергард по началу службы, этот представитель русской аристократии получил отметку «неудовлетворительно» за время своего цензового четырехмесячного командования пехотным батальоном перед войной, что представляло почти неслыханное явление в прохождении службы русского генерального штаба. Но, как ни хотело Главное управление генерального штаба убрать этого полукретина из генерального штаба, оно не оказалось в силах преодолеть связей последнего»[48]. Половцев получил назначение начальником штаба 47-го корпуса, и лишь в разгар кампании в Добрудже его сменил на этом посту генерал Н. А. Монке-

inslav

виц, один из самых талантливых русских генштабистов той эпохи, глава военной разведки империи до начала мировой войны.

Еще большей проблемой стало то, что корпусной штаб 47-го армейского был сформирован по штату неотдельного корпуса. Однако уже на вторую неделю кампании румынское командование образовало смешанную Добруджанскую армию и поставило во главе ее генерала Зайончковского. Тот был вынужден совмещать должности командующего армией и командира 47-го корпуса, тем самым формально подчиняясь самому себе. Корпусной штаб выполнял функции штаба целой армии; его офицеры работали днями и ночами, «на износ», и все равно их сил не хватало[49]. Кроме того, им еще и приходилось ездить в качестве инструкторов по частям тактически отсталой румынской армии, не знакомой с последними новшествами в области артиллерии, полевой фортификации и связи. Для хотя бы частичного решения проблемы русское командование присвоило 47-му корпусу статус отдельного корпуса, что подразумевало большее число штатных управлений и должностей в штабе. Однако укомплектование штаба по новому штату сопровождалось неизбежными задержками. В итоге в разгар боевых операций в Добрудже в штабе Зайончковского сохранялась острая нехватка подготовленных работников.

Документы свидетельствуют, что, когда Брусилов запросил согласия самого Зайончковского на назначение командиром корпуса для похода в Добруджу, тот дал положительный ответ, и лишь потом резко охладел к идее своего участия в экспедиции, узнав, что первоначально намеченный штабом фронта боевой состав Особого корпуса был существенно изменен. Прежним, увы, осталось лишь намерение командования включить в него Сербскую добровольческую дивизию полковника Стевана Хаджича. Наряду с ней, корпус должны были образовать 61-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта П. Н. Симанского, 64-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта А. Е. Жданко, 3-я кавалерийская дивизия генерал-лейтенанта Е. А. Леонтовича, Черноморский конный полк полковника князя А. С. Эристова в качестве корпусной конницы, а также ряд технических и вспомогательных частей. При этом числившаяся в командировке 64-я пехотная дивизия находилась на совершенно другом участке фронта и так никогда и не вошла фактически в состав 47-го корпуса.

По признанию самого Зайончковского, узнав о новом составе корпуса, он упал духом и начал просить Брусилова отменить его назначение. Командующий фронтом отказал, поскольку других подходящих кандидатов не было. Сам Брусилов, однако, понимал всю сложность выпавшей на Зайончковского задачи. В личном письме ему от 12 августа, наряду с пожеланиями успеха, он писал: «Пока выходит, к сожалению, что я, желая Вас выдвинуть, как Вы это безусловно заслуживаете, оказал Вам так называемую медвежью услугу»[50].

inslav

В письме к М. В. Алексееву от 18 июля из Киева Зайончковский писал, что согласился на назначение, ожидая получить в составе корпуса 4-ю Финляндскую стрелковую дивизию В. И. Селивачева или 71-ю пехотную дивизию Н. А. Монкевица, а также Уссурийскую конную дивизию А. М. Крымова. Этих командиров и их войска он считал полностью соответствующими сложности предстоявшей задачи. Вместо этого, как ему стало известно, в корпус включалась второочередная 61-я пехотная дивизия Симанского. Зайончковский до своего знакомства с этим соединением считал и его войска, и самого генерала Симанского далеко не блестящими по боевым качествам. Тем не менее, в тяжелых боях в сентябре и октябре 1916 г. именно эта дивизия стала ядром и главной боевой силой 47-го корпуса и Добруджанской армии. К началу августа 61-я дивизия насчитывала в своих рядах 16 батальонов, 291 офицера (184 из них прапорщики), 14208 штыков, 4740 чел. вспомогательного назначения и 1460 чел. сверхкомплекта, а также 48 пулеметов и 12 бомбометов. В приданной артиллерии числилось 42 офицера и 36 боеспособных орудий[51].

В том же письме от 18 июля Зайончковский обращал внимание Алексеева на то, что Особому корпусу предстояло действовать на чужой территории и представлять на Балканах всю русскую армию. Командира корпуса особо тревожило отсутствие в его составе полицейских и жандармских частей и оборудованных тыловых учреждений, без которых он не мог считать обеспеченным порядок в своем тылу и опасался, что любая неурядица могла вызвать сложные трения с румынскими властями. Весьма вероятным было боевое столкновение с болгарами, которые должны были по политическим и психологическим причинам стремиться одержать успех в первых же боях с русскими. Зайончковский писал, что он вполне понимает стремление Алексеева давать Румынии как можно меньше русских сил. Однако, по его мнению, посылать корпус в Добруджу в таком виде означало сразу поставить его в тяжелое положение. В качестве конкретных мер Зайончковский предлагал следующее: заменить в составе корпуса 61-ю пехотную дивизию на 4-ю Финляндскую стрелковую или 71-ю пехотную; про обе последние он говорил, что они знают его, а он – их. Также комкор просил разрешения взять с собой из своего прежнего 30-го корпуса полицейские части, жандармские сотни и конвой, им самим сформированные и обученные. С ними он ручался за полный порядок в тылу. Наконец, Зайончковский просил возможно скорее и в полном объеме сформировать все тыловые учреждения для Особого корпуса[52]. К сожалению, поднятые командиром корпуса вопросы устройства тыла так и не были своевременно решены в положительном смысле, что имело пагубные последствия, особенно в течение первых двух месяцев боев в Добрудже.

inslav

7 августа, во время личного доклада в Ставке, Зайончковский опять попытался донести до Алексеева свои опасения, связанные с предстоявшей экспедицией. Однако, по словам Зайончковского, доклад его принял крайне нежелательный оборот, а сам он заслужил нелестную характеристику Алексеева[53]. Судя по всему, вспыльчивый и измотанный Начальник штаба Верховного Главнокомандующего (далее в тексте – Наштаверх), по своему обыкновению, наорал на него и обвинил в трусости.

10 августа, перед самым началом похода, Зайончковский вновь писал к Алексееву, пытаясь убедить его в пагубности самой концепции экспедиции в Добруджу, в том виде, в каком приняла ее Ставка. Он утверждал: «Мне кажется, что 47 корпус и генерал Зайончковский есть та кость, которую бросили Румынии для того, чтобы она выступила на стороне Согласия. На этой кости поставили крест, ее вычеркнули из состава русских вооруженных сил, а если в будущем будет какой-либо от нее еще плюс, то это запишется на неожиданный для России приход»[54]. Зайончковский категорически восставал против идеи подчинения русского корпуса румынскому командованию и указывал на опасности, связанные с отправкой корпуса далеко от своих границ и баз снабжения, на чужую территорию с необорудованным тылом, притом неблагополучную в санитарно-эпидемиологическом отношении. «Я буду противостоять всеми доступными мне мерами против возложения на русский корпус таких задач, которые будут отдавать специфическим запахом вытаскивания для румын каштанов русскими руками, а тем более обслуживания спокойствия румынских войск напрасной кровью и трудами моего корпуса», – обещал Зайончковский[55].

В личном фонде Алексеева сохранился текст ответа на это письмо Зайончковского, который был написан рукой генерала В. Е. Борисова, ближайшего помощника и советника Наштаверха по стратегической части. В этом ответе Борисов менторским тоном категорически отклонял упреки комкора 47-го в том, что его корпус вырывался из русской армии и бросался на произвол судьбы. Стратегическое положение корпуса помощник Алексеева называл безопасным, благодаря возможности его беспрепятственного отхода, в случае необходимости, на Констанцу, Измаил и Гирсово[56].

После такого обмена письмами трения и разногласия между Зайончковским и Алексеевым сделались уже постоянными; оба генерала, несмотря на разницу в служебном положении, все время посылали друг другу весьма резкие телеграммы. Этот конфликт, продолжавшийся до самого отозвания Зайончковского с постов командира 47-го корпуса и командующего русско-румынской Добруджанской армией в середине октября 1916 г., во многом способствовал неудачному для России завершению похода в Добруджу.

inslav

Итак, состав и качества русских частей 47-го корпуса вызывали серьезные сомнения у Зайончковского. Но источником гораздо больших тревог и опасений командира корпуса и многих других представителей военного руководства было решение Ставки о включении в состав экспедиционных сил Сербской добровольческой дивизии. Расскажем кратко об этом малоизвестном в России и трагически знаменитом в Сербии соединении, которому было суждено сыграть особую роль в событиях Добруджанской кампании.

* * *

С самого начала мировой войны в русский плен стало поступать множество южных и западных славян – сербов, хорватов, словенцев, чехов, словаков, русинов – нижних чинов и офицеров австро-венгерской армии, которые зачастую добровольно сдавались русским войскам и изъявляли желание сражаться на стороне Согласия. Уже 7 августа 1914 г. Военный совет Российской империи принял решение о формировании особых войсковых частей из чехов-добровольцев[57]. С первых месяцев войны русское и сербское правительство обсуждали возможность отправки в Сербию добровольцев из числа военнопленных.

Набор в армию добровольцев-военнопленных не был четко регламентирован международным правом того времени. Статья 6-я «Положения о законах и обычаях сухопутной войны», утвержденного Гаагской конвенцией 1907 г., говорила, что государство не имеет права привлекать военнопленных к работам, имеющим отношение к военным действиям. Однако вопрос о приеме добровольцев в ряды вооруженных формирований, по сути, обходился молчанием, и каждая сторона могла толковать его в свою пользу. Самих добровольцев из военнопленных в случае нового плена в их прежней армии ожидала виселица за измену; их семьям на родине также угрожали репрессии. Это не останавливало тысячи добровольцев из числа южных и западных славян; однако в трудной боевой обстановке страх нового плена оказывал на них деморализующее воздействие, с чем пришлось столкнуться и командованию Сербской добровольческой дивизии осенью 1916 г.

Работа по отправке в Сербию добровольцев из числа военнопленных югославян энергично велась лишь с июля 1915 г.; с этого времени до начала осеннего вражеского наступления на Балканах по дунайскому пути в Сербию было отправлено 3500 добровольцев. Вступление Болгарии в войну и разрыв связи по Дунаю положили этому конец. Тогда по инициативе сербских представителей и с разрешения русских властей в Одессе из нескольких десятков югославянских добровольцев была сформирована охранная рота, предназначав-

inslav

шаяся для караульной службы. Эта рота стала зародышем будущего Сербского добровольческого корпуса. Душой формирования добровольческих частей стал сербский консул в Одессе Марко Цемович. В октябре 1915 г. во время аудиенции у Николая II его предложение о формировании добровольческого отряда получило одобрение императора; тот обещал выделить необходимые для этого средства[58].

11 января 1916 г. Алексеев телеграфировал в Одессу генералу М. И. Эбелову и в штаб Юго-Западного фронта: «В целях оказать посильную помощь сербской армии решено из желающих военнопленных сербов, хорватов, словенцев сформировать отряд, который впоследствии и направить на присоединение к сербской армии»[59]. Ожидалось, что число добровольцев могло составить 10–20 тыс. человек. Непосредственное формирование отряда было поручено группе сербских офицеров во главе с майором Живоином Пейовичем. На генерала Эбелова возлагалась задача общего наблюдения за формированием, размещением и снабжением добровольческого отряда, который создавался по типу русской полевой пехотной дивизии, в составе 4 трехбатальонных полков.

Местным начальством было решено формировать сербский отряд в самой Одессе и ее ближайших окрестностях. Вскоре в Одессу из тыловых военных округов начали прибывать группами разной численности добровольцы, офицеры и нижние чины, набиравшиеся в лагерях военнопленных. Работа по формированию отряда закипела. Сербский отряд (позднее дивизия и двухдивизионный корпус) считался частью армии королевства Сербия, временно находившейся в составе русских вооруженных сил. Чины отряда из числа военнопленных приводились к присяге королю Петру I Карагеоргиевичу. Все внутреннее делопроизводство добровольческих частей велось на сербском языке.

Для сербского правительства на Корфу формирование добровольческой дивизии в России было событием огромного военного и политического значения. Будущая дивизия обещала стать не только весомым дополнением к вооруженным силам сражающейся Сербии, но и зримым примером объединения югославян под скипетром Карагеоргиевичей. Сербские власти постарались обеспечить дивизию как можно более крепкими и надежными командными кадрами. Указом престолонаследника Александра начальником Сербского добровольческого отряда был назначен полковник Стеван Хаджич, его помощником – полковник Драгутин Кушакович, начальником штаба дивизии – майор Воин Максимович. Назначения в дивизионный штаб и на должности бригадных, полковых и батальонных командиров получил 31 штаб-офицер сербской армии. Кроме того, 46 обер-офицеров сербской службы были назначены для занятия должностей ротных командиров и адъютантов; 13 военных чиновников заняли соответствующие административные должности; 5 военных

inslav

студентов медицины были предназначены для занятия фельдшерских должностей. Наконец, с Корфу в добровольческую дивизию было отправлено также 23 унтер-офицера и 12 рядовых. Сам Хаджич и большая часть приданных ему сербских офицеров, чиновников и нижних чинов выехали в Россию из Англии, транзитом через Швецию, 17 марта 1916 г. Первая группа офицеров с Корфу прибыла в Одессу, через Петроград и Могилев, 14 апреля. В тот же день началось формирование штаба дивизии, расположившегося в доме № 31 по Пушкинской улице. На должности младшего командного состава назначались офицеры из числа военнопленных австрийской армии. Все чины Сербской добровольческой дивизии получили обмундирование русского образца; лишь вместо фуражек интендантство пошило им сербские шайкачи. Воинские чины в дивизии соответствовали существовавшим в королевской сербской армии.

Далеко не однозначен ответ на вопрос, чем руководствовались добровольцы из числа военнопленных австрийских славян. Сербская историография и военные мемуары единодушно подчеркивают, что добровольцы были движимы мощным чувством сербского и югославянского патриотизма. Не вызывает сомнения, что многие добровольцы искренне сочувствовали славянскому делу и были готовы с оружием в руках бороться против габсбургского ига на стороне России и Антанты. В архивных делах о формировании сербских добровольческих частей есть множество упоминаний о побегах из лагерей, с сельских работ и фабрик военнопленных славян, желавших быть зачисленными в Сербскую дивизию. Некоторые обращались к русскому начальству с прошениями, в которых изъявляли желание сражаться против Австро-Венгрии. Однако несомненно и то, что при отборе добровольцев имело место немало злоупотреблений. 22 июня 1916 г. майор Максимович докладывал, что обратно в лагеря было отправлено сразу 28 человек «неблагонадежных» чинов дивизии. Он отмечал, что присылка их в Одессу произошла «по недоразумению», ибо они никогда не изъявляли желания поступать добровольцами[60]. Порядок в дивизии Хаджич поддерживал крутыми мерами. Приказом от 30 июня 1916 г. в частях дивизии было введено телесное наказание палками, которого давно не знали русские дисциплинарные уставы[61]. Впрочем, вчерашним солдатам австро-венгерской армии, в которой сохранялись самые жестокие телесные наказания, к этому было не привыкать.

Первоначально сербские представители добились у русского руководства разрешения набирать в формируемый отряд добровольцев из числа не только югославян, но также военнопленных чехов и словаков[62]. К 20 мая в дивизию прибыло 37 кадетов, фенрихов и обер-офицеров чешской и словацкой национальностей. К этому времени уже выяснилось, что языковой барьер между

inslav

южными и западными славянами существенно затруднял управление частями дивизии. Полковник Хаджич начал просить, чтобы ему больше не присылали западных славян[63].

15–16 мая присягу королю Петру принесли первые три полка Сербской добровольческой дивизии, последний 4-й полк был приведен к присяге 14 июня. Тем самым было завершено укомплектование частей дивизии живой силой. Осуществить это оказалось сравнительно легко, но обеспечение дивизии оружием, снаряжением и прочей материальной частью шло мучительно тяжело. Ко времени выступления на фронт в Добруджу дивизия насчитывала в своих рядах 625 офицеров, 35 чиновников, 17232 нижних чина; имела 1842 лошади и 56 пулеметов[64]. Сразу после ее формирования в Одессе начали формировать еще одну сербскую добровольческую дивизию, получившую номер 2-й, тогда как дивизия Хаджича стала называться 1-я Сербской добровольческой. Обе дивизии были объединены в Сербский добровольческий корпус, который возглавил выехавший с Корфу в Россию в конце июля 1916 г. «железный генерал» Михайло Живкович. Однако в Добруджанской кампании успела принять участие только 1-я Сербская дивизия.

Как и намечало русское командование, дивизия была вооружена трофейными австрийскими винтовками Манлихера. Однако боекомплект патронов к ним был выдан без обойм, о чем говорят и воспоминания добровольцев, и русские документы[65]. Магазинные винтовки, таким образом, превратились в однозарядные[66]. По воспоминаниям одного болгарского офицера, вместо штыков воины Сербской дивизии носили на дулах винтовок ржавые куски железа, которые приматывались к стволу[67]. Вплоть до самой отправки на фронт в Добрудже 1-я Сербская дивизия так и не получила артиллерии. Уже после вступления частей дивизии на румынскую территорию вдогонку ей 23–25 августа из Рени были отправлены на баржах горно-артиллерийский и 4-й легкий мортирный дивизионы. Полноценной артиллерии, отвечавшей сложности задач современной войны, Сербская дивизия не имела до самого конца Добруджанской эпопеи.

Итак, 1-я Сербская добровольческая дивизия была молодым соединением с разнородным личным составом и неясными вначале боевыми и моральными качествами, со слабым вооружением и материальной частью, практически без артиллерии и специальных технических средств. Несмотря на это, или, скорее, благодаря этому генерал Алексеев еще в июне 1916 г. принял судьбоносное решение отправить в трудную Добруджанскую экспедицию именно ее. Формирование дивизии и обсуждение условий выступления Румынии на стороне Антанты шли практически в одно время, так что не удивительно, что у русского высшего командования возникла идея включить дивизию Хаджича

inslav

в состав экспедиционных сил. Неизвестно, в чьей голове впервые родился этот план, но генерал Алексеев поддержал его с самого начала, несмотря на всю ущербность замысла, уже в то время очевидную для многих. 29 июня 1916 г. он сообщал Брусилову: «Ведется деятельная работа, чтобы заставить румын присоединиться к нам. Сербская дивизия будет двинута тогда немедленно в Добруджу, к ней Вам придется присоединить кавал[ерийскую] или казачью дивизию»[68]. Несложно понять, какими соображениям руководствовался Наштаверх. В глазах Алексеева Сербская дивизия уступала не только второочередным пехотным дивизиям, но и ополченским частям русской армии. Наштаверх предпочитал послать в Добруджу именно сербов, чтобы не отвлекать с главного для него театра войны ни одной лишней русской дивизии.

Алексеев всегда был упорно и упрямо последователен в своих стратегических взглядах и решениях, как верных, так и заведомо ошибочных. Отправку русских войск в Добруджу он воспринимал как вынужденную политическими соображениями меру, как своеобразную военную «взятку» румынскому союзнику. И, коль скоро Бухарест настаивал на прибытии в Добруджу 2 пехотных и 1 кавалерийской дивизии русской армии, Алексеев решил включить в это число Сербскую добровольческую дивизию – т. е., по сути, обмануть румын, действуя балканскими же приемами со скользким и изворотливым балканским союзником.

С самого начала подготовки похода в Добруджу возможное участие в нем Сербской дивизии стало предметом острых споров в высшем русском командовании. Никто не мог предсказать, как покажет себя это соединение на поле боя, какие настроения будут преобладать среди его солдат и офицеров. 20 июля генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта Н.Н.Духонин обратился к начальнику штаба Одесского военного округа генералу Н. А. Марксу с просьбой дать откровенную оценку Сербской дивизии, настроений и степени надежности ее чинов[69]. Уже на следующий день Маркс отвечал: «Предвидя Ваш вопрос, я близко интересовался составом сербской дивизии, бывал в лагере, собрании, на учениях, приглашал к себе. Все полковые, батальонные и половина ротных – сербы с Корфу, остальные офицеры из военнопленных, большинство пошло, по-видимому, чтобы улучшить свое положение, и весть о походе не была принята с тем восторгом, с каким откликнулись коренные офицеры, однако вполне можно рассчитывать, что против болгар, за возможным случайным исключением, весь офицерский корпус пойдет охотно. Я говорил перед уходом штаба дивизии с Хаджичем, он спокоен за состав вполне, но добавил, что в случае чего первому же колеблющемуся пошлет пулю в лоб. [...] Что касается нижних чинов, то сложившееся в обществе недоверие едва ли имеет основание. Солдаты оживленно приветствовали поход, и командиры

inslav

частей убеждены в их добросовестности. В дивизию шли лишь те, кто не боялся за семью и имущество, то же убеждение вынес и наш артиллерийский полковник, формирующий пулеметные команды, где все офицеры коренные сербы, а нижние чины из бывших военнопленных. Случаи дезертирства были за три месяца 83 человека; некоторые вернулись, объяснив, что ходили подработать. [...] Мое личное мнение, что при успешном движении вперед русских сил, дивизия при отличном кадровом составе коренных офицеров втянется в боевую работу»[70].

Но еще большие сомнения вызывали политические последствия отправки Сербской дивизии в Добруджу, о которых предупреждали многие дальновидные люди, посвященные в дела балканской политики и знакомые с характером южных славян. Опытный агент русской разведки инженер Франц Краль, бывший председатель Исполкома общества чешских колоний в Болгарии, еще 10 мая 1916 г. писал в докладе на имя контр-адмирала М. М. Веселкина: «Много говорят о том, что болгары будто бы будут перебегать, если им противопоставить русских. Наверно, и я так думаю, но только в том случае так и будет, если русские не будут смешаны с румынами; еще хуже было бы, если бы и сербы воевали вместе с ними»[71]. Эти слова чешского патриота были отчеркнуты, и на полях кто-то написал позже: «Все оказалось верным». Мрачное предсказание Краля сбылось полностью; русское командование сумело воплотить в жизнь худшее из всех возможных решений.

Еще одним экспертом, предостерегавшим против образования смешанных экспедиционных сил, был поручик 9-го Кавказского стрелкового полка Георгий Иванов Капчев, представитель известной русофильской семьи Болгарии и член бюро Одесского болгарского настоятельства. Его отец был одним из командиров болгарского Ополчения и сражался на Шипке, а дядя, Георгий Капчев-старший, уроженец македонского Охрида, видный болгарский революционер и общественный деятель, в своем время был близким соратником и семейным врачом Джузеппе Гарибальди. Семейство Капчевых имело тесные связи с Россией и было обласкано российскими властями. Осенью 1915 г. Георгий Капчев-младший находился в прикомандировании к штабу Одесского военного округа в качестве переводчика, а также выполнял ряд конфиденциальных поручений разведывательного отделения штаба. Жена Капчева оставалась в Болгарии и избежала ареста, однако имелись сведения, что у нее было отобрано все имущество и она находилась в большой нужде. Взрослый сын Капчева находился на фронте в рядах русской армии[72]. С марта 1916 г. Георгий Капчев был прикомандирован к ГУГШ, где занимался переводами с болгарского, турецкого и румынского языков, написанием обзоров балканской прессы и аналитических материалов.

inslav

25 июля 1916 г. он составил для руководства Генштаба записку под названием «Каково общественное настроение среди народа и армии в Болгарии, в связи со слухами о выступлении русских войск на Балканы?». Основное содержание документа сводилось к следующему. Ссылаясь на достоверные сведения из различных источников, в том числе от британской агентуры, Капчев писал об имевших место в июне 1916 г. солдатских бунтах в полках прикрывавшей границу с Румынией 5-й Дунайской дивизии болгарской армии. Непосредственным поводом к волнениям, якобы, послужила плохая пища, однако в действительности причинами их, по мнению автора записки, были слухи о войне с Румынией и возможной встрече с русскими войсками, а также общее недовольство и усталость болгарской армии от войны. Капчев напоминал, что в 1887 г. именно в частях 5-й дивизии (в то время – Рущукской бригады) был поднят мятеж против русофобского режима Стамболова. Мятеж был подавлен, а 11 его вождей – расстреляны, причем жители Рущука все последующие годы продолжали чтить могилы казненных. По сведениям Капчева, в 1915 г. родители благословляли чинов 5-й дивизии на войну за освобождение Македонии, но заведомо проклинали, если те поднимут оружие на русских.

Особенно примечательные слова завершали записку поручика Капчева: «В заключение, принимая во внимание историческое прошлое жизни балканских народов, и ввиду существующей ныне смертельной вражды между последними, следует, что для России, которой в настоящее время суждено осуществить исторические заветы далекого прошлого на Ближнем Востоке, и ради ее успешного достижения вышеупомянутой высокой цели, как и для упрочения мира на Балканах – что является для самой России в данное время повелительной государственной нуждой – целесообразнее было бы, если русское войско по пути на Балканы *не прибегло бы к содействию войск союзных Балканских держав.* **(здесь и далее курсивом выделены подчеркнутые Капчевым слова записки.** – *В. К.*) Ибо в таком случае высокая цель России могла бы оказаться трудно достижимой, и столь желанного мира на Балканах не было бы, а главное, и *авторитет велений о нужде мощного славянского единства ослабел бы...*

Психология общественного настроения Болгарии в настоящее время указывает, что народ и войско болгарское сдадутся *только сыновьям освободителей Болгарии* и выступят на брань против исконных врагов России и *народной Болгарии* вместе с сородичами – сыновьями славянской России...

Но следует иметь в виду, что общественное настроение среди народа и войск Болгарии может измениться, *если русские явятся в Болгарию с войсками союзных Балканских держав, и особенно если Россия предоставит Румынии чинить суд и расправу в Болгарии.* В обоих последних случаях болгары будут бороться насмерть»[73].

inslav

Поручику Капчеву, природному носителю балканской психологии, было никак нельзя отказать в ее понимании. Однако в своей докладной записке этот офицер-болгарин предостерегал против того, что к тому времени было на самом деле уже неотвратимо – против совместных действий русских и румынских войск в Добрудже. В русских штабах и дипломатических канцеляриях никогда не рассматривался вопрос о том, чтобы полностью отстранить румын от обороны Добруджи и возложить эту задачу исключительно на русские войска. В тех условиях это было неосуществимо как по политическим, так и по военным причинам.

Прикомандированный к Отделу генерал-квартирмейстера ГУГШ и исполнявший обязанности генерал-квартирмейстера (вторая по значению должность в Генштабе) генерал-майор Н. М. Потапов (военный агент в Черногории в 1903–1916 гг.) оставил на записке Капчева в самый день ее составления, 25 июля, резолюцию: «Прочитал с интересом»[74]. Неизвестно, получила ли сама записка дальнейший ход, в частности, была ли она передана в Ставку. Однако она подкрепила репутацию Капчева как едва ли не главного эксперта по болгарским делам в русском Генштабе, и это вскоре имело практические последствия.

В то время идеи, созвучные мыслям Капчева о пагубности привлечения войск балканских союзников к русской экспедиции в Добруджу, летели в Ставку со всех сторон. Состав экспедиционного корпуса и именно включение в него Сербской дивизии остро волновали самого генерала Зайончковского. Достойны внимания следующие строки из частного письма командира 47-го корпуса на имя А. А. Брусилова, которое было отправлено из Одессы в штаб Юго-Западного фронта в Бердичев 28 июля 1916 г. Зайончковский писал:

«Вопрос о Сербской дивизии меня особенно беспокоит и вот о нем, пожалуй, не мешало бы доложить и Ген[ералу] Алексееву. Посылка русского корпуса в Добруджу безусловно имеет своим главным назначением не увеличение физической силы румын, а нечто иное – политическое. Действительно, появление русского корпуса на границе Болгарии будет большой козырь в руках русофильской болгарской партии и, разумеется, у многих болгар винтовки начнут дрожать при виде русских войск. Но присутствие под русскими знаменами и здесь же рядом сербов будет громаднейшим козырем в руках русофобской партии болгар и при виде злейших своих врагов винтовки болгарские, задрожавшие перед русскими, со злобой будут сжиматься против сербов. А политическое значение Особого корпуса сведется к нулю. Мое глубокое убеждение, что сербов надо отправить на Кавказ. Я же решил их держать в резерве, пока поведение болгар не определится. Выпущу их только тогда, когда ясно выяснится, что по Болгарии мне придется идти огнем и мечом, а братушки не будут иметь поползновения сдаваться массами своим освободителям»[75].

inslav

Далее в том же письме командир корпуса продолжал: «Я с ужасом узнал о временном будто бы уходе от меня 64 дивизии, что совершенно лишает меня возможности держать Сербов в резерве, как я то предполагал»[76].

Итак, русский генерал с польскими корнями, по военному трезво и без сантиментов смотревший на жизнь, видел в Сербской добровольческой дивизии мощное разрушительное оружие, причем не исключал возможности его применения для похода «огнем и мечом» по Болгарии. И в то же время Зайончковский отлично понимал, что появление сербов на боевой линии в Добрудже окончательно и бесповоротно похоронит все ожидания, связанные с благотворным политическим и психологическим эффектом от прибытия русского корпуса на болгарскую границу. И обоснованно опасался, что результат может оказаться полностью противоположным. Но в ответ на это письмо Брусилов лишь телеграфировал в Одессу 31 июля, что Наштаверху известна вся обстановка и состав Сербской дивизии. Вопрос о направлении югославянского соединения в Добруджу уже был решен бесповоротно.

О нежелательности, с политической точки зрения, отправлять дивизию Хаджича в поход на границу с Болгарией говорил и российский МИД. 1 августа 1916 г. товарищ министра А. А. Нератов писал директору дипломатической канцелярии Ставки Н. А. Базили: «По словам сербского посланника, в Рени сосредотачиваются сформированные у нас сербские части для участия совместно с нашими войсками в Добрудже в военных действиях против болгар. В виду уже не раз указываемой генералом Алексеевым желательности привлечения болгар на нашу сторону, благоволите довести до его сведения, что, по моему мнению, присутствие сербских дружин на болгарской границе в значительной мере может помешать осуществлению его предположений, так как взаимная ненависть сербов и болгар неминуемо поведет к боевым действиям между ними»[77].

Но ответ из Ставки гласил: «Начальник Штаба не считает возможным согласиться с изложенными соображениями, так как сербская дивизия подчинена русскому генералу, входит в состав русского корпуса и составлена из элементов, не принадлежащих собственно к Королевству (Сербии. – *В. К.*)»[78].

Михаил Васильевич Алексеев был феноменально трудолюбивым, умным, трезво мыслящим военным деятелем с разносторонним опытом руководящей штабной работы во время мира и войны. При этом, однако, он был упрям, недоверчив к чужим советам и нетерпим к возражениям. Единожды приняв решение об отправке Сербской дивизии в Добруджу, он уже не хотел отказываться от него даже под воздействием разумнейших и очевидных доводов. Отклоняя их, крупнейший стратег царствования Николая II говорил абсурдные вещи. По сути дела, Алексеев заявлял, что, образовав дивизию в составе соединения русской армии под началом русского генерала, сербы перестанут

inslav

быть сербами. Или, по крайней мере, болгары перестанут считать их таковыми. При этом Наштаверх словно забывал, что дивизия Стевана Хаджича официально называлась «Сербской добровольческой», что ее чины говорили на сербском языке и носили шайкачи; наконец, что формировалась она, пусть из габсбургских подданных, именно под лозунгом борьбы за объединение югославянских земель под скипетром сербского короля Петра. Кого могли видеть болгары в рядах этой дивизии, как не своих заклятых врагов – сербов?

В ходе Добруджанской кампании воины Сербской добровольческой дивизии своей героической борьбой и огромными потерями доказали полную несостоятельность всех прежних сомнений русского командования в ее боевых качествах и лояльности. Все русские военачальники отмечали несравненные мужество и стойкость частей дивизии Хаджича. Но платой за чудовищное сверхнапряжение сил стало быстрое и полное истощение дивизии, потерявшей за полтора месяца боев 80% своего состава и, как следствие, утратившей боеспособность. После неудачных боев при обороне Кобадинской укрепленной позиции, в первой декаде октября, дивизия имела в своих рядах всего 2042 штыка[79]. 11 октября полковник Хаджич докладывал Зайончковскому:

«Честь имею снова доложить Вашему Превосходительству, что вследствие сильных потерь, понесенных вверенной мне дивизией в течение времени с 24 августа по сегодня, а точно так же и вследствие переутомления физического и морального, из-за постоянного отступления последних 6 дней, добровольцы вверенной мне дивизии потеряли устойчивость в борьбе. Тому много содействует их добровольческий характер. Каждый из них боится попасть в плен или остаться раненым, ибо знает, что их повесят. До сих пор было уже много случаев самоубийства раненых и здоровых добровольцев из-за этого страха. Один из таких случаев я лично с начальником штаба видел в бою 9 с[его] мес[яца] у д. Мурфатлар. Командир 1 полка сегодня мне доложил, что 5 его офицеров-добровольцев прошлой ночью удалились из полка, из стрелковой цепи, по всей вероятности потерявши надежду на победу и боясь попасть в плен. Эта дивизия дала до сих пор все, что могла дать. Теперь же неспособна к дальнейшим операциям, как в смысле ее численности, точно так же и в моральном отношении. Ее нужно немедленно отвести на отдых»[80]. После этого дивизия Хаджича была выведена в резерв и больше не принимала участие в боях Добруджанской кампании.

* * *

С военной точки зрения Сербская дивизия полностью оправдала решение Ставки послать ее в поход за Дунай; с политической – подтвердила все худшие опасения. Бои в Добрудже получили характер войны на уничтожение; взаим-

inslav

ная ненависть и жестокость противников нарастали спиралевидно. Командированный в распоряжение русского военного агента в Бухаресте дипломат С. Г. Богоявленский (бывший вице-консул России в Филиппополе) сообщал в МИД 1 сентября 1916 г.: «Озлобление болгар против румын и сербов, конечно, отражается и на отношении их к нашим войскам. Согласно доходящим сюда сведениям, в Румынской Добрудже организовано болгарскими агентами почти что вооруженное восстание. Не только в турецких селах, но и в болгарских население (даже женщины и дети) стреляют из-за угла, нападают на отдельных солдат, приканчивают раненых и пр. Конечно, такое поведение вызывает негодование в наших и сербских войсках, которое еще больше озлобляет обе стороны»[81].

Впрочем, важно отметить, что, хотя борьба противников в боевой линии была взаимно беспощадной, жестокость не переходила в зверство. Сражавшиеся в Добрудже славянские воины подчас демонстрировали благородство по отношению к побежденным. Опровергая слухи о глумлении противника над телами его павших солдат, 6 октября Зайончковский телеграфировал в Одессу генералу М. И. Эбелову: «Ничего подобного относительно изуродованных трупов не было, напротив, были случаи хорошего обращения с нашими пленными и ранеными»[82]. Как вспоминал Сава Стоянович, болгарский офицер с сербской фамилией, германский генерал-фельдмаршал А. фон Макензен издал приказ о том, чтобы пленные славяне из Сербской добровольческой дивизии передавались австро-германцам для казни. Но болгарские солдаты и офицеры всячески препятствовали выполнению этого приказа, возмущаясь самим намерением немцев расправляться с их, болгар, пленными, взятыми в бою[83]. С другой стороны, подобные случаи могли быть только единичными, т. к. добровольцы Хаджича в плен обычно не сдавались и сами пленных не брали.

Цитированное донесение Богоявленского и другие подобные сообщения разных лиц означали одно – полный крах прежних надежд генерала Алексеева на достижение политического компромисса с Болгарией, которому он придавал особое значение именно накануне начала экспедиции в Добруджу. 16 июля 1916 г., за месяц до вступления Румынии в войну, Алексеев телеграфировал в МИД, что это ожидаемое событие заставляет Россию просчитать возможные действия Болгарии и сделать все возможное для заключения с ней перемирия или сепаратного мира: «Военные выгоды отторжения Болгарии от враждебного нам союза столь велики и важны; последствия такого шага столь существенны для решения судеб Балканского славянства, что ради этого можно идти на серьезные уступки»[84]. Ради этого, писал Алексеев, можно было простить Болгарии ее былую измену, обеспечить ей часть Македонии и даже нарушить соглашение с союзниками об отказе от заключения сепаратного мира.

inslav

В ответ новый министр иностранных дел Б. В. Штюрмер писал, что полностью согласен с мнением Алексеева об огромных выгодах от перехода Болгарии на сторону Антанты, однако считает при настоящем положении вещей «чрезвычайно опасным для нас брать на себя почин в этом деле». По мнению Штюрмера, переговоры с Болгарией не удалось бы сохранить в тайне и это вызвало бы ропот в России, оттолкнуло бы сербов и вызвало бы самые нежелательные последствия для положения России на Балканах и среди славян[85].

В последующие дни, по словам Базили, вопрос о сепаратном мире с Болгарией все больше занимал Алексеева. Среди прочего, Наштаверх говорил, что именно в примирении с Болгарией он видит единственную возможность реального овладения Россией черноморскими Проливами. Алексеев, писал Базили, «считает единственным способом целесообразно повести дело сговор между нами и болгарскими политическими деятелями. Стране надо дать приращения, а политическим деятелям – деньги»[86].

В те же дни Алексеев неофициально обсудил с французским военным представителем генералом М. Жаненом возможность сепаратного мира с Болгарией. Наштаверх полагал возможным добиваться от Болгарии разрыва с Центральными Державами и детронизации Фердинанда, в обмен на приобретение Македонии до Вардара, линии Мидия – Энос во Фракии, эгейского порта Кавала и, возможно, даже Салоник. Однако французское правительство отвечало, что считает политической ошибкой начало переговоров с Болгарией до нанесения ей сильного удара. Вместо идеи Алексеева премьер-министр А. Бриан полностью поддержал только что полученное предложение Д. Ллойд Джорджа о желательности посылки в Добруджу 200000 русских войск[87].

Ответ союзной Франции сильно разочаровал Алексеева, однако он, по словам Базили, все равно остался при своем мнении по вопросу ведения политической работы в отношении Болгарии. Наштаверх считал, что контакты с болгарскими деятелями нужно было завязать без ведома союзников. Он имел подробный разговор об этом со специально прибывшим в Ставку главой 2-го Политического (Ближневосточного) департамента МИД А. М. Петряевым, с которым они договорились о полной согласованности возможных действий[88].

23 августа Базили телеграфировал в МИД: «По мнению Начальника Штаба, вовлечение Румынии в войну с Болгарией не соответствовало бы нашим военным интересам. Хотя бы временная неопределенность в отношениях между обеими странами должна быть признана предпочтительной, так как румыны не были бы заняты на южной границе и энергичнее повели бы дело в Трансильвании, успешнее достигая своей цели и облегчая нам борьбу на главном направлении. Но согласно полученным из Румынии известиям, война на румыно-болгарской границе фактически началась»[89].

inslav

Конкретные шаги для достижения утопической цели Алексеева на болгарском направлении были предприняты с большим запозданием, лишь в октябре 1916 г., когда русские войска уже вели тяжелые бои с болгарами в Добрудже. Забегая вперед, расскажем, что тогда русским Генштабом была организована поездка в Румынию двух фактических лидеров болгарской общины в России, уже упомянутого Г. И. Капчева и купца И. Д. Рашеева, председателя Одесского болгарского настоятельства, ранее также выполнявшего задания русской военной разведки. На сей раз им поручалось прибыть в Бухарест и, используя свои связи среди болгар по обе стороны границы, развернуть в Болгарии русофильскую пропаганду с целью подготовки почвы для политического соглашения и перемирия. Действовать они должны были под руководством русского военного агента в Румынии полковника В. А. Палицына. Однако этот последний резко отрицательно воспринял саму идею прибытия Капчева и Рашеева с политической миссией. 11 октября он телеграфировал в Генштаб: «Доношу, что поручик Капчев известен в Румынии как лицо, занимавшееся здесь тайной разведкой, вообще неблагонадежное и посему появление его в Бухаресте с русским паспортом может вызвать неприятности; до получения указаний денег полагал бы не выдавать»[90].

Тогда руководство предписало Палицыну рекомендовать Рашееву и Капчеву продолжить свою работу в Кишиневе или Одессе. 25 октября они явились к военному агенту, тот выдал им 3000 лей и предложил им выехать обратно в Россию, т. е., фактически, выпроводил их восвояси. О самой цели их агитационной миссии Палицын отозвался крайне скептически: «Подобное направление (русофильское в пропаганде. – *В. К.*) считаю почти безнадежным: вопрос о любви болгар к России должен быть оставлен; пропаганда должна быть германофобской»[91]. 27 октября оба болгарина выехали обратно в Россию. Их миссия закончилась, даже не начавшись. А специалисты русского военного ведомства окончательно разочаровались в самой идее политической сделки с Болгарией.

20 ноября штаб Одесского военного округа препроводил в Генштаб доклад под заглавием «Политическое настроение Болгарии», составленный в разведывательном отделении, за подписью его начальника подполковника В. М. Васильева. Этот неизвестный прежде документ заслуживает подробного цитирования, поскольку, как представляется, никогда ранее русские военные эксперты не высказывались так резко, зло и точно о русско-болгарских отношениях и проблеме болгарского русофильства в условиях мировой войны. Особо примечательно, что автор доклада обрушивался с разгромной критикой на саму концепцию политического компромисса и поиска сепаратного мира с Болгарией, которой традиционно придерживался могущественный Алексеев

inslav

и которая получила одобрение самого императора. Васильев мог не знать о переписке между Ставкой, МИДом и союзниками по этому поводу, но он точно был в курсе того, что русское высшее командование прилагает определенные усилия для склонения Болгарию на сторону Антанты. Выступление против этой идеи требовало от Васильева профессионального и гражданского мужества, что довольно редко встречалось в эпоху поздней Российской империи.

Доклад содержал резкую критику «русофильски» настроенной части политического класса Болгарии. «Болгарский народ опьянен успехами», – утверждал Васильев. И напоминал, что традиционные русофильские партии Болгарии под предлогом «насущной необходимости» голосовали в Народном Собрании за военные кредиты, хотя их отказ мог бы иметь моральное значение. Васильев писал: «Кто обладает твердою волею и искренним желанием дружбы с Россией, те давно уже открыто заявили об этом и или покинули пределы неблагодарной предательницы Болгарии, или же, как вредные для Царя Фердинанда элементы, сидят по тюрьмам»[92].

По мнению автора доклада, на свободе остались лишь малодушные, не имеющие влияния на народ деятели, которыми управлял «шкурный вопрос»; да и болгары-эмигранты в странах Антанты высказывались в ее пользу, прежде всего, из своих личных интересов. Далее в докладе говорилось:

«Русофилы, как и наши «болгарофилы», не только не оказали никаких услуг России, но даже отчасти принесли ей вред. Они совершенно неправильно освещали истинное положение вещей в Болгарии. Представляли Болгарию несчастной, угнетенной, обманутой царем Фердинандом и готовой при первой встрече с русскими войсками броситься в объятия нашего воина. Всем нашим нижним чинам, бежавшим из плена, болгары внушали, что «Болгария не хочет воевать с Россией», что болгары «ждут прихода русских войск», и «при встрече с русскими войсками положат оружие». От русофилов шли тоже сведения, что отцы, провожая сыновей в поход, заранее проклинали их, если они подымут оружие против русских. На деле же мы видим совершенно иное. Не только отцы не шлют проклятия, а сами, с оружием в руках, сражаются на обоих фронтах против русских и даже верят, что «русские пленных убивают». Болгарские русофилы, давая нам оценку болгарского народа, сами не поняли его и до сих пор не знают, можно ли от болгарского народа что-либо потребовать. Если подобные сведения распространяются умышленно правительственной партией, то святой обязанностью русофилов было бы выяснить действительное положение вещей, а не держать в заблуждении русский народ. Всю вину за выступление Болгарии на стороне центральных держав русофилы и наши болгарофилы взваливают на русскую дипломатию и болгарскую династию,

inslav

совершенно устраняя от этого болгарский народ, которые далеко не весь и не всегда был дружелюбно настроен по отношению к России»[93].

Васильев продолжал бичевать болгарских русофилов: «Вся деятельность русофилов Болгарии по упрочению тесной связи с Россией оказалась совершенно несостоятельной. Причина та, что каждый болгарин независимо от того, русофил ли он или русофоб, прежде всего в душе болгарин и думает только о своей Болгарии, а о России только тогда, когда она ему нужна; об интересах же своего брата славянина-серба никогда не думал и видит в нем только врага». По мнению русского генштабиста, искренне и по-настоящему хорошо относились к России лишь старики – непосредственные участники событий 1877–1878 гг. Однако они не могли удержать молодое поколение. «В ком же русофильская партия найдет поддержку, когда все до 55 летнего возраста с оружием в руках сражаются?», – риторически вопрошал Васильев.

Далее он подчеркивал, что любая работа «пророссийски» настроенных политических групп в Болгарии по природе своей могла быть только одним из негласных сценариев софийского руководства по обеспечению благополучного выхода из войны, и ничем более. В докладе Васильева читаем:

«Однако Болгарии русофильская партия нужна не менее, чем германофильская. При неуспехе держав центрального блока сама правительственная партия выдвинет на сцену русофилов, чтобы попытаться удержать то, что захвачено в Македонии и Добрудже и не лишиться достигнутых успехов. Русофильская партия есть резерв правительственной группы на случай несчастья с Болгарией. Обе партии понимают друг друга, различны только их выражения, ибо идея Великой Болгарии и понятие о «неделимом болгарском народе» – одно и то же. Намерение болгарских русофилов – помирить нас с Болгарией под предлогом «искренней» любви к России и собрать болгарский народ в одно целое, не считаясь с жизненными интересами Сербии и славянства. При таких условиях русофильская партия намерена выполнить для Болгарии дипломатическим путем ту же задачу, которую германофилы решают на полях сражения с оружием в руках. Русофильская партия стремится спасти «несчастную Болгарию». Она, обходя молчанием будущее государственное устройство Болгарии, предложит своей стране идею «неделимого болгарского народа» и потребует, как компенсацию, – свержение Фердинанда. Партия рассчитывает на благородство России, которая не лишит Болгарию самостоятельности, тем более, что державы согласия, начиная войну, провозгласили принцип справедливости. При подобной деятельности русофильской партии Болгария, изменившая России и всему славянскому миру, фактически не пострадает, если намерения русофилов будут выполнены. Династический же вопрос для самых болгар особого значения не имеет. Таким образом, будет ли

inslav

победа на стороне центральных держав или державы эти окажутся побежденными, Болгария выйдет победительницей в обоих случаях. В первом случае она выполнит задачу силою оружия, а во втором – при посредстве партии русофилов, которые намерены действовать не открыто и не с общего согласия славян, а тайно и, главным образом, не принимая во внимание интересов пострадавшей Сербии. При таких условия роль русофилов является вредной и от услуг их надо отказываться, дабы Россия не потеряла полного доверия всех тех славян, которые гибнут на полях сражения за славянскую идею в борьбе с германизмом»[94].

Заключительные слова доклада звучали суровым приговором самой идее политической сделки с Болгарией в условиях войны: «Все меры, какие бы ни предпринимали русофилы, в данное время бесполезны и вредны, так как в результате они посеют только к России полное недоверие славян и в особенности сербов. Примирить интересы Сербии и Болгарии невозможно, и надо одной из них пожертвовать ради другой»[95]. Эти горькие слова во многом были продиктованы именно плачевным опытом вооруженной борьбы в Добрудже осенью 1916 г.

* * *

Но вернемся немного назад, ко времени начала экспедиции на южный берег Дуная. В половине 12-го утра 4(17) августа 1916 г. в Бухаресте в доме Винтилы Брэтиану, брата главы правительства, в присутствии всего нескольких человек, в обстановке строгой секретности, были подписаны политическое соглашение и военная конвенция между Румынией и Державами Антанты[96]. Главные условия военной конвенции заключались в следующем. Румыния обязалась мобилизовать все свои сухопутные и морские силы и выступить против Австро-Венгрии не позднее 15(28) августа 1916 г., через 8 дней после начала наступления Салоникской армии союзников. Русская армия должна была активно действовать на всем австрийском фронте, в особенности в Буковине. Согласно статье 3-й конвенции, Россия обязалась послать в Добруджу 2 пехотные и 1 кавалерийскую дивизию для совместных с румынскими войсками действий против болгарской армии.

В 21 час 14(27) августа 1916 г. королевство Румыния объявило войну Австро-Венгрии; полночь на 15(28) августа стала началом первого дня мобилизации румынской армии. И уже 14 августа, как то и было предусмотрено, началась сухопутная экспедиция русских войск в Добруджу. В 18 часов того дня, после торжественного молебна у памятника в честь переправы русских войск в 1828 г., полки 3-й кавалерийской дивизии начали переход на румынский

inslav

берег Дуная по наведенному русскими инженерами понтонному мосту у Ферапонтьевского монастыря. На этом мосту была установлена арка, украшенная русским и румынским флагами и надписью «К славе и победе». Жители южного берега Дуная, в основном русские сектанты-переселенцы, восторженно приветствовали солдат Леонтовича[97]. Так, теплым летним вечером 14 августа 1916 г., в атмосфере, исполненной уверенности в своих силах и ожиданий успеха, начался поход русских экспедиционных сил в Добруджу.

3-я кавалерийская дивизия Леонтовича, ставшая авангардом 47-го корпуса, первой выдвигалась в сторону болгарской границы, прикрывая следовавшие за ней части 61-й пехотной и Сербской добровольческой дивизий. А уже 22 августа произошло первое боевое столкновение между русскими и болгарами в ходе Добруджанской кампании. У селения Коджалар (в 30 км к северо-западу от Добрича) разъезд 3-го Новороссийского драгунского полка изрубил болгарский разъезд; в плен были взяты 4 нижних чина и 1 офицер, оказавшийся воспитанником Елисаветградского кавалерийского училища[98]. Эта маленькая стычка стала прологом большой трагедии братоубийственной борьбы двух братских народов, двух родственных армий.

Следующие четыре месяца были предельно насыщены кровавыми и драматическими событиями. За это время русские и союзные им войска в Добрудже несколько раз переходили от наступления к обороне, и наоборот. Кульминацией всей кампании стала вторая атака болгаро-германо-турецких сил на Кобадинскую укрепленную позицию 6–12 октября 1916 г., которая закончилась ее прорывом и взятием линии железной дороги Черноводы – Констанца, пересекавшей Добруджу с запада на восток. После этого борьба продолжалась уже в северной части Добруджи. В 20-х числах декабря 1916 г. последние части русских войск вернулись на левый берег Дуная, и больше активных боевых действий между русскими и болгарами не происходило. Тем самым «Добруджанская война» была завершена. Подробная ее история будет изложена в другом месте, а пока остановимся на следующих выводах.

Русский план экспедиции в Добруджу был предельно прост. Раз Румыния ставила условием своего вступления в войну участие русских войск в обороне ее добруджанских владений, Алексеев согласился послать туда экспедиционный корпус. Предполагалось, что этот корпус силой в 2 пехотные и 1 кавалерийскую дивизию будет действовать вместе с румынскими войсками сопоставимой численности и под румынским командованием. В русских высших штабах ожидали, что миссия корпуса будет сугубо оборонительной. Дивизии генерала Зайончковского должны были ускоренно выдвинуться на заранее укрепленные союзниками-румынами позиции на южных подступах к Меджидийской долине и на них прикрывать от предполагаемого удара болгар желез-

inslav

ную дорогу Черноводы – Констанца. При этом большая ставка делалась на возможность того, что болгарские войска по психологическим и политическим причинам не будут энергично атаковать позиции русских войск. Это позволило бы не только обезопасить южные рубежи Румынии, но и сковать в бездействии крупные силы болгарской армии и тем облегчить наступательные операции союзного Салоникского фронта. Однако стремительность первых же ударов 3-й армии генерала Тошева и столь же быстрое начало череды военных катастроф румынской армии заставили союзное командование бросить корпус Зайончковского в наступление с целью оттянуть часть болгарских сил и прикрыть отход румынских войск от Туртукая и Силистрии. Это стало импровизационным и поспешным изменением первоначального плана операции. Русские дивизии оказались сразу же втянуты в упорные встречные бои с болгарской армией, и это сделало невозможным бесконтактное противостояние на границе Добруджи.

Как мы старались показать в данной статье, при планировании и подготовке экспедиции в Добруджу в 1916 г. русским командованием были допущены серьезнейшие ошибки, как военные, так и политические. Те и другие оказали самое пагубное воздействие на ход кампании к югу от Дуная и практически предопределили ее неудачное завершение, имевшее катастрофические последствия для всего Румынского фронта в конце 1916 г. Главными из этих ошибок следует признать следующие.

Важнейшим стратегическим просчетом стала недостаточность сил русских войск, выделенных для обороны Добруджи. Лучшим подтверждением этого послужило то, что уже очень скоро вышестоящие русские штабы начали посылать в Добруджу все новые части и соединения. Первоначально 47-й корпус имел 2 пехотные и 1 кавалерийскую дивизии, или 28 батальонов и 30 эскадронов и сотен. Затем в течение сентября 1916 г. в Добруджу прибыли русские 115-я пехотная, 3-я стрелковая и 8-я кавалерийская дивизии (сразу же затем переведенная на левый берег Дуная). Зайончковский телеграфировал Алексееву 15 сентября: «Раз мы уже ввязались в Добруджу, то уже до окончательного покорения Болгарии русским войскам придется здесь играть главную роль, а потому казалось бы необходимым уже сразу иметь для этого достаточный личный состав»[99]. И продолжал в следующей телеграмме: «Для отдыха и пассивных задач у меня есть 80 батальонов румын, а для активных задач только 40 батальонов русских и сербов»[100].

И все же прибытие подкреплений к Добруджанской армии происходило слишком медленно, по сравнению с темпами усиления неприятельских войск на том участке фронта. Разведсводка штаба 47-го корпуса от 3 октября совершенно точно отмечала присутствие у противника на Добруджанском фронте

inslav

болгарских 1-й, 4-й, 6-й, 12-й пехотных и 1-й кавалерийской дивизий, германской 217-й пехотной дивизии, турецких 15-й и 25-й пехотных дивизий, общей силой приблизительно 85–87 батальонов и 24 эскадрона[101]. По официальным болгарским данным, 3-я армия Тошева перед атакой насчитывала 1333 офицера и 58397 нижних чинов боевого состава, а также 186 офицеров и 11188 нижних чинов турецкого корпуса и 9 батальонов 217-й германской дивизии[102]. Этим силам Зайончковский, по состоянию на 28 сентября, мог противопоставить в общей сложности всего 54 тыс. штыков[103]. Учитывая слабость укрепленных позиций Добруджанской армии, низкую стойкость румынских войск и превосходство противника в тяжелой артиллерии, шансы отразить второе наступление на Кобадинскую линию изначально были невелики.

При этом и русское, и румынское командование совершало необъяснимые метания, то присылая Зайончковскому подкрепления, то забирая их обратно. 25–26 сентября к Добруджанской армии прибыла долгожданная русская 3-я стрелковая дивизия, на которую Зайончковский возлагал огромные надежды. Но уже 4 октября, всего за два дня до начала прорыва неприятелем Кобадинской укрепленной позиции, эта дивизия по требованию румынского командования стала перевозиться на север в Карпаты. Когда совсем скоро стало ясно, что к югу от Дуная приближается катастрофа, командование стало спешно перебрасывать 3-я стрелковую дивизию обратно в Добруджу, как и части 4-го Сибирского армейского корпуса. 10 октября их головные бригады были введены в бой буквально из эшелонов, но было уже слишком поздно; спасти положение не удалось.

Вынужденную ошибку представляло и решение подчинить русский корпус румынскому верховному командованию, вследствие чего войска Зайончковского неоднократно попадали в тяжелое положение из-за грубых ошибок румынских генералов и низких боевых качеств румынских войск. Вступив на территорию Румынии, 47-й корпус был включен в состав румынской 3-я армии генерала Михаила Аслана, которая прикрывала границу с Болгарией по Дунаю и в Добрудже. Совсем скоро румынское верховное командование решило свалить со своих плеч руководство операциями в Добрудже и образовало с этой целью новую Добруджанскую армию смешанного состава, командующим которой был назначен Зайончковский. Его армия и румынская 3-я армия были объединены в одну группу под общим руководством генерала А.Авереску, нового командующего 3-й армией, которая теперь действовала на левом берегу Дуная. Командарм Добруджанской был вынужден выполнять эгоистические и глубоко ошибочные распоряжения румынской Главной квартиры и Авереску, против самой возможности чего Зайончковский ранее горячо выступал в спорах с Алексеевым.

inslav

Эксперты самых разных ведомств – дипломаты, сотрудники военной и военно-морской разведки – дружно предупреждали верховное командование о пагубности идеи посылки в Добруджу многонациональных сил, в составе которых русские войска должны были действовать совместно с румынами и сербами. Однако эти предупреждения остались гласом вопиющего в пустыне, ибо генерал Алексеев заранее принципиально решил не посылать за Дунай ни одной лишней русской дивизии. Совместные действия в Добрудже русских, румын и Сербской дивизии хоронили и без того призрачную возможность политического воздействия на Болгарию, и в этих условиях особенно необъяснимо выглядели очередные попытки Алексеева поставить в практическую плоскость вопрос о сепаратном мире с Болгарией.

С чисто военной точки зрения грубой ошибкой было выделение Ставкой для похода в Добруджу слишком малых сил конницы. Позиционная окопная война на австро-германском фронте обрекала на бездействие великолепную кавалерию русской армии, самую многочисленную и сильную в Европе. Осенью 1916 г. появилась уникальная возможность применить ее в условиях маневренной войны в добруджанских степях, идеально подходивших для действий крупных конных масс. Русское командование направило в Добруджу всего одну 3-ю кавалерийскую дивизию, зато одновременно послало туда же для командования неким воображаемым сводным русско-румынским конным отрядом командира 6-го кавалерийского корпуса генерала А. А. Павлова, одного из лучших начальников этого рода войск. Зайончковский недоумевал по поводу этого командирования и напоминал Ставке, что у него всего одна кавалерийская дивизия, что иметь на одной дивизии двух генералов – не к добру и что нет смысла ради столь малых сил конницы отрывать от австро-германского фронта такого выдающегося военачальника, как Павлов[104].

С самого начала кампании на правом берегу Дуная у болгар там было полторы дивизии конницы; однако их полки имели 4-эскадронный состав, а полки русской 3-й кавалерийской дивизии – 6-эскадронный. Румынскую бригаду каларашей (низкокачественная конница ополченского типа) Зайончковский был вынужден распылить между румынскими же дивизиями в качестве дивизионной конницы. Таким образом, русская и болгарская стратегическая конница на Добруджанском театре изначально были практически равны в силах. В штабе 47-го корпуса это соотношение воспринимали как явно неблагоприятное для себя. В одном из разговоров со штабом Юго-Западного фронта по прямому проводу, полковник А. А. Татаринов подчеркивал, что болгарская конница в Добрудже вела себя нахально, не только принимая на своих плохих лошадях атаки русской конницы, но и даже пытаясь атаковать пехоту. По мнению Татаринова, болгарскую кавалерию следовало проучить и отбить у нее

inslav

охоту к подобным действиям[105]. 10 сентября Зайончковский телеграфировал Брусилову, что обстановка полностью изменилась бы, если бы ему прислали 2 кавалерийские дивизии, без дела стоявшие за русским Северным фронтом. С ними Зайончковский обещал даже при наличных силах пехоты быстро очистить от противника всю Добруджу[106]. Однако искомых кавалерийских подкреплений он так и не получил. Ближе к концу Добруджанской кампании русская конница уже в полтора раза уступала неприятельской. Иными словами, русское командование само отдало противнику превосходство в силах этого рода войск и, как следствие, возможность позднее превозносить в болгарской военно-патриотической литературе подвиги генерала Ивана Колева и его конницы в 1916 г.

Военное ведомство, в целом, справилось с интендантским и санитарно-медицинским обеспечением экспедиционных сил в Добрудже. Так, по состоянию на 14 октября в частях 47-го корпуса находилось всего 5 человек больных холерой и 15 – брюшным тифом[107]. Благодаря строжайшим предупредительным мерам Зайончковскому удалось избежать распространения эпидемических болезней в его войсках, хотя действовать им пришлось в одном из самых неблагополучных в этом отношении уголков Европы, где в 1854 г. от холеры погибла почти целая французская дивизия. Кстати, Зайончковский, один из лучших знатоков истории Восточной войны, хорошо помнил об этом и перед началом похода с тревогой писал об этой угрозе Алексееву.

Русские штабы своевременно получали достоверную разведывательную информацию о Добруджанском театре войны, силах и средствах противника на нем. Однако корпус Зайончковского не имел в достаточном количестве средств телефонной, телеграфной и радиотелеграфной связи. Это особенно остро давало чувствовать себя в условиях, когда недружественное болгарское и турецкое население в тылу целыми верстами вырезало проложенные кабели, валило телеграфные столбы. Управление войсками не раз оказывалось парализовано, и восстанавливать его приходилось по старинке, при помощи верховых курьеров. Критически не хватало саперов: в сентябре Зайончковский имел всего 3 саперных роты на 3 пехотных дивизии, притом без инженерного парка. С этими силами и средствами 47-й корпус должен был укреплять фронт протяженностью около 80 верст, при полной беспомощности румын в инженерном отношении[108]. Как следствие, пресловутая Кобадинская укрепленная позиция Добруджанской армии, прорыв которой превозносится в болгарской военно-исторической литературе, представляла собой одну линию окопов, местами даже не защищенную проволочным заграждением[109].

inslav

* * *

Экспедиция в Добруджу осенью 1916 г. стала последним задунайским походом русской императорской армии и своеобразным итогом всей двухсотлетней активной силовой политики старой России на черноморско-балканском направлении. Итог этот был закономерно плачевным, поскольку являлся плодом целого ряда военных и политических ошибок, которые сплетались вместе и взаимно усиливали свои последствия. Примечательно также, что финальный провал балканской стратегии Российской империи оказался связан именно с Болгарией, за 40 лет до того возвращенной Россией к самостоятельной государственной жизни и национальному развитию. Русская военная и государственная элита слишком долго хранила убежденность в незыблемости влияния России в народных массах Болгарии, что считалось надежной гарантией от любых усилий чужеродного монарха и русофобских групп молодого болгарского политического классе. Всего за 7 лет до того, в июле 1909 г., русский военный агент в Софии полковник М. Н. Леонтьев писал в рапорте на имя начальника Генерального штаба: «Наши позиции в Болгарии таковы, что выбить из них нас могут только при нашем собственном согласии»[110].

Сколь далеко было это суждение от приведенных выше горьких, но справедливых слов начальника разведки штаба Одесского военного округа в конце 1916 г.! Русского «согласия» на оставление позиций в Болгарии дано не было, вместо него имели место пассивность и неискусность политических и военных решений, и в итоге Россия потеряла Болгарию. По злой иронии судьбы, в те ноябрьские дни 1916 г., когда подполковник В. М. Васильев писал свой доклад, генерал Леонтьев во главе 4-й Особой пехотной бригады уже сражался против болгар на Салоникском фронте. Доклад Васильева можно считать свидетельством окончательного разочарования русских военных экспертов в наивных славянофильских иллюзиях прежних лет, как и в связанных с ними эфемерных политических и даже стратегических расчетах. Увы, произошло это разочарование слишком поздно, чтобы повлиять на исход борьбы России за Балканский полуостров в годы Первой мировой войны.

Примечания

[1] Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.

[2] Българската армия в Световната война 1915–1918 г. Т. VIII. Войната срещу Ромъния през 1916 година. Подготовка на войната и Тутраканската операция. София, 1939; Т. IX. Настъплението на III армия в Добруджа. София, 1943.

inslav

[3] *Тошев С.* Действията на III армия в Добруджа през 1916 година. Отговор на писаното за българите в мемоарите на Генерал Лудендорфа. София, 1921. Переизд.: *Тошев С.* Действията на III армия в Добруджа през 1916 година. София, 2007; *Кантарджиев Т.* Добрич – Кубадин – Кюстенджа – Бабадаг – Тулча – Исакча – Гарван. София, 1925; *Кисьов А.* Генерал Колев и действията на 1. конна дивизия в Добруджа през 1916. година. София, 1928.

[4] Тутраканската епопея и освобождението на Добруджа. Тутракан, 1996. Тутраканската епопея и войната на северния фронт 1916–1918 година. Сборник с изследвания. Съставители П. Бойчев, В. Милачков.Тутракан, 2007.

[5] *Марков Г.* Голямата война и Българската стража между Средна Европа и Ориента 1916–1919 г. София, 2006. С. 15–72.

[6] См., например: *Тошев С.* Действията на III армия в Добруджа през 1916 година. София, 2007. С. 66–67. *Зафиров Д.* Оперативно-тактическата визия на Тутраканската операция // Тутраканската епопея и войната на северния фронт 1916–1918 година. Сборник с изследвания. Съставители П. Бойчев, В. Милачков.Тутракан, 2007. С. 36.

[7] РГВИА. Ф. 2270. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 25.

[8] Birinci Dünya Harbi. Avrupa Cepheleri (Romanya Cephesi). Ankara, 1967. România in războiul mondial, 1916–1918. Vol. 1. Bucureşti, 1934. România in anii primului război mondial. Vol. 1. Bucureşti, 1987. P. 337–383. *Kiriţescu C.* Istoria războiului pentru întregirea României 1916–1919. Vol. 1. Bucureşti, 1989. P. 306–390.

[9] Југословенски добровољачки корпус у Русији. Прилог историји добровољачког покрета (1914–1918). Београд, 1954; Добровољци у ратовима 1912–1918. Доживљаји и сећања. Београд, 1971; Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. Приредио Н. Поповић. Београд, 1977; *Поповић Н.* Односи Србије и Русије у првом светском рату. Београд, 1977. С. 263–305, 389–425.

[10] *Васильев Ф. И.* Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Румынский фронт. М., 1922.

[11] Там же. С. 10.

[12] Записка ген. А. М. Зайончковского о Добруджанской операции 1916 г. // Красный архив. 1933. Т. 3(58). С. 24–45.

[13] *Айрапетов О. Р.* Балканы. Стратегия Антанты в 1916 году // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 48–60; *Он же.* На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России. Сборник статей под ред. О. Р. Айрапетова. М, 2002. С. 158–261; *Он же.* Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914–1918 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 191–224.

[14] *Козлов Д. Ю.* Флот в румынской кампании 1916–1917 годов. СПб., 2003.

[15] *Шкундин Г. Д.* Болгарская дилемма в дипломатической стратегии Антанты (октябрь 1915 года) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1999. С. 166–182; *Он же.* Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). София, 2007; *Он же.* Не замочить ли нам Кобурга? Болгария в российской военной стратегии и политике весной 1916 года // Роди-

inslav

на. 2009. № 6. С. 54–59. Очевидно, неприлично и вульгарно звучащее заглавие последней, вполне серьезной статьи является «заслугой» не ее автора, а редакции этого уважаемого журнала.

[16] *Torrey G. E.* Indifference and Mistrust: Russian-Romanian Collaboration in the Campaign of 1916 // Torrey, Glenn E. Romania and World War I: a Collection of Studies. Iaюi – Oxford – Portland, 1998. P. 231–251.

[17] Новая Добруджа – использовавшееся румынами название территорий на юге Добруджи, захваченных Румынией у Болгарии в результате 2-й Балканской войны 1913 года. Общая площадь – 2 769 кв. миль, население – 286 тыс. человек, преимущественно болгар, турок и татар. Основные населенные пункты Новой Добруджи – Добрич (Базарджик), Балчик, Силистрия, Туртукай (Тутракан).

[18] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 82. Ю. Д. Романовский – в Огенквар. 5 сентября 1914 г. № 189.

[19] *Napier H. D.* The Experiences of a Military Attachй in the Balkans. London, n.d. P. 45.

[20] АВПРИ. Ф. 151. ПА. Оп. 482. 1914 г. Ед. хр. 3770. Л. 113. С. Д. Сазонов – С. А. Поклевскому. 6 сентября 1914 г. № 2767.

[21] Там же. Л. 121. С. А. Поклевский – в МИД. 11 сентября 1914 г. № 282.

[22] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 85–87. Ю. Д. Романовский – в Огенквар. 16 сентября 1914 г. № 203–204.

[23] Подробнее см.: *Каширин В. Б.* Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 года // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 175–203.

[24] Подробнее см.: *Шкундин Г. Д.* Разделяй и властвуй!...

[25] Европейские державы и Турция во время мировой войны. Константинополь и Проливы по секретным документам б. Министерства Иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова. Т. 1. М, 1925. С. 215–220.

[26] Там же. С. 215. *Шкундин Г. Д.* Не замочить ли нам Кобурга... С. 55.

[27] См., например: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 779. Л. 18–18об. М. Н. Леонтьев – В. А. Сухомлинову. 8 февраля 1909 г. № 42.

[28] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 161–161об.

[29] *Клембовский В. Н.* Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Часть 5. Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом. М., 1920. С. 17.

[30] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3137. Л. 81–82. Б. А. Семенов – в Огенквар. 29 января 1916 г. № 17.

[31] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1897. Л. 51–51об. А. А. Татаринов – М. В. Алексееву. № 35153.

[32] *Шкундин Г. Д.* Не замочить ли нам Кобурга... С. 54–55.

[33] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1897. Л. 174. А. А. Татаринов – М. В. Алексееву. 17 июня 1916 г. № 167.

inslav

[34] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3092. Л. 61–62.

[35] Там же. Л. 69.

[36] Краткие сведения о болгарской армии в военное время. [Одесса], 1915. Дополнения и изменения к кратким сведениям о болгарской армии в военное время издания Разведывательного Отделения Штаба VII-й армии 1915 года. [Одесса], 1916. Болгарская армия в 1914 году. Перевод иностранного издания. [Одесса], 1916. Краткие сведения о Румынской армии. Составлено по данным к 1 августа 1916 г. [Одесса], 1916. Болгария. Военно-статистическое описание. Ч. 1. Район Восточной Болгарии. Пг., 1916. Маршруты по северо-восточной части Болгарии. Одесса, 1916.

[37] *Занкевич [М. И.].* Добруджа. Военно-географический и военно-статистический очерк. Пг.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1916.

[38] Военный переводчик с Русского языка на Турецкий, Болгарский и Румынский. Издание Отдела Генерал-Квартирмейстера Главного Управления Генерального Штаба. Пг., 1916.

[39] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 572. Л. 275–291. Брошюра «Описание условий наступления русских войск в Добруджу, составленное по распоряжению Штаба Одесского военного округа генерального штаба капитаном Базаревичем. Июнь–июль 1916 года». Одесса, 1916.

[40] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 3059. Л. 1. М. В. Алексеев – А. А. Брусилову. Б. д. № 3525.

[41] Список Генерального Штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года. (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Пг, 1914. С. 113. РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 10–10об.

[42] Части и соединения второй очереди были образованы при всеобщей мобилизации в июле 1914 года путем выделения т. н. скрытых кадров из частей мирного времени и пополнения их запасными до штатов военного времени. Изначально второочередные войска имели более слабые командные кадры, большее количество запасных старшего возраста и худшую техническую оснащенность, по сравнению с частями 1-й очереди. Однако к концу 1916 года эти различия давно стерлись из-за многократного обновления состава частей.

[43] РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 27–30. «Записка для памяти командира XXX-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Зайончковского».

[44] *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 148.

[45] РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 97.

[46] Там же. Л. 131–131об.

[47] *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 194.

[48] *Свечин А. А.* Искусство вождения полка по опыту войны 1914–18 гг. Т. 1. М.; Л., 1930. С. 23–24.

[49] РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 353–361. Разговор А.М. Зайончковского со штабом Юго-Западного фронта по прямому проводу 27 августа 1916 г.

inslav

[50] Там же. Л. 381–381об. А. А. Брусилов – А. М. Зайончковскому. 12 августа 1916 г. Б. н.

[51] РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 423. Л. 369.

[52] РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 332–334. А. М. Зайончковский – М. В. Алексееву. 18 июля 1916 г. Б. н.

[53] РГВИА. Ф. 55. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. 36–43. А. М. Зайончковский – М. В. Алексееву. 10 августа 1916 г. Б. н.

[54] Там же.

[55] Там же.

[56] Там же. Л. 44–45. Черновик ответа на письмо Зайончковского. Б. д. Без подписи. Рукой В. Е. Борисова.

[57] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7423. Л. 13–14.

[58] *Поповић Н.* Односи Србије и Русије у првом светском рату. Београд, 1977. С. 281–282.

[59] РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 1.

[60] РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 647. Л. 542.

[61] *Груловић Н.* Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962. С. 45.

[62] РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 647. Л. 163.

[63] Там же. Л. 268, 329.

[64] *Поповић Н.* Односи Србије и Русије... С. 288.

[65] РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 647. Л. 479.

[66] РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 184.

[67] *Стоянович С.* Оръдията през декември. Румънският ни фронт 1916–1917. София, 1993. С. 95.

[68] РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 36 а–36 б. М. В. Алексеев – А. А. Брусилову. 29 июня 1916 г. № 981.

[69] Там же. Л. 126. Н. Н. Духонин – Н. А. Марксу. 20 июля 1916 г. Б. н.

[70] Там же. Л. 127–128. Н. А. Маркс – Н. Н. Духонину. 21 июля 1916 г. № 06710.

[71] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. 1916–1917 гг. Ед. хр. 228. Л. 9–16об. Ф. Краль – М. М. Веселкину. 10 мая 1916 г. Б. н.

[72] РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 875. Л. 29.

[73] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 7433. Л. 5–8. Капчев Г. И. «Каково общественное настроение среди народа и армии в Болгарии, в связи со слухами о выступлении русских войск на Балканы?». 25 июля 1916 г.

[74] Там же.

[75] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 3059. Л. 150–153 об. А. М. Зайончковский – А. А. Брусилову. 28 июля 1916 г. Б. н.

[76] Там же.

inslav

[77] АВПРИ. Ф. 151. ПА. Оп. 482. 1916 г. Ед. хр. 3792. Л. 22. А. А. Нератов – Н. А. Базили. 1 августа 1916 г. № 3528.

[78] Там же. Л. 25. Н. А. Базили – А. А. Нератову. 3 августа 1916 г. № 907.

[79] РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 195–195об. С. Хаджич – М. Живковичу. 21 октября 1916 г. Б. н.

[80] РГВИА. Ф. 2270. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 81–81об. С. Хаджич – А. М. Зайончковскому. 11 октября 1916 г. № 917.

[81] АВПРИ. Ф. 151. ПА. Оп. 482. 1916 г. Ед. хр. 3792. Л. 74–74а. С. Г. Богоявленский – А. М. Петряеву. 1 сентября 1916 г. Б. н.

[82] РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 258. А. М. Зайончковский – М. И. Эбелову. 6 октября 1916 г. № 405.

[83] *Стоянович С.* Указ. соч. С. 92.

[84] АВПРИ. Ф. 151. ПА. Оп. 482. 1916 г. Ед. хр. 3792. Л. 9–10. М. В. Алексеев – в МИД. 16 июля 1916 г. № 868.

[85] Там же. Л. 13. Б. В. Штюрмер – М. В. Алексееву. 18 июля 1916 г. № 3315.

[86] Там же. Л. 26–27. Н. А. Базили – А. А. Нератову. 3 августа 1916 г. Б. н.

[87] Там же. Л. 31–32. А. П. Извольский – в МИД. 5 августа 1916 г. № 588.

[88] Там же. Л. 41. Н. А. Базили – в МИД. 9 августа 1916 г. № 917.

[89] Там же. Л. 64. Н. А. Базили – в МИД. 23 августа 1916 г. № 974.

[90] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 8232. Л. 16. В. А. Палицын – М. И. Занкевичу. 11 октября 1916 г. № 1648.

[91] Там же. Л. 24, 32, 35–36об.

[92] Там же. Л. 41–43об. Васильев В. М. Очерк «Политическое настроение Болгарии».

[93] Там же.

[94] Там же.

[95] Там же.

[96] Царская Россия в мировой войне. Т. 1. С предисловием М. Н. Покровского. Л., 1925. С. 230. *Виноградов В. Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969. С. 159.

[97] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 67–70.

[98] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 405. Л. 4. Н. П. Половцов – Н. Н. Духонину. 22 августа 1916 г. № 1136.

[99] РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 154–158. А. М. Зайончковский – М. В. Алексееву. 15 сентября 1916 г. № 341.

[100] Там же. Л. 159. А. М. Зайончковский – М. В. Алексееву. 15 сентября 1916 г. № 342.

[101] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1116. Л. 86–87. Н. А. Монкевиц – М. С. Пустовойтенко. 3 октября 1916 г. № 2542.

inslav

[102] Българската армия в Световната война 1915–1918 г. Т. IX. Настъплението на III армия в Добруджа. София, 1943. С. 606.

[103] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 405. Л. 264–265. А. М. Зайончковский – М. В. Алексееву и А. А. Брусилову. 28 сентября 1916 г. № 386.

[104] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 3059. Л. 374–375. А. М. Зайончковский – А. А. Брусилову. 10 сентября 1916 г. № 336.

[105] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 217–224. Разговор А. А. Татаринова со штабом Юго-Западного фронта. Б. д.

[106] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 3059. Л. 374–375. А. М. Зайончковский – А. А. Брусилову. 10 сентября 1916 г. № 336.

[107] РГВИА. Ф. 2270. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 50–50об. Приказ 47-му армейскому корпусу № 65. 14 октября 1916 г.

[108] РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 142. А. М. Зайончковский – А. А. Брусилову. 10 сентября 1916 г. № 335.

[109] См., например: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Ед. хр. 180. Л. 261–268. Фрейман А. К. «Краткий отчет о действиях 115 пехотной дивизии в Добрудже в Сентябре и Октябре месяцах 1916 года». 18 ноября 1916 г.

[110] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 787. Л. 19–21. М. Н. Леонтьев – А. З. Мышлаевскому. 18 июля 1909 г. № 133.

inslav

Г. Д. Шкундин

Вопрос о сепаратном мире с Антантой в 1916–1918 годах в отражении болгарской мемуаристики

Интересующая нас тема стала разрабатываться в болгарской историографии с середины 1980-х годов*. Для исследователей важнейшей составляющей источниковой базы стали дневники и мемуары болгарских политиков, многие из которых были опубликованы еще в межвоенный период. Но тогда горечь поражения, или как принято говорить в Болгарии, «национальной катастрофы», юридически зафиксированной в Нейиском мирном договоре 1919 г., делала чрезвычайно болезненным перелистывание страниц участия страны в мировой войне. Слишком кровоточила свежая рана, а относительно короткая историческая дистанция мешала разглядеть детали событий, за которыми часто скрывались амбиции еще действовавших политиков.

Болгария оказалась единственной из побежденных стран, в которой виновники поражения были преданы суду. Таким образом, драматизм ситуации на порядок превысил пределы, допустимые для каждого побежденного в войне государства.

Как известно, болгары вступили в войну на стороне Центральных держав 14 октября 1915 г. и за два месяца военных действий против сербской армии заняли Вардарскую Македонию, которая была сердцевиной их военно-политических целей[1]. По утверждениям государственных обвинителей, если бы правительство заключило сепаратный мир с державами Антанты в промежуток времени с начала 1916 до конца лета 1918 г., т. е. в период несомненных успехов болгарского оружия, то военного поражения в сентябре 1918 г. и последовавшей за ним «национальной катастрофы», по всей вероятности, удалось бы избежать.

В межвоенной Болгарии проблема сепаратного мира сделалась предметом острой политической борьбы. В такой ситуации беспристрастное обсуждение темы существования альтернативных путей решения болгарского национально-территориального вопроса в годы Первой мировой войны, и, в частности,

---

* В основе данной статьи лежит доклад автора на международной конференции «Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян», состоявшейся в Институте славяноведения РАН в ноябре 2003 г.

inslav

вероятности быстрого выхода Болгарии из нее путем заключения сепаратного мира с Антантой, было невозможно. Ныне же длительная историческая дистанция позволяет сделать это.

Подвергая дневниковые и мемуарные источники внутренней критике, необходимо иметь в виду развитие ситуации в самой Болгарии после ее вступления в войну. Существовали ли там вообще реальные политические силы, способные не только воспринять, но, самое главное, осуществить идею сепаратного мира с антантовской коалицией? Ведь Болгария являлась не только объектом ее политики, но и субъектом общеевропейской системы международных отношений. Возможен ли был сепаратный мир в принципе?

Отношение авторов болгарских мемуаров к рассматриваемой проблеме весьма неоднозначно. Оно обусловлено рядом параметров, а именно взглядами, которых придерживался мемуарист в те годы, его ролью в происходивших событиях, временем написания мемуаров. Часто в одной строке воспоминаний разъясняется то, что остается неясным в целых фолиантах дипломатических нот и официальных бумаг. Необходимо рассмотреть не только то, о чем повествует тот или иной мемуарист, но то, о чем и почему он умалчивает.

Учитывая, что главный вдохновитель болгарской внешней политики в годы войны – царь Фердинанд Саксен-Кобург-Готский – мемуаров после себя не оставил, наиболее значимыми для нас являются воспоминания двух глав правительств – лидера кабинета «либеральной концентрации» Васила Радославова, находившегося у власти в течение пяти лет (до 21 июня 1918 г.), и сменившего его шефа демократической партии Александра Малинова, возглавлявшего правительство на протяжении трех последних месяцев участия Болгарии в войне. Каждый из них удерживал за собой и портфель министра иностранных дел.

Мемуары Радославова «Болгария и мировой кризис» (так он определил Великую войну 1914–1918 гг.) вышли в свет в 1923 г., через пять лет после того, как их автор бежал в Германию. К моменту появления его воспоминаний бывший шеф либералов уже был заочно приговорен к пожизненному тюремному заключению. Радославов боролся за свою политическую реабилитацию, поэтому оценки и размышления, содержащиеся в его записках, не следует принимать за чистую монету.

Так, он пытался свалить на других, в частности, на умершего еще в августе 1916 г. (и поэтому не имевшего возможности ему ответить) начальника Генерального штаба армии генерал-майора Константина Жостова, ответственность за то, что болгарские войска, преследуя остатки отступавшей сербской армии и завершив оккупацию Вардарской Македонии, не вторглись в конце 1915 г. в ее эгейскую часть, не предприняли наступление на Салоники и не

inslav

сбросили в море антантовскую экспедицию, высадившуюся там для оказания помощи сербам. Ту самую Салоникскую экспедицию, которая на протяжении трех лет, перманентно раздаваясь в размерах, представляла собой угрожавшую Болгарии мину замедленного действия, «взорвавшуюся» в сентябре 1918 г. и похоронившую все успехи болгарского оружия 1915–1916 гг. С этой целью Радославов, скорее всего, сознательно смешал здесь два вопроса: вопрос о наступлении на англо-французов с проблемой заключения сепаратного мира между Антантой и Болгарией.

В его мемуарах, которые были написаны на основе дневниковых записей, сделанных еще во время войны, читаем, к сожалению, без указания даты, следующее: «Из Кюстендила (там находилась штаб-квартира болгарской армии. – *Г. Ш.*) мне сообщают, что начальник Генерального штаба Жостов без ведома правительства довел до сведения главнокомандующего союзными войсками (на Балканах. – *Г. Ш.*) фельдмаршала фон Макензена, что не следует более направлять союзные войска в Македонию, поскольку имеются затруднения в их снабжении. Это было только благовидным предлогом, – утверждает Радославов. – Он (т. е. Жостов. – *Г. Ш.*) считал цель болгарского военного вмешательства полностью достигнутой. "И сейчас мы могли бы перейти на сторону Антанты", – сказал он мне после своего возвращения с Западного и Итальянского фронтов». Далее экс-премьер утверждал, что якобы сообщение Жостова Августу фон Макензену, которое тот, в свою очередь, передал начальнику Германского Генштаба генералу Эриху фон Фалькенхайну, «повлияло, может быть, в значительной степени на то, что продвижение союзных (т. е. Четверного союза. – *Г. Ш.*) войск к Салоникам было остановлено»[2].

Что касается утверждения Радославова о том, будто между остановкой военных действий на греческой границе и мнением Жостова о возможном сепаратном мире с Антантой была какая-то связь, то это утверждение представляется явно несостоятельным. Во-первых, не начальник штаба действующей армии мог самостоятельно решать, перейдет ли Болгария на сторону Антанты или нет. А во-вторых, не известно, когда именно Жостов высказал такое мнение главе правительства, если только действительно придерживался его. Радославов точной даты не указывает. Он только говорит, что это «крамольное» заявление было сделано после возвращения Жостова из поездки на Западный и Итальянский фронты. Но генерал вернулся в Болгарию в мае 1916 г., а продвижение войск Центральной коалиции к Салоникам прекратилось в декабре 1915 г. Не исключена здесь и прямая фальсификация со стороны Радославова. Ведь он писал мемуары после войны, ссылаясь на некие дневниковые записи, сделанные якобы во время войны. Но где подлинный экземпляр этих записей? В той части дневников Радославова, которую опубликовал болгарский исто-

inslav

рик Иван Илчев в 1993 г., этой записи о Жостове нет[3]. Не является ли она более поздней вставкой, появившейся уже во время написания мемуаров, т. е. после войны? Дневник Жостова, хранящийся в софийской военно-исторической библиотеке, об этом тоже умалчивает. Уже в 1936 г. один из бывших лидеров демократической партии, публицист и историк Александр Гиргинов, критически анализируя воспоминания Радославова, написал: «Даже если у генерала Жостова было такое мнение, то, вероятно, оно было высказано им намного позже (а не в конце ноября 1915 г. – *Г. Ш.*) шефу болгарского правительства, который явно не занимался доносительством в германскую главную квартиру; следовательно, оно не могло быть причиной, которая бы побудила Германию образовать сильный и угрожающий (для Болгарии. – *Г. Ш.*) фронт с войсками Антанты»[4].

Публично же при возвращении с Западного фронта Жостов выражал мысли, прямо противоположные тем, которые ему приписывает Радославов. 27 апреля 1916 г., беседуя в Берлине с сотрудником газеты «Берлинер Тагеблатт», Жостов заявил: «...Болгария и не думает заключать сепаратного мира ни с кем. Она останется верна до конца своим союзникам, так как более чем уверена в том, что ее заслуги будут щедро вознаграждены, когда грядущий мирный конгресс приступит к реализации плодов побед центрально-европейской коалиции»[5].

Как пишет в своих воспоминаниях Димитр Азманов, бывший болгарский военный атташе в Белграде, Жостов, будучи родом из Пиринской Македонии, «был искренне убежден, что... избранный путь союза с Германией является единственным, который мог привести к освобождению Македонии. Хотя Жостов был человеком прогерманских убеждений, он мог проявить... самостоятельность перед эгоизмом немцев, которым своя рубаха была ближе к телу»[6]. Поэтому в опровержение свидетельств Радославова приведем тот факт, что Жостов был единственным из чинов болгарской главной квартиры, кто позволил себе в открытую заявить германским представителям: «Нахождение англичан и французов в Салониках представляет для нас постоянную опасность и при будущих осложнениях может иметь судьбоносное значение. Если мы будем иметь с ними трудности, то и греки, бесспорно, пойдут с ними против нас». Человек с твердым и открытым характером, Жостов стал мишенью для явных германофилов. С грустью он записал в своем дневнике: «Я стал черной кошкой... Значит, у нас невозможно, чтобы человек был только и исключительно болгарином!» Царь же, который ранее был расположен к Жостову, теперь его обвинил в том, что он является «русофилом и демократом»[7].

Из мемуаров Радославова видно, что кабинет «либеральной концентрации» оставался верен союзу с Германией и в критические дни конца августа

inslav

1916 г., в связи со вступлением Румынии в войну на стороне Антанты. Четырехдневная задержка царя и софийского правительства с объявлением войны Бухаресту, которую в столицах держав Согласия расценивали чуть ли не как склонность болгар к сепаратному выходу из войны, на самом деле была с их стороны всего лишь тактическим маневром[8].

Автор данной статьи неоднократно отмечал, что поставленная академиком Ю. А. Писаревым тема «Румыния и проблема сепаратного мира Антанты с Болгарией летом 1916 г.» еще ждет своего исследователя[9]. В частности, предлагаемая Радославовым версия, объясняющая эту четырехдневную задержку, может быть подтверждена или опровергнута лишь при сопоставлении его воспоминаний с другими источниками, в том числе с официальными дипломатическими документами, а также с мемуарами других политических, военных деятелей и дипломатов из Болгарии, Румынии и Германии. Недоступность таких мемуаров для исследователей лишь отдаляет ликвидацию этого белого пятна.

В первую очередь, имеются в виду дипломатические воспоминания известного болгарского писателя Симеона Радева, который в 1913–1916 гг. в качестве посланника представлял интересы своей страны в Бухаресте. В 50-е гг. минувшего века по поручению президента Болгарской Академии наук Тодора Павлова Радев писал эти воспоминания и регулярно передавал их за скромное ежемесячное вознаграждение в Институт истории БАН[10]. Таким образом, данные мемуары являются собственностью БАН. Однако из-за несовершенства архивного законодательства Болгарии доступ к ним разрешен только одному исследователю – сыну Симеона Радева д-ру Траяну Радеву, который по своему усмотрению, выборочно, время от времени публикует отрывки из воспоминаний отца. Фрагменты, относящиеся к бухарестскому периоду, не опубликованы до сих пор, хотя еще в 1992 г. Траян Радев публично пообещал сделать это[11].

Но вернемся к мемуарам Радославова. Интересными здесь являются и страницы, в которых говорится об отношении царя Фердинанда и софийских правящих кругов к мирному зондажу во Франции, предпринятому в марте 1917 г. за спиной Берлина свояком Фердинанда австро-венгерским монархом Карлом I через их общих шуринов принцев Сикста и Ксавье Бурбон-Пармских. Как известно, этот тайный зондаж, спустя год, благодаря французскому премьер-министру Жоржу Клемансо, сделавшись явным, поставил под вопрос лояльность Германии со стороны ее младших партнеров и прочность межсоюзнических отношений в блоке Центральных держав[12]. По словам Радославова, родственные связи Фердинанда и Карла «давали в данном случае повод подозревать, что все это произошло, по меньшей мере, с ведома болгарского царя... Однако, – утверждает Радославов уже не столь категорично, – у болгар-

inslav

ских правящих кругов не было никаких фактов, которые могли бы подтвердить эти распускаемые слухи. Одно является важным и бесспорным, – пишет экс-премьер, – болгарское правительство никоим образом не допустило бы, чтобы болгарский царь одобрил предложение императора Карла о полном восстановлении суверенитета Королевства Сербия. Это означало бы, что Болгария должна отказаться от Македонии и вернуться в свои старые границы. Никто не был в состоянии принести такую жертву за счет Болгарии, которая отдала все для того, чтобы освободить своих македонских соплеменников»[13].

Сменивший Радославова Александр Малинов, в отличие от него, писал свои воспоминания в 1922 г. не в изгнании, а в софийской тюрьме. Как бы оправдываясь перед предстоящим судом, он доказывал невозможность сепаратного выхода болгар из войны в июле–августе 1918 г.: «В тот период... Болгария была в руках наших союзников. Они были ее полными хозяевами. Они бы приняли все меры, сумев в кратчайшее время при попытке только так называемого "сепаратного мира" свалить правительство и бросить в Болгарию не только свои, но и турецкие и – пусть это не покажется удивительным – даже румынские войска»[14].

Как явствует из мемуаров Малинова, его кабинет оказался между двух огней. Он не намеревался связывать себя ни с теми, кто хотел продолжать войну до победного конца (царь, военная верхушка с главнокомандующим генерал-лейтенантом Николой Жековым, либералы и даже некоторые деятели в самуй демократической партии, например, министр Рашко Маджаров), ни с теми, кто призывал закончить войну через сепаратный мир «любой ценой» (члены Болгарского земледельческого народного союза и «тесные» социалисты). Идти на поводу у последних Малинов не желал, ибо в тех условиях для Болгарии сепаратный выход из войны неизбежно означал капитуляцию. Малинов же опасался этого, дабы его не обвинили в том, что он сознательно отказался от национального идеала – сан-стефанских границ объединенной Болгарии. Как видно из его воспоминаний, он решил идти другим путем. По словам Малинова, «кабинет в согласии с партиями считал, что за спиной союзников мы не можем заключить мир, но он сделал все от него зависящее, чтобы склонить царя, главное командование и наших союзников к заключению мира»[15].

Далее мемуары подробно повествуют обо всех действиях экс-премьера в указанном направлении. Подтверждаются они и сведениями другого мемуариста – майора Луки Малеева, который в 1917–1918 гг. был адъютантом главнокомандующего Жекова. Книга Малеева, опубликованная в 1921 г., наполнена документами, которые он переписал в свой дневник, а затем опубликовал в мемуарах.

inslav

(Кстати, эти мемуары имели судьбоносное значение и для самого Малеева. Бывший сотрудник Института славяноведения РАН М. А. Бирман как-то автору данной статьи поведал следующее. В своей монографии «Революционная ситуация в Болгарии в 1918–1919 гг.», вышедшей в свет в 1957 г., давая обзор источниковой базы, он написал, что из мемуаров представителей правящих кругов воспоминания Малеева наиболее интересны, поскольку, во-первых, они документальны, а во-вторых, ярко рисуют бедственное состояние болгарской армии в 1918 г. Каким-то образом экземпляр книги Бирмана попал к Луке Малееву, который в то время был репрессирован и в качестве «политически неблагонадежного элемента» томился в одном из болгарских исправительно-трудовых лагерей. Он предъявил эту книгу руководству лагеря. Содержащаяся в ней высокая оценка мемуаров Малеева, данная советским историком, да еще с классово-партийным подтекстом, заменила собой свидетельство о политической благонадежности. Малеев был освобожден из лагеря.)

Малеев сообщает, что уже 24 июня 1918 г., т. е. через три дня после своего вступления в должность премьера, Малинов впервые встретился в своем новом качестве с Жековым и прямо заявил тому следующее: «Ввиду нашего тяжелого положения и особенно тяжелого положения Австро-Венгрии, мы будем действовать совместно с ней с целью или принудить Германию к заключению мира, или искать выход вопреки ей»[16]. Таким образом, глава правительства хотел сесть в давно ушедший поезд. Мысль о действиях в одной связке с Австро-Венгрией в обход Германии, по нашему мнению, была в принципе верной, но безнадежно запоздалой. Может быть, именно ее и следовало брать на вооружение Радославову в конце 1917 – первой половине 1918 г. Но, как мы уже видели на примере дела принца Сикста Бурбон-Пармского, софийский кабинет придерживался тогда прямо противоположной позиции. С середины же 1918 г., когда изменилось отношение Антанты и к вопросу о сохранении дышавшей на ладан Австро-Венгрии, и к германским сателлитам вообще, такая политика была бесперспективной, но Малинов не учитывал изменившейся конъюнктуры.

Как видно из мемуаров Малинова, ему было не под силу резко изменить курс болгарского государственного корабля, главным образом, из-за сложности периода, переживаемого страной. Если бы премьер захотел резко повернуть в сторону Антанты, царь Фердинанд был тогда еще достаточно силен, чтобы свалить кабинет и сгруппировать вокруг себя все германофильские элементы. Шеф демократической партии встал у кормила слишком поздно, когда бурное течение событий неумолимо несло болгарский корабль без руля и ветрил по курсу, намеченному Германией, на рифы «национальной катастрофы».

inslav

Из политических деятелей, не игравших в годы войны первые роли, вопрос о сепаратном мире рассмотрел в своих интересных, хотя и не совсем достоверных мемуарах Коста Тодоров, впоследствии ставший одним из лидеров Болгарского земледельческого народного союза. Свои воспоминания под заглавием «Balkan Firebrand» («Балканский смутьян») он опубликовал в США в 1943 г. Автор повествует о состоявшейся в начале июля 1916 г., всего лишь за несколько недель до вступления в войну румын, попытке командующего Салоникской экспедицией Антанты французского генерала Мориса Саррайля вывести Болгарию из войны через сепаратный мир.

В ходе этого зондажа Тодоров, бывший тогда поручиком французской армии, стал главным фигурантом. На французском аэроплане ему удалось с пятой попытки пересечь линию фронта, приземлившись близ села Эрековци в Западной Македонии. Затем на перекладных он добрался в Кюстендил и в штаб-квартире болгарской армии передал генерал-майору Жостову мирные предложения Саррайля. В изложении Тодорова они заключались в следующем: если бы Болгария перешла на сторону Антанты, она получила бы принадлежавшую туркам Эгейскую Фракию, бо́льшую часть греческой Македонии, Южную Добруджу от румын и, может быть, часть сербской Македонии. Последнее зависело от приобретений, которые сербы получили бы за счет Австро-Венгрии[17].

Свой разговор с Жостовым Тодоров излагает так: «Я изложил условия, предложенные генералом Саррайлем. Жостов язвительно усмехнулся: “В настоящее время наша армия владеет бо́льшим”.

– Но, господин генерал, учтите, что Болгария получит Восточную Фракию от Турции и Южную Добруджу от Румынии, и, что еще важнее, избегнет разгрома, при котором, как можно ожидать, потеряет все.

– Разгром? – Глаза генерала засверкали от гнева. – Мы выиграем эту войну!

Я попытался его убедить, что, в конце концов, Германия неизбежно потерпит поражение, но это не произвело на него впечатления. Я добавил, что Румыния скоро присоединится к Антанте.

– Отлично! – ответил он. – Румыны долго не выдержат. Наша армия не будет иметь с ними крупных неприятностей, и главным образом потому, что Россия идет к своему концу.

Я осознавал, что моя миссия провалилась, но продолжал прилагать все усилия для того, чтобы его убедить. Я подчеркнул возможность американской интервенции и сказал ему, что все новые британские и французские подразделения непрестанно прибывают в Салоники. Генерал Жостов слушал внимательно, но наконец сменил тему разговора»[18].

inslav

Миссия Тодорова закончилась неудачно – болгарские власти обвинили его в государственной измене и бросили в тюрьму.

Некоторые политические деятели, не находившиеся непосредственно у власти в годы войны, но обладавшие определенной конфиденциальной информацией из области так называемой «параллельной дипломатии» (шеф прогрессивно-либеральной партии Стоян Данев, демократ Григор Василев, «широкий» социалист Димо Казасов), в своих воспоминаниях сообщают некоторые интересные частности, позволяющие дополнить целостную картину взаимных зондажей держав Антанты и Болгарии (например, в нейтральной Швейцарии) по поводу заключения так и не состоявшегося сепаратного мира.

Сопоставляя мемуарные источники с другими, мы приходим к следующему выводу: антантовская дипломатия могла вывести Болгарию из войны через сепаратный мир, если бы имела в наличии совокупность трех необходимых элементов: 1) подготовленные мирные предложения, которые удовлетворяли бы Болгарию и безоговорочно включали бы сердцевину болгарских национально-территориальных притязаний – Вардарскую Македонию; 2) реальные политические силы в стране, способные не только воспринять идею сепаратного мира, но и осуществить ее; 3) военные успехи на фронтах.

Такой совокупности на всем протяжении болгарского участия в войне у Антанты не было.

Взятые вместе, все известные нам мемуарные источники убедительно подтверждают уже высказанный в историографии тезис о том, что сепаратный мир Болгарии с антантовской коалицией был невозможен в принципе. Страна до конца осталась сателлитом Германии. Накрепко пристегнутой к германской военной колеснице, ей было суждено вместе с рейхом испить до дна горькую чашу поражения.

Примечания

[1] См. подробно: *Шкундин Г. Д.* Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). София, 2007. С. 12–22, 42–43.

[2] *Радославов В.* България и световната криза. София, 1993. С. 39.

[3] См.: *Радославов В.* Дневни бележки 1914–1916. София, 1993.

[4] *Гиргинов А.* Изпитания във войната 1915–1918. София, 1936. С. 73.

[5] Российский государственный исторический архив. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 359. Л. 35.

[6] *Азманов Д.* Моята епоха, 1878–1919. София, 1995. С. 155–156.

inslav

[7] Цит. по: *Марков Г.* Голямата война и българският ключ за европейския погреб 1914–1916. София, 1995. С. 227.

[8] *Радославов В.* България и световната криза. С. 144.

[9] Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 347; Родина. 2009. № 6. С. 59.

[10] Александър Балабанов, Симеон Радев в спомените на съвременниците си. София, 1983. С. 248, 280, 298, 327, 335–336, 400–401, 449.

[11] *Радев С.* Конференцията в Букурещ и Букурещкият мир от 1913 г. София, 1992. С. 11.

[12] О межсоюзнических отношениях и месте Болгарии в Четверном союзе см.: Der unbekannte Verbündete – Bulgarien im ersten Weltkrieg. Wien, 2009.

[13] *Радославов В.* България и световната криза. С. 154.

[14] *Малинов А.* Под знака на острастени и опасни политически борби. София, 1991. С. 33.

[15] Там же. С. 64.

[16] *Малеев Л.* Принос към истината за катастрофата на България. Т. I. София, 1921. С. 141.

[17] *Тодоров К.* Изповедта на една луда балканска глава. София, 1994. С. 113.

[18] Там же. С. 119.

inslav

Е. П. Серапионова

Антикоминтерновская деятельность Русской секции Лиги Теодора Обера в Болгарии (1924–1934 годы)

III Коммунистический Интернационал образовался в Москве в марте 1919 г. Вскоре его деятельность распространилась на многие страны, в том числе и на Болгарию. В конце мая 1919 г. «тесняки» переименовали свои партию в Болгарскую коммунистическую партию (тесных социалистов). К тому времени она уже насчитывала 25 тыс. членов[1]. Для содействия революционному движению за границей, помощи коммунистическим партиям и обеспечения их постоянной связи с центром ИККИ, расположенным в Советской России, был создан ряд региональных бюро и отделений. Решением Бюро ИККИ в феврале 1920 г. утверждалось Балканское бюро ИККИ в Софии[2].

Целью Коммунистического Интернационала, записанной в его уставе, принятом на втором конгрессе в августе 1920 г., являлась «борьба всеми средствами, также и с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии и создание Международной советской республики, как переходной ступени к полному уничтожению государства»[3]. В том же году образовалась Военная школа ИККИ. До 1924 г. прошло пять конгрессов Коминтерна. Год от года рос аппарат, расширялась деятельность КИ. Эта растущая активность объединившихся коммунистов по всему миру не могла не вызвать опасений у их противников и желания противостоять деятельности по распространению коммунистических утопий.

Международная Лига борьбы против III Интернационала (т. н. антикоммунистический интернационал) возникла по инициативе женевского адвоката Теодора Обера в 1924 г. Особо известен Обер стал в связи с громким процессом над убийцами советского дипломата В. В. Воровского адъютантом 1-го Дроздовского полка капитаном М. М. Конради и его помощником ротмистром А. Полуниным. Воровский, приехавший как генеральный секретарь советской делегации на международную конференцию, был убит в Лозанне 10 мая 1923 г. Защитником убийц стал Теодор Обер. Он тщательно готовился к заседаниям, собрал внушительный материал о преступлениях большевиков в России и проникся сознанием необходимости борьбы против распространения коммунистических идей. Процесс длился около полугода. Благодаря блестящей речи

inslav

Обера на лозаннском судебном процессе, присяжные 16 ноября 1923 г. оправдали подсудимых, а суд над ними превратился в процесс по обвинению советской власти. Современники отмечали, что Обер был умным, энергичным, весьма практичным и деловым человеком, способным от слов немедленно переходить к делу[4].

13 марта 1924 г. он созвал первое заседание организационного бюро, а 23–24 июня того же года в Париже состоялась международная конференция лиц, сочувствующих учреждению Лиги борьбы с Коммунистическим интернационалом, на которой и было оформлено создание этой организации. В конференции участвовали свыше 30 представителей патриотических, гражданских и фашистских организаций ряда европейских стран, одной американской организации, а также русских эмигрантов. Высшим органом Лиги стал периодически (1–2 раза в год) собираемый Международный совет, в котором каждая страна располагала 1 голосом. Непрерывность работы Лиги обеспечивало Постоянное бюро, расположившееся в Женеве (ПБ), председателем которого был избран Т. Обер.

Первые месяцы существования ПБ были посвящены созданию международного аппарата, способного обеспечить работу Лиги. Вскоре выяснилось, что одних речей, собраний и деклараций мало и надо создать организацию, которая работала бы постоянно, вне зависимости от курса правительств и настроений общественности. Для этого надлежало: 1) в каждой стране создать антибольшевистский центр; 2) образовать международный центр информации и пропаганды для организации связи и обслуживания национальных центров; 3) найти материальные средства для работы. Опыт показал, что гораздо целесообразнее образовывать малочисленные национальные комитеты с целью обеспечить связь со всеми правительственными и общественными силами, которые можно использовать в борьбе с большевиками. Основная цель организации Обера состояла в том, чтобы оградить свободный мир от коммунизма, тем самым помочь русскому народу освободиться от захвативших власть в России большевиков, всеми средствами противодействуя работе III Интернационала и поставив его сторонников «вне закона». Но при этом активные, наступательные методы борьбы, использовавшиеся III Интернационалом, решительно осуждались, тактика Лиги Обера была скорее оборонительной. Основным направлением деятельности признавалась пропаганда посредством печати, однако не исключались и другие способы сопротивления. В одном из документов Лиги отмечалось, что весьма желательным было бы «нахождение путей к установлению связи с антикоммунистически настроенными широкими слоями населения в России и пропаганда в пределах последней международного сотрудничества для низвержения III Интернационала»[5].

inslav

Неслучайно, что первыми на начинание Обера откликнулись русские эмигранты. Единомышленником, сподвижником и многолетним другом женевского адвоката был Юрий Ильич Лодыженский, с 1921 по 1925 г. постоянный представитель Российского отделения Красного Креста при международных гуманитарных отделениях Женевы, принимавший деятельное участие в организации Верховного Комиссариата по делам русских беженцев, помощи военнопленным, детям и жертвам голода, вызванного установлением коммунистического режима в России. Его воспоминания «От Красного Креста к борьбе с Коммунистическим Интернационалом» впервые вышли в России на русском языке в 2007 г.[6] Позиции Обера разделяли писатель И. С. Шмелев и философ И. А. Ильин, выдвинувший тезис о необходимости «сопротивления злу силою»[7].

Одним из первых, кто поддержал организаторов Лиги, был П. Н. Врангель. В состав штаб-центров «Лиги Обера» входили представители белой эмиграции, чины РОВС (Русского Обще-воинского Союза) работали доверенными корреспондентами. В Берлине таким корреспондентом был руководитель 2-го Отдела РОВС генерал-майор А. А. фон Лампе. Генерал П. Н. Врангель и русские беженцы от лица Русской Армии предоставили первоначальные средства для организации в размере 20 тыс. франков[8]. Самое первое пожертвование составило 200 швейцарских франков[9]. По предварительным подсчетам для обеспечения работы центрального органа был необходим капитал в 2 млн. золотых франков (на проценты от которого он мог бы непрерывно функционировать), национальные же организации должны были работать на местные средства. К январю 1925 г. в большинстве европейских стран возникли антибольшевистские центры. Так как Коминтерн проводил атеистическую пропаганду, Обер создал комитет из представителей христианских церквей для связи и сотрудничества с руководящими национальными антибольшевистскими центрами.

Через шесть месяцев Международное бюро Лиги подвело итоги первого периода работы и подготовило обширный доклад, в первой части которого содержался обзор деятельности Коминтерна по всему миру, а во второй – анализировались причины успехов III Интернационала и назывались пути противодействия ему, а также определялась общая политика Лиги и конкретные мероприятия в разных областях. В докладе констатировалось, что большевики являются очень серьезными врагами. В статьях выходившей в Белграде газеты «Новое время» большевизм характеризовался как «язва наших дней», борьба с ним рассматривалась как «крестовый поход XX века», проводилась параллель между борьбой с большевизмом и борьбой с рабством[10].

inslav

Лига выпускала антибольшевистские издания (брошюры, воззвания), еженедельно по разным странам рассылался бюллетень на французском языке с точными сведениями о текущей работе III Интернационала и результатах большевистской политики.

К весне 1925 г. сформировалась Русская секция (РС) Международной лиги. Политическим кредо стало «Все для национальной России и ради нее». Враг – большевизм и социализм, союзница – культурная Европа. Это была попытка объединить русскую эмиграцию разных политических направлений на почве антибольшевизма и, вместе с тем, окончательно размежеваться с теми, кто смирился с их победой. Участие русских эмигрантов в борьбе против III Интернационала было естественным, так как многие из них являлись идейными противниками коммунизма и с оружием в руках воевали против большевиков в годы гражданской войны в России. В призывах содействовать Лиге говорилось о разных возможных формах этой помощи: личное участие, предоставление информации разоблачающей большевиков, в том числе из личного опыта, пожертвования. Вместе с тем Русская секция находилась в совершенно иных условиях по сравнению с другими национальными секциями, так как русские антикоммунисты не имели своей территории, находились в изгнании, и их политическая деятельность была крайне затруднена. Секретариат РС не получал материальной поддержки ни от своих национальных представительств, ни от женевского Постоянного бюро, но обеспечивал свое функционирование, издавал литературу и безвозмездно распространял ее. Изредка члены секретариата РС совершали поездки на Балканы.

Антикоминтерновская организация в какой-то степени копировала организационное устройство III Коминтерна, стремясь по его примеру в дальнейшем объединить организации отдельных стран по определенным географическим зонам и европейским секторам. В первую очередь, принимались меры для установления более тесной и непосредственной связи и сотрудничества на Балканах[11].

Одним из основных направлений работы национальных центров стал сбор средств на работу всей организации. Минимальный взнос члена-соревнователя (т. е. желающего содействовать Лиге) равнялся 1 швейцарскому франку в год, что не было обременительным даже малоимущим. В то же время расчет делался на привлечение как можно большего числа «соревнователей». В призывах подчеркивалось, что все русские взносы пойдут исключительно на борьбу с большевиками, так как содержание аппарата Лиги обеспечено из иностранных источников[12]. Сведения о собранных пожертвованиях печатались в газетах. Деньги затем переводились в Женеву Оберу, часть из них расходовалась

inslav

на местные нужды организации. Каждой группе РС ставилась задача выяснить как, какими способами, при помощи каких денежных средств и кем осуществляется работа III Интернационала в пределах данной страны и каковы наилучшие и практически осуществимые способы воспрепятствования и, по возможности, прекращения этой работы. Русские представители при ПБ ожидали ежемесячной присылки в Женеву каждого 1 и 15 числа сводок данных о работе III Интернационала в пределах страны и вырезок местной прессы по этому вопросу. Сообщения просили посылать точные и краткие, желательно на французском и немецком языках. Рекомендовалось создавать антибольшевистские пресс-бюро, которые бы концентрировали сведения о деятельности III Интернационала и поддерживали связь с местной прессой. Специфика каждого государства предполагала достаточно широкую автономию работы отдельных организаций РС. Русской секции ставилась задача – через наработанные эмигрантские связи привлечь к работе Лиги влиятельных иностранцев и иностранные патриотические группировки. Все сведения о лицах и организациях, которые желательно и полезно привлечь к сотрудничеству, надо было направлять в Женеву. Особо ценным считалось заинтересовать деятельностью Лиги членов парламента, руководителей печатных органов, представителей экономических кругов, патриотических и военных организаций.

* * *

В Болгарии Коминтерн действовал очень активно. Страна была сильно разорена целым рядом войн, которые она вела с 1912 г. Поражение Болгарии в Первой мировой войне и достаточно тяжелые условия Нейиского мирного договора, согласно которому страна обязывалась платить большие репарации[13], привели ее к плачевному экономическому положению. Недостаток посевных площадей и денег у правительства, а также избыток рабочих рук определяли положение в стране. Массовое недовольство социальным положением создавало благоприятную среду для коммунистической пропаганды. Кроме того, с 1924 г. во внешней политике Коминтерна произошла переориентация – от деятельности в индустриальных странах (Англии, Германии) к активности в аграрных (на Балканах, в Румынии, Италии), через которые предполагалось атаковать индустриальный центр Европы[14]. На весну 1924 г. заграничные центры БЗНС (Болгарского Земледельческого народного союза) и БКП намечали новое выступление, планировали вооруженное восстание[15].

На Балканах, в Королевстве СХС и в Болгарии после победы большевиков в гражданской войне в России нашли приют несколько десятков тысяч рус-

inslav

ских эмигрантов, в основном эвакуированные с юга России части Врангелевской армии. В Софии в июне 1924 г. одним из первых, наряду с Парижским и Белградским комитетами, возник комитет Русской секции Лиги. Правда, до 1926 г. единственным представителем организации Обера в Болгарии оставался генерал-лейтенант Иван Александрович Ронжин, который затем, ввиду своего отъезда во Францию, передал дела капитану Клавдию Александровичу Фоссу, активно включившемуся в работу Лиги. Последний поддерживал постоянную связь с представителем Русской секции в Женеве Ю. И. Лодыженским, а затем с его братом Александром Ильичом Лодыженским, сменившим его на этом посту в декабре 1927 г. Тесный контакт был налажен и с секретарем Парижского комитета Русской секции Лиги Аркадием Павловичем Полуниным.

Комитет Русской секции в Париже намеревался взять на себя лишь функции координационного органа между русскими организациями в разных странах. Но преимущественно военный состав русских эмигрантов в Королевстве СХС и в Болгарии определил отрицательное отношение балканских членов организации к предложенным организационным принципам устройства Русской секции Лиги. Они настаивали на том, что необходим не только координационный, но и руководящий центр, которому бы четко подчинялись местные организации в разных странах, с тем, чтобы русские заняли видное положение в Лиге борьбы с III Интернационалом. Работу на местах предполагалось вести через легальные группировки (политические партии, союзы и т. п.).

Деятельность Лиги в Болгарии осуществлялась с согласия и при активном участии командования Русской Армии, самого Главнокомандующего и его штаба. В ответе на запрос, как относиться чинам Армии и офицерским организациям к Международной Лиге по борьбе с коммунизмом, генерал Кусонский 7 июля 1924 г. писал: «Так как означенная Лига не является учреждением партийным, а преследует по существу те же цели, кои ставит себе и Армия, во имя которых она в свое время проливала кровь, Главнокомандующий не только не встречает препятствий, но и рекомендует всем национально мыслящим русским воинам лично принимать в той или иной форме участие в деятельности Лиги»[16]. Связь Лиги с армией сохранилась и в дальнейшем.

10 июля 1924 г. в Софии состоялось заседание Объединенного бюро русских общественных организаций в Болгарии, где И. А. Ронжин участвовал как представитель Армии и ознакомил присутствовавших с отчетом об июньской организационной конференции Лиги в Париже. На заседании единогласно постановили выразить г-ну Оберу благодарность за почин в организации Лиги

inslav

и предложить свою помощь в этом деле[17]. Окончательно РС Лиги Обера в Софии оформилась после визита в Болгарию в сентябре 1924 г. Ю. И. Лодыженского[18].

25 июля 1924 г. командование дало разрешение начать сборы в фонд Обера, но только при условии, что взносы будут добровольными, а их размер не будет фиксирован. Собранные суммы надлежало направлять генерал-лейтенанту Ронжину, которому поручался их сбор[19]. 8 октября 1924 г. генерал обратился с призывом к русскому зарубежью жертвовать на борьбу с Интернационалом хотя бы 1 швейцарский франк в год (что составляло в то время 26 левов), т. е. приблизительно по 2 лева в месяц[20]. Первые 100 швейцарских франков из Болгарии он перевел Оберу 15 января 1925 г.[21] В основном жертвователями являлись офицеры, встречались также гражданские лица, священники, представители различных организаций. Газета «Русь» регулярно печатала списки лиц и организаций, пожертвовавших средства на деятельность Лиги[22]. Но русские эмигранты в основной массе были бедны, сбор средств шел туго, особенно зимой, когда заработки почти отсутствовали. Кроме того, постоянно собирали на другие мероприятия, в 1927 г. эмигранты несли дополнительные расходы на новые пансеновские паспорта. Как считал Фосс, причины малочисленности сборов состояли «в общей инертности, пробудившемся эгоизме, отходе большинства эмиграции от общественной жизни и заботе лишь об увеличении насущного заработка»[23], а также в бездеятельности всех существовавших там организаций. По его словам, рассчитывать на систематическую поддержку со стороны болгар не приходилось, она носила лишь случайный характер[24]. Получая информацию из Женевы, Ронжин, а затем и Фосс, направляли ее болгарским министрам[25].

К. А. Фосс через связных посылал в Женеву информацию (нередко зашифрованную) о коммунистическом движении в Болгарии, вел работу по привлечению постоянных жертвователей, получал из Швейцарии и распространял в Болгарии пропагандистскую антибольшевистскую литературу, организовал сбор средств в пользу Лиги во всех русских учреждениях Софии, создал сеть неофициальных сборщиков в ряде болгарских городов, а затем открыл там местные отделения РС.

В сентябре 1926 г. он сообщал в Женеву, что болгарская полиция раскрыла тайную комсомольскую организацию, и в ее руки попал документ о планах болгарских коммунистов изменить тактику, проникать в ряды буржуазных организаций молодежи, усилить левые легальные организации, создать большую вооруженную организацию, способную противостоять наемной армии, бороться с националистической идеологией[26].

inslav

Нередко Фосс ориентировал русских представителей в Женеве касательно болгарского внешнеполитического курса, сообщая в 1926 г., что правительство старается достичь добрососедских отношений с Румынией, Турцией и отчасти с Грецией, хорошие отношения существовали с Муссолини, который первый оказал Болгарии поддержку после 9 июня[27]. В экономическом отношении болгары придерживались ориентации на Германию, в политическом – на Англию[28].

К. А. Фосс поддерживал контакт с болгарскими политиками, симпатизировавшими Лиге. Так, в письме от 17 августа 1926 г. он сообщал Ю. И. Лодыженскому, что по его желанию вошел в контакт с депутатом Тодором Кожухаровым, возглавившим болгарский отдел Лиги, и выяснил, что экономическое положение Болгарии очень тяжелое, расчеты на получение займа от Лиги наций провалились из-за противодействия соседей Болгарии, безработица в стране достигла 45 тыс. человек, правительство же настроено антибольшевистски. Он высказывал пожелание Кожухарова «окольными путями» оказать внешнеполитическую поддержку Болгарии, тогда бы она активнее включилась в борьбу против Коминтерна. Он писал: «Пока этого не будет, Болгария особого интереса к Лиге не проявит, так как болгары народ с крайне практичным складом ума. От участия Болгария не отказывается, но и на жертвы в настоящее время идти не может: нужны деньги, а они могут найтись только в крайнем случае»[29]. Буквально через неделю Фосс в письме Лодыженскому опять пишет: «Если бы удалось оказать давление на задорных соседей (вероятно, имелись ввиду Югославия и Греция. – *Е. С.*) при помощи одной из великих держав (хотя бы Англии), Вы бы безусловно привлекли в лице Болгарии одну из самых деятельных сотрудниц, причем ее легко было бы тогда побудить внести 10–15 тыс. левов»[30]. Осенью 1927 г. Фосс сообщал в Женеву, что установил контакт с заменившим Кожухарова болгарским представителем Лиги полковником запаса Петром Трояновым, занимавшим должность инспектора физического воспитания в Министерстве народного просвещения. В начале Троянов произвел на него впечатление человека энергичного и делового, у которого была масса планов по организации работы, а именно – создать школу пропаганды, перевести на болгарский язык издания Лиги, организовать болгарское антикоммунистическое общество, привлечь болгарских промышленников и печать. Однако время шло, а большинство планов не реализовывалось, поэтому Фосс впоследствии несколько разочаровался в Троянове. Через два года в его докладе, подготовленным для Лодыженского, говорилось: «Болгарское представительство крайне бездеятельно. Контакт с ним тесный. Содействие оказывает, но самостоятельной деятельности не проявляет»[31].

inslav

В 1927 г. экономическое положение в стране оставалось тяжелым, росли безработица и разбой, питаемый из-за границы. Недоброжелательность соседей возрастала в связи с работой македонских чет на территории Сербии и Греции, причем оба государства считали, что четы посылают болгары, а это делали большевики, которые не хотели допустить стабильности на Балканах и оказывали сильный нажим на македонцев-автономистов, пытаясь склонить на сторону Коминтерна внутреннюю Македонскую революционную организацию. Большевики вновь активизировали свою деятельность на Балканах, а их центр переместился из Вены в Константинополь. ИККИ вел непосредственно работу на Балканах и из СССР – через Румынию и Варну. (Болгарский центр располагался в Евпатории). Особое внимание советской пропаганды на Балканах уделялось македонскому вопросу[32]. В этой связи Фосс писал: «Болгария сейчас является оплотом антибольшевизма на Балканах, а потому ее надо всячески поддерживать»[33]. Для этого он предлагал добиться заграничных займов, разрешения проводить набор в армию вместо наемной, поглощавшей около трети госбюджета, и облегчения репараций. Здесь же он предупреждал, что в противном случае Болгарию легко вновь бросить в объятия земледельческо-коммунистическому режиму, так как без помощи извне страна не справится с трудностями, особенно экономического порядка.

Деятельность РС Лиги в Болгарии была затруднена отсутствием финансов, безразличием русских, а также в немалой степени косностью и инертностью болгарской интеллигенции и буржуазии. Русские эмигранты в Болгарии числом около 20 тыс. были разъединены. Однако уже к осени 1924 г. удалось прочитать 56 бесплатных лекций в различных болгарских городах, выпустить пятьдесят три номера газет «Русское эхо», «Знамя России», издать несколько книг и брошюр и русском и болгарском языках[34].

Болгарский комитет РС проводил работу по трем направлениям: 1) в Болгарии; 2) в соседних странах и Турции; 3) в Совдепии. При этом поддерживалась постоянная связь с Белградом. РС в Болгарии в соответствии с принципиальными установками Лиги в основном занималась легальной пропагандой и агитацией в печати, а также сбором средств. Лишь за один год «Русь» опубликовала 5-6 статей о Международной Лиге Обера, но статьи публиковались за деньги (приблизительно 150 левов за то, чтобы поместили статью[35]). К концу апреля 1928 г. в Болгарии имелось 15 пунктов РС плюс болгарское представительство Троянова. А в августе того же года Фосс сообщает: «У меня 7 отделов, 12 подотделов и 3 корреспондента»[36]. В одном из писем в Женеву прилагалась и схема связей софийского представительства РС Лиги с национальными центрами за границей и местными отделениями в Болгарии, расположенными

inslav

в Варне, Елисейне, Мездре, Вратце, Св. Враче, Петриче, Мехоне, Рущуке, Неврокопе, Г. Джумае, Сливене, Габрове, Шумане, Ст. Загоре, В. Тырнове, Пернике, Хаскове, Видине, Бургасе, Мине Кара-Баир и в Пловдиве[37]. Местные представительства строились по принципу тайных обществ, в виде полузаконспирированных пятерок, для привлечения интереса молодежи, составлявшей основной контингент участников. Центральный комитет РС в составе трех человек (по одному представителю от войсковых, студенческих и общественных организаций) располагался в Софии. Позднее было создано Постоянное представительство в составе 4-х нейтральных членов – штабс-капитана Браунера, Я. Н. Ряпнинского, поручика Столяренко и Н. Н. Попова. Сам Фосс оставался в тени и руководил созданным Представительством. Ему удалось учредить Комитет друзей Международной Лиги по борьбе с III Интернационалом. Появились и полуконспиративные молодежные ячейки из пяти членов, дисциплинированные, управляемые начальником, друг друга не знавшие, для работы внутри различных общественных организаций и в Советской России. С членами ячеек велись занятия по социологии, политической экономии, истории и социальным вопросам[38]. В Лиге объединялись представители разных политических течений. Международный совет Лиги относился к «активизму» (т. е. борьбе с большевизмом любыми средствами) отрицательно, однако Русская секция воспринимала его сочувственно и сама действовала в этом направлении. Фосс аккуратно сообщал Лодыженскому о настроениях «некоторых кругов» русской эмиграции, считавших, что пора встать на путь активной борьбы с большевиками, т. е. осуществлять террористические акты в отношении видных большевистских деятелей и всех учреждений и лиц ГПУ, оправдывая это тем, что именно эта советская верхушка (всего около 60–70 человек) при помощи ГПУ терроризирует все население России, которое в своей массе настроено антибольшевистски[39].

Легальную работу он рассматривал как подготовку к более серьезной деятельности, а именно: проникновению в коммунистическую среду за границей в целях противодействия ее активности, а также отправки эмиссаров в Совдепию для пропаганды, информации и «создания благоприятной почвы для подрыва существующего там строя»[40]. Чтобы осуществить эту программу, предполагалось создать специальные курсы слушателей, приобрести собственный печатный орган, организовать радиопередачи. Но все, как всегда, упиралось в отсутствие финансов. Кроме того, русские профессора, осевшие в Болгарии, возглавить школу под эгидой Лиги отказались. Пришлось соединить программу курсов с сокольской[41] и программой студенческого литературного кружка. Что касается радиопередач, то этот вопрос тоже оказалось сложно решить

inslav

из-за крайне настороженного отношения к этому болгар, хотя Лига имела опыт организации и соответствующих курсов, и радиопередач в других странах.

В 1928 г. благодаря займам и умелой политике правительства Болгария только-только начала выходить из экономического кризиса, как в апреле на нее обрушилось новое несчастие – землетрясение на юге страны, во время которого был разрушен ряд городов. Естественно, что бедствие больнее всего сказывалось на неимущих русских. В этой связи Фосс пишет Лодыженскому 24 апреля 1928 г.: «Краеугольным камнем в Балканской политике является Болгария, на которую особую ставку делает Совдепия, избравшая ее своей мишенью. Исключительно тяжелое материальное положение... широко... используется крайними элементами, поддерживаемыми бессовестными соседями»[42]. Далее он продолжал: «Наш долг приложить все усилия и старания, чтобы не лишиться столь сильного, в смысле антибольшевистской борьбы, члена нашей организации, каковой в настоящее время является Болгария, героически переносящая все испытания во внутренней жизни»[43].

С лета 1927 г. Софийскому комитету РС удалось установить связь с людьми из СССР, однако ни условий работы, ни денег для деятельности на советской территории не было[44]. Предполагалось, что, с одной стороны, на советскую территорию будет переправляться пропагандистская литература (воззвания, газеты, сводки), а, с другой – специально подготовленные люди для создания ячеек по распространению пропагандистских материалов, экономического саботажа, террористических актов против видных сотрудников ГПУ, изучения советского быта. Переброска людей требовала больших затрат (приблизительно 100 долларов на каждого переправленного человека). Естественно, что такого рода деятельность была нелегальной и официально Лига как бы не была к ней причастна[45].

В свою очередь, А. И. Лодыженский информировал Фосса, что РС занята подготовкой издания ежегодника «Русское освободительное движение» на французском и, возможно, английском языках, целью которого являлось содействие развитию международного движения за освобождение России. Эта же задача была возложена на русскую и чешскую секции Лиги Обера. Он также сообщал, что на днях должен выйти первый номер газеты «Общее дело» на французском языке. Ее редактор Бурцев установил с РС тесные связи и обещал поставлять организации по 2 тыс. экземпляров газеты в обмен на предоставляемую ему информацию. Отношения РС в Болгарии с болгарским представителем Лиги П. Трояновым складывались непросто и обострились из-за того, что через РС он направил статью в «Общее дело», но напечатана она не была, так как вскоре издание прекратилось. Троянов же считал себя обиженным.

inslav

Лодыженский поручил Фоссу взять на себя организацию представительства РС в Греции. Представительство РС в Софии, кроме связей с Женевой, Парижем и Белградом, поддерживало контакты с Константинополем, Бухарестом и Прагой. В Чехословакии представительство Лиги организовать не удалось, но связь с некоторыми лицами, проживавшими там, была установлена. Лодыженский настаивал на еще более тесных контактах Софии и Белграда, где представительство Лиги возглавил ген. А. М. Драгомиров. Наиболее активным и энергичным работником и «душой дела» в югославской столице являлся председатель правления Союза русских торговых, промышленных и финансовых деятелей в КСХС, он же председатель правления Российского центрального объединения в КСХС, член правления Кассы взаимного кредита ВЗС[46], товарищ председателя белградского представительства РС Г. Г. Миткевич.

Представительство РС в КСХС подробно информировало единомышленников в Болгарии о своей деятельности и выражало желание сотрудничать. В письме Фоссу 28 декабря 1928 г. Миткевич писал: «Всегда готов работать с Вами в самой тесной связи. Мы приступили к печатанию ежемесячных бюллетеней на сербском языке, если нужно, можем высылать»[47]. Опыт издания бюллетеней на сербском дал положительные результаты и привлек внимание общественных и правительственных кругов к представительству РС в Белграде. Это навело болгарского представителя РС на мысль тоже издавать бюллетени на болгарском, однако хронически не хватало средств, и он стал выходить 1 раз в 2 месяца под флагом Общества друзей Лиги наполовину на болгарском, наполовину на русском языке, правда, уже в 1930 г. от издания пришлось отказаться, так как в кассе было пусто[48]. Фосс получал из Женевы небольшие суммы на канцелярские нужды и другие расходы организации, но даже его работа не оплачивалась, и, чтобы прожить, он служил иностранным корреспондентом в частной конторе[49].

Весной 1929 г. РС в Болгарии явилась инициатором кампании борьбы против признания Советов болгарским правительством. Воззвания и статьи печатались и в болгарской прессе, в частности, в газете «Мир»[50]. Анализируя внутриполитическую обстановку в Болгарии и ее международное положение, Фосс сообщает в Женеву в июле 1929 г.: «Вопрос о признании советов Болгарией не так прост... Болгария в своем внешнеполитическом курсе идет по линии наименьшего сопротивления, которая определяется сближением с Италией, в лице которой она ищет поддержку против агрессивных намерений со стороны Югославии. Италия, в свою очередь, ведет политику «окружения» Югославии, выражающуюся в заключении всевозможных пактов и конвенций

inslav

с Албанией, Грецией, Болгарией и Венгрией. При всем этом невидимо присутствует рука Англии, в противовес Франции, поддерживающей всецело Югославию... Имея дело с государствами, отнюдь не гнушающимися своими связями с советами, и находясь сама в крайне тяжелом политическом и финансовом положении, Болгария... будет искать сближения с советами, ставя признание их в зависимость от дальнейшего ходя переговоров с ними Англии в надежде облегчить свое положение»[51]. Свое предположение Фосс основывал на появившихся заметках в болгарских газетах «Утро» и «Заря»[52], поэтому просил представителей ПБ Лиги прислать кого-то для переговоров с высшими болгарскими лицами.

Деятельность Лиги постепенно ширилась и захватывала все более широкие общественные круги. Четко отслеживалась ситуация внутри Коминтерна, где в 1929 г. обострился троцкистский вопрос, а также деятельность коммунистов на Балканах. К концу 1928 г. в БКП сложилось два течения с собственными ЦК. 12 января 1929 г. ИККИ предписал ЦК БКП сталинской ориентации и ЦК комсомола ликвидировать троцкистскую группу. Часть работы возлагалась и на Профинтерн.

В сентябре 1929 г. в В. Тырново состоялся съезд местных отделений РС в Болгарии. Приурочен он был к ожидавшемуся визиту Лодыженского, который, однако, несколько отложил свой приезд. В связи со съездом К. А. Фосс подготовил обширный отчет о деятельности РС в Болгарии за прошедший 1928 г. В нем констатировалось, что в в стране создана густая сеть отделений представительства, наиболее деятельные из них Рущукское, Перникское, Варнинское, Видинское и в Елисейне. Болгарскому представительству удалось создать незначительную сеть активных работников в Советской России, создана школа по подготовке соответствующих кадров. Предпринимались попытки объединить антибольшевистские организации русских в Болгарии, но в провинции объединение шло успешнее, чем в столице, где враждовали две организации – Комитет по делам русских беженцев и Бюро труда при Лиге наций. Систематически печатались антикоммунистические материалы в газете «Русь», а после ее закрытия – в газете «Голос», было прочитано около 30 лекций и докладов в разных болгарских городах, причем в Варне доклад о деятельности Лиги сделал был на болгарском языке. Так как Троянову не удалось оформить создание общества, то часть работы Троянова РС взяла на себя, организовав издание соответствующих статей в болгарской прессе Софии, Рущука и Варны в газетах «Родна защита», «Мир», «Ля Болгари». РС поддерживала связи с полицейско-административными органами в Софии и национальными организациями в провинции. Кроме того, установились связи с англичанами, францу-

inslav

зами и итальянцами, сотрудниками военно-репарационного органа в Софии, с британским представительством, с бельгийским клубом и бельгийской администрацией сахарного завода в Рущуке. Среди них с успехом распространялась пропагандистская литература. В первой части доклада К. А. Фосса характеризовались также внутренняя обстановка в Болгарии и состояние русских эмигрантских организаций, наиболее крупными и активными из которых являлись РОВС, Союз студентов, Союз национальной молодежи, Союзы инвалидов, ветеранов, легитимистов, врачей, агрономов, Красный Крест, Всероссийский Земский союз и Союз городов. Наиболее значимыми и перспективными с точки зрения Лиги Фосс считал РОВС и Союз национальной молодежи. Характеризуя русскую эмиграцию в Болгарии, Фосс отмечал «ее крайнюю разрозненность, вражду между собой, общее переутомление, занятость добыванием куска хлеба, апатию и инертность, ее духовный кризис»[53], который объяснял слишком длительным нахождением за границей. При этом он подчеркивал, что лишь небольшая часть эмигрантов жаждала продолжения борьбы, но не была удовлетворена расплывчатостью целей и задач Лиги, поэтому предлагал четко определить конечную цель и подробно разработать этапы ее осуществления.

Работа в Советской России, имевшая целью свержение большевиков, мыслилась как посылка туда людей для активной работы, установление связей с существовавшими в стране антибольшевистскими организациями, распространение антикоммунистической литературы. Однако, как отмечалось в докладе Фосса, хотя предпринимались попытки переброски литературы, было затрачено много энергии, сил и средств, но достижения оставались крайне малыми, не удавалось войти в тесный контакт с организациями и отдельными лицами на советской территории[54].

Осенью 1929 г. международная комиссия экспертов вынесла решение об ограничении ежегодных выплат Болгарией в счет репараций до 12 млн. золотых франков (в течение 33 лет). Предложение облегчало положение, но было далеко от реальных возможностей Болгарии. В Софии прошла грандиозная манифестация против репараций, имелись случаи столкновения с полицией. Болгарские представители в Париже внесли встречные предложения о снижении ежегодных платежей до 10 млн. с мораторием на первые 5 лет, однако это предложение не было принято Англией, Францией и Италией. Поэтому ситуация внутри Болгарии оставалась достаточно напряженной. Большевики оживили свою деятельность, и из провинции поступали тревожные сведения о нараставших там пробольшевистских настроениях[55].

В октябре 1929 г. состоялась 6-я сессия Совета лиги Обера, на которой присутствовали представители многих стран[56], в том числе и Болгарии[57]. Там

inslav

присутствовали и официальные представители правительств шести государств. Постоянное бюро представило устав Лиги, в котором в качестве цели определялось «уничтожение большевизма, бескомпромиссная борьба со всеми большевистскими установлениями и организациями, как основными, так и вспомогательными, а также с большевистскими выступлениями во всех областях»[58]. Кроме того, в уставе отмечалось, что Лига оказывает все возможное содействие всякому народу, подпавшему под большевистскую тиранию. Между чехословацким и немецким представителями Лиги состоялась дискуссия по вопросу установления дипломатических отношений с СССР. Если первый считал, что необходимо решительно отказаться от признания и поддержки советской власти, то второй, ссылаясь на факт добрых отношений своего правительства с советским, призывал отделять борьбу с коммунистическими идеями от выступлений против советского правительства. В результате полемики победила точка зрения чехословацкого представителя А. Шебека, а германский отдел Лиги было решено ликвидировать и создать новый[59]. Чехословацкому центру поручили практическую разработку путей осуществления решения о переходе к непосредственной борьбе с советским правительством. РС в Женеве вместе с руководством чехословацкого центра вызвались разработать план создания международного комитета содействия русскому освободительному движению.

Между тем, борьба за восстановление отношений с Советами в Болгарии продолжалась. В декабре 1929 г. депутаты рабочей партии Калайджиев, Димитров и Железков подали в парламент запрос министру внутренних дел, утверждая, что экономический кризис облегчился бы, если восстановить нормальные экономические и торговые отношения с СССР. В пример приводилось английское правительство, а также подчеркивалось, что Советский Союз поддерживает Болгарию в вопросе о ликвидации репараций[60]. В связи с этим Фосс просил Лодыженского прислать литературу о положении в СССР, чтобы убедительно доказать, что ввозить оттуда нечего, экономическое положение Болгарии не улучшится, и Советская Россия не сможет повлиять на решение вопроса о репарациях[61]. Материалы о Коминтерне требовались для болгарского министерства юстиции, которому периодически приходилось вести процессы над коммунистами («процесс 11-ти», «процесс 52-х» и т. п.). В условиях экономического кризиса отмечался сильный рост коммунистических настроений в промышленных центрах – Сливене, Габрово, причиной чему являлась большая безработица и снижение заработной платы[62]. 13 марта 1930 г. Коминтерн объявил Днем безработных, но в Болгарии манифестации были запрещены полицией.

inslav

В начале 1930 г. А. И. Лодыженский посетил Белград и Софию, так как запланированное ранее совещание РС во Франции провести не удалось. Визит женевского представителя РС, возмущение, вызванное похищением большевиками генерала А. П. Кутепова заметно активизировали антикоммунистическое движение русских в Болгарии. Первая половина 1930 г. прошла для Лиги под знаком подготовки к съезду защиты религиозной свободы в России, запланированному во Франции на 20–22 июня. В кампании по защите свободы совести приняла участие и Болгария. 9 марта в Софии состоялся митинг-протест. Утром во всех церквах прошли богослужения, литургии, панихиды о замученных и молебствования о спасении России. В Александро-Невском соборе служил и проповедывал Митрополит Стефан. Затем в театре «Рояль» прошел митинг, в котором приняли участие национально-патриотические организации: «Родна защита», Союз офицеров запаса, «Кубрат», «Юнаки» и др. На митинге присутствовали священнослужители разных конфессий, представители болгарской общественности, политических партий. Русская колония активно участвовала в митинге во главе епископом Серафимом и председателем Святорусского братства князем Ухтомским. Участники митинга отметили массовые гонения на церковь и верующих, а также разрушения храмов в СССР и призвали правительства и глав церквей прекратить сношения с советской властью[63]. Решено было создать в Болгарии Комитет по борьбе с религиозными преследованиями и Общенациональный болгарский комитет по борьбе с большевизмом[64].

Оживление антикоммунистического движения в Болгарии было связано и с тем, что весной 1930 г. там была раскрыта новая комсомольская конспиративная организация, арестованы ее члены Г. Тайков, Н. Тодоров Парванский, Д. Ангелов Попов, Г. И. Бунжулов, доказана ее связь с подобными организациями в Берлине и Москве[65]. Торговая палата в Софии получила сообщение о том, что агенты русского правительства разъезжают по стране и предлагают на комиссию или с долгосрочным кредитом товары по низким ценам[66]. Первого мая коммунисты пытались устроить уличное собрание в Софии, но были разогнаны полицией, стачки состоялись на отдельных предприятиях в Пловдиве и Хасково.

В июне на съезде Лиги во Франции было принято обращение к Постоянному Совету выработать положение против церковного раскола и обсуждена инструкция «О русском зарубежном активизме». Международная кампания протестов против религиозных гонений ощутимых результатов не дала, так как преследования за веру в России продолжались. Поэтому было созвано международное совещание, в котором приняли участие протестанты и право-

inslav

славные, в том числе представители Югославской и Болгарской церквей, обеих течений Зарубежной русской церкви. Было решено вести борьбу параллельно двумя способами: организациям, работавшим в России, осуществлять чисто гуманитарные функции, а, с другой стороны, продолжать и расширять движение протеста, осуществлять сборы в помощь страждущим (посылки евангелий, молитвенников, поддержка заключенных, передача по радио литургий, молитв и пр.). Центральному бюро по взаимодействию церквей поручалось организовать комитет помощи верующим в России[67]. В этом движении принимали участие и католики, папа протестовал против гонений на церковь в России.

В 1932–1934 гг. работа РС Лиги продолжалась по трем направлениям: 1) выработка правил и инструкций относительно порядка деятельности; 2) агитация против коммунистических идей и советской политики; 3) просветительская деятельность, выработка идеологических установок. Последнее направление предполагало тесное сотрудничество с издательством «Борьба за культуру», участие в устройстве библиотек и читален. Лига продолжала поддерживать верующих, протестовала против принудительного труда в России. В 1932 г. в Россию было послано свыше 50 тыс. различных икон и сотни тысяч выписок из Евангелия, собирались подписи под обращением к Лиге Наций по вопросу о принудительном труде в СССР[68].

* * *

В целом, деятельность Лиги Обера замедляла распространение коммунистических идей, раскрывала мировой общественности правду о внутренней и внешней политике Советского Союза. С Лигой были связаны и боевые организации, осуществлявшие всевозможную, в том числе и террористическую, антикоммунистическую деятельность на территории СССР. Если Коминтерн вел активную и наступательную политику, то Лига являлась в основном оборонительной организацией, копировала отдельные структурные принципы и методы деятельности, а потому была вторична и во многом проигрывала Коминтерну. Пользуясь расположением некоторых правительств или их отдельных членов, Лига, тем не менее, оставалась целиком общественной организацией и не располагала в отличие от Коминтерна мощными государственными ресурсами. Русская секция Лиги с самого начала, несмотря на многочисленные трудности и недостаток средств, действовала особо активно. Из-за бездействия национального центра в Болгарии ей пришлось осуществлять огромную работу в этой стране и противостоять одному из основных потоков

inslav

коммунистической пропаганды и агитации III Интернационала. Просуществовала Лига почти 27 лет. Лишь после Второй мировой войны Т. Обер пришел к выводу, что коммунистическая проблема стала мировой и бороться с распространением коммунизма должны правительственные инстанции, а не частная организация. Поэтому в ноябре 1950 г. создатели женевского антикоммунистического бюро объявили о его закрытии.

Примечания

[1] Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М.., 2003. С. 109.

[2] *Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К.* Организационная структура Коминтерна 1919–1943. М., 1997. С. 13.

[3] Цит. по: *Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К.* Ук. соч. С. 19.

[4] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.9232. Представительство русской секции Международной лиги борьбы с III Интернационалом в Болгарии, г. София. Оп. 1. Д. 1. Л. 276.

[5] Там же. Л. 281.

[6] Подробнее об этом см.: http://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/45-1-0-1307.

[7] Об их позиции см.: http://www.portal-slovo.ru/philology/39745.php.

[8] ГАРФ. Ф. 9232. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-а, 275.

[9] Там же. Л. 1-а.

[10] Там же. Л. 1-б.

[11] Там же. Л. 245.

[12] Русь. 1925. 11 апреля.

[13] По условиям договора, Болгария обязана была в течение 37 лет выплатить 2 млрд. 250 млн золотых франков и 5% годовых, что составляло ни мало, ни много $^1/_4$ ее довоенного национального дохода. Плюс к этому ей предписывалось обеспечить крупные поставки скота, каменного угля и пр. в Грецию, Румынию, КСХС. Ей запрещалось иметь регулярную армию, которая заменялась добровольческой (т. е. контрактниками, платной) и вместе с жандармами и пограничными войсками не должна была превышать 33 тыс. чел. (Подробнее о решениях Парижской мирной конференции в отношении Болгарии см.: Болгария в XX веке... С. 115–129).

[14] Зора. 1930. 7 марта.

[15] Подробнее см.: Болгария в XX веке... С. 179–191.

[16] ГАРФ. Ф. 9232. Оп. 1. Д. 1. Л. 305.

[17] Там же. Л. 301.

inslav

[18] Там же. Д. 3 Л. 334.

[19] Там же. Д. 2. Л. 299.

[20] Русь. 1924. 8 октября.

[21] Русь. 1925. 28 января.

[22] См.: Русь. 1924. 31 июля, 9 октября, 21 ноября; 1925. 12 февраля, 2 марта, 18 марта, 6 апреля, 28 апреля, 21 августа и т. п.

[23] ГАРФ. Ф. 9232. Оп. 1. Д. 2. Л. 251.

[24] Там же. Л. 252.

[25] Там же. Д. 1. Л. 175.

[26] Там же. Л. 25.

[27] 9 июня 1923 г. в Болгарии на смену левому земледельческому режиму пришло буржуазное правительство Демократического сговора Цанкова.

[28] ГАРФ. Ф. 9232. Оп. 1. Д. 2. Л. 401.

[29] Там же. Л. 33–34.

[30] Там же. Л. 32.

[31] Там же. Д. 3. Л. 337.

[32] Там же. Л. 333.

[33] Там же. Д. 2. Л. 309 об.

[34] А именно: Речь Т. Обера «Что ожидает Болгарию, если коммунисты захватят власть?», М. Арцыбашев «Знакомство с советской Россией», «Значение совершившегося в России», Б. Ивинский «Кто виноват в несчастии России – русская интеллигенция перед судом совершившихся событий» и др. (См.: ГАРФ Ф. 9232. Оп. 1. Д. 1. Л. 272–273).

[35] Там же. Д. 2. Л. 192.

[36] Там же. Л. 252 об.

[37] Там же. Л. 172, 175.

[38] Там же. Д. 3. Л. 337.

[39] Там же. Д. 2. Л. 276–277.

[40] Там же. Л. 276.

[41] Сокольское физкультурно-патриотическое движение возникло в Чешских землях в XIX в., а затем распространилось и за границей.

[42] ГАРФ. Ф. 9232. Оп. 1. Д. 2. Л. 274.

[43] Там же.

[44] Там же. Л. 240.

[45] Там же. Л. 193.

[46] ВЗС – Всероссийский земский союз.

inslav

[47] ГАРФ. Ф. 9232. Оп. 1. Д. 2. Л. 163.

[48] Там же. Д. 3. Л. 42–43.

[49] Там же. Д. 2. Л. 253.

[50] Там же. Л. 81.

[51] Там же. Л.70.

[52] В официозной болгарской печати стали появляться заявления о необходимости признания Советов в случае, если Англия установит с ними отношения.

[53] ГАРФ. Ф. 9232. Оп. 1. Д. 3. Л. 334.

[54] Там же. Л. 338.

[55] Там же. Л. 73.

[56] Голос. 1929. 20 октября.

[57] Голос. 1929. 8 декабря.

[58] ГАРФ. Ф. 9232. Оп. 1. Д. 3. Л. 263.

[59] Голос. 1929. 21 ноября.

[60] Утро. 1929. 8 декабря.

[61] ГАРФ. Ф. 9232. Оп. 1. Д. 3. Л. 273.

[62] Там же. Л. 194.

[63] Царский вестник. 1930. 16 марта.

[64] ГАРФ. Ф. 9232. Оп. 1 Д. 3. Л. 74. См. также: Зора. 1930. 29 марта; София. 1930. 1 апреля.

[65] София. 1930. 1 апреля; Демократический сговор. 1930. 4 апреля.

[66] Луч. 1930. 28 марта.

[67] ГАРФ. Ф. 9232. Оп. 1 Д. 4. Л. 42.

[68] Там же. Л. 62, 66.

inslav

А. А. Силкин

Деятельность Хорватской крестьянской партии в 30-е годы XX века

Политическая жизнь Королевства Югославия в 1930-е гг. прошла под знаком противоборства двора и бывших парламентских партий, из которых особого внимания заслуживает Хорватская крестьянская партия (ХКП). Как и все прочие «племенные» организации, она формально находилась под запретом и во время «диктатуры» короля Александра Карагеоргиевича (1929–1934), и после нее. Однако, в отличие от остальных, ХКП сумела не только сохранить, но и увеличить свой политический вес. Так, все крупные сербиянские[1] оппозиционные партии – Радикальная (НРП), Демократическая (ДП) и Земледельческая (ЗП) – добивались благосклонности ХКП (самой консолидированной и многочисленной организации), способной помочь им вернуться на политический Олимп.

Что касается режима, то на протяжении всего рассматриваемого периода «хорватский вопрос» – неспособность урегулировать отношения с ХКП – был причиной или предлогом большей части его трансформаций: назначений и увольнений членов правительства, отставок кабинетов и т. д.

Итогом 30-х гг. стал подлинный триумф хорватской оппозиции. В августе 1939 г. глава ХКП Владимир Мачек и премьер-министр Югославии Драгиша Цветкович подписали соглашение, в результате которого была сформирована Бановина Хорватия – по размерам большая, чем современное хорватское государство[2].

* * *

Исключительность ХКП, предопределившая наш интерес к заявленной теме, проявилась еще в начале 1929 г. Новый лидер партии Владимир Мачек, возглавивший ее после кончины Степана Радича[3], оказался единственным югославским политиком, осмелившимся публично прореагировать на произошедшее 6 января: «Гордиев узел разрублен. Видовданская конституция, более семи лет служившая инструментом притеснения хорватского народа, упразднена. Упразднена не только в сознании народа, но и на деле. Я совершенно уверен в зрелости и сплоченности хорватского народа, что, принимая во внимание великую мудрость Его Величества, позволит нам осуществить идеал

inslav

хорватского народа: хорват станет хозяином в своем доме и в своей свободной Хорватии»[4].

Столь оптимистическая реакция объяснялась убежденностью руководства ХКП в том, что устранение противоречий между оппозиционным Загребом и официальным Белградом уже невозможно в правовых рамках парламентской демократии. «Четыре избирательные кампании за десять лет не привели ни к какому прогрессу... Как говорил наш покойный председатель, не осталось ничего – ни законов, ни конституции. Только народ и король...»[5], – провозгласил на митинге В. Мачек.

Однако представления Александра Карагеоргиевича о смысле совершенного им государственного переворота не совпадали с надеждами хорватских лидеров, что предопределило их скорое разочарование в личном режиме. В первую очередь, ХКП не устроил состав первого правительства «диктатуры», в которое вошли представители прежнего парламентского большинства[6], десять лет препятствовавшие осуществлению «хорватского идеала». Кроме того, ХКП, как и все «этнически окрашенные» организации, стала объектом направленных на удушение партийной жизни цензурных и полицейских мер. Наиболее жесткими из последних стали репрессии в отношении В. Мачека, в первый раз арестованного в конце 1929 г. по обвинению в участии в подготовке покушения на хорватских сторонников нового режима[7].

«Осознание того, что установление королевского абсолютизма вело не к компромиссу с ХКП, а, наоборот, к ужесточению курса национального и государственного унитаризма, обусловило позицию Мачека, сделавшего, – по словам Тодора Стойкова, – выбор в пользу пассивного сопротивления режиму»[8].

Помимо нежелания навлечь на себя и своих сторонников еще большие преследования, шефа ХКП в отсутствии необходимости занимать более активную позицию в отношении центральной власти убеждала и априорная невозможность для нее добиться поддержки в хорватских землях, а также очевидная бесперспективность диктатуры, грозившая крахом всему государству. «Нет смысла, – говорил в 1932 г. Мачек британскому собеседнику, – убивать богатого дядюшку ради наследства, когда ясно, что он скоро умрет сам по себе... Югославия похожа на человека, болеющего неизлечимой болезнью... Ее смерть освободит Хорватию»[9].

В условиях нецелесообразности прямого сопротивления режиму ХКП сосредоточила свои усилия на двух направлениях. Во-первых, были продолжены начатые еще покойным С. Радичем[10] усилия по так называемой интернационализации «хорватского вопроса», для чего в 1929 г. в страны Западной Европы были отправлены эмиссары ХКП Ю. Крневич и А. Кошутич[11].

inslav

Во-вторых, следовало адаптировать к новым условиям партию, изменившую свой облик по сравнению с 20-ми гг., когда она в большей степени соответствовала своему сословному самоопределению. Десятилетие назад Радич, в первую очередь, решал задачу политической эмансипации хорватского крестьянства от «гнета» церкви, чиновников, «господских партий», обосновавшихся во враждебных селу городах, и т. д. В конце 20-х – начале 30-х гг. перед Мачеком стояла задача консолидации вокруг партийного руководства максимально широкого круга противников режима из пречанских[12] областей. В результате, в 1930-е гг. партия превратилась во «всенародное движение», в которое оказались вовлечены самые разнообразные организации: преимущественно сербская Самостоятельная демократическая партия (СДП)* и националистические клерикальные хорватские круги, Хорватский рабочий союз и Хорватская крестьянская защита. Помимо этого, в условиях запрета на политическую деятельность, партия стремилась распространить свое влияние на массы через различные религиозные, экономические, культурные, просветительские и физкультурные объединения.

Претензии на представительство широчайшего общественного спектра стали причиной организационной и идеологической «рыхлости» ХКП, что проявилось при подготовке главного программного документа партии в 1930-е гг. – так называемых «Загребских пунктаций». Преданный гласности в ноябре 1932 г. документ представлял собой резолюцию Крестьянско-демократической коалиции (КДК), которую кроме В. Мачека подписали и представители СДП, и М. Будак[13]. Документ, для начала воспроизводивший догмат о крестьянстве как главном носителе культурных и моральных ценностей, источнике государственности, делал упор на осуждении «сербиянской гегемонии, с самого начала (т. е. с 1918 г. – *А. С.*) установленной над Хорватией и всеми... землями, которые лежат по эту сторону Дрины, Савы и Дуная...»[14]. Результатом «гегемонии» стало «уничтожение моральных ценностей, всех прогрессивных учреждений и достижений, материального достояния народа...».

Разрушительный процесс, достиг своей кульминации при «абсолютистском режиме 6 января 1929 г.», при котором ко всему вышеперечисленному добавилось еще и упразднение гражданских и политических свобод. «Столь тяжелый опыт» подвел подписавших декларацию к мысли о необходимости

* Самостоятельная демократическая партия, в период Видовданского парламентаризма представлявшая интересы сербов Хорватии, выступала в роли младшего партнера ХКП по Крестьянско-демократической коалиции (КДК), образованной в 1927 г. В 1930-е гг. после вынужденной эмиграции лидера СДП С. Прибичевича партия утратила всякую самостоятельность и следовала строго в фарватере ХКП.

inslav

возвращения к «1918 году, как к исходной точке», с которой нужно приступить к «новому устройству государственного объединения...». Как оно должно было выглядеть, резолюция не уточняла. Немного ясности в этом отношении добавили комментарии к «Пунктациям», содержавшиеся в интервью Мачека иностранным журналистам: «Мы надеемся, что все сербы из Сербии со своими чиновниками и солдатами уберутся с этой стороны трех рек (Савы, Дрины и Дуная. – *А. С.*)...».

Подобная жесткость позиции лидера ХКП во многом объяснялась необходимостью соответствовать крайним настроениям его разношерстных сторонников. «Не вижу, как, с учетом состояния общественного мнения в Хорватии, доктор Мачек мог бы смягчить свои требования, даже если бы хотел»[15], – сочувственно описывал в 1936 г. его положение британский дипломат.

Добавим от себя, что Мачек не мог даже четко сформулировать свое государственно-правовое кредо, дабы не скомпрометировать себя умеренностью в глазах непримиримых врагов Белграда из числа собственных адептов. Ясно было одно: «В своем доме хорватский народ должен быть сам себе хозяин». То, какое «новое устройство государственного объединения» соответствовало бы этому радичевскому тезису, союзникам и противникам Мачека приходилось узнавать из заявлений подобного рода: «Я вижу много возможностей, каждая из которых хороша. Какая лучшая, определит ситуация, когда дело дойдет до принятия решений. Исходная точка – федерация с семью членами. Впрочем, вероятен и дуализм... Все это возможности, нет ничего определенного»[16].

Таким образом, смысл «Пунктаций» был не в прояснении позиции КДК по вопросу о будущем страны, а в решении тактических задач партии. ХКП стремилась к мобилизации под антисербиянскими знаменами своих вассалов, а также к усилению позиций во взаимоотношениях с главным оппонентом – двором.

Характер этих взаимоотношений определялся универсальным правилом югославской политики, согласно которому, дабы сделать противника сговорчивей, его нужно напугать. Этой испытанной в 1920-е гг. тактики придерживались оба контрагента. Как и во времена Радича, международная активность и сепаратистские эскапады на внутриполитической арене должны были продемонстрировать, что ХКП представляет собой силу, которая может себе позволить подобную бескомпромиссность[17].

Отметим, в выигрыше партийное руководство оставалось даже в том случае, если вместо уступок режим шел на ужесточение репрессий. «Мы со спокойным сердцем ожидаем преследований, которые нам только на руку. Нам запретили агитировать. Но это больше и не нужно. Ибо теперь полиция будет

inslav

агитировать за каждого, кого арестует»[18], – слова, произнесенные функционером ХРКП* в 1925 г., иллюстрируют логику, которой его однопартийцы руководствовались и семь лет спустя. «Время работает на нас. Нам диктатура не мешает. Пускай люди (члены и сторонники партии. – *А. С.*) становятся тверже. Пусть будут стальными!..»[19], – так в 1931 г. Мачек объяснял ДП, НРП и ЗП, почему он не желает участвовать в борьбе за реставрацию парламентаризма.

В свою очередь, и монарх прибегал к испытанным методам. Как и С. Радич, его преемник предложения перейти на сторону диктатуры и занять место в кабинете министров принимал, находясь за решеткой. «Для начала Мачек должен войти в правительство, а уже потом можно приступить к выработке соглашения (по хорватскому вопросу. – *А. С.*)»[20], – такие инструкции для переговоров получали эмиссары короля перед визитами в тюрьму.

В январе 1933 г. Мачек был повторно арестован и предан суду по обвинению в сепаратистских намерениях, обнаруженных как в вышеописанной партийной резолюции, так и в комментариях к ней. Оказавшись в заключении, Мачек уменьшил остроту своей риторики, заявив на суде, что «Пунктации» не представляли собой публичную декларацию, а предназначались для внутреннего пользования. Кроме того, в неформальных контактах с двором Мачек дал понять королю Александру, что является сторонником решения хорватского вопроса в границах Королевства Югославия.

Будучи приговоренным к 3 годам строгого режима, лидер хорватской оппозиции, тем не менее, не соблазнился монаршими предложениями, передав посреднику между ним и королем Ивану Шубашичу, что не повторит «главной ошибки Радича – не станет вести политических переговоров, находясь в заключении». Отметим, что помимо способности учиться на чужом опыте, выбор Мачека в пользу принципиальной и непреклонной линии поведения был в равной степени обусловлен представлением о приближающемся кризисе правящего режима, до которого было так далеко десять лет назад. Поэтому, как справедливо отметил Анте Трумбич, в условиях непреодолимых трудностей, с которыми столкнулась диктатура, «хорватский вопрос приобрел не просто важное, а приоритетное значение». В этой ситуации, – продолжал функционер ХКП, – «любой компромисс означал бы услугу режиму. Нашей тактикой должно быть не отступление, а требование решения главного вопроса. Принять от власти какие-то маловажные уступки и согласиться войти в правительство значило бы подорвать нашу сильную позицию...»[21].

---

* До середины 1925 г. партия называлась Хорватская республиканская крестьянская партия (ХРКП).

inslav

Мачек не был более сговорчивым и в контактах с сербиянскими оппозиционерами, предлагавшими совместно бороться за восстановление парламентаризма, которое они считали необходимой предпосылкой решения вопроса внутреннего устройства королевства. В частности, была отвергнута инициатива публикации совместного заявления о бойкоте выборов, проводимых режимом в 1931 г. на основе так называемой Октроированной конституции[22]. Мотивы подобной непреклонности поясняет процитированное выше интервью, в котором Мачек помимо прочего заявил, что «ни в каком виде не может пойти на соглашение ни с бывшими, ни с теперешними сербскими правителями. Не важно, радикалы это, демократы, оппозиционеры, или представители режима. Я всех их отвергаю»[23].

Сменить гнев на милость Мачек соглашался только при выполнении белградскими политиками нескольких условий. Одним из них было достижение согласия трех крупнейших партий, которые, только объединившись, могли удостоиться чести быть стороной в переговорах с хорватским «народным движением». Главным же требованием, адресованным Мачеком НРП, ДП и ЗП, было безоговорочное принятие положений «Загребских пунктаций», особенно тех, что касались «возвращения» к 1918 г. и необходимости передела страны. Его желательным результатом Мачеку и соратникам в июне 1934 г. виделось объединение в одну территориальную единицу Хорватии, Славонии и Далмации, значительной части Воеводины, а также, возможно, Боснии и Герцеговины, принадлежность которой должен был бы определить плебисцит[24]. Полномочия воображаемой Хорватии должны были соответствовать идеальному принципу: «чем меньше общих дел с центром, тем лучше».

Бескомпромиссность Мачека привела к тому, что с середины 1933 г. вплоть до убийства короля Александра в Марселе в октябре 1934 г. контакты между сербиянской оппозицией и КДК не поддерживались.

* * *

Во второй половине 30-х гг. тактика ХКП претерпела изменения. Причиной этого стало ознаменованное смертью Александра Карагеоргиевича ослабление режима, стабильность которого поддерживалась только авторитетом короля-объединителя. Несмотря на то, что период Регентства, основой которого оставались правовые нормы «диктатуры», длился даже дольше ее самой, новый фактический глава государства – князь-регент Павел Карагеоргиевич – был не в состоянии обеспечивать практическое применение принятых в 1929–1934 гг. законов. Из арсенала власти исчезли репрессии, ранее служившие

inslav

средством давления на оппозицию и поддержания правопорядка в западных регионах страны[25].

К легальной деятельности вернулись все запрещенные 6 лет назад сербиянские и пречанские «племенные» партии. С последними приходилось делиться властными полномочиями в обмен на лояльность и поддержку Регентства в его противостоянии с оппозицией внутри Сербии. Возвращалась практика, когда участие Югославянской мусульманской организации (ЮМО) и Словенской народной партии (СНП) в правительстве означало подконтрольность им административного аппарата в Боснии и Словении. Единственным отличием от 1920-х гг. было формальное членство обеих организаций в «надплеменном» Югославянском радикальном объединении (ЮРО), служившее знаком признания ими государственной идеологии национального унитаризма.

Двору удачным решением «хорватского вопроса» виделось достижение аналогичного соглашения с Мачеком, которому князь явил свою милость сразу по обретении властных полномочий. Одним из первых шагов Регентства стала амнистия главы ХКП, выпущенного на свободу в декабре 1934 г. В ответ Мачек в письме выразил благодарность за освобождение, а также надежду на то, что «этот акт доброй воли станет первым шагом в решении хорватского вопроса в границах нашего общего государства».

Желательное ему «решение» Мачек описал князю Павлу и Милану Стояниновичу в ходе нескольких аудиенций и неформальных встреч, состоявшихся в 1935–1936 гг. По словам главы ХКП, следовало «немедленно распустить существующую скупщину и образовать правительство чиновников для ведения административных дел. Новый избирательный закон должен был обеспечить свободные выборы в Конституционное собрание, задачей которого стала бы ревизия конституции»[26] и определение нового децентрализованного устройства страны. В обновленном государстве общими для Хорватии и прочих (кон)федеративных единиц были бы министерства финансов, обороны и иностранных дел.

Предложение Мачека был отвергнуто князем-регентом, рассчитывавшим, что поделившись властью на местах и несколькими портфелями в центральном правительстве, можно будет, по его выражению, «нормализовать ситуацию и, как можно дольше сохранять действующую конституцию»[27].

Бескомпромиссность позиции Мачека объяснялась его представлением о том, что в условиях слабости власти он не рискует снова подвергнуться репрессиям. Ибо, по признанию самого князя Павла, «если монарху можно править по-диктаторски, то для регентства это неосуществимо и губительно».

inslav

Не имея возможности принудить ХКП к лояльности, режим сам подвергся давлению с её стороны. При этом использовался испытанный инструментарий. Во-первых, активизация международной активности ХКП, грозившей Белграду гипотетической возможностью удовлетворения хорватских требований вне границ югославского государства[28]. Во-вторых, сотрудничество с сербиянскими оппозиционерами, еще при Радиче в первой половине 20-х гг. демонстрировавшее двору, что и без него в Сербии есть силы, готовые пойти навстречу хорватам.

В 1925 г. вступление ХРКП в так называемый Блок народного согласия и крестьянской демократии (вместе с ДП, СНП и ЮМО) должно было подтолкнуть Александра Карагеоргиевича к мысли о том, что Радича лучше видеть союзником, чем противником.

В мае 1935 г. и декабре 1938 г. при формировании избирательной коалиции (в первом случае – с ДП и ЗП, а во втором – с ДП, ЗП и НРП) В. Мачек руководствовался различными соображениями. С одной стороны, в силу действовавшего законодательства, только составление общего списка кандидатов давало оппозиционным партиям возможность фигурировать в избирательном бюллетене. Сугубо технологический подход ХКП к сотрудничеству с радикалами, демократами и земледельцами, сформировавшими Объединенную оппозицию (ОО), проявился в том обстоятельстве, что ни в 1935, ни в 1938 г. партнеры по коалиции не издали совместной предвыборной программы или манифеста.

С другой, что важнее всего, с момента создания Югославии выборы, для партии всегда триумфальные, преподносились как проведение плебисцита о доверии избирателей Хорватии её руководству. Именно получение права именоваться «Хорватским народным представительством» служило смыслом участия ХКП в выборах 1920, 1923, 1935 и 1938 гг., после которых она объявляла о бойкоте белградской скупщины.

Именно такая народная легитимация послужила решающим преимуществом в отношениях с двором и ОО, которые ослабляли друг друга, оспаривая право говорить от имени Сербии. При этом бывшие парламентские партии утверждали, что втроем они отражают интересы сербиянских избирателей, а князю-регенту не оставалось ничего другого, как апеллировать к авторитету «народной династии» Карагеоргиевичей. Обе противоборствующие стороны были заинтересованы в союзе с Мачеком, который послужил бы подтверждением обоснованности их притязаний.

Объединенная оппозиция за право выступить дуэтом с подлинным представителем Хорватии расплатилась признанием всех главных тезисов «Загребских пунктаций». В межпартийном соглашении от 8 октября 1937 г. подписан-

inslav

ном главами ОО и КДК, шла речь о недействительности конституций 1921 и 1931 гг. для хорватского и сербского «народов», что означало отказ ДП, ЗП и НРП от принципов национального унитаризма и государственного централизма. Кроме того, в тексте описывалась процедура изменения Основного Закона и внутреннего устройства королевства «в интересах сербов, хорватов и словенцев».

Однако, к разочарованию ОО, союзничество с Мачеком не означало, что именно ее он считает равноправным партнером, которому стоит хранить верность. Даже объединившись, три сербиянские партии не могли гарантировать выполнение тербований ХКП. «Идеально было бы, если бы обо всем договорились хорватское и сербское крестьянские движения. Однако такое движение среди сербов не пользуется достаточным авторитетом. Хорваты должны договариваться с единственной реальной силой, т. е. с носителем силы военной...», – делал свой выбор вождь хорватов[29].

Сговорчивость князя Павла росла по мере того, как, с одной стороны, уменьшался его кредит общественного доверия в Сербии и, с другой, усугублялась международная ситуация, требовавшая внутренней консолидации королевства любой ценой. Вскоре после декабрьских выборов 1938 г. князь-регент дал Мачеку знать, что готов к решению хорватского вопроса по сокращенной процедуре. Ее результатом стало подписание в августе 1939 г. соглашения с премьер-министром Д. Цветковичем, позволившее Мачеку добиться одновременно и децентрализации государства, и установления собственного решающего влияния на политику центральной власти.

* * *

Несмотря на успешность ХКП, современники не считали Владимира Мачека блестящим политиком. Даже сторонники и нейтральные наблюдатели, не говоря об оппонентах, корили его за безыдейность, безынициативность, упущенные возможности, нехватку широты взглядов и т. п.

Например, главный протагонист хорватов в Белграде – лидер левого крыла Земледельческой партии Драголюб Йованович – отмечал «медитативную природу» Мачека. Такой эвфемизм использовался для описания инертности, во второй половине 30-х гг. долго не позволявшей вождю хорватов придти к согласию с сербскими оппозиционерами, с которыми у него не осталось принципиальных разногласий. «В отличие от С. Радича... Мачек не был человеком, способным принять быстрое решение... Он не ощущал ни сил, ни авторитета взяться за непростое дело достижения сербско-хорватского согласия»[30].

inslav

С противоположного политического фланга в адрес Мачека раздавались схожие упреки. «Ни у одного хорватского политика не было столько силы в руках, таких благоприятных международных условий, такого безграничного доверия всего народа, как у др. Мачека. Но в то же время никому другому не удалось так трагически разбазарить этот огромный капитал», – сокрушался Миле Будак[31].

Что касается противников, то в их воспоминаниях глава ХКП предстает человеком с узким кругозором и простецкими манерами. «Я много времени провел в разговорах с Мачеком. И мне потребовалось немало терпения, чтобы дождаться конца визита... Какая на самом деле международная ситуация, он понятия не имел», – приводит М. Стояданович впечатления Павла Карагеоргиевича[32].

В пользу обоснованности невысокого мнения, которое сложилось у принца-регента и его многолетнего премьер-министра, свидетельствуют впечатления от общения с Мачеком, отраженные в отчетах двух дипломатов – британского и чехословацкого. В первом, датированном 1936 г., Р. Кэмпбелл упрекает Мачека, в том, что он «опять не удосужился ясно пояснить, какие цели он преследует... Что он называет Хорватией, так и нельзя точно определить»[33]. «Он никудышный идеолог, его внутриполитическая концепция не ясна и не до конца продумана им самим. Его размышления не глубоки. По-видимому, о внешнеполитических делах он задумывался немного. Представления о внешней политике... граничат с наивностью»[34], – вторит В. Гирса.

Впрочем, справедливости ради отметим, что наш герой имел ясное представление о собственной ограниченности. По его словам, только покойный «Радич мог менять политику партии, так как он создал всё. Он, Мачек, будет только лишь продолжать идти тем путем, который определил Радич»[35].

Под стать председателю были и прочие функционеры ХКП, один из которых самокритично констатировал: «Вокруг Мачека нет сильных личностей... Как последователи Радича, выделяются несколько весьма бледных адвокатов... Народ с Мачеком, но где интеллектуалы, специалисты? Где команда на случай прихода к власти?»[36].

Подобные признания свидетельствуют в пользу достоверности характеристик В. Мачека, оставленных его современниками. Кроме того, невольное единодушие представителей столь широкого политического спектра, безусловно, говорит об их непредвзятости и, следовательно, правоте.

За счет чего же наследникам Радича удалось достичь результата, столь диссонировавшего с их скромными способностями? Ответ на этот вопрос можно обнаружить и в вышеприведенных самокритичных словах. Именно

inslav

соблюдение преемственности тактики и стратегии партии компенсировало недостатки, выявленные строгими критиками. Кроме того, проследив следование заветам основоположника в обозначенный период, нам удалось установить полезную способность В. Мачека не повторять допущенных в предыдущее десятилетие ошибок, что в совокупности позволило ХКП стать главным фактором государственного развития Югославии в 30-е гг. XX в.

Примечания

[1] Сербиянац – серб из Сербии южнее Дуная. «Сербиянский» политик – политик из Сербии в границах до Первой мировой войны.

[2] В состав новой территориальной единицы вошли Савская и Приморская бановины, а также некоторые районы Врбасской и Дунайской бановин. В компетенцию властей нового административно-территориального образования вошли вопросы правосудия, социальной политики, просвещения, сельского хозяйства, торговли и промышленности, управления лесными угодьями и природными недрами. Исполнительную власть предстояло осуществлять бану, ответственному перед хорватским Сабором и королем, который принимал решение о его назначении и отставке. Первым баном стал Иван Шубашич. В. Мачек вошел в состав центрального правительства в качестве вице-премьера.

[3] С. Радич умер в августе 1928 г. от последствий ранения, которое ему нанес в Скупщине неуравновешенный депутат-радикал из Черногории в отместку за оскорбительные выпады со стороны депутатов фракции ХКП.

[4] Цит. по: *Boban Lj.* Maček i politika Hrvatske Seljačke Stranke 1928–1941. I. Zagreb, 1974. S. 44.

[5] Цит. по: *Boban Lj.* Op. cit. I. S. 31–32.

[6] В состав правительства Петра Живковича вошли бывшие члены ныне запрещенных Демократической (ДП), Радикальной (НРП), Словенской народной партии (СНП) и др.

[7] Суд оправдал главу ХКП.

[8] *Stojkov T.* Opozicija u vreme šestojanuarske diktature. Beograd, 1969. S. 94.

[9] Цит. по: *Stojkov T.* Op. cit. S. 209.

[10] *Силкин А. А.* Степан Радич и интернационализация хорватского вопроса (1918–1925) // Восточная Европа после Версаля. СПб., 2007.

[11] Крневич пытался воздействовать на мнение политических элит Франции и Англии, Кошутич – Италии.

[12] Термин «пречанин» используется нами не в узком оригинальном его смысле (серб из Австро-Венгрии), а в широком – для обозначения югославян с территорий, объединившихся с Королевством Сербия в 1918 г.

inslav

[13] Миле Будак – деятель «франковской» Хорватской партии права, в 1941 г. ставший одним из лидеров Усташеского режима в т. н. Независимом государстве Хорватия (НДХ). Один из организаторов геноцида сербов в НДХ. В 1930-е гг. Будак – «попутчик» ХКП.

[14] Цит. по: *Stojkov T.* Op. cit. S. 211.

[15] *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Knj. 2. Zagreb, 1986. S. 471.

[16] Цит. по: *Јовановић Д.* Политичке успомене. III. Београд, 1997. С. 181.

[17] Действуя таким образом, Радич добился от Александра Карагеоргиевича и Николы Пашича признания его статуса «вождя хорватского народа». Особое впечатление на сербов произвело путешествие Радича в Москву и вступление его партии в Крестинтерн.

[18] Цит. по: *Димитријевић М.* Ми и Хрвати. Хрватско питање 1914–1939. Споразум са Хрватима. Београд, 1939. С. 154.

[19] Цит. по: *Stojkov T.* Op. cit. S. 119.

[20] Цит. по: *Boban Lj.* Op. cit. I. S. 127.

[21] Цит. по: *Boban Lj.* Op. cit. I. S. 114.

[22] В ответ на предложение НРП, ДП и ЗП Мачек выдвинул заведомо нереализуемое в условиях авторитарного полицейского режима контрпредложение выдвинуть на выборах совместный оппозиционный список.

[23] Цит. по: *Stojkov T.* Op. cit. S. 217.

[24] *Boban Lj.* Op. cit. I. S. 127.

[25] См. подробнее: *Силкин А. А.* Внутриполитические предпосылки заключения Соглашения Цветкович-Мачек и формирования Бановины Хорватия (1934–1939 гг.) // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX века). СПб., 2009.

[26] Цит. По: *Boban Lj.* Op. cit. I. S. 175.

[27] Цит. по: *Boban Lj.* Op. cit. I. S. 175.

[28] В 1938 г. широкий резонанс вызвали контакты Мачека с министром иностранных дел Италии графом Галеаццо Чиано, в ходе которых глава ХКП выдвинул идею персональной унии независимой Хорватии с итальянской короной.

[29] Цит. по: *Јовановић Д.* Указ.соч. II. С. 181.

[30] *Јовановић Д.* Указ. соч. IV. С. 185.

[31] Цит. по: *Јовановић Д.* Указ. соч. V. С. 184.

[32] *Stojadinović M.* Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970. S. 466.

[33] *Avramovski Ž.* Op. cit. S. 471.

inslav

[34] Цит. по: *Boban Lj.* Op. cit. I. S. 316. (Что касается внутренних социально-экономических проблем, то для их решения у вождя хорватов были оригинальные аграристские рецепты. Так, в 1932 г. в условиях нехватки золотого запаса для обеспечения динара Мачек в статье «Задачи новой власти» предложил использовать для этой цели кукурузу – «нашу главную национальную пищу». Не менее «актуальными» выглядели озвученные в 1936–1937 гг. призывы к защите «хорватской крестьянской культуры» от главных врагов – высшего образования и фабричного производства: «Для народа польза от высших школ малая, если не сказать – никакая... Где здесь мораль, если студент требует, чтобы его родной брат стоял перед ним как африканский негр перед английским лордом или французским банкиром»; «Когда интересуешься культурой другого народа, то платишь за нее кровавым потом... Возьмешь граммофон, а он сто́ит, как корова. Да и зачем он, когда можно самому запеть». (Цит. по: *Јовановић Д.* Указ. соч. II. С. 231; III. С. 185; IV. С. 120).

[35] *Јовановић Д.* Указ. соч. II. С. 181.

[36] Цит. по: *Јовановић Д.* Указ. соч. III. С. 261.

inslav

Георгий Марков
(Болгария)

Мюнхенская конференция в освещении болгарской периодической печати (сентябрь–октябрь 1938 года)

Накануне Второй мировой войны внешнеполитические темы находили систематическое отражение на страницах болгарской периодики. Они волновали не только правящие круги и оппозицию, но и представляли широкий общественный интерес с учетом возможностей и перспектив решения наболевшего национального вопроса. Отсутствие «партийной печати» и наличие цензуры, на первый взгляд, сближали позиции редакций официозных изданий, но при более внимательном рассмотрении можно заметить и определенные различия. Историк должен уметь «читать между строк», чтобы уловить нюансы позиции журналистов, отстаивавших право на собственное мнение.

Будучи жертвой Версальской системы, Болгария рассчитывала на «мирную ревизию» договоров, возможную при благоприятной международной обстановке в Европе. Первый значительный прорыв в территориальных вопросах осуществила нацистская Германия ранней весной 1938 г. присоединением Австрии. Правительственный официоз газета «Днес» четко определила альтернативу: «Аншлюс – решительный удар по системе договоров о мире. Здание рухнуло. Мир готовится к очередному переустройству. Идет поиск путей к обеспечению мира новыми средствами. Как это осуществится – силой оружия или мирными средствами дипломатии? Вот вопрос, который сейчас стоит перед Европой»[1].

31 июля 1938 г. председатель Совета министров Георгий Кьосеиванов и уполномоченный Балканской Антанты генерал Йоаннис Метаксас подписали в Салониках соглашение, согласно которому было легализовано существование восстановленных вооруженных сил Болгарии, а Турция и Греция получили возможность укрепить свои границы во Фракии. Договаривающиеся стороны обязались при этом не прибегать к силе для решения возникающих во взаимоотношениях между ними вопросов. Председатель парламентской комиссии по иностранным делам Георгий Говедаров от имени правящих кругов Болгарии выразил моральное удовлетворение и, подтвердив готовность искать объединяющие стороны идеи, призвал содействовать бесконфликтному устранению причин и предпосылок допущенных несправедливостей, назвав

inslav

это «добровольной ревизией»[2]. Это было новым понятием в дипломатическом лексиконе, поскольку «мирная ревизия» не исключала действий под угрозой применения силы. Другой вопрос, до какой степени победитель был готов добровольно отступить от территориального статус кво. В этом отношении расчет был на нажим великих держав – западных демократий или Оси, а в идеале обоими блоками – на соседей.

В разгар Судетского кризиса, 5 сентября 1938 г. царь Борис III прибыл в Лондон с «частным визитом» без предварительно оповещенной программы. Одна встреча следовала за другой. 6 сентября в отеле «Вест энд» монарх принял министра иностранных дел лорда Э. Галифакса, а затем побывал на ужине, данном в его честь сэром Робертом Ванситартом, главным советником по внешнеполитическим вопросам. На следующий день состоялась беседа царя с главным секретарем Форин офис Александром Кадоганом. 8 сентября царь посетил выставку редких бабочек, а весь следующий день заполнили аристократические приглашения «на чай». С 10 по 13 сентября Борис III находился во дворце Бэлморал как гость королевской семьи[3].

14 сентября царь посетил Невилла Чемберлена в его резиденции. Британский премьер-министр готовился к предстоящей встрече с Гитлером в Берхтесгадене. Он поделился с Борисом III своей озабоченностью развитием Судетского кризиса, чреватым вмешательством Советского Союза и военными мероприятиями со стороны Франции, в соответствии с имевшимися у Москвы и Парижа договорными обязательствами. При возможном конфликте между Францией и Германией Великобритания была готова выступить единым фронтом с Францией против Германии. Чемберлен считал полезным, чтобы это серьезное предупреждение было доведено до Гитлера неким авторитетным лицом, способным убедить германского лидера действовать не в одностороннем порядке, а сесть за стол переговоров и обсудить возможные уступки. Борис III, не желавший вмешиваться в противоречия между великими державами, согласился, однако, сыграть роль доверенного курьера и таким образом открыть двери Лондона для болгарской «мирной ревизии»[4].

16 сентября в Париже царь принял последовательно главу правительства Эдуарда Даладье и министра иностранных дел Жоржа Бонне. На следующий день обед в его честь дал президент Франции А. Лебрен. Вечером того же дня состоялась еще одна беседа царя с Бонне. Но ее итогом явилось «полное замешательство и отсутствие единомыслия». 19 сентября монарх дождался в Цюрихе результатов зондажа в Берлине и на следующий день отбыл в Кобург. 21 сентября высокий посредник поездом прибыл в имперскую столицу и сразу же личным самолетом Геринга вылетел в Восточную Пруссию в Инстербург. К обеду он прибыл в охотничью резиденцию маршала, где оставался 22 и

inslav

23 сентября[5]. Именно в течение этих двух напряженных дней состоялась вторая встреча Чемберлена с Гитлером в Годесберге, которая закончилась безуспешно вследствие резко возросшего аппетита нацистов[6].

Если Геринг полагал, что военные действия ограничатся Чехословакией, то Борис III был убежден, что они обретут большой размах и в них окажутся втянутыми Франция, Великобритания и даже Соединенные Штаты. Царь назвал «полным безумием для Германии» намерение ввергнуть весь мир в войну, которая закончится новым 1918 годом. Он заявил, что в этом чреватом катастрофой конфликте Болгария останется нейтральной[7].

24 сентября царь вернулся в Берлин и 26 числа был принят Гитлером в имперской канцелярии. Фюрер, войдя в раж, разразился получасовым яростным монологом. В ответ Борис III, преувеличивая силы Великобритании и ее готовность к войне, в то время как в Лондоне говорили о мощи Вермахта, напомнил один из уроков истории: «Англия сначала могла проигрывать в войне, но, в конечном счете, всегда одерживала победу». Ударив кулаком по столу, Гитлер начал угрожать бомбовыми ударами Люфтваффе, отмел «шантаж большевистской опасностью», но, в конце концов, согласился с необходимостью «естественной солидарности Запада». По окончании встречи болгарский монарх сразу же направил письмо Чемберлену с итогом своей тайной миссии, в котором писал: «Судетской областью следует пожертвовать, чтобы спасти Чехословацкое государство и мир в Европе». В ответном послании британский премьер сердечно поблагодарил высокого посредника за его миссию[8].

В соответствии с подписанным 29 сентября 1938 г. в Мюнхене соглашением между руководителями четырех западных держав Судеты были отторгнуты от Чехословакии и в 10-дневный срок переданы Германии. Великобритания и Франция «гарантировали» новые границы Чехословакии против любого неспровоцированного нападения, а Гитлер обязался уважать и не нарушать ее территориальной целостности. Международной комиссии предстояло определить спорные территории, более 50% населения которых являлись немцами. До проведения плебисцита там находились англо-французские войска. После урегулирования вопросов польского и венгерского меньшинств и предоставления «гарантий» Чехословакии со стороны Германия и Италии болгарский официоз газета «Зора» охарактеризовала Мюнхенское соглашение как «третью крупную территориальную победу» Гитлера после присоединения к Рейху Саарской области и Австрии. Он сумел достичь ультимативным путем то, чего Бисмарк добивался силой оружия, писала газета[9].

Встреча Гитлера и Чемберлена 30 сентября и принятая на ней совместная декларация нашли отражение на первой странице газеты «Заря» под крупным заголовком: «Никогда больше не будет войны между Англией и Германией».

inslav

В газете указывалось, что Мюнхенское соглашение оба государственных деятеля оценили как «символ желания наших обоих народов никогда не вести войну друг против друга»: «Мы полны решимости продолжить усилия по устранению возможных причин споров и тем самым способствовать упрочению европейского мира». Корреспондент газеты подробно описал торжественную встречу британского премьера в Лондоне, когда, спустившись с трапа самолета и потрясая над головой листом бумаги с текстом англо-германской декларации, подписание которой совсем недавно считалось невозможным, он заявил встречавшей его тысячной толпе, что этот документ – «лишь пролог к общему урегулированию, которое принесет мир всей Европе». Редакционная статья газеты отражала полную уверенность, что за предотвращением войны в Средней Европе постепенно последует устранение других «несправедливостей»: «События в Средней Европе благотворно отразятся на эволюции отношений на всем континенте»[10].

Взаимные заверения Гитлера и Чемберлена, что впредь они не скрестят оружия, были расценены газетой «Мир» как «основа будущих, пока еще не достаточно ясных отношений в Европе». Британский премьер-министр поделился с журналистами, что имеет «более обширные планы» и «более крупные задачи»: «Моя цель сделать так, чтобы Европа пребывала в мире, без постоянных угроз международных конфликтов». Предварительное важнейшее условие выполнения этой мирной программы – «лучшее взаимопонимание между Англией и Германией». Газета связала эти слова с надеждами болгарского правительства на то, что возможность «мирной ревизии» Версальских договоров распространится и на Балканы[11].

Газета «Слово» напомнила о нарушенном равновесии в Европе осенью 1918 г. после распада Австро-Венгрии. Вопреки желанию трех с половиной миллионов судетских немцев присоединиться к Германии, на Парижской мирной конференции они были включены в состав нового чехословацкого государства. Тогда они были лишены права голоса, а ныне их волю отразит предстоящий плебисцит: «С изменением договоров связана надежда народов, которые уже произносят свое веское слово и кладут конец неестественному состоянию, ставшему источником столь многочисленных опасностей для европейского и всеобщего мира»[12].

Направляясь в Мюнхен, Даладье выразил уверенность, что «мюнхенские переговоры останутся исторической вехой в жизни Европы»: «Два народа (французский и немецкий. – *Г. М.*) должны жить в согласии и самой искренней сердечности». Передовица газеты «Утро» отразила колебание между категорической констатацией – «мир спасен» и более осторожной позицией, что «на настоящем этапе войны удалось избежать». Сообщение из Парижа описывало

inslav

радостную встречу премьер-министра ликующими толпами людей, скандировавших «Да здравствует Франция, да здравствует мир, да здравствует Даладье!» В ответ Даладье назвал переговоры «трудными», но выразил «свое глубокое убеждение, что заключенное соглашение – необходимая для сохранения мира в Европе мера». «Благодаря стремлению к взаимным уступкам и поддержанию духа сотрудничества, вдохновлявшим деятельность четырех великих сил Запада, мир спасен!», – подчеркнул он[13].

Овациями соотечественников был встречен и Муссолини, выступивший перед собравшейся на митинг в Риме двухсоттысячной аудиторией. «В Мюнхене мы работали на пользу всеобщего мира!» – заявил он. Энтузиазм европейских лидеров несколько поубавило сообщение спикера Белого дома, передавшего слова Франклина Рузвельта об урегулировании Судетского вопроса «лишь как о начале», требующем продолжения – «урегулирования европейских дел на более широких основах. В противном случае урегулирование Судетского вопроса сможет означать только временное перемирие»[14].

По оценке газеты «Дневник» Версальская система установила в Европе «несправедливый куцый мир», а Лига Наций не смогла осуществить «мирной ревизии» договоров. Редакционная статья объяснила читателю причины, по которым Женевский форум был сменен Мюнхенской конференцией при решении международных споров мирным путем: «В соответствии с мирными договорами Европа осталась без мира». Путь от Версаля до Мюнхена покрыт «многими тлеющими пепелищами, скрывающими зародыши будущих конфликтов». «Мирная ревизия началась. В этом факте залог безопасности мира. Но мир будет прочным лишь в том случае, если он основан на правде»[15].

Особенно впечатляюще выглядели заголовки газеты «Зора», обобщавшие настроения вздохнувших с облегчением миллионов людей: «Войны не будет!» «Миротворец» Чемберлен – в центре общественного внимания, поскольку «народы не хотят войны». На видном месте было помещено высказывание Геринга: «Надеюсь, что в скором времени мы станем свидетелями франко-германского соглашения. Я сам – солдат [Первой] мировой войны, и таких, как я, готовых позаботиться о том, чтобы избежать войны, в мире немало». Вместе с тем корреспонденты газеты отметили и недовольство левых политических партий Западной Европы, заявлявших, что «цена, которой сохранен мир, слишком высока, а соглашение подписано без предварительного выяснения позиции самой Чехословакии и Советского Союза». «Кризиса удалось избежать лишь временно. Европа находится перед новым витком напряженности». С точки зрения Болгарии конференция в Мюнхене оценивалась как «реализация счастливого сотрудничества четырех великих европейских сил во имя мирной ревизии Версальской системы договоров и создания новой Европы»[16].

inslav

Когда волна «энтузиазма и оваций» по поводу Мюнхена поутихла, болгарская периодическая печать сосредоточила свое внимание на анализе важных последствий заключения соглашения для европейской политической системы. «Зора» подробно рассмотрела дебаты в английском парламенте, отметив предупреждение оппозиции, что удалось сохранить мир «на 6 месяцев». «Четверной пакт» мог бы сделать заметной идею коллективной безопасности в Европе без сотрудничества с Советским Союзом. Гитлер готовится уничтожить все чехословацкое государство и поставить на повестку дня вопрос о Данциге и польском коридоре. Редакция газеты подчеркивала, что в Мюнхене нанесен сильный удар по формуле статус-кво «Ревизия означает войну», и таким образом «открывается возможность для спасительного разрешения и других острых европейских вопросов». Несправедливости следует устранять вовремя, пока не станет слишком поздно: «Болгарский народ осознает это и чувствует, что сегодняшние события затрагивают и его будущее». Новый мир должен основываться «на разуме, логике и международной справедливости». Газета подробно описывала торжественную встречу Гитлера в Берлине и благодарную реакцию населения за «мирное освобождение судетских немцев»[17].

Далеко идущие «новые комбинации» великих сил опровергла газета «Заря» в статье от 2 октября под характерным заголовком «Оптимизм Мюнхена испаряется». «Чехословацкий казус – лишь один решенный вопрос в достижении мира в Средней Европе. Есть еще много открытых важных вопросов...». Сочувствие к чехам как «малому и культурному народу» под журналистским пером переросло в признание его «моральной победы». Отторжение части территории от Чехословакии имеет и положительную сторону, так как в новых границах она станет «более единой с точки зрения внутреннего развития и более гомогенной с национальной и социальной точек зрения»[18].

Высказанное Муссолини желание сменить обанкротившуюся Лигу Наций «Четверным пактом» газета «Утро» прокомментировала с откровенной надеждой на «мирную ревизию»: «Европа накануне новых времен. Дело Мюнхена не закончится Судетским вопросом». Предстоящие «кардинальные перемены в соотношении сил в Европе» поставят перед испытанием отношения между Францией и Советским Союзом, которые не перенесут Судетского кризиса. Газета привлекла внимание читателя к поездке германского министра экономики Вальтера Функа в Юго-Восточную Европу для развития экономических отношений Рейха с новыми балканскими соседями[19].

Соглашение четырех западных сил без участия СССР газета «Днес» объяснила в номере за 4 октября отказом Гитлера и Муссолини вступить в переговоры с Москвой. Проведенная ревизия «территориальных» статей договоров Версальской системы, по мнению газеты, была недостаточной, чтобы избе-

inslav

жать новой войны в Европе. «Основанный на справедливости реалистический мир» в состоянии заменить многолетние упражнения в красноречии на Женевском форуме, не давшие никаких определенных позитивных результатов. Специальный корреспондент газеты живописал поездку фюрера в Судетскую область и его прославление там населением как «освободителя и спасителя»[20].

В тот же день, 4 октября, газета «Мир» высказала сомнение в надежности гарантии чехословацких границ со стороны великих сил. Мотивировала свою позицию газета тем, что об этой гарантия Великобритания и Франция заявили не совместно, а каждая в отдельности. Прежняя непримиримость Гитлера вступила в противоречие с его утверждением, что «после плебисцита в Сааре между Германией и Францией уже не существует никакого территориального спора по вопросу об Эльзасе и Лотарингии», а, урегулировав Судетский вопрос, «Германия не имеет никаких территориальных претензий в Европе»[21].

Констатировав, что Мюнхенское соглашение – «лишь первый шаг к обеспечению мира в Европе, «Зора» прогнозировала следующие события: соглашение о ненападении между Францией и Германией; посредничество между воюющими сторонами в Испании; ограничение вооружений; финансовое сотрудничество великих сил и урегулирование вопроса о колониях. Отсутствие долгосрочного плана «настоящего замирения» газета объясняла различиями в «методах построения европейского мира». «Четверной пакт» не мог полностью заменить международную конференцию с участием Соединенных Штатов Америки и Советского Союза, главная задача которых сводилась к полной мирной ревизии Версальской системы. В противном случае Мюнхенское соглашение означало «не мир, а перемирие», за которым предстоял «прыжок в неизвестность». Установленное в 1919 г. «равновесие» непоправимо разрушено, следовательно, его необходимо заменить «новым равновесием, без которого прочный мир в Европе невозможен». Газета ссылалась на твердое намерение Чемберлена работать на пользу «новых соглашений во имя укрепления европейского мира»[22].

«Расщепление» Чехословакии в результате Мюнхенского соглашения газета «Заря» оценила как перемену «Версальского порядка» в Средней Европе с перспективой развития аналогичных процессов в восточной части континента. В редакционной статье номера за 4 октября уступчивость Чемберлена объяснялась не только неподготовленностью Великобритании к боевым действиям, но и страхом перед «большевистской опасностью». «Сотрудничество с СССР – это обоюдоострый кинжал», – писала газета. Если капиталистическая Англия допустит, чтобы Советская Россия одержала победу над нацистской Германией, то это приведет к «большевизации» и других частей континента[23]. В данном случае болгарские политические обозреватели проявили исключительную прозорливость.

inslav

В передовой статье газеты «Слово» за 4 октября подчеркивалось значение немыслимого еще вчера мирного перекраивания версальской карты Средней Европы. При этом выражалась надежда, что «новое переустройство и исправление границ, определенных мирными договорами», коснется и Балкан. Спокойствие в международных отношениях наступит только при восстановлении справедливости. «Естественно, что правда идет впереди там, где есть сила ее утвердить». Терпение и миролюбие болгарского народа должны быть вознаграждены[24].

Газета «Утро» с пониманием отнеслась к усилиям Венгрии вернуть себе земли с преобладающим (более 50%) венгерским населением. «Братья по оружию» в Первой мировой войне опирались при этом на Мюнхенское соглашение и были преисполнены готовности даже к применению силы для защиты своего меньшинства в Чехословакии. Более того, венгерское правительство настаивало на том, что «пришло время приступить к полной ревизии мирных договоров». В соседней Румынии уже испытывали тревогу, не настал ли черед Трансильвании. Газета напоминала, что в таком случае на повестку дня неизбежно выдвинется и вопрос о Добрудже[25]. Возвращение Южной Добруджи – первое требование в планах болгарской «мирной ревизии».

Последствия четырехсторонней встречи в Мюнхене с перспективой их более широкого воздействия были рассмотрены газетой «Дневник». В ее материалах отмечалось, что Германия господствует в Средней Европе и в сфере ее внимания – восток и юго-восток Дунайского бассейна. Италия озабочена судьбой территорий к югу от Альп и в Средиземноморье. Выкинув «белые флаги в отношении мирных договоров», Великобритания и Франция будут защищать свои колонии на других континентах. «Таким образом, четыре великие силы поделят, хотя бы мнимо, Европу и мир между собой»[26]. При таком раскладе Балканы попадали в сферу влияния нацистской Германии и фашистской Италии.

Царь Борис III, стремясь извлечь выгоды «мирной ревизии» для собственной страны, делал ставку одновременно и на германскую, и на английскую карты. Однако результаты его успешной деятельности в целом оказались краткосрочными. Не спаслись ни Чехословакия, ни мир. 30 сентября 1938 г. в Женеве был подписан протокол, отграничивший Устав Лиги Наций от договоров о мире. Ревизионизм, таким образом, обрел легитимную почву. Правительственный официоз «Днес» позволил себе в связи с этим сверхоптимистический прогноз относительно будущего «мирной ревизии»: «Мир намного ушел вперед – без крови отнимают земли у одного государства, чтобы передать их другому»[27].

Версальская система договоров, опираясь на силу победителей, установила в Европе новые границы. При этом никто не поинтересовался у народов,

inslav

в каких государствах они хотят жить. В мировом сообществе преобладало мнение, что эти навязанные народам договоры можно пересмотреть только силой оружия, поскольку Лига Наций исчерпала свои возможности по сохранению мира. В Софии присоединение Австрии к Германии было воспринято как «счастливое исключение», последовавшее за Мюнхенской конференцией, которая предотвратила или, в сущности, отсрочила на один год назревавший мировой конфликт.

Болгарские журналисты-международники, с одной стороны, были обнадежены появившимися перспективами «мирной ревизии» Нейиского договора, а с другой стороны, боялись возникновения новой мировой войны. Радость от исторического события в Мюнхене сдерживал горький опыт национальных катастроф. Официозные издания предлагали обществу оценки происходивших событий, сообразованные с официальной внешней политикой Царства, точнее, с программами «минимум» и «максимум» «мирной ревизии». На передний план выступали возвращение Южной Добруджи, выход на Эгейское море через Западную Фракию и Западные окраины. Македонский вопрос, занимавший узловое место в балканской политике, был предусмотрительно обойден.

Симпатии болгарского общества нашли отражение на страницах ежедневных газет через напоминание о «братстве по оружию» с Германией и общих для обеих стран тяготах Версальской системы, хотя обозреватели не пренебрегали и поддержкой со стороны «матери монархий» – Британской империи. «Мирная ревизия» Нейиского договора зависела от прочного замирения Великобритании и Германии. Альтернативой мог быть военный вариант со всеми его ужасами и пугающей непредсказуемостью. Мюнхенская конференция подпитывала робкие надежды на перемены в послевоенном статус-кво и на Балканах под давлением стремительно развивавшихся событий в Средней Европе.

(Перевод с болгарского языка – *Т. В. Волокитина*)

Примечания

[1] Днес. 18 март 1938 г.

[2] Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 370. Оп. 4. А. е. 193. Л. 33–34.

[3] Там же. Ф. 3. Оп. 1. А. е. 1226. Л. 1.

[4] Научен архив при Българската академия на науките (далее – НА БАН). Сб. IV. А. е. 109. Л. 78.

inslav

[5] ЦДА. Ф. 3. Оп. 1. А. е. 1226. Л. 1.
[6] Мир, 22, 23, 24 септември 1938 г.
[7] ЦДА. Ф. 95. Оп. 1. А. е. 1. Л. 43.
[8] НА БАН. Сб. IV. А. е. 109. Л. 81–82.
[9] Зора. 1 октомври 1938 г.
[10] Заря. 1 октомври 1938 г.
[11] Мир. 1 октомври 1938 г.
[12] Слово. 1 октомври 1938 г.
[13] Утро. 1 октомври 1938 г.
[14] Там же.
[15] Дневник. 1 октомври 1938 г.
[16] Зора. 1 октомври 1938 г.
[17] Там же. 2 октомври 1938 г.
[18] Заря. 2 октомври 1938 г.
[19] Утро. 2 октомври 1938 г.
[20] Днес. 4 октомври 1938 г.
[21] Мир. 4 октомври 1938 г.
[22] Зора. 4 октомври 1938 г.
[23] Заря. 4 октомври 1938 г.
[24] Слово. 4 октомври1938 г.
[25] Утро. 4 октомври 1938 г.
[26] Дневник. 4 октомври 1938 г.
[27] Днес. 3 септември 1938 г.

inslav

В. И. Косик

Русские на театральных сценах Балкан (1920–1940-е годы)

В театральной сфере, пожалуй, я могу согласиться с тем, что Париж может еще соперничать с Белградом, но не выигрывать. В Югославии все же было больше артистов, игравших на любительских, профессиональных сценах, в государственных театрах, в собственно русских труппах. И что немаловажно, спектакли смотрели не только русские, но и болгары, сербы, хорваты, словенцы...

В Болгарии и Югославии русские не только восхищали своим искусством, но и учили, создавали балетные школы, были созидателями балета, много сделали для подъема его уровня до общеевропейского в Хорватии. Поэтому любое энциклопедическое издание, будь то болгарское, сербское, хорватское, словенское, других народов включает в себя русские имена.

Опера. И здесь опять надо говорить не только о дивных русских голосах, но и о том вкладе, который внесли русские оперные артисты в мир становления и развития этого искусства на Балканах.

Всему этому и посвящен мой экскурс в историю русских на государственных театральных сценах Балкан.

Открывая театральную картинку, начну с Болгарии. Самым известным здесь театральным деятелем был и остается «художественник» Николай Осипович Массалитинов, актер, режиссер, педагог, ставший с 1925 г. главным режиссером Софийского Народного театра, где поставил свыше 130 пьес.

Вместе с женой, актрисой Е. Ф. Краснопольской, и театральным критиком П. М. Ярцевым, он за небольшое время создал «драматическую школу», в которой воспитал новое театральное поколение – П. Герганова, Г. Стаматова, В. Трендафилова, М. Попову, З. Йорданову, К. Кисимова.

Знакомо болгарам имя и Исаака Ездровича Дуван-Торцова. В 1920 г. он работал главным режиссером Болгарского Народного театра, что свидетельствовало о многом, прежде всего, об уважении к русскому театральному опыту, традициям русской сцены. В частности, он поставил пьесу тогда всемирно известного Кнута Гамсуна «У жизни в лапах», продемонстрировав, как писали в прессе, свой режиссерский опыт, «глубокое понимание тонкого артиста»[1].

Гораздо меньше сведений о других мастерах сцены, вклад которых в театральную жизнь Болгарии не столь заметен, но тем не менее заслуживает освещения, в крайнем случае – упоминания.

inslav

Из русских артистов и режиссеров назову сначала Юрия Яковлева. Он приезжает в Болгарию в начале 1920 г. с труппой Елены Александровны Полевицкой. Его актерский талант, «особая красота жестов и мимики» сразу привлекли внимание как публики, так и организаторов театрального дела. В том же году Яковлев начинает работать главным режиссером театра «Ренессанс», где господствовал легкий жанр – оперетты, комедии и пр. Его деятельность впечатляла, и вскоре, после отъезда в 1922 г. И. Э. Дуван-Торцова, он принимает предложение занять его место и стать главным режиссером главной сцены страны – Народного театра. Однако начавшаяся было работа прервалась, вследствие случившегося в 1923 г. пожара в театре. После прощального спектакля в родном «Ренессансе» Яковлев уехал в Ригу. Вместе со своей женой, болгарской актрисой Иванкой Сладкаровой, он вернулся в Болгарию после десятилетней с ней разлуки, только в 1933 г. Тогда же он вновь начинает с музыкально-опереточного жанра, принимая предложение Ангела Сладкарова стать художественным руководителем своего театра. Потом были постановки нескольких оперетт в Кооперативном театре. И наконец, он опять приглашается в Народный театр, где ставит около десятка пьес. Он мог и больше, но болело сердце... Он умер в Бургасе, куда он приехал на премьеру своей постановки[2].

Популярным у русских был и театр русской драмы. Его создала в 1922 г. русская провинциальная актриса Екатерина Николаевна Базилевич (?–1941).

В 1910–1915 гг. она ставила пьесы в Киеве и Харькове, в ее спектаклях играют Качалов и Станиславский. Была знакома с Мейерхольдом. В Болгарии у нее установились тесные связи с Массалитиновым, много помогавшим ее театру, в котором ставились «Буря» В. Шекспира, «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского, «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, «Мещане» М. Горького, «Синяя птица» М. Метерлинка, «Екатерина Иванова» Л. Н. Андреева[3].

В годы войны театр чуть было не закрыли.

По распоряжению Министерства внутренних дел от 25 июня 1942 г., запрещалась «деятельность театра на настоящий сезон, вследствие систематического представления советских пьес». Только благодаря заступничеству влиятельных лиц, друзей театра он не был совсем закрыт и работал до октября – ноября 1944 г.[4]

Теперь о критике и «воспитателе».

В октябре 1921 г. прибыл в Софию известный болгарской театральной богеме театровед, поэт, драматург, эстет с внешностью средневекового рыцаря Петр Михайлович Ярцев (1870 – 04.XI.1930. София), владелец редингота, трубки и гитары!

«Самый зловредный из театральных критиков», – по характеристике Дона Аминадо[5].

inslav

Что еще?

Друг Чехова, Андреева, Комиссаржевской, Станиславского, Качалова, Германовой. Ставил в России «русского Метерлинка» – Чехова...[6]

В 1923 г. Ярцев уже был главным режиссером в театре Пловдива – второй столицы Болгарии. Но там он не задержался: его первая премьера – «Сестра Беатриса» Мориса Метерлинка – была встречена рукоплесканиями, а вторая – «Жизнь Человека» Леонида Андреева – провалилась. Исследовательница его творчества Г. Петкова пишет, что тогда его назвали «главным дефектом» театра, так как «иностранец» не может руководить болгарскими артистами[7].

Потом – с декабря 1923 г. – была непродолжительная работа в Камерном театре, постановки Диккенса, Пшибышевского, Гауптмана, Ибсена. Но весной 1924 г. он закрылся вследствие финансовых трудностей[8].

Добавлю вслед за Г. Петковой, что болгарскому театру, стремившемуся в то время к академизму, было сложно идти к экспериментальным формам.

Так или иначе, но последовало возвращение Ярцева в Софию и чтение лекций по истории и вопросам сценического искусства на курсах при Народном театре. На следующий год он был приглашен Николаем Осиповичем Массалитиновым преподавать «искусство актера» и «историю костюма» в открытой им драматической школе. Там он «буквально "взращивал" актеров, учил их жить ролью – во время репетиции, за кулисами, дома, обращать внимание на любую мелочь костюма, грима, поведения на сцене»[9].

Лишенный возможности самостоятельной режиссерской работы, Ярцев все же участвует в постановке ряда спектаклей («Мастер» Рачо Стоянова, «Горе от ума» Грибоедова), много пишет в русские театральные журналы, в болгарский модернистский журнал «Златорог», выступает с лекциями о русском искусстве и его религиозных истоках, переводит творения болгарских писателей. В 1928 г. в «Голосе», русской газете в Софии, публикует свои «Эмигрантские очерки», а в 1929 г. – «Театральные очерки».

Если для русского зрителя русский театр воспринимался, надо полагать, при всех его «недостатках», как своеобразное волшебное окно, позволявшее вновь очутиться на Родине, то для болгарских строгих ценителей, как Гео Милев и Владимир Василев, русская пьеса воспринималась весьма критично. Так, В. Василев весьма жестко отзывался о русском репертуаре столичного Народного театра, говоря, что ему недостает социальности и он даже играет на отчуждение индивида от проблем действительности[10].

И тем не менее, русский театр, его мастера вошли в историю театрального искусства Болгарии. И сама его история еще далеко не закончена. Снят лишь только первый слой...

Теперь очередь Югославии.

inslav

Русские мастера сцены творили и в народных театрах Королевства – в Загребе, Любляне, Скопле (совр. Скопье), на сценах многих провинциальных городков.

Так, Лидия Васильевна Мансветова, ставшая в 1921 г. первой русской актрисой в драматической труппе Белградского Народного театра[11]. Роли в «Норе» Ибсена и в «Ревности» Арцыбашева – играла на сербском. Успешно пробовала себя в режиссуре.

С 1930 г. по 1946 г. актриса выступала на сцене драматического театра в Сараево. Сцену оставила в Сплите[12].

Из актеров, занимавшихся и режиссурой, назову имя Якова Осиповича Шувалова. В 1919 г. он играл в спектаклях и занимался режиссурой в Белграде. В сезоне 1921/22 гг. были театры в Загребе, Любляне, Триесте, Осиеке, Нови-Саде. В сезонах 1924/26 гг. – подмостки в Вараждине и Любляне. По данным А. Б. Арсеньева, в 1931 г. он работал в Белграде. В 1934/35 гг. – в театре в Нише[13].

Из режиссеров нужно прежде всего назвать имя «всеизвестного» Ракитина Юрия Львовича, режиссера, актера, педагога. Только на сцене Народного театра в Белграде он поставил великое множество самых разнообразных спектаклей по пьесам Метерлинка, Мольера, Гоголя, Островского, Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, Катаева, Булгакова... Его имя вошло в историю театра.

Другое известное имя – Александр Филиппович Черепов.

Как актер и режиссер, Черепов представил себя белградской публике 20 ноября 1929 г., выступив в Народном театре в режиссируемом им спектакле по пьесе А. К. Толстого «Смерть Ивана Грозного»[14]. Потом были и другие белградские сцены. Например, в Палате труда 17 мая 1930 г. он ставит пьесу Леонида Андреева «Тот, кто получает пощечины»[15].

В сезоне 1938/39 гг. и с января по апрель 1941 г. он работал в Народном театре «Король Петр великий освободитель» в Баня-Луке, где поставил свыше десяти пьес, в частности «Живой труп», «Преступление и наказание»[16].

Далее назову имя Александра Александровича Верещагина – актер, режиссер театра, оперы, кино.

Несколько театральных сезонов работал в Белградском народном театре. Потом – в 1922 г. – был Загреб, где преподавал актерское мастерство и режиссуру. В связи с 300-летием со дня рождения Мольера поставил его «Мещанина во дворянстве». Режиссировал «Цезаря и Клеопатру» Бернарда Шоу[17].

Ставил и играл десятки пьес в Сараеве, Сплите, Скопле, Нови-Саде, Осиеке, Сомборе, Панчеве. В частности, в октябре 1924 г., в Сербском народном

inslav

театре в Нови-Саде Верещагин поставил чеховскую «Палату № 6»[18]. Работал даже в далекой столице Черногории – Цетинье.

Дольше всего он пробыл в полюбившемся ему Нови-Саде. Некоторое время даже был тамошним художественным руководителем Сербского народного театра. Его жена Александра Лескова-Медведева тоже ставила и играла пьесы «Воскресение» по Л. Толстому, «Ревность» М. Арцыбашева[19]. Известна и тем, что ставила спектакли в Скопье, Сараеве, Сплите и Осиеке[20].

В 1942 г. Верещагин прибыл в Панчево, где остался до конца сезона 1946/47 гг. Мимоходом замечу, что после завершения войны он стал режиссером и художественным руководителем местной театральной группы, с которой он 13 сентября 1945 г. поставил «Антигону»[21].

«Художественники» В. М. Греч и П. А. Павлов поставили в белградском Народном театре «Трех сестер» (2 ноября 1937 г.), «Вассу Железнову» (22 января 1938 г.), «Свадьбу Кречинского» (12 мая 1938 г.). Директор «Югоконцерта» Е. А. Жуков организовал с их участием в зимне-весенний сезон 1937/38 гг. ряд русских спектаклей, во многом повторявший репертуар Русского театра в Париже: М. А. Алданова «Линия Брунгильды» (5 декабря 1937 г.), Н. А. Тэффи «Момент судьбы» (26 декабря 1937 г.), В. В. Шкваркина «Ночной смотр» (конец апреля 1938 г.)[22].

Но если о русских на белградских сценах можно рассказывать долго, то о русских мастерах в Загребе, Любляне, Сараеве придется говорить значительно меньше уже потому, что и соотечественников там жило немного, да и с профессиональными актерами и актрисами было плохо: всех или почти всех «забрал» Белград. Да и не со всеми складывались отношения.

Ярчайший пример – «случай» Георгия (Юрия) Эрастовича Озаровского. По настойчивой просьбе главы загребской администрации, влиятельных представителей хорватской общественности и, самое главное, благодаря желанию самой труппы, он был в 1919–1920 гг. педагогом, актером (известны его роли Хлестакова и «недоросля» Митрофанушки), и художественным руководителем Хорватского Народного театра в Загребе. Поставил такие спектакли, как «Ревизор», «Женитьба», «Недоросль» – с минимумом декораций. Судя по письму директору театра, условия, в которых он работал, и отношение к нему директора были настолько отвратительны, что он грозил отставкой, если положение не изменится. Судя по его отъезду в Париж, где он открыл актерскую школу, соглашения не получилось[23].

О самих актерах известно немногое. Так, Елена Владимировна Лукателла-Маньковская (урожд. Изместьева) завершила в 1923 г. актерскую школу в Загребе. С 1924-го до 1929 г. выступала на сценах Белграда, Сараева и Осиека. С 1929-го по 1936 г. играла на сцене Хорватского Народного театра в Загребе.

inslav

Потом были ангажементы в Цетинье и Осиеке, в 1943 г. была на гастролях в хорватской столице, сменившихся ангажементом (до конца июня 1945 г.), потом в Вараждине (до середины 1947 г.)[24].

И наконец о «тиране» сцены – режиссере Борисе Кривецком (Одесса, 1883 – Париж, 1941) известно совсем неприлично мало: жил в хорватской столице с 1923 г., ставил в Загребе оперы и оперетты до примерно 1925 г. После 1934 г. несколько лет работал в г. Нови-Сад[25].

В Любляне бешеной популярностью пользовалась Мария Николаевна Наблоцкая. Она играла не только в постановках мировой классики, в спектаклях русской классической драматургии, но и в пьесах национальных авторов, ради примера назову Ивана Цанкара, Мирослава Крлежу. Ее первым словенским режиссером был знаменитый Осип Шест[26]. Когда Мария Николаевна ушла из жизни, то проводить ее на кладбище «пришла почти вся Любляна»[27]. Это было последним признанием в любви к великой актрисе.

Люблянским театралам запомнился Борис Николаевич Путята не только как блестящий актер, игравший главные роли во многих спектаклях русской классики, национальных авторов, мировой драматургии, но и в должности режиссера. П. В. Борисов писал мне, что Путята «...на развитие люблян.[ского] драматического театра оказал большое влияние, режиссировал также классическую и модерную комедию. Помог художественному развитию и воспитанию люблян.[ского] драматического театра. Драматизировал Достоевского романы "Идиот" и "Село Степанчиково", а также "Анну Каренину" Толстого»[28].

Но не всегда русское имя означало аншлаг. Так, на люблянском театральном горизонте в начале 1920-х гг. «промелькнула» труппа под руководством М.Муратова. Ее история еще не вполне прояснена. Актеры открыли свои выступления в 1920 г. русской драмой «Анфиса» Л. Н. Андреева (2 сентября), потом последовали «Пигмалион» Б. Шоу (25 сентября), «Женитьба Фигаро» Ж. Бомарше (27 октября) и др. Почти вся труппа была принята в Народный театр. Однако словенские артисты, выступавшие за «словенскость» драмы, воспротивились и 1 ноября начали забастовку, которая длилась 12 дней и была прекращена после вмещательства функционеров из Белграда. Против забастовки выступил Путята, не признававший «забастовки в искусстве». Для него она выглядела «некультурной и неколлегиальной» По его мнению, словенскому театру недоставало особенно «техники коллективного творчества», поэтому труппа Муратова, писал он, «на очень скромных условиях», приняла предложенный ей ангажемент, хотя намеревалась ехать в Прагу. Труппа, подчеркивал Путята, желала привнести в молодой словенский театр 200-летнюю культуру русского театрального творчества[29]. Тем не менее актерского союза не получилось, и русские комедианты вскоре покинули сцену Любляны.

inslav

Сейчас попробую рассказать немного о русских мастерах на оперной сцене.

Вначале Болгария.

В этой сфере искусства россыпь имен.

В 1924–1927 гг. главным дирижером в Народной опере был Юрий Николаевич Померанцев, композитор, балетмейстер, оперный дирижер.

Из оперных дирижеров упомяну еще Ивана Иванцова, работавшего в 1920–1921 гг. в Народной опере[30].

Непременно следует назвать и Моисея Марковича Златина.

Его первые постановки связаны с творениями Мусоргского и Римского-Корсакова. Моисей Маркович три раза стоял во главе столичной оперы, доведя ее до европейского уровня. Имя Златина связывается историографом болгарской оперы Розалией Бикс с новыми постановками, введением новых инструментов в оркестр, основанием вместе со своими болгарскими единомышленниками Болгарской народной филармонии, первым дирижером которой он стал. Он стоял за дирижерским пультом в 1921–1924 гг., апреле–ноябре 1929 г. и в 1932–1936 гг.[31].

Из «перелетных птиц», певших на сцене Народной оперы назову несколько имен.

Это – бас Евгений Ждановский, выступления которого запомнились болгарским ценителям. Можно назвать такие партии, как князя Ивана Хованского, Бориса Годунова, Варлаама, Ивана Сусанина.

Бас-баритон Георгий Юренев гастролировал в Софии три сезона подряд в начале 1930-х гг. Пел партии Бориса Годунова, Мефистофеля, Риголетто и др. На оперную публику он оставил глубокое впечатление трактовкой традиционных ролей и ярким драматическим дарованием[32].

Десять лет, с 1930 по 1939 г. пел заглавные партии в Народной опере тенор Константин Иванович Каренин. Он известен как исполнитель главных партий в «Борисе Годунове», «Хованщине», «Князе Игоре», «Евгении Онегине». С 1950 г. – профессор Пражской консерватории. Его учеником был знаменитый в славянском мире эстрадный певец Карел Готт[33].

В театре «Ренессанс» можно было услышать знаменитого Н. Гукасова в «Пиковой даме» П. И. Чайковского, а также голоса Иды Ард в роли Полины, артистки оперы Зимина М. В. Мустановой в роли Лизы, С. Тимашеву – в роли графини, Д. С. Курагина в роли графа Томского, Д. Альшанского в роли князя Елецкого, Н. Фатьянова и др.[34]

Из дирижеров назову еше имя Николая Векова, который держал первенство среди иностранных дирижеров по продолжительности своей деятельности в оперной жизни Софии (1921; 1922–1925; 1930–1931 гг. – главный дирижер).

inslav

В 1943 г. изумительный болгарский тенор Стефан Македонский написал о нем следующие строки: «Веков был яркий представитель старой русской школы. Он не признавал новых течений в искусстве. Он не признавал нового темпа, новой динамики времени. Все новые искания, – говорил он, – рухнут и вернется старый, благородный классицизм»[35].

Среди «перелетных» дирижеров, работавших в Софии и оставивших значительный след в музыкальной истории, выделялся знаменитый Исай Александрович Добровен (Добровейн) (наст. фамилия Барабейчик), известный и как пианист. Он работал в Народной опере только в сезоне 1927/28 гг. и в 1935 г., дирижировал несколькими симфоническими концертами, равно как и стоял за привычным пультом во время некоторых оперных спектаклей, а также поставил оперу Э. Альбера «В долине». Его супруга Мария Добровен, вспоминая его пребывание в Болгарии отмечала, что Добровен чувствовал себя в Софии лучше, чем в Германии, где работал долгие годы. После своих концертов и спектаклей в 1935 г. он писал ей, что София его потрясла своей любовью и уважением к нему. О его популярности свидетельствовала карикатура в одной из софийских газет. На ней были изображены два министра, один из которых говорит своему коллеге: «Посмотри, мы стараемся дирижировать страной по парламентской партитуре, но ни черта не выходит из этого, а Добровен и без партитуры достигает удивительных результатов. Значит дело не в партитуре, а в дирижере»[36].

Из русских голосов, запомнившихся болгарскому ценителю оперы были Лидия Липковская, прекрасная исполнительница партий Розины и Джильды, баритон Иван Иванцов[37].

Автор прекрасной книги о болгарской опере в Софии Р. Бикс, говоря об «иностранцах» в болгарском оперном театре, о сложности такой темы, ее проблемах, связанных с эстетикой национального театра, констатирует, что до середины 1940-х гг. певцы-иностранцы, в основном из русских эмигрантов, благотворно повлияли на национальную оперу[38].

Опера, оперное искусство всегда есть элемент цивилизации, Европы. До Великой войны, начавшейся в 1914 г., в Белграде певцы-любители ставили «Трубадура», да еще две-три оперы и оперетты. Ситуация резко изменилась с образованием Королевства, в котором, как во всяком европейском государстве, должна быть опера! И тут помог «случай» под названием «русский исход», когда в столицу прибыли русские певцы и певицы и «сразу же организовалась опера уже не на любительский лад».

К началу сезона 1921/22 гг. Белградская опера наряду с несколькими выдающимися отечественными артистами имела почти полностью сформированную труппу из русских беженцев, которые, как в сказке, дали возможность совершенно фантастически обновить репертуар[39].

inslav

Таланты и профессионализм русских артистов позволяли им не только успешно участвовать в сербских операх, но и знакомить поклонников этого вида искусства с оперной классикой России: «Евгением Онегиным», «Пиковой дамой», «Царской невестой», «Борисом Годуновым» и многими другими замечательными творениями.

С 1920-го до 1941 г. было поставлено 156 оперных и балетных спектаклей, а в 132 участвовали русские артисты[40].

Их влияние приняло характер школы.

По сути дела русские, как подчеркивают сами сербы, так или иначе «содействовали росту художественного уровня Белградской оперы, даже созданию некоторых белградских оперных традиций, и, что весьма важно, воспитанию отечественных певцов.., заменивших впоследствии своих русских коллег, учителей»[41].

В экстаз ценителей оперного пения приводили выступления Лизаветы Ивановны Поповой. В ее репертуар входило множество заглавных партий: назову только некоторые – Татьяна, Баттерфляй, Тоска, Манон, Лиза, Джульетта, Марта, Тамара, Луиза, Ярославна, Дездемона, Кармен[42].

Из певиц, на которых во многом держалась Белградская опера, назову еще несколько имен.

Евгения Дмитриевна Вальяни. С 1921 и до 1939 г. как гость или постоянный член белградской труппы спела Ацучену, Кармен, Ольгу, Миньон, Амнерис, Кончаковну, Марину, Полину, графиню в «Пиковой даме»[43]. Добавлю, что уже в первые белградские годы она смогла спеть партию Миньон на сербском языке, что сразу было отмечено в журнале «Музички гласник»[44].

Неонила Григорьевна Волевач (Вольевач). С 1921 г. по 1931 г. – примадонна оперной труппы в Белграде. О ней в 1921 г. в белградской «Трибуне» писали: «В среду 1 июня первый раз на нашей сцене она пела “Джильду”. Этот день стал небольшой, но датой, в развитии нашей Оперы. Случилось чудо. После первых нот публика разинула рот от удивления, а потом взволнованная неожиданным действием чарующей арии, затаив дыхание слушала, чтобы потом дать волю своим чувствам и разразиться аплодисментами»[45].

София Рудольфовна Драусаль – колоратурное сопрано. Эмиграция для нее началась в волшебном Дубровнике. После первого же концерта она была замечена и привлечена в труппу Белградского Народного театра[46]. С 1920-го по 1928 г. – солистка Белградской и Нови-Садской опер[47]. Хвалебного отзыва удостоились ее «прекрасная Розина, замечательная Микаэла, Пастушка (Пиковая дама)»[48].

Запомнилась публике и певшая на сцене Императорского Мариинского театра Дарья Захарова – «выдающаяся Кармен, замечательная, горячая, стилизованная Амнерис, стильная Марина»[49].

inslav

Евгения Владимировна Лучезарская – меццо-сопрано. О ней известно немногим больше, чем о Захаровой: после завершения обучения в консерватории в Санкт-Петербурге пела в Народном доме в Северной Пальмире, потом три года – в Большом театре. Последние три года перед эмиграцией она выступала в городском театре Одессы. С 1918 г. – в эмиграции, пела в Белграде, потом в Бухаресте, в Италии. Ее можно было видеть и слышать и в «Русской опере» в Париже. Белградские любители оперы могли очаровываться ее голосом и в 1926 г. – Марина, Кармен, Амнерис[50].

Волшебным лирическим сопрано обладала полька Елена Ловшинская (Ловчинская). Была первой певицей, получившей 17 мая 1919 г. ангажемент в Народном театре, т. е. еще до открытия Белградской оперы, в которой она блистала до 1925 г. Завоевала публику своей Чио-Чио-Сан, голосом, то полным радости, то глубокой трагической боли. В 1924–1925 гг. – солистка Нови-Садской оперы. Часто гастролировала в Осиеке[51].

Короткое время (май 1920–1922 гг.) на сцене столичной оперы звучало меццо-сопрано Антонины Р. Свечинской в «Евгении Онегине»[52].

Генеральская дочь Ксения Роговская чаровала лирико-драматического сопрано редкой красоты. Ценителям запомнились «прекрасная Тоска, нежная Аида, трогательная Мими, благородная Лиза»[53]. Первый раз она появилась на сцене в роли Татьяны, заслужив в прессе восторженные отзывы. Эту партию пела с 1920-го по 1923 г, и в 1933 г. как гость. Свои роли пела на сербском языке, чем потом гордилась[54].

Дуайеном сербской оперы был один из любимцев столичной публики баритон Павел Федорович Холодков, почти без перерывов выступавший с 1921-го по 1951 г. на сцене оперного театра. Спел около тридцати партий, исполнение которых, по мнению публики и критики, всегда было безукоризненным. Он принадлежал к тому поколению оперных артистов, которые расширяли интерес к музыкальной культуре среди сербов. В его репертуаре были Риголетто, Жермон, Онегин, Мефистофель, Эскамильо, Яго, Валентин, Грязной, Игорь, Писарро, Бег Пинтарович в «Хасанагинице» и пр. Радовал своим голосом Любляну (1925–1928 гг.), Скопье (с 1949 г.), где еще и преподавал вокал. Гастролировал по Европе, был желанным гостем ее оперных сцен[55].

С 1921-го по 1928 г. солистом Белградской оперы был Георгий Матвеевич Юренев, драматический тенор. Он запомнился как «обладатель исключительной силы баритона. Великолепный Моряк-Скиталец, хороший Борис Годунов, блестящий Валентин, яркий Риголетто». Дебютировал в «Риголетто». Пел все заглавные партии в операх «Риголетто», «Тоска», «Борис Годунов», «Аида», «Фауст», «Кармен», «Царская Невеста», «Сказки Гофмана», «Паяцы», «Летучий Голландец», «Лоэнгрин» и др. – около 40 опер[56].

inslav

Певец, режиссер, педагог Евгений Семенович Марьяшец сыграл большую роль в становлении Белградской оперы[57]. 30 июня 1920 г. он официально вошел в труппу Народного театра. В новом сезоне он поставил «Севильского цирюльника» и «Риголетто»[58]. Блестящие выступления с 1921-го по1925 гг. (спел 26 партий) были внезапно прерваны, вероятно, вследствие каких-то проблем с голосом. Потом была работа суфлером, затем на режиссерской ниве. При жизни его даже «хоронили»: в некрологе, опубликованном на основании непроверенных данных, были слова: «Бас феноменальной глубины и талантливейший артист... непревзойденно сыграл целый ряд оперных персонажей, из которых такие, как Дон Базилио в "Севильском цирюльнике" и Варлаам в "Борисе Годунове" еще не скоро получат лучшего интерпретатора»[59].

После Второй мировой войны Е. С. Марьяшец продолжал служить своим опытом и талантом сербской опере уже в качестве педагога в музыкальной школе в Нови-Саде, а в конце жизни – в Титограде (совр. Подгорица)[60].

С 1924 по 1936 г. с некоторыми перерывами белградцы могли слышать бас-баритон Бориса Павловича Попова, исполнявшего романсы, русскую оперную классику, умевшего петь на французском, испанском, итальянском языках[61]. Раньше, в 1923–1924 гг., он радовал своим искусством и Любляну, куда вернулся в 1939 г. и пел там до 1945 г.[62]

Погружаясь в оперный мир, нельзя обойти вниманием знаковую фигуру в белградском театральном мире – Феофана Венедиктовича Павловского, оперного певца, режиссера.

С 1 августа 1921-го по 1928 г. он – режиссер драмы и оперы Народного театра в Белграде. Ф. В. Павловский поставил всю репертуарную основу оперы (23 премьеры и 9 обновленных)[63].

О его мастерстве режиссера так писал аноним-театрал: «Павловский, бывший артист Московского Императорского Большого театра, приглашенный в Белградскую оперу, заявил себя врагом устаревших традиций и консерватизма и начал борьбу, подчас тяжелую, но из которой вышел с большой честью».

Русский мир оперы связан и с сочинительством. Только одно имя – Владимир Нелидов (композитор и пианист), написавший музыку к ряду драм, шедших в Национальном театре, и оперу «Смерть матери Юговичей»[64].

Теперь Загреб. Опера в Хорватии была не только желанным гостем на сценах, но и давно вошла в мир театральной культуры страны, тесно связанной с Веной, следовательно, с европейской цивилизацией.

Здесь приживались немногие из русских оперных певцов и певиц. В основном сюда любили приезжать на гастроли из Белграда, о чем я уже говорил выше. Но были и мастера оперной сцены, ставшие своими в Загребе. Здесь можно назвать меццо-сопрано Елену Андреевну Морозову, начавшую петь

inslav

с конца 1921 г. именно в Загребской опере[65]. Вначале она принята была на белградской сцене, а потом – с начала сезона 1921/22 гг. по 1927 г. чаровала свои голосом, особенной «окраски» Загреб. Лучшие партии спела в русских операх[66].

С 1921 г. в Загребе вместе мужем обосновалась выпускница Санкт-Петербургской консерватории Елизавета Ивановна Кульженко (девичья фамилия Мусатова). Ее пение можно было услышать в самых различных местах: от Мюзик-холла до протестантской церкви, от зала Теософского общества до неврологической больницы. Занималась и преподавательской деятельностью, обучая загребчан своему искусству[67].

Слышали в Хорватии и голос выпускника Загребской музыкальной академии Анатолия Маношевского. С 1926 г. он выступал вначале в Загребской опере, потом в Осиеке и Риеке, где в 1953 г. отметил 25-летие своей сценической деятельности. Спел около 90 партий[68].

В соседней Словении ситуация в чем-то была схожей с Хорватией. Там имелась своя опера, австрийского образца, вернее, венского. Здесь все дышало Европой. Правда, Любляна – не Вена, но все же ставились отличные оперные спектакли, в которых пели и русские артисты. Их было немного, но это были звезды первой величины. Назову имена Бориса Попова, Александра Балабана, Павла Холодкова[69].

Из хореографов в Словении звездой первой величины был Петр Николаевич Грессеров-Головин. Танцовщик, педагог, хореограф – он отдал опере в Любляне почти двадцать лет (1924–1945 гг.).

За тридцать с лишним лет Головин-Гресеров ставил хореографию в десятках спектаклях.

В историю Словенского театра вошло имя замечательного хореографа М. Туляковой. В частности, в 1926 г. она работала над операми В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро» и Ф. Галеви «Жидовка»[70]. Известна ее хореография и в опереттах, например, в «Марице» И. Кальмана» в 1926 г.[71]

Пробовал себя в опере в привычной роли режиссера и уже знакомый Б. Путята, поставив «Бориса Годунова» М. П. Мусоргского в 1921 г. и «Майскую ночь» Н. А. Римского-Корсакова в 1924 г.[72]

Все это позволяет с полным правом утверждать, что русские мастера способствовали немало развитию оперного искусства не только в Сербии, но и в Словении.

Теперь очередь Нови-Сада, где оперная труппа в сербском театре была создана благодаря увиденному искусству оперных певцов и певиц, гостивших в этом городе. Культурная столица Воеводины не могла уже существовать без оперы. За 1920–1925 гг. новосозданная труппа представила свыше 20 оперных

inslav

спектаклей. Подчеркну, что ее большинство составляли русские из оперных театров Варшавы, Киева, Москвы, Одессы, Санкт-Петербурга, Тифлиса, «принятые по контракту или приезжавшие на гастроли из Белграда»[73].

Среди местных певцов можно назвать Надежду Архипову, Николая Баранова, Веру Горскую, Антонину Трегубову, Марию Ванифатову (урожд. Шевченко), Александру Флегинскую, Сергея Усова; вспомнить инструментальное трио – скрипач Павел Фигуровский, виолончелист Петр Пожарский, София Полетика, фортепиано[74]. Некоторое время там пел артист Александр Михайлович Траснянский (ок. 1884 – 24. 06. 1936, Париж), выступавший до революции с Собиновым в концертах[75].

И в заключении немного о балете.

Болгария.

Из русских звезд балета, блиставших в межвоенный период, назову Анну Воробьеву. Мастерство русской балерины позволило ей войти в состав балетной труппы Софийского оперного театра, где стала прима-балериной. Она танцевала центральную партию в балете «Коппелия», премьера которого 28 февраля 1928 г. считается днем рождения болгарского балета.

Ее имя связано с созданием балета в народных оперных театрах в Стара Загоре и Пловдиве[76].

Теперь Югославия.

Начну с Белграда. Само искусство Терпсихоры было определенным «вторжением» для сербской культуры. Во многом благодаря совместным усилиям директората Народного театра в Белграде и собственно русских артистов, сербская публика «приучалась» видеть балетное искусство вначале в виде номеров в оперных спектаклях. Потом, опять-таки вследствие обоюдного интереса в 1920 г. создается под руководством известной балерины Клавдии Лукьяновны Исаченко «Малая балетная школа». Последовательница стиля Айседоры Дункан, т. е. пластического балета, она внесла свой скромный труд в развитие этого искусства в Сербии.

Итак, балетные звезды. Назову лишь некоторых.

Елена Дмитриевна Полякова.

Первый белградский сезон в Народном театре она начала 1 сентября 1922 г. постановкой балета в опере «Проданная невеста» Сметаны. В том же году представила зрителям и «Шехерезаду» Римского-Корсакова. В последующие сезоны поставила балеты в операх «Кармен» Бизе и «Еврейка» Фроменталя (4 апреля и 15 мая 1923 г.), в которых танцевала заглавные партии. Ангажемент Поляковой кончился в сезоне 1926/27 гг. и не был возобновлен руководством театра, стремившимся дать дорогу национальным кадрам. Она продолжала выступать, но уже как приглашенная балерина в отдельных балетных

inslav

спектаклях. 21 мая 1929 г., отметив 25-летие выступления на сцене выступлением в роли Царевны в балете Ц. Пуни «Волшебный конек», она простилась с белградской публикой. Награждена орденами Св.Савы 5-й и 4-й степеней. Круг судьбы завершился: она исполняла эту партию после окончания училища в Царском селе перед русским монархом и завершила в том же балете перед югославским королем. После ухода со сцены Полякова много времени отдавала педагогике, которой она занималась с 1922 г. в актерско-балетной школе. После того как в 1927 г. она, вследствие недостатка денег, закрылась, Полякова открыла свою студию. Именно там готовились артисты и артистки балета, мастерство которых будет восхищать поклонников этого завораживающего своей красотой искусства. Некоторые из ее воспитанниц открыли свои школы. В Париже, этой мировой столице искусства, можно было услышать, что белградская балетная школа лучше парижской. В русской прессе подчеркивали: «В школе Поляковой, кроме русских, много и сербских учениц, – сама школа так прочно срослась с Белградом, стала неотъемлемой частью его культурной жизни, – что восторженные отчеты сербских газет с одинаковой радостью называют, независимо от национальности, имена новых балерин, созданных школой Поляковой». Уроки мастерства у нее брали и солисты из Народного театра. С 1937/38 по 1940/41 гг. она вела балетный класс в Средней музыкальной школе при Музыкальной академии в Белграде[77].

И конечно, нельзя не назвать имя Анатолия Михайловича Жуковского, солиста, хореографа, режиссера, шефа балета Народного театра в Белграде с 1925 по 1943 г. Первый раз его имя упоминается в официальном списке танцовщиков балета Народного театра в сезоне 1925/26 гг. С сезона 1927/28 гг. он – солист балета. С 1932/33 гг. – первый танцовщик. С 1938 г. – официальный балетмейстер. С 1935-го по 1941 г. поставил 11 балетов в операх и 10 хореографий в балетном репертуаре. В 1938 г. после выступления в Болгарии получил орден от царя Бориса III. Изучал народные танцы. Был в числе организаторов неофициальной группы фолькбалета. Во время войны поставил патриотический балет «В долине Моравы», выдержавшего только четыре представления, после которых он был закрыт немцами, увидевшими в нем «националистическую пропаганду».

Блистательный успех имела и Кирсанова Нина Васильевна, отдавшая десятилетия сцене. С 1923-го по 1926 г. она танцевала на белградской сцене Народного театра заглавные партии в «Шехерезаде», «Коппелии», «Лебедином озере», «Жизели» и др. В операх «Фауст», «Манон», «Пиковая дама», «Проданная невеста», «Миньон», «Еврейка», «Аида» исполняла балетные партии. Была и прима-балериной и шефом балета и режиссером и хореографом Народного театра: поставила 28 хореографий в балетном и оперно-балетном репер-

inslav

туаре: «Жизель», «Тайна пирамиды», «Охридская легенда», «Петрушка», «Осенняя поэма» и др., станцевала 18 главных партий в балетах и 11 балетных соло в операх. В 1946 г. основала балетную студию, которая быстро переросла в государственную балетную школу. Работала в театрах Сараево, Скопье, Риеки[78].

Что еще? Ее называли «интеллектуалкой в балете»[79].

Из хореографов в Словении звездой первой величины был упоминавшийся ранееи Грессеров-Головин, которому принадлежит хореография в 50 балетах, режиссура в 31 опере и в 15 опереттах, хореография в 83 операх и в 61 оперетте, постановка танцев в 35 балетных представлениях[80].

Русские мастера танца были и в Нови-Саде. В 1921 г. в балетную труппу при новосадском сербском народном театре удалось «сманить» во время гастролей русских артистов балета Елизавету Равскую (Раевскую?), Марию Соболеву, Валентину Валину[81].

Кардинальные изменения произошли и в хорватском театре, где с конца XIX в. на балетной сцене доминировали итальянки. Развитие этой сферы искусства было связано с плеядой русских мастеров, связавшими свою жизнь с балетом. Прежде всего назову имя зеленоглазой и рыжей, «с чудными быстрыми ножками», Маргариты Фроман. Прима-балерина, хореограф, балетный педагог, шеф балета, оперный режиссер, и артистка, она установила твердое основание для Югославского балета, вдохновительница композиторов, впервые создавших национальные югославские балеты, – слова, которыми пестрят воспоминания о Маргарите Фроман.

И напоследок: благодаря Фроман и ее братьям – танцовщику Валентину, танцовщику и хореографу Максимилиану, художнику, сценографу Павлу, «качество балетного репертуара Хорватского Народного театра в двадцатых и тридцатых годах 20 столетия не отставало от всемирно известных европейских театров»[82].

Известны имена и других русских мастеров балета: Ольга Александровна Кононович, Федор Васильев, Ольга Орлова, Анна Ройе[83].

Благодаря исследованию хорватского исследователя З. Подковаца, нужно назвать еще имена Александровской Ирены (Строцци), Бекефи Юлии, Браницкой Наталии, Брюховецкой Нины, Чагодаевой Неды, Чудиновой Кати, Касимовой Кати, Миклашевской (Узелац) Натальи, Маркович Зоры, Маркович Радмилы, Пастуховой (Веригиной) Ольги, Редл (Хрусталева) Анны, Сидоровой (Мироновой) Татьяны, Захаревской Ольги, Касимова Алексея, Илинского Николая, Коровина Александра, Малосея Ивана, Скригиной Лии, Скригина Георгия[84].

Прошло не так уж много времени, как с культурной сцены ушли последние русские могикане. Но остались школа, ученики, эпигоны, память в искус-

inslav

стве, а это – не всегда возвращение, а скорее движение вперед! И русское искусство по-прежнему присутствует в культурной жизни стран балканских народов.

Примечания

[1] Россия. 1920. 1 октября. № 30. С. 2.

[2] *Ратиев А.* кн. То, что сохранила мне память. Мемуары. София, 1999. С. 568, 569.

[3] *Даскалова Е.* Руските театрални дейци в България // Бялата емиграция в България. София. 2001. С. 254, 255.

[4] Там же. С. 254.

[5] *Дон Аминадо.* Поезд на третьем пути. М.., 2006. С. 110.

[6] Театрален живот. 1922. № 2. Пловдив. С. 7.

[7] *Петкова Г. П.* М. Ярцев – забытый театральный деятель // Новый журнал. 1999. № 216 (http//nature.web.ru/db/msg.html?mid=1185861).

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] *Поппетров Н.* За рецепцията на съветското изобразително изкуство в България 1918–1944 г. От общи съображения към конкретни примери. Една хипотеза // Русия и България между «филството» и «фобството». Материали от научните конференции «Русия и Европа през XX век» и «Русия в българската история». Электронный носитель. С. 182.

[11] Новое время. 1921. 14.05. № 17. С. 3.

[12] *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije u znanstvenom I kulturnom životu Zagreba. Zagreb, 2006. S. 151.

[13] *Арсењев А.* Биографски именик руских емиграната // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. В 2-х т. Београд, 1994. Т. II. С. 325–326.

[14] *Маркови О., Чоли Д.* Александр Черепов и «Руско Драмско Позориште за Народ» // Руска емиграција. С. 130–131.

[15] *Качаки J.* Руске избеглице у Краљевини СХС / Југославији: библиографија радова 1920–1944. Београд, 2003. глице у .иште за Народ"//nature. С. 355.

[16] *Марковић О., Чолић Д.* Указ. соч. С. 136.

[17] *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. S. 171–172.

[18] *Арсеньев А.* У излучины Дуная. М.., 1999. С. 46.

[19] Там же. С. 47.

[20] *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. S. 149.

[21] *Палибрк-Сукић Н.* Руске избеглице в Панчево 1919–1941. Панчево, 2005. С. 83.

inslav

[22] Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными 1928–1938. / Публ., вступит. ст. и примеч. В. В. Иванов // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М., 2004. Вып. 3. С. 566.

[23] Pismo Jurija Erastoviča Ozarovskog intendantu Hrvatskoga narodnog kazališta u Zagrebu // Književna smotra. Zagreb, 2001, № 119. S. 65; *Арсењев А.* Биографски именик руских емиграната. С. 285–286.

[24] *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. S. 49.

[25] *Ribkin-Puškadija T.* Ruski dramski studio u Zagrebu // Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata Rubovi, memorija. Zagreb, 2006. S. 115–116; Мнемозина Вып. 3. М., 2004. С. 554.

[26] *Nablocka M.* Izpovedi. Ljubljana 1959. S. 90.

[27] Ушедшая Любляна // Новое русское слово. 1975. 17.08. С. 18.

[28] Письмо П. В. Борисова автору от 9.08.2007 г. // Архив автора.

[29] *Moravec D.* Slovensko gledališče od vojne do vojne (1918–1941). Ljubljana, 1980. S. 82.

[30] *Бикс Р.* На опера в стара София. София, 2000. С. 169.

[31] Там же. С. 87, 169.

[32] Там же. С. 148.

[33] *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах 2004, М., 2005. С. 519; Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999. В 6 т. Сост. В. Н. Чуваков. Т. 3. М., 2001. С. 199; *Бикс Р.* На опера в стара София. С. 150.

[34] Русское дело. 1922. 3 марта. № 81. С. 3; 13 мая. № 129. С. 1.

[35] Цит. по: *Бикс Р.* На опера в стара София. С. 87, 169.

[36] Там же. С. 110.

[37] Там же. С. 85.

[38] Там же. С. 87.

[39] *Турлаков С.* Руски уметници у Београду // Руси без Русије. Српски Руси. / Изд. Д. Јнићијевић, З. Шлавик. Београд, 1994. С. 28.

[40] Там же. С. 29.

[41] *Мосусова Н.* Руска уметничка емиграција и музичко позориште у Југославији изме у два светска рата // Руска емиграција. С. 145.

[42] *Турлаков С.* Руски уметници у Београду. С. 33.

[43] *Турлаков С.* Указ. соч. С. 28, 34; *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С.Х.С. // Призыв (Белград). 1926. № 4. Июль. С. 46; *Арсењев А.* Биографски именик руских емиграната. С. 237.

[44] *Павловић М.* Указ. соч. С. 158.

[45] *Палибрк-Сукић Н.* Указ. соч. С. 72.

inslav

[46] *Петровић В.* Указ. соч. С. 174.

[47] *Арсењев А.* Биографски именик руских емиграната. С. 253.

[48] *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С.Х.С. С. 46.

[49] *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С.Х.С. С. 46.

[50] *Турлаков С.* Указ. соч. С. 34; Незабытые могилы. 2004. Т. 4. С. 250.

[51] *Павловић М.* Институализовања опере (и балета) у Народном позоришту у Београду и руски уметници // Руска емиграција. С. 172; *Арсењев А.* Биографски именик руских емиграната. С. 274.

[52] *Павловић М.* Указ. соч. С. 158; *Арсењев А.* Биографски именик руских емиграната. С. 301.

[53] *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С.Х.С. С. 46.

[54] Там же. С. 62.

[55] *Турлаков С.* Указ. соч. С. 37; *Петрови В.* Руски оперски певачи и београдска музичка критика и публика // Руска емиграција. С. 174; *Арсењев А.* Биографски именик руских емиграната. С. 319.

[56] Новое время. 1928. 14.06. № 2133. С. 3.

[57] *Турлаков С.* Указ. соч. С. 26.

[58] Там же.

[59] *Петровић В.* Руски оперски певачи. С. 173.

[60] *Арсењев А.* Биографски именик руских емиграната. С. 278.

[61] *Турлаков С.* Указ. соч. С. 37.

[62] *Арсењев А.* Биографски именик руских емиграната. С. 293.

[63] Там же. Биографски именик руских емиграната. С. 288; *Турлаков С.* Указ. соч. С. 28, 33; Незабытые могилы. 2004. Т. 5. С. 308.

[64] *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С.Х.С. С. 43.

[65] Новое время. 29.12.1921. № 206. С. 4.

[66] *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije. S. 152.

[67] Ibid. S. 148.

[68] Ibid. S. 150.

[69] Ушедшая Любляна // Новое русское слово. 1975. 17.08. С. 18.

[70] Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967. Ljubljana. S. 218, 219.

[71] Ibid. S. 218.

[72] Ibid. S. 210, 215.

[73] *Арсеньев А.* У излучины Дуная. С. 43, 44.

[74] Там же. С. 50.

[75] Незабытые могилы. Т. 6. Кн. 2. М., 2006. С. 441.

inslav

[76] *Дертлиева А.* Творческа и жизненна съдба на Анна Митрофановна Воробьова. По документи от личния и архив // Българо-руски отношения през XX век. София, 2000. С. 95–96.

[77] *Павлович М.* Становление оперы и балета. С. 307; Россия и славянство. 1933. 01.07. № 222. С. 4; *Р.* Русское искусство в Югославии // Часовой. С. 32; *Шукуљевић-Марковић К.* Јелена Димитријевна Пољакова // Руси без Русије. С. 46, 48, 49–55.

[78] Comoedia. № 40. 1926. С. 10; *Шукуљевић-Марковић К.* Балетско стваралаштво Нине Кирсанове, примабалерине, кореографа и педагога // Руси без Русије. С. 117–136.

[79] Comoedia, № 40, 1926. С. 11.

[80] *Gresserov-Golovin P.* Moja ljuba Slovenija. Ljubljana, 1985. S. 164–170.

[81] *Арсеньев А.* У излучины Дуная. С. 44.

[82] *Bagarić Ě.* Ĺlemente modernoga ruskog slikarstva u scenografijama Pavela Fromana // Ruski emigranti u Hrvatskoj. S. 129.

[83] *Podkovac Z.* Iz povijesti zagrebačkog baleta // Ruski emigranti u Hrvatskoj. S. 161–162; *Kononović O.* Uspomene o baletu Zagrebačkog kazališta // Там же. S. 169–171.

[84] *Podkovac Z.* Iz povijesti zagrebačkog baleta... S. 158–159.

inslav

Л. В. Ревякина
(Болгария)

Болгарский земледельческий народный союз в 1944–1948 годах: борьба за власть и за существование

Рассматриваемый в статье период – с 9 сентября 1944 до конца 1948 г. – это время, когда достигнутый в годы Второй мировой войны компромисс между левоориентированными политическими силами Болгарии, объединившимися в созданный по инициативе Болгарской рабочей партией (БРП) Отечественный фронт (ОФ) во имя борьбы за свержение проводившего прогерманскую политику правительства и установление демократического режима, переходит в конфронтацию. Основная причина перемены в отношениях между политическими союзниками – концентрация власти в руках коммунистической партии и проводимая ею внутренняя политика. Развернувшаяся острая внутриполитическая борьба дополнительно обостряется начавшейся во второй половине 1940-х гг. «холодной войной» между недавними союзниками – США, Великобританией и СССР.

Первоначально между партнерами по ОФ наблюдается согласованность в действиях. Совет министров формируется сбалансированно, число министров от каждой партии соответствует ее представительству в Отечественном фронте: БРП, БЗНС «Ал.Стамболийский» (известный и как БЗНС «Пладне») и Народный союз «Звено» получают по 4 министерства, социалдемократы и независимые представители по 2. Но два ключевых министерства – министерство внутренних дел и министерство правосудия коммунисты оставляют за собой. Двое заместителей председателя Совета министров (министры без портфеля) – являются представителями наиболее массовых и влиятельных партий: коммунист Добри Терпешев и «земледелец» Никола Петков.

Тр.Костов в своем докладе на VIII пленуме ЦК БРП (к)*, состоявшемся 27–28 февраля и 1 марта 1945 г. объяснил, что коммунисты согласились на такой состав правительства, вопреки тому что коммунистическая партия «по общему признанию сыграла решающую роль, дала больше всего жертв и имеет больше других партий заслуг в борьбе с фашизмом. Мы согласились, по-

* Новое название Болгарская рабочая партия (коммунистов) партия получила в конце сентября 1944 г.

inslav

тому что хотели показать наше желание работать вместе с нашими союзниками по Отечественному фронту и потому что считали, что как внутренняя, так и международная обстановка ставят перед Болгарией задачи, которые не по силам решить только одной партии»[1].

9 сентября 1944 г. БЗНС «Ал. Стамболийский» издает Циркуляр № 1, подписанный Н. Петковым, Б. Бумбаровым, Ас. Павловым, А. Держанским, Хр. Стратевым, д-ром Б. Пашевым и Сл. Пейковым, в котором они поздравляют крестьян Болгарии и членов Союза с ликвидацией старого режима и с установлением «ВАШЕЙ власти – власти ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФРОНТА», и призывают их «как один» быть «верной стражей» в борьбе за ее сохранение[2].

Партии ОФ имеют равную норму представительства и в руководящем органе ОФ – Национальном комитете (НК). При отсутствии в стране парламента роль НК ОФ была значительной, хотя официально и было заявлено, что комитеты ОФ не заменяют органы государственной власти, а лишь контролируют и подталкивают последних к активной работе[3]. 12 октября 1944 г. была опубликована Декларация руководителей четырех партий ОФ, которая определяла задачи комитетов ОФ на местах и устанавливала паритетный принцип их формирования. Комитеты, которые были созданы до 9 сентября, должны были быть дополнены представителями всех партий ОФ. Комитеты, созданные и создаваемые после 9 сентября, формировались на паритетных началах из представителей всех существующих в данном населенном месте организаций ОФ. Принцип паритета не должен был применяться механически, а с учетом конкретной ситуации в данном населенном месте. Но так как в ОФ стали вступать партии и группы, не участвовавшие в годы войны в движении Сопротивления, и даже сторонники прежнего режима, пытавшиеся избежать преследования властей, то уже к концу месяца этот принцип формирования комитетов был изменен. Было решено принимать в ОФ и избирать представителями в комитеты ОФ только те организации, которые принимали активное участие в борьбе против фашизма до 9 сентября 1944 г.

Из поступающих от партийных организаций докладов – местных и центральных, было видно, что между местными организациями БЗНС – «дружбами» и местными организациями БРП (к) существует взаимопонимание. Но иначе дело обстояло в партийных «верхах», где отношения были довольно напряженными.

БРП (к) при формировании отношений со своими союзниками по Отечественному фронту в 1944 и начале 1945 г. исходит из убеждения, что ОФ – это не временный союз нескольких патрий для взятия и дележа власти, а «продолжительный союз антифашистских, демократических и патриотических

inslav

сил» не только для искоренения фашизма, но и для строительства новой Болгарии. А для решения этой задачи потребуется целый период развития страны, и поэтому нужно стремиться к сохранению созданного союза с партиями Отечественного фронта[4].

Но уже в первые месяцы после установления власти Отечественного фронта между основными партнерами – БРП (к) и БЗНС начинается борьба за политическое влияние в стране, а фактически борьба за власть. Причиной противопоставления стало нарушение коммунистами принципов коалиционности управления и стремление утвердить руководящее положение в обществе. Нахождение на болгарской территории частей Красной Армии, а затем и Союзной контрольной комиссии (СКК), председателем которой был советский представитель генерал-полковник С. С. Бирюзов, позволяет коммунистам чувствовать себя уверенно и стремиться к укреплению своих позиций как политической силы, располагающей в стране реальной властью. Прежде всего это относится к вопросам внутренней безопасности и армии. Отделение госбезопасности, как и МВД, возглавляет коммунист. На следующий день после взятия власти Отечественным фронтом вместо распущенных полиции и жандармерии создается Народная милиция, ядро которой составили партизаны, почти все без исключения члены компартии или ее молодежной организации. В армии устанавливается политический контроль компартии: вводится институт политкомиссаров, регулярные части армии объединяются с бывшими партизанскими отрядами.

Серьезные разногласия возникают в связи с предложением ЦК БРП (к) о создании единой молодежной организации на базе ОФ. ЦК объясняет это «условиями нового времени, которые требуют не создания старого типа молодежных организаций, разделяющих молодежь и повторяющих в большей или меньшей степени работу партий», а новых – объединяющих. Осуществлением этой задачи должен был заняться Союз рабочей молодежи (РМС), насчитывавший к весне 1945 г. 420 тыс. членов, из которых 60% были крестьянами. Союз «земледельческой» молодежи (ЗМС) насчитывал, по данным этой организации, 263 тыс., но, согласно сведениям руководителей этой организации, – 110–120 тыс. При этом рост РМС почти прекратился, а ЗМС увеличивался. Чтобы остановить этот процесс, РМС начинает активно работать в деревне. ЗМС протестует и прямо заявляет, что для рабочей молодежи существует РМС, а для сельской – ЗМС, и последней нечего делать в РМС[5].

Гегемония компартии проявилась особенно ярко при организации и проведении Народного суда над виновниками вовлечения страны во Вторую мировую войну и связанных с ней злодеяний. Первоначально идея проведения народного суда как справедливого наказания за содеянное была с готовностью

inslav

воспринята всеми партиями ОФ. Тем более к этому Болгарию обязывали и условия перемирия. Но привлечение к суду членов Демократической и Радикальной партий, БЗНС «Врабча 1» и Болгарской рабочей социалдемократической партии (БРСДП), т. е. тех, кто в годы войны отказался от сотрудничества с коммунистами, вызвало возмущение партий ОФ. Н. Петков, главный секретарь БЗНС, охарактеризовал предстоящий Народный суд – судебные процессы над регентами, министрами, депутатами, военными и политическими дейтелями Болгарии как «расправу с болгарской государственностью, а не с гитлеровскими агентами»[6]. Ни для кого не было тайной, что обвинители согласовывали свои действия и приговоры с руководителями БРП (к).

Замешательство партий ОФ и противопоставление вызвала проводившаяся с одобрения компартии в первые недели после 9 сентября расправа с бывшими представителями местной власти, полиции, жандармерии под видом «народного возмездия». В стране происходили массовые аресты и убийства без суда и следствия. Часть жертв была уничтожена по заранее составленным спискам. По имеющимся сведениям, число убитых и пропавших без вести в это время составляет от 20 до 30 тыс. человек.

Обострение отношений между БРП (к) и БЗНС начинается после возвращения в Болгарию из эмиграции руководителя БЗНС «Ал. Стамболийский» д-ра Г. М. Димитрова (Гемето), покинувшего страну в 1941 г. Он становится во главе Союза, который после его отъезда возглавлял Н.Петков. По инициативе Г. М. Димитрова временное Постоянное присутствие (ПП) БЗНС «Ал. Стамболийский» проводит 14 и 15 октября 1944 г. в Софии союзную конференцию. В своей речи на конференции Димитров очерчивает основные идейные, политические и организационные принципы деятельности БЗНС. Согласно им, БЗНС должен быть политико-экономической организацией трудового крестьянства, которая стремится защищать свободу, права и идейную ориентацию каждого человека. Идеология Земледельческого союза строится на принципах биологии, которая исходит из интересов прежде всего отдельного индивида. БЗНС отстаивает идею свободного труда и трудовой собственности. Наиболее подходящей формой общественно-хозяйственного устройства общества является кооперация. В развитии сельскохозяйственного производства в качестве основных хозяйственных форм должны быть признаны две – трудовые хозяйства (семейные) и кооперативные хозяйства при сохранении частной собственности и добровольного характера труда. БЗНС за равенство различных классов трудящихся и их организаций, категорично против подчинения одного трудового класса другому. Сотрудничество между ними должно достигаться путем взаимопонимания. В заключение Г. М. Димитров заявил, что никогда до сих пор перед БЗНС не стояли столь тяжелые задачи и никогда

inslav

Союз не был столь необходим для утверждения в Болгарии демократии, свободы и для борьбы за независимость страны.

Союзная конференция поддерживает его инициативу объединить существующие «крылья» и группы Земледельческого союза в единую организацию, одобряет участие БЗНС в управлении страной на основе программы, провозглашенной правительством ОФ 17 сентября 1944 г., и выражает пожелание ее полного осуществления [7].

Во время проведения Г. М. Димитровым указанной конференции лидер другого «крыла» Земледельческого союза – БЗНС «Врабча 1» Димитр Гичев арестован как министр в правительстве К. Муравиева и находится в тюрьме. Но ряд деятелей БЗНС «Врабча – 1» (Никола Стамболиев, Минчо Панов, Камен Каменов и др.) по своей инициативе 15 октября в Софии тоже созывают конференцию. Конференция принимает решение поддержать идею союзного единства, и инициаторы конференции отправляются на организованную Г. М. Димитровым конференцию, где сообщают о решении конференции «Врабча 1» поддержать объединение всех сил «земледельцев» в единый БЗНС[8]. Представители «Врабча 1» избраны в Управительный совет БЗНС.

В избранном на конференции Союза руководстве присутствуют представители различных по своей политической ориентации сил. Наиболее крупной и сильной по составу является группа, которая придерживается традиционной идеологической концепции БЗНС и проявляет готовность приспособиться к новым политическим условиям, продолжить сотрудничество с БРП(к), но при условии, что компартия не будет играть руководящую роль в государственной и общественной жизни страны. Существует группа, которая категорично против сотрудничества с комунистами, за возвращение к традиционным формам управления и за сохранение независимости, самостоятельности и индивидуальности Союза. Самой незначительной является группа левых, готовых на единодействие с коммунистами. Это, главным образом, представители БЗНС «Врабча», которые в 20-е и 30-е годы сотрудничали с коммунистами и входили в так называемую «левицу».

Во время проведения кампании по восстановлению местных организаций БЗНС «Ал.Стамболийски» и БЗНС «Врабча 1» – «дружб» и их объединению «земледельцы» в своей агитации публично высказываются против политики БРП (к) и присутствия Красной Армии в Болгарии. Г. М. Димитров говорит, что ОФ не является идейным союзом рабочих, трудящихся крестьян и интеллигенции, каким его хотят представить коммунисты; что комитеты ОФ не имеют никакого права подменять собой общинские и другие административные государственные учреждения; что НК ОФ после создания правительства ОФ должен был прекратить свою деятельность и т. д.[9] В конце ноября – начале

inslav

декабря 1944 г., особенно после того как сторонники Г. М. Димитрова начинают агитацию против участия Болгарской армии в операциях по разгрому немецких войск в составе частей 3-го Украинского фронта, конфронтация с БРП (к) приобретает открытую форму. Гемето удается организовать широкую кампанию против милиции, МВД и коммунистов. Напряженность возникает и в отношениях между Г. М. Димитровым и недавним руководителем БЗНС «Ал. Стамболийский» Н. Петковым.

На помощь коммунистам приходят левые в БЗНС, объединившиеся около Стефана Тончева и Михаила Геновского. Не без содействия ЦК БРП (к) они отправляют 22 декабря 1944 г. письмо председателю УС БЗНС Ал. Оббову и в Постоянное присутствие (ПП) БЗНС, в котором предлагают созвать Верховный союзный совет (ВСС) для обсуждения вопроса о критике руководства БЗНС со стороны правительства и НК ОФ, а также причин, приведших к ухудшению отношений между БЗНС и БРП (к). Одновременно было распространено направленное членам ВСС «Изложение», в котором констатировалось, что в БЗНС развиваются теории, направленные против ОФ и БРП (к), создается культ д-ра Г. М. Димитрова, и предлагалось, чтобы те деятели Союза, которые своим поведением сеют смуту в организации, были бы немедленно освобождены от руководства организацией. Подчеркивалась необходимость искреннего и честного сотрудничества с БРП (к) и другими силами в ОФ[10]. В результате ПП несколько раз обсуждает вопрос об отношениях между БЗНС и БРП (к) и указывает Г. М. Димитрову на неудобство его нахождения на посту Главного секретаря Союза. В последние дни декабря 1944 г. ПП принимает решение о созыве ВСС 18–20 января 1945 г.

16 января 1945 г., накануне заседания ВСС, вопрос о положении в БЗНС рассматривается на заседании Политбюро ЦК БРП (к).Обсуждаются вопросы о том, как ограничить влияние правых и гравитирующей к ней части центристов в БЗНС и как помочь левым в нейтрализации группы около Г. М. Димитрова[11]. Также было решено настаивать, чтобы в новое ПП, избираемое из состава ВСС, были включены левые земеледельцы Ст. Тончев, Г. Драгнев и М. Геновски.

На заседании ВСС 18 января д-р г. М. Димитров подает в отставку как член ПП и главный секретарь БЗНС. Большинство членов ПП высказывается против его отставки и вообще каких-либо перемен в руководящих органах БЗНС. Лишь когда Н.Петков заявляет, что подаст в отставку, если ВСС не согласится на перемены, ВСС принимает отставку Г. М. Димитрова[12] и избирает новые руководящие органы Союза. В узкий состав ПП включен Ст. Тончев, а в расширенный состав – Г. Драгнев и М. Геновски. В новом ПП расширенного состава оформляются три группы: первая состоит из сторонников

inslav

Г. М. Димитрова (Хр. Стоянов, Тр. Кунев, Хр. Стратев, М. Дрындаревский), вторая – из ближайших сподвижников Н. Петкова (Асен Павлов, Борис Бумбаров, Ангел Держански, Асен Стамболийский, Георги Йорданов) и третья – из представителей левых (Ст. Тончев, Г. Драгнев и М. Геновски). К последней группе присоединяется и председатель УС Ал. Оббов, вероятно, преследуя собственные цели. Но своим авторитетом он оказывает поддержку левым.

Удаление Г. М. Димитрова из руководящих органов БЗНС почти не меняет ситуацию. Его политическое влияние на Союз не уменьшается, его концепции развития БЗНС продолжают быть актуальными. К тому же Н. Петков, на которого рассчитывают коммунисты, принимая руководство Союзом, заявляет, что если в ближайшие три месяца он не найдет общий язык с БРП(к), то перейдет в оппозицию[13].

Наличие трех противостоящих групп в руководстве Союза не могло не создавать трудностей в проведении единой линии и конкретно в борьбе с последователями Г. М. Димитрова. Сам Н. Петков особой активности в борьбе с геметовцами не проявлял. 5 мая 1945 г. А. Оббов, Н. Петков и Ас. Павлов принимают решение о созыве в скором времени съезда БЗНС для избрания новых руководящих органов Союза с расчетом исключения из них геметовцев. Но левые – Оббов и Тончев решают вытеснить из руководства БЗНС и Н. Петкова. В тот же день А. Оббов посещает сотрудника СКК К. Д. Левычкина и сообщает ему о своем намерении созвать конференцию БЗНС, после которой будет изменен курс Союза в сторону укрепления отношений с ОФ и особенно отношений между БЗНС и БРП (к). Оббов поясняет, что «созыву конференции предшествовала большая организационная подготовка, что их люди расставлены так, что на конференцию не попадет ни один сторонник Гемето»[14]. Причины инициативы Оббова созвать конференцию без уведомления об этом Н. Петкова, заручившись при этом поддержкой советского представителя в СКК, могут быть различными: личная неприязнь к Н. Петкову, использование создавшейся в Союзе ситуации в своих карьеристских целях или намерение предотвратить запрещение деятельности БЗНС путем временного признания руководящей роли коммунистической партии.

ЦК БРП (к), потеряв надежду на решительные действия Н. Петкова против геметовцев, решает сделать ставку на А. Оббова, хотя его антикоммунизм был хорошо известен в партии. Расчет, вероятно, делался на его авторитет в среде «земледельцев». Оббов был старым, известным руководителем БЗНС, соратником А. Стамболийского, членом ПП и редактором газеты «Земеделско знаме». БРП(к) решает осуществить переворот в Союзе. 6 мая 1945 г. за подписью Ал. Оббова было опубликовано сообщение о созыве конференции БЗНС. Он объяснл этот шаг следующим образом: настоящее ПП, в котором преобла-

inslav

дают сторонники Гемето, не способно их отстранить из ПП и от руководящих должностей в «дружбах», а также изменить политический курс БЗНС, направив его на укрепление ОФ и улучшение отношений с БРП (к).

Действия Оббова находят поддержку среди части руководящих деятелей партии. В частности, регент Т. Павлов считает, что Н. Петкова, Б. Бумбарова и Ас. Павлова следует удалить не только из БЗНС, но и из правительства[15]. Но в целом действия Оббова идут в разрез с занимаемой в это время позицией ЦК БРП (к): коммунисты еще рассчитывают на Н. Петкова и считают, что он должен остаться главным секретарем БЗНС, в правительстве и в НК ОФ. Большинство членов Политбюро, а также Георгий Димитров в Москве и Сталин опасаются, что отстранение Н. Петкова и его ближайших сторонников в настоящий момент может привести к негативному результату – они приобретут ореол мучеников, борющихся за свободу Болгарии[16].

Но в то же время ЦК БРП (к) не отказывает в поддержке левым в руководстве БЗНС: в нарушение Устава и без решения ПП, без согласия главного секретаря Н. Петкова левые проводят 8 и 9 мая 1945 г. конференцию. Н. Петков, министры-«земледельцы», некоторые члены УС и ПП отказываются участвовать в работе конференции. На ее заседания допущены только левые земледельцы и часть центристов. В дискуссиях участвуют только левые земледельцы. Выступающие одобряют созыв конференции, осуждают выдвигаемый руководством Союза тезис о «математическом равенстве при распределении власти», о «самостоятельной крестьянской власти», антикоммунистические и антиотечественнофронтовские тенденции в деятельности Союза. Конференция декларирует свою верность Отечественному фронту, высказывается за сотрудничество с БРП(к) и принимает решение об исключении из БЗНС и отстранении из его аппарата всех сторонников Гемето[17]. В избранные на конференции руководящие органы вошли представители левых и центра. Председателем УС был избран Г. Трайков. Н. Петков был оставлен главным секретарем. Но всю собственность БЗНС и его печатный орган газету «Земеделско знаме» Министерство внутренних дел передало левым «земледельцам» во главе с А. Оббовым[18].

Н. Петков отказывается исполнять должность главного секретаря и участвовать в заседаниях ПП. Его предложение ввести в ПП министров – «земледельцев», а также Асена Стамболийского и Илию Млечкова не принимается. 12 июня на пост главного секретаря был избран Ал. Оббов[19]. В конце июня 1945 г. группа Н. Петкова принимает решение о выходе из БЗНС и создании самостоятельной партии, задачей которой будет борьба против руководства БРП (к) Отечественным фронтом. Этим было положено начало оформлению двух новых БЗНС: одного во главе с Ал. Оббовым, заявившим, что он стоит на

inslav

позициях ОФ и сотрудничества с БРП (к), и БЗНС во главе с Н. Петковым, объявившим войну коммунистам и руководимому ими ОФ. Обе образовавшиеся группы ставят своей задачей усилить влияние в стране, в управлении страной и не допустить запрещения деятельности Союза, его ликвидации. Но осуществляют они ее по-разному: одни, рассчитывая на контакты с коммунистами, другие путем противопоставления им.

Раскол БЗНС происходит во время подготовки назначенных на 26 августа выборов в Народное собрание (НС) 26-го созыва, и обе группы используют эту ситуацию в своих целях. Левые «земледельцы» включаются в подготовку выборов в ОНС, предусматривающих формирование единого списка кандидатов в депутаты. Они ведут переговоры о предварительном распределении мест в парламенте. Группа Н. Петкова выступает против единого избирательного списка[20]. Представители БРП (к) проводят несколько встреч с ним, надеясь на достижение соглашения с его группой. Но Петков во время переговоров настаивает, чтобы его группа была признана самостоятельной партией и ей было разрешено издавать свой печатный орган; чтобы была создана комиссия из представителей двух групп БЗНС при арбитраже БРП (к) для оценки "качества" кандидатов в депутаты; оба ПП должны иметь одинаковые права и возможности для проведения предвыборной работы; после выборов оба Союза должны будут иметь возможность провести свои съезды. Н. Петков настаивает и на освобождении всех арестованных и интернированных членов БЗНС[21]. Встречи с Н. Петковым проводят и представители отечественнофронтовского ПП д-р Г. Славчев и Ст. Кереков. Но он заявляет категорично, что не одобряет новое руководство Союза и не доверяет ему. После их доклада в ПП о результатах встречи с Н. Петковым руководство принимает решение о лишении Н. Петкова права возглавлять список кандидатов от БЗНС на выборах, представлять БЗНС в правительстве и перед общественностью[22]. 19 июля Политбюро ЦК БРП (к) прекращает переговоры с Н. Петковым в виду их бесперспективности и решает начать его разоблачение как раскольника, если его группа выдвинет свой список кандидатов. Пленум ЦК, состоявшийся 20 июля, одобрил это решение ПБ[23]. В конце июля Н. Петков был выведен из правительства.

26 июля 1945 г. Н. Петков, Ас. Стамболийски и Г. Йорданов посылают письмо в Совет министров, регентам и председателю СКК С. С. Бирюзову, в котором заявляют, что в стране нет условий для проведения свободных выборов, просят СКК дать свое согласие на проведение выборов под международным контролем. В письме указывалось, что для создания международной комиссии потребуется время и поэтому, возможно, придется перенести выборы. Ответ СКК гласил, что Комиссия, ее советская часть, не считает возможным вмешиваться во внутренние дела болгарского правительства и болгарско-

inslav

го народа. Согласно Соглашению о перемирии, это не входит в компетенцию СКК. Комиссия может принимать решения, касающиеся внутреннего положения в Болгарии, только по просьбе болгарского правительства[24].

В середине августа 1945 г. правые и центристы в БЗНС переходят в открытую оппозицию Отечественному фронту. 14 августа в знак солидарности с Н. Петковым и другие министры «земледельцы» Б. Бумбаров, Ас. Павлов и А. Держанский подают в отставку. Они сразу же были заменены представителями левых «земледельцев» – Ал. Оббовым, Г. Драгневым и М. Геновским. В тот же день оппозиционеры заявляет, что из-за дискриминационного отношения со стороны властей к некоторым оппозиционным кандидатам они отказываются от участия в предвыборной борьбе.

На помощь оппозиции в начатой ею открытой борьбе против коммунистов приходят западные силы. Еще накануне, 13 августа, американский политический представителю США в Болгарии М. Барнс заявляет министру иностранных дел П. Стайнову, что в стране имеют место насилие, угрозы и др. против оппозиционных кандидатов в депутаты с целью помешать им участвовать в выборах. 20 августа американское правительство предупреждает нотой болгарское правительство, что если выборы не будут отложены, то оно не признает будущее правительство. 20 августа М. Барнс посещает регентов и от имени американского правительства предлагает им составить новое правительство ОФ, в которое войдут представители четырех партий ОФ, в том числе и представители группы Н. Петкова, а также включить в правительство представителей фактически запрещенной Демократической партии. Барнс также предлагает провести смену председателя правительства – вместо К. Георгиева назначить регента В. Ганева – и перенести выборы на более поздний срок. Регенты отклоняют эти предложения.

21 августа СКК получает копии американской и английской нот, посланных болгарскому правительству 20 и 21 августа. 23 августа проводится заседание Комиссии. Требования американских представителей, поддержанные их английскими коллегами, сводятся к следующиму: отложить выборы, провести их только после того как оппозиционные группы БЗНС и Социалдемократической партии (СДП) проведут свои съезды и примут решение о регистрации избирательных списков – как общие или индивидуальные. Чтобы это стало возможным, они предлагают реорганизовать правительство, передать руководство им в руки регентов, восстановить ОФ в том виде, в котором он существовал до 28 октября 1944 г. (дата подписания Соглашения между великими силами и Болгарией о перемирии), включив в него и представителей Демократической партии. Американские и английские представители заявляют, что не считают демократичными ни новый избирательный закон, ни предвыборную

inslav

кампанию. Советские представители отказываются обсуждать поставленные вопросы, объясняя, что не могут вмешиваться во внутренние дела страны[25].

В тот же день, 23 августа, министр иностранных дел Болгарии П. Стайнов, не имея полномочий Совета министров, заявляет перед иностранными журналистами, что болгарское правительство не будет возражать, если СКК примет решение об отсрочке выборов. Заявление П. Стайнова было неожиданным как для БРП(к), так и для СКК. В ночь с 24 на 25 августа по требованию представителей США и Великобритании проводится заседание СКК, на котором они, ссылаясь на заявление П. Стайнова, предъявляют советским представителям в СКК ультиматум: если выборы не будут отложены, западные страны не признают их результаты и не подпишут мирный договор с Болгарией. В этой ситуации советские представители в СКК, получив официальное согласие болгарского правительства, были вынуждены отступить. Выборы были перенесены на 18 ноября 1945 г.

Это был первый успех оппозиции. Воодушевленные и осмелевшие сторонники Н. Петкова начинают формировать – в центре и на местах – новый БЗНС. В сентябре 1945 г. Н. Петков регистрирует новую партию БЗНС «Никола Петков» (БЗНС – НП). В конце сентября начинает выходить газета «Народно земеделско знаме» (редактор Н. Петков). Создавая новую партию, Н. Петков рассчитывает, что это поднимет его авторитет среди членов БЗНС и крестьянской массы, укрепит его позиции и позволит выйти на ведущее место в политической жизни страны.

К осени 1945 г. положение БЗНС – НП укрепляется и в результате присоединения к нему БЗНС «Врабча 1». Тогда были освобождены из тюрьмы видные руководители БЗНС «Врабча 1» – Д. Гичев, К. Муравиев и В. Димов. Д. Гичев встречается с Ал. Оббовым и Н. Петковым. В его план входило объединение «Врабча 1» с БЗНС Ал. Оббова (левые были выходцами из БЗНС «Врабча 1»), создание единого Союза, который вышел бы из ОФ и встал на сторону оппозиции. Ал. Оббов и Г. Драгнев несколько недель ведут с ним переговоры. Но Оббов отказывается поддержать этот план. После встречи с Н. Петковым Д. Гичев решает пойти на объединение с БЗНС – НП, хотя и не симпатизирует Н. Петкову. Последний соглашается на объединение, рассчитывая на авторитет и влияние Гичева среди крестьянской массы. Об объединении БЗНС – НП и группы «Врабча 1» было сообщено 11 ноября 1945 г. в специальном обращении.

Так к концу 1945 г. оформляются два БЗНС: отечественнофронтовский во главе с Ал. Оббовым и оппозиционный во главе с Н. Петковым. Вмешательство ЦК БРП(к) во внутренние дела БЗНС ускорило раскол Союза. Воспользовавшись традиционно существующими противоречиями в среде «земледель-

inslav

цев», коммунисты своими жесткими действиями содействовали созданию необходимого им левоориентированного БЗНС в рамках ОФ. Вероятно, БРП (к) и группа левых в БЗНС не решились бы на столь резкие и решительные действия, не имея поддержки СКК во главе с С. С. Бирюзовым.

В начавшейся 14 октября 1945 г. предвыборной кампании БЗНС Ал. Оббова и БРП(к) проводят согласованную политику и подтверждают свое участие в выборах с единым списком кандидатов в депутаты. От БРП (к) были выдвинуты 98 представителей, от БЗНС Ал. Оббова – 98, от Народного союза «Звено» – 46, от БРСДП – 31 и от Радикальной партии – 11. Оппозиция в предвыборной борьбе развертывает широкую кампанию против ОФ: предлагает свой проект избирательного закона, ограничивающий право участия в выборах лиц до 21 года, военнослужащих, сотрудников милиции и др. На страницах газеты «Народно земеделско знаме» публикуются статьи против Отечественного фронта, БРП (к), милиции и т. д. Но 26 октября оппозиция заявляет, что не будет участвовать в выборах.

На состоявшихся 18 ноября 1945 г. выборах в Народное собрание 88% избирателей отдали свои голоса ОФ. Проведенный 12 декабря пленум ЦК БРП (к) оценивает победу ОФ как блестящую, вопреки давлению и агитации оппозиции. Но было подчеркнуто, что это не означает, что «оппозиция окончательно ликвидирована», напротив «предстоит суровая борьба с ней – во-первых, из-за поддержки, которую она получает от внутренней и внешней реакции, и, во-вторых, из-за хозяйственных трудностей, которые предстоит преодолевать и на которых оппозиция бессовестно спекулирует». Была поставлена задача «окончательного разоблачения и морально политического разгрома» оппозиции и ее разложения: предстояло изолировать оппозицию, усиливать сомнения среди ее членов в правильности действий руководителей, стремиться привлекать членов оппозиционных партий в ОФ[26].

В отношении отечественнофронтовского БЗНС Ал. Оббова было отмечено, что победа на выборах утвердила его позиции, и эту тенденцию нужно продолжить путем проведения съезда Союза. БРП (к) должна оказывать ему морально-политическую поддержку, помочь ему усилить свое влияние в «дружбах», как это делалось во время предвыборной кампании (проведение совместных собраний, принятие совместных решений по общим вопросам), сработаться с его парламентарной группой[27].

После выборов «земледельческая» оппозиция начинает борьбу за введение ее представителей в правительство. И вновь надежда возлагается на США и Великобританию. На Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (16–26 декабря 1945 г.) поднят вопрос о необходимости включения в болгарское правительство двух представителей

inslav

оппозиции. Советская делегация на совещании отстаивает мнение, что в результате проведенных 18 ноября 1945 г. парламентских выборов в Болгарии имеется правительство, которое имеет поддержку большинства избирателей, и что у США и Великобритании нет причин для непризнания болгарского правительства. Для оппозиции, которая бойкотировала выборы в Народное собрание, открывается возможность принять участие в предстоящих в скором времени выборах в Великое Народное собрание, а после этого в близком будущем – в Обыкновенное Народное собрание. От результатов выборов будет зависеть и участие ее представителей в правительстве[28]. В принятых на совещании решениях о Болгарии не был поставлен вопрос ни о реконструкции правительства, ни о необходимости новых выборов, ни об изменении внешней политики страны. Но советское правительство в принципе не возражает против включения одного-двух представителей оппозиции в состав нового правительства ОФ. Сталин сообщает свое мнение по этому вопросу г. Димитрову по ВЧ 23 декабря 1945 г., передает при этом свой разговор с министром иностранных дел США, который выдвинул условия признания болгарского правительства: реорганизация правительства и включение в него представителей оппозиции. «Я ему ответил, что для меня вопрос о реорганизации болгарского правительства **недискуссионен.** Это правительство после выборов зависит от Народного собрания. Формирование болгарского правительства является делом НС. Что касается оппозиции, то, как известно, есть оппозиция **лояльная** и **нелояльная.** Болгарская оппозиция – **нелояльная** оппозиция, она объявила бойкот выборам. В Америке тоже есть оппозиция – республиканская. Но после ее поражения на выборах ее руководитель заявил, что поддержит ваше правительство. Болгарская оппозиция поступила по-другому. Есть у Вас и **нелояльная** оппозиция. Вы бы включили в ваше правительство представителя этой оппозиции? (Он начинает смеяться...) Почему мы должны требовать этого от болгар?». Но чтобы решить все-таки этот вопрос, Сталин советует Димитрову: «...Подумайте, не могли ли вы включить одного или двух министров из оппозиционных кругов, оторвав их от оппозиции. Дать им какое-нибудь незначительное министерство. Конечно, не стоит вопрос о Н. Петкове. Можно найти другого, хотя и не очень известного»[29]. После обсуждения этого вопроса Г. Димитров, Тр. Костов, В. Червенков, В. Коларов и К. Георгиев останавливаются на кандидатурах Б. Бумбарова и д-ра Б. Пашева[30].

Начавшиеся 3 января 1946 г. переговоры между правительственной делегацией (К. Георгиев, Д. Велчев и А. Югов) и представителями оппозиции Н. Петковым и К. Лулчевым не дали результатов. Представители правительства выдвинули в качестве условия включения оппозионных представителей

inslav

в правительство признание ими внутренней и внешней политики правительства К. Георгиева, отказ от требования реорганизации правительства, прекращение нападок на правительство и ОФ, признание законности парламента, его решений и необходимости созыва Великого Народного собрания. Оппозиция в тот же день публикует свои условия участия в правительстве: Министерства внутренних дел и правосудия передать другой партии или нейтральному лицу, парламент распустить и назначить новые выборы, ограничить роль ОФ. Условия оппозиции не были удовлетворены. Вернуться в правительство Отечественного фронта оппозиции не удалось, вопреки нажиму со стороны США и Великобритании. Ответ был один: это может быть допущено только в отношении лояльной оппозиции. Выход из правительства сторонников Н. Петкова 14 августа 1945 г. оказался окончательным. Особено категоричен по отношению к требованиям оппозиции Сталин. На встрече с прибывшими в Москву 7 января 1946 г. К. Георгиевым, П. Стайновым, А. Юговым и полномочным министром Болгарии в СССР Д. Михалчевым Сталин заявляет, что настоящий момент благоприятен для выхода оппозиции из положения, в котором она оказалась. И если она не использует его – она пропадет, потому что решила противопоставиться воле трех союзных государств. Если она не откажется от своих действий, то болгарское правительство должно будет сделать все возможное, чтобы от нее ничего не осталось. «Наша задача в отношении оппозиции... действовать так, чтобы ее уничтожить»[31].

8 января 1946 г. в Болгарию приезжает А. Я. Вышинский с намерением попытаться уладить отношения между правительством, БРП (к) и оппозицией. 9 января советский дипломат встречается с Н. Петковым. Как записал в своем дневнике Г. Димитров, разговор не дал никаких результатов[32].

Уже 16 января 1946 г. Политбюро ЦК БРП (к) принимает решение о применении решительных политических, административных и судебных мер против враждебных проявлений оппозиции, включая в случае необходимости и арест Н. Петкова[33].

26 марта 1946 г. было сформировано новое правительство ОФ. Требование Ал. Оббова о равном числе министров коммунистов и «земледельцев» в кабинете не было принято, но БЗНС уступили министерство правосудия. Министрами стали четверо представителей БЗНС Ал. Оббова: сам Ал. Оббов (заместитель председателя Совета министров и министр сельского хозяйства и государственного имущества), Г. Драгнев (министр благоустройства), Л. Коларов (министр правосудия) и Ст. Тончев (министр железных дорог, почт и телеграфа).

Оббову, который решил спасти БЗНС от роспуска, приходилось вести себя так, чтобы «быть своим у коммунистов», балансировать между выполнением задач ОФ и БРП(к) и натиском со стороны ближайших сподвижников, которые

inslav

пошли за ним и левыми, были за сотрудничество с коммунистами, но не отказывались и от идеи объединения всех «земледельцев» в единый Союз и его превращения в заметную политическую силу с подобающей ему ролью в управлении страной. Не исключалось при этом и занятие поста премьер-министра. Они, как и николопетковисты, были против института помощников командиров в армии и за запрещение политической деятельности в армии, против насильственного создания трудовых кооперативных земледельческих хозяйств (ТКЗС)[34], национализации промышленных предприятий и др.[35] Деятельность Земледельческого союза Оббова в комитетах ОФ в большинстве случаев соответствовала желаемому, но задача проведения политики правительства в «дружбах» часто не только не исполнялась, но и саботировалась. Сам Оббов иногда способствовал этому. Так, во время встречи 29 мая 1946 г. с делегацией Союза работников мельниц он, в то время министр сельского хозяйства, заявил, что коммунисты после 9 сентября 1944 г. способствовали уничтожению творческого духа крестьянина. «Это положение мы так не оставим. Они хотят и в дальнейшем дирижировать хозяйственным развитием. Я против. Свободное соревнование на экономической арене спасет хозяйственное положение болгарского народа». Были и случаи отказа оббовцев от участия в работе комитетов ОФ. В отношении оппозиционеров они часто проявляли колебания, заступались за них[36]. Поддерживались и прямые связи между руководителями БЗНС – НП и БЗНС – Ал. Оббов, особенно по конкретным вопросам[37].

К середине 1946 г. николопетковисты в организационном отношении имеют преимущество над Союзом Оббова. Численность БЗНС – НП составляла 73 310, а БЗНС – Ал. Оббов 50 000 членов. Петковисты в сравнении с Земледельческим союзом Оббова имели хорошо организованный аппарат в центре и провинции, их влияние на крестьянские массы было намного сильнее. Более сильным было и влияние БЗНС – НП на молодежь. Земледельческий молодежный союз во главе с П. Сырбинским вел активную работу[38]. Свидетельством влияния, которое имеют БЗНС – Ал. Оббов и БЗНС – НП, являются и тиражи издаваемых ими газет – соответственно «Земеделско знаме» и «Народно земеделско знаме». В апреле 1946 г. «Земеделско знаме» выходит тиражом 470000 экз., из которых в свободную продажу поступают 316000 экз., а «Народно земеделско знаме» – 872800 экз., из них в продаже около 700000[39].

Назначенные на 27 октября 1946 г. выборы в Великое Народное собрание (ВНС), которое должно было принять новую конституцию страны, приводят вновь к демонстрации амбиций в БЗНС – НП и в так называемом официальном БЗНС – Ал. Оббов. БЗНС – НП на этот раз решает участвовать в выборах, но в коалиции с другими оппозиционными партиями. Однако внутри Союза единства нет. Если Н.Петков не допускает и мысли о контактах с БРП(к), то

inslav

Гичев заигрывает с идеей о «земледельческо-коммунистическом сотрудничестве». В частных разговорах он заявляет, что готов «подписать нужный протокол с коммунистами, что позволило бы ему вести агитационную работу в Болгарии и создало возможность для отрыва значительной части членов Союза Н. Петкова и их присоединения к официальному Земледельческому союзу и через него к ОФ»[40]. Гичев, как и Н. Петков настроен против власти ОФ. Но он более реалистично оценивает соотношение политических сил в стране и, в отличие от Н. Петкова, не рассчитывает на помощь Запада. Д. Гичев, вопреки объединению с БЗНС – НП, не отказывается от своей идеи объединения с отечественнофронтовским БЗНС, чтобы на базе сотрудничающего с властью БЗНС Ал. Оббова создать базу для объединения всех сил Союза, а после этого его противопоставить коммунистам.

Нет единства и в БЗНС Ал. Оббова. Более того, обострение политической ситуации в стране в связи с предстоящими парламентскими выборами, проводимая кандидатами из этого Союза агитация, которая иногда ничем не отличается от агитации николопетковистов и фактически направлена против ОФ, приводит к борьбе между сторонниками и противниками Оббова и даже к постановке вопроса о его смещении с поста руководителя Союза. На стороне Оббова Л. Коларов, Г. Драгнев, В. Павурджиев и др., считающие его опытным политиком, поддерживающим корректные отношения с коммунистами. Старые единофронтовцы в руководстве Союза Оббова – М. Геновски, Ст. Тончев, Г. Божков, Г. Трайков, К. Клисурски, недовольные двойственной политикой Ал. Оббова как секретаря Союза, требуют его смены, притом еще до выборов в ВНС. В качестве его преемника предлагают кандидатуры Г. Драгнева или Г. Трайкова. Геновски и Тончев заявляют, что любой ценой, даже ценой жертв, нужно идти с БРП (к), а все ненадежные элементы должны быть исключены из Союза[41].

В ЦК БРП (к) следят не столько за политическими столкновениями в БЗНС – НП, сколько в Союзе Оббова. Но не видят смысла в замене Оббова Г. Драгневым. Оббова в ЦК считают поклонником капитализма, политиком, который «знает и видит, что исторические события неизбежно ведут к столкновению труда и капитала», и для которого «независимость БЗНС является необходимым средством для борьбы против коммунизма». На Г. Драгнева, считающего рабочих и крестьян братьями, которые должны идти вместе, быть лояльными и верными друг другу, но и «быть отдельными юридическими личностями», руководство БРП (к) тоже не возлагало особых надежд[42]. Интересно, что в это же время П. Танчев указывает, что «единственный человек в БЗНС, который имеет доверие коммунистов, это Г. Трайков. Он поддерживает связи с ними и с русскими [представителями в Болгарии]. Он располагает

inslav

сильной группой народных представителей и группой в Управительном совете, которые уравновешивают положение в БЗНС Ал. Оббова»[43].

Союз Оббова решает участвовать в выборах в едином блоке с БРП (к), с единым списком кандидатов, но с бюллетенями разного цвета. На выборах в ВНС из 4 266 694 избирателей 2 988 806 (70,1%) голосуют за партии, входящие в ОФ. Из них за БРП (к) поданы 2 264 852 голосов (53,1%), за БЗНС – Ал. Оббов 13,23%, за объединенную оппозицию – БЗНС – НП и БРСДП (о) голосовали 1 250 000 (28%) избирателей. Она посылает в парламент 99 депутатов – 90 от БЗНС – НП и 9 от БРСДП (о).

Результатами выборов недовольны оба Союза. Особенно их беспокоит решительное усиление позиций коммунистов. Руководители БЗНС – Ал. Оббов причины своего неуспеха видят прежде всего в политике коммунистической партии: в неравноправном положении большой части «дружб», по сравнению с партийными организациями; в присвоении местными комитетами ОФ многих функций органов государственной власти; в ограничении хозяйственной свободы сельскохозяйственных производителей; во вмешательстве БРП (к) во внутренние дела Союза[44]. После выборов Ал. Оббов настаивает на полном паритете с БРП (к) при распределении кметских и других служебных постов и предупреждает, что если БРП (к) намерена сохранить ОФ, она должна считаться с требованиями «земледельцев».

БРП(к), получив большинство депутатских мест в ВНС, формирует правительство, в котором из 20 министерств берет себе 10. «Земледельцы» Оббова получают 5 министерских портфелей. Возглавляет правительство Георгий Димитров, вернувшийся в Болгарию из СССР 4 ноября 1945 г. БРП (к) начинает открыто говорить о том, что осуществление программы Отечественного фронта создаст необходимые условия для построения социализма.

Все это дает новый толчок противоборству в Союзе Оббова. На проведенных в конце декабря 1946 г. выборах в ПП преимущество получает группа, тесно связанная с коммунистами. Но главным секретарем переизбран Ал. Оббов. Группа Оббова имеет большинство и в УС, председателем которого является левый Г. Трайков.

ЦК БРП(к), обеспокоенный возможностью объединения в ВНС оппозиции и части депутатов Союза Ал. Оббова, старается усилить позиции левых и окончательно оформить БЗНС, который бы тесно сотрудничал с компарией и работал в союзе с ней в Отечественном фронте. То есть, осуществить то, о чем в последние годы она много говорила, но что сейчас ей было уже крайне необходимо, так как предстояло проведение ряда непопулярных мер в связи с поставленной задачей построения социализма. Тем более что идея создания «лояльной оппозиции» выглядела нереальной, а существующая оппозиция не

inslav

только усиливала борьбу против БРП(к), обвиняя ее в утверждении однопартийной системы в стране, в ликвидации парламентской демократии, в репрессиях, в нарушении принципа добровольности при создании ТКЗХ и др., но и не переставала обращаться за помощью к Западу.

Свидетельством работы коммунистов с левыми стал переход борьбы внутри БЗНС Ал. Оббова в новую стадию – борьбы за изменение идеологии и программы «земледельческого» движения. В конце декабря 1946 г. в газете «Земеделско знаме» была опубликована статья ее главного редактора В. Павурджиева «Где наша дорога», в которой он отстаивает мнение, что идеология БЗНС уже устарела и входит в острое противоречие с развитием страны, что «земледельцы» идеологически уже готовы воспринять положение о постепенном стирании границы между ними и коммунистами[45]. Это не могло не спровоцировать новый виток обострения отношений между левыми и последователями Оббова в Союзе. Ал. Оббов категорично противопоставляется какой-бы то ни было перемене в идейно-политических позициях Земледельческого союза. Понимая, что идея объединения БЗНС на базе возглавляемого им Союза нежизнеспособна, Оббов дает своим сторонникам указание отстраниться от центральных, областных и околийских руководств. Усиливаются контакты между руководствами Союза Оббова и БЗНС – НП, и, по всей вероятности, обсуждается вопрос об объединении сил двух союзов.

Действия Оббова находят поддержку у николопетковистов. В конце 1946 г. ПП БЗНС – НП дает распоряжение своим руководящим деятелям и рядовым членам вступать в «дружбы» Союза Оббова. В первой половине 1947 г. были достигнуты известные результаты по созданию смешанных организаций БЗНС в Бургасской, Варненской, Плевенской, Русенской, Пловдивской областях и в Софии. В некоторых районах дело доходит до организационного объединения «дружб» оббовистов и николопетковистов.

В этой ситуации ЦК БРП (к) и правительство переходят к решительным действиям против оппозиции. В конце апреля 1947 г. был прекращен выпуск газеты «Народно земеделско знаме». В это же время в борьбу против оппозиционных ОФ течений включаются и левые «земледельцы». 14 мая 1947 г. Г. Трайков созывает УС для обсуждения положения в Союзе и проводимой Оббовым политики. Трайков обвиняет Оббова, что, вопреки правилам, он утверждает руководителями областных и околийских «дружб», а также советниками Верховного союзного совета людей, которые стремятся к расколу Союза. Но сторонники Оббова высказываются в поддержку его действий, защищают идею политической самостоятельности БЗНС и осуждают действия левых. УС не приходит к единому решению. При выборах нового Постоянного присутствия УС разделяется на две примерно равные группы: 28 сторонни-

inslav

ков Оббова и 26 левых. В результате утверждаются кандидаты, предложенные Оббовым[46].

При таком положении члены левой группы в ПП, имея поддержку ЦК БРП(к), в ночь с 21 на 22 мая 1947 г. занимают Союзный дом и редакцию газеты «Земеделско знаме». В газете они публикуют декларацию, подписанную председателем УС Г. Трайковым, в которой сообщают, что в связи с невозможностью избрания нового ПП, прежнее продолжит свою работу и в ближайшее время созовет ВСС.

Верховный союзный совет приступил к работе 8 июня 1947 г. Но взаимопонимания вновь не удалось достичь. 9 июля, после того как Ал.Оббов произносит перед парламентской группой Союза речь, в которой заявляет, что в стране нет свободы, что крестьяне не верят правительству ОФ и надеятся на помощь президента США Г. Трумэна, ПП принимает решение об отстранении его от руководства Союзом.

В это же время ЦК БРП (к) переходит к решительным действиям против оппозиции. 5 июня 1947 г. руководитель оппозиции Н. Петков лишен депутатского мандата и передан суду. Затем депутатский мандат был отнят еще у 23 депутатов от оппозиции. 26 августа 1947 г. ВНС приняло Закон о запрещении и роспуске БЗНС – НП и его отделений, а его конфискованное имущество передано в пользу государства. Суд выносит Н. Петкову смертный приговор, и 23 сентября 1947 г. он казнен. Чтобы уцелеть, многие руководители и активные деятели БЗНС – НП и ЗМС (Ас. Павлов, П. Сърбински, Д. Стоянов, Н. Ботев и др.) были вынуждены подать декларации, в которых осуждали деятельность БЗНС – НП и свое собственное политическое поведение[47].

После казни Н. Петкова руководителем оппозиции становится Д. Гичев. Его арестовывают 16 октября 1947 г. На сфабрикованном судебном процессе он обвинен в организации вооруженных антиправительственных групп, агитации среди крестьян против исполнения решений власти, в том числе поставок молока, шерсти, хлеба и др. Гичев не отрицает, что говорил крестьянам, чтобы они прятали продукты и зерно, чтобы накормить детей, но по остальным пунктам обвинения отказывается признать свою вину. Он заявляет, что сопротивление крестьян является не результатом агитации против власти, а их тяжелого положения и несогласия с политикой правительства, в частности с указом № 1 по сбору продуктов питания. Это было признано и на совещании ЦК БРП(к), проведенном 14 августа 1947 г., где указывалось, что во главе недовольных и требующих отмены указа № 1 стояли коммунисты, члены БЗНС и «дружбы»[48].

16 апреля 1948 г. Д. Гичев был осужден на пожизненное заключение и умер в апреле 1964 г., вскоре после освобождения. Вопреки многократным попыткам его родственников и соратников убедить его подписать декларацию

inslav

с осуждением своей деятельности как оппозиционера, Гичев отказался это сделать.

БЗНС – НП, который стал руководителем оппозиционного движения в стране, направленного против утверждения руководящей роли коммунистической партии, имел широкую поддержку масс. Но непримиримость его руководителей и членов к проводимой БРП(к) политической линии привела к драматической развязке: казни лидера Н. Петкова и запрещению Союза.

Право на существование получает БЗНС во главе с Г. Трайковым. Члены этого Союза – сторонники тесного сотрудничества с коммунистами выбрали вариант приспособления своей организации к решению, принятому великими силами в Ялте в 1943 г. Итогом и ценой этого стал отказ от идеологии Земледельческого союза, признание руководящей роли коммунистической партии и ее программы строительства социализма. Это было зафиксировано резолюцией, принятой на заседании Верховного союзного совета 1 ноября 1948 г. После этого акта не только в оппозиционной среде, но и среди западных дипломатов и в руководящих кругах БРП(к) создалось мнение, что исчезает и смысл самого существования БЗНС, что осталось сделать только один шаг до его слияния с коммунистической партией[49]. Но БРП(к) не пошла на этот шаг. V съезд БРП(к), состоявшийся 18–25 декабря 1948 г., назвал БЗНС главным союзником коммунистической партии в решении предстоящих задач в стране[50]. На съезде присутствует делегация БЗНС во главе с Г. Трайковым.

* * *

Резкая ломка политической системы привела к отстранению от политической деятельности немалой части руководителей БЗНС, в том числе и левых. Многие деятели БЗНС из оппозиции эмигрируют в западные страны Европы, в США, в Турцию, где создают свои организации и продолжают вести борьбу как против коммунистического управления в Болгарии, так и против продолжившего свое существование БЗНС, сначала под руководством Г. Трайкова, возглавлявшего Союз до конца своей жизни (1975), а впоследствии П. Танчева и с 1990 г. В. Вылкова. В стране сложилась практически однопартийная система. Методы и характер деятельности БЗНС были выхолощены. Союз превратился в помощника БКП в проведении кооперирования сельского хозяйства, осуществлении социалистических преобразований. Ему была предоставлена возможность играть значительную роль во внешнеполитической деятельности государства, устанавливая связи с родственными партиями и поддерживая отношения с теми государствами, где БКП была нежелательна. Вопреки существующим мнениям и оценкам о «казенном» БЗНС как о вспомогательной

inslav

организации, его члены и руководители жили и работали, осознавая себя членами партии. Вероятно, они испытывали чувство вины перед теми, кто эмигрировал или остался в стране, но не примирился с руководящей ролью БКП в развитии общества, с практикой социализма. Не случайно осенью 1989 г. БЗНС распался как карточный домик. Вернувшиеся из эмиграции «земледельцы» заклеймили прокоммунистический БЗНС, содействовали его быстрой ликвидации, создали в первые годы посткоммунистического управления впечатление жизнеспособности «земледельческой» идеи и «земледельческих» сил, но оказались неподготовленными для работы в новых условиях и для решения новых задач. Обремененные старыми проблемами, выдвигающие уже неактуальные идеи, отказываясь признать созданные в годы социализма «земледельческие» кадры, они не смогли объединить вокруг себя сторонников. Вновь разделенные на различные, борющиеся между собой «союзы», они превратили БЗНС в маргинальную, почти изчезнувшую партию, а сами фактически были вытеснены из политической и общественной жизни.

Примечания

[1] Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 1. Л. 20.

[2] Цит. по: Дума. 2 септември 2009 г.

[3] ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 1. Л. 24–25.

[4] Там же. Л. 33–34.

[5] Там же. Л. 104–105.

[6] *Мешкова П., Шарланов Д.* Българската гилотина: тайните механизми на Народния съд. София, 1994. С. 52.

[7] *Барев Ц.* Принос към историята на БЗНС. Борба. Идеология. Принципи. София, 1994. С. 388–390.

[8] *Барев Ц.* Указ. соч. С. 391; *Исусов М.* Политическият живот в България. 1944–1948. София, 2000. С. 56.

[9] *Барев Ц.* Указ. соч. С. 385.

[10] *Исусов М.* Указ. соч. С. 58.

[11] ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 6. А. е. 9. Л. 2.

[12] Г. М. Димитров после его отстранения от руководства БЗНС был обвинен в подготовке антинародного заговора и помещен под домашний арест. 23 мая ему удается покинуть дом и укрыться в доме представителя США М. Барнса. В сентябре 1945 г. Г. М. Димитрову разрешили выехать в США.

inslav

[13] Архив на Министерство на вътрешните работи (Далее: АМВР). Ф. 1. Оп. 1. А. е. 13. Л. 151.

[14] Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. I. 1944–1948. М., 1997. С. 213–214.

[15] Там же. С. 217–219.

[16] *Исусов М.* Сталин и България. София, 2001. С. 22–23.

[17] ЦДА. Ф. 146 Б. Оп. 5. А. е. 924. Л. 60.

[18] Земеделско знаме. 10 май 1945 г.

[19] *Исусов М.* Сталин и България. С. 67–68.

[20] *Исусов М.* Политическият живот в България. С. 98–99.

[21] Восточная Европа в документах российских архивов... С. 238–239.

[22] *Зарчев Й.* БЗНС и изграждането на социализма в България. 1944–1962. София, 1984. С. 88; *Минчев М.* Предпоставки за формирането на опозиция в България. 1945 // Тоталитаризм и антитоталитарные движения. Харьков, 1995. С. 133.

[23] *Исусов М.* Сталин и България. С. 22–23; *Его же.* Политическият живот в България. С. 100.

[24] Восточная Европа в документах российских архивов... С. 285.

[25] В сущности, советские представители в Болгарии также не одобряют пункты 53 и 105 принятого 8 июня 1945 г. избирательного закона, которые дают американцам и англичанам право говорить о его недемократичности. А. Лаврищев, в то время заведующий Отделом Балканских стран в Народном комиссариате иностранных дел СССР, в информационной записке на имя В. М. Молотова пишет, что «болгары поступили неправильно, включив эти пункты в избирательный закон, так как обычно партийные блоки и коалиции на время выборов в избирательные законы не вносятся. Мне кажется, что пункт 53, предусматривающий выдвижение единого списка кандидатов Отечественного фронта и ограничивающий участие в выборах входящих в Отечественный фронт партий, и пункт 105, предусматривающий кассирование депутатов в случае отречения их от программы Отечественного фронта или какой-либо партии, следовало бы исключить из избирательного закона» (Восточная Европа в документах российских архивов... С. 257–258).

[26] ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 4. Л. 1, 13, 14.

[27] Там же. Л. 4.

[28] Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. I. 1944–1948. М., 1999. С. 259–260.

[29] *Димитров Г.* Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997. С. 518.

[30] Там же.

[31] Восточная Европа в документах российских архивов. С. 357–358, 360.

[32] *Димитров Г.* Дневник. С. 520.

[33] *Цветков Ж.* Съдът над опозиционните лидери. София, 1991. С. 19.

inslav

[34] Закон о трудовой поземельной собственности был принят 12 марта 1946 г.

[35] АМВР. Ф. 1. Оп. 1. А. е. 266. Л. 24–25.

[36] Там же. Л. 85.

[37] Там же. А. е. 265. Л. 117.

[38] Там же. Л. 73, 74.

[39] Там же. А. е. 266. Л. 19.

[40] ЦДА. Ф. 146 Б. Оп. 5. А. е. 267. Л. 65; А. е. 269. Л. 8, 23, 43, 121; А. е. 270. Л. 190.

[41] АМВР. Ф. 1. Оп. 1. А. е. 267. Л. 65; А. е. 269. Л. 8, 24.

[42] Там же. А. е. 269. Л. 97, 102.

[43] Там же.

[44] Земеделско знаме. 31 октомври 1946 г.

[45] Там же. 24 декември 1946 г.

[46] *Зарчев Й.* Указ. соч. С. 183.

[47] Земеделско знаме. 30 септември 1947 г., 2 октомври 1947 г., 4 октомври 1947 г.

[48] ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 1. А. е. 156. Л. 14.

[49] АМВР. Ф. 2. Оп. 1. А. е. 748. Л. 22.

[50] Пети конгрес на БКП. 18–25 декември 1948 г. Стенографски протокол. Ч. I. София, 1949. С. 46.

inslav

А. С. Аникеев

Албано-югославские отношения в первые послевоенные годы в контексте советской политики на Балканах

Перспектива скорой победы над гитлеровской Германией и ее сателлитами обусловила начало разработки в Москве различных планов послевоенного устройства Европы. Для Сталина важно было, на уже начавшихся переговорах с западными союзниками, обеспечить сферу интересов и влияния СССР по периметру границ его новой империи, которые должны были обозначить восточноевропейские компартии, как наиболее активная и влиятельная часть в антифашистском Сопротивлении. О распределении этих сфер на Балканах он договорился с Черчиллем в октябре 1944 г. Американцы, занятые другими, как им казалось, более серьезными проблемами, оставили этот регион, до времени, англичанам. Политическое влияние в Югославии было распределено между Москвой и Лондоном поровну, но по мере снижения влияния четников в движении Сопротивления, в результате их бездействия, а осенью 1944 г. и их поражения от коммунистических отрядов, доминирующее положение в стране к началу 1945 г. окончательно заняли силы, возглавляемые Тито.

Несмотря на попытки британцев и американцев обеспечить возможность оппозиционным партиям участвовать в политической жизни послевоенной Югославии, коммунисты достаточно быстро организовали демократический процесс в стране по коминтерновской схеме – от изоляции правых и союза с умеренными левыми, до последующей полной ликвидации всей оппозиции. Постепенно Тито и его соратники приступили к осуществлению своих планов консолидации балканских стран «народной демократии» вокруг Югославии с прицелом на создание собственной миниимперии в регионе.

Внимание к Албании со стороны великих держав было привлечено в самом конце войны, когда встал вопрос о ее будущих границах и дальнейшей судьбе, в связи с подготовкой к послевоенному мирному урегулированию. В советском МИДе в начале февраля 1945 г. в одной из справок, подготовленной Я. Сурицем, рассматривалось несколько подходов к албанской проблеме. В записке отмечалось, что интерес СССР к Албании в первую очередь вызывается заинтересованностью в создании сильной федеративной Югославии и установлении прочной дружбы между всеми народами на Балканах. Как считал автор документа, с этой точки зрения, «наиболее выгодным для нас

inslav

решением албанской проблемы возможно было бы разделение Албании между югославской федерацией и Грецией, примерно по линии Корча–Тирана–Дураццо с тем, чтобы Греция взамен за такое приращение отказалась бы в пользу Болгарии от западной Фракии, и тем самым Болгарии был бы предоставлен свободный выход к Эгейскому морю». Возможно, часть документа готовилась еще раньше, так как во время встречи Сталина с югославской делегацией 9 января того же года югославы уже сообщали о своих тесных контактах с албанцами в военно-политической сфере. Вместе с тем, рассуждая далее о возможности реализации этого плана, автор записки, приводя различные аргументы, приходил к выводу, что ни Англия, ни тем более США, не дадут на него своего согласия. Поэтому, по мнению Сурица, наиболее реальным был бы вариант восстановления самостоятельной Албании, примерно в границах 1913 г. с возможным их изменением в пользу Югославии на севере и Греции на юге. Автор записки попытался исследовать и перспективу установления протектората США, Англии и СССР над Албанией и приходил к выводу, что такое решение албанской проблемы открывало бы «для нас возможность контролировать этот важный участок Адриатики» и предоставило бы СССР «больше выгоды», но, вероятно, именно по этой причине, как ему представлялось, вариант не получил бы поддержки со стороны «наших партнеров»[1]. Интересно, что эти рассуждения, если верна датировка данного документа, велись уже после того как в декабре 1942 г. СССР и западные союзники признали независимость Албании. Очевидно это было важно в международной ситуации того времени, поскольку Албания была оккупирована Италией и необходимо было показать агрессорам, что мировое сообщество не будет с этим мириться. К концу же войны, как отмечалось в справке, на передний план для Москвы в решении ее задач на Балканах выходила проблема обеспечения стратегической безопасности региона, понимаемой в Кремле, несомненно, шире – как способность ее новых союзников (Югославии, Болгарии, Румынии, Албании) охранять рубежи возникающей коммунистической империи. Широкая и сильная, как подчеркивалась в справке, югославская федерация такую задачу, как представлялось в МИДе, была бы способна выполнить. При известных условиях в нее могла бы войти и неславянская Албания[2]. Во всяком случае, к такой перспективе югославское коммунистическое руководство уже было готово, активно проводя политику, способствующую установлению гегемонии Югославии во всех сферах жизни этой отсталой балканской страны. Исходя из этой складывающейся практики, советское руководство, действуя в соответствии со строгими иерархическими правилами, в 1946 г. решает передать Албанию под частичное югославское управление. Во время визита Тито летом этого года в Москву ему сообщили, что СССР в тот период, в силу

inslav

обстоятельств международного характера, не может действовать напрямую и оказывать этой стране непосредственную помощь. В конце июня советский посол в Югославии А. Лаврентьев, получив инструкции из Москвы, в разговоре с албанским премьер-министром Э. Ходжей во время их встречи в Белграде (в это время албанская делегация находилась там с официальным визитом), сказал, что отношения между Албанией и Югославией должны укрепляться, а «ориентация Албании на близость с Югославией будет вместе с тем означать ориентацию Албании на близость с Советским Союзом». Он также сообщил, и это важно отметить в контексте последующих отношений в треугольнике Москва – Белград – Тирана, что СССР «будет оказывать Албании, как братской республике, всяческую поддержку, но эту поддержку не нужно афишировать и подчеркивать, чтобы не навредить Албании». Советский посол «указал» также на целесообразность подписания договора о взаимной помощи между Албанией и Югославией, чтобы, как он подчеркнул, «укрепить позицию Албании в отношении Греции и Италии»[3]. Энвер Ходжа, позднее, в беседе с советским посланником в Тиране Д. Чувахиным сообщил ему о своем разговоре с Тито, передавшим албанскому премьер-министру слова Сталина о том, что Советский Союз будет помогать Албании через Югославию, поскольку, по мнению советского правительства, прямая помощь Албании в нынешних условиях может вызвать лишние придирки со стороны союзников[4].

Таким образом, схема передачи Советским Союзом Албании под патронат Югославии была обозначена тогда в самом общем виде, но уже содержала в себе зерно будущего конфликта, как между Тираной и Белградом, так и между Тито и Сталиным. Белград, который занял доминирующие позиции в этой стране, без сомнения рассчитывал не только на их сохранение, но и укрепление, не исключено, что с опорой на советскую финансовую и материальную помощь, выделяемую для Албании. Скорее всего, сталинское «поручение» было воспринято именно так. Кроме того, как видно из документов, албанское побережье рассматривалось в Белграде как продолжение стратегической приморской границы Югославии, что требовало соответствующего ее обустройства. Однако, как известно, Сталин был склонен к восточной стилистике в общении со своими партнерами, любил мистификации, предлагал один вариант решения проблемы, но сам в дальнейшем действовал иначе, в соответствии с собственным ее видением. Не исключено, что и здесь он решил в последний момент «поставить ногу в албанскую дверь» и посмотреть как поведет себя Тито в условиях предоставленной ему Кремлем возможности оказать «братскую помощь» албанцам. Сталин знал об имперских амбициях Тито и должен был на них реагировать.

Обозначенная в тот период схема и процедура передачи Албании под югославское управление не определяла зон ответственности между СССР и Юго-

inslav

славией в политической, экономической и военной областях. Вероятно, что уже с осени 1946 г. в Албанию, по просьбе ее руководства стали прибывать и советские специалисты, работа которых контролировалась пославшими их туда ведомствами. Параллельно в стране, еще до заключения между Югославией и Албанией в этом же году Договора о дружбе и взаимопомощи, действовали югославские специалисты, но общая координация взаимодействия тех и других, как представляется, либо отсутствовала вообще, либо была очень низкой. Это обстоятельство стало одним из промежуточных факторов в процессе последующего возникновения конфликта. Другой причиной противоречий между тремя сторонами были непростые отношения между албанским и югославским руководством, а также, возникшая еще в период войны, со времени Бератской конференции, конституировавшей, с югославской поддержкой, создание албанской компартии, конкурентная борьба внутри нее. В апреле 1946 г. албанский посланник К. Ташко в беседе с В. Молотовым, отвечая на его вопрос об албано-югославских отношениях, говорил, что они очень хорошие, братские[5]. Спустя месяц, Энвер Ходжа, разъясняя советскому посланнику Д. Чувахину сложную ситуацию внутри КПА, уже ссылался на «исключительно вредное влияние бывших представителей КПЮ (при албанской компартии) Стойнича и Диздаровича». Он, очевидно, рассчитывая на участие советской стороны в качестве арбитра во внутрипартийной борьбе, многословно сообщал, называя фамилии, об ошибках Кочи Дзодзе, второго человека в партии, в подборе руководящих кадров, выражая сомнение в его компетентности в вопросах проведения политики партии[6]. Как показали последующие события, будущий албанский диктатор Э. Ходжа уже в тот период обладал достаточной энергией (и в ряде случаев злой волей) для проведения собственной линии, пытаясь столкнуть и противопоставить на албанском пространстве Белград и Москву для решения своих задач абсолютной доминации в партии и последовательной ликвидации опирающейся на Югославию оппозиции во главе с Кочей Дзодзе.

В начале июля того же года он вновь беседовал с советским посланником, рассказывая ему о своем визите в Белград и встрече с Тито, во время которой был затронут широкий круг вопросов. Один из них касался проблем югославской помощи в организации албанской компартии и Ходжа «пожаловался» Тито на то, что усилиями Стойнича он фактически после конференции в Берате был отстранен от руководства партии, а в состав политбюро был введен оппортунист Сейфула Малешова (способный и здравомыслящий экономист и политик, стремившийся сохранить в экономике, как показывают документы, сектор частной собственности – *А. А.*) и другие «неработоспособные люди». Тито, по словам Ходжи, частично признал ошибки югославских «товари-

inslav

щей», которые «допускали много глупостей и становились в позу "папаш", и пообещал не допускать этого в дальнейшем. Он также посоветовал Ходже объединить в одном лице руководство партии и государства, а Коче Дзодзе объяснить, что он не должен заниматься политикой, но только организационными вопросами партии, по примеру того как в КПЮ это делает А. Ранкович[7]. Говорил ли Тито все это Ходже нам известно только из документа Д. Чувахина, но сама информация, переданная советской стороне уже летом 1946 г. должна была, как представляется, сформировать в Москве негативный образ Дзодзе и подготовить к тому, что эта фигура лишена перспективы в албанской партии. Так Ходжа выстраивал в Албании алгоритм авторитарного господства по образцу СССР и Югославии.

В сентябре того же года Нако Спиру, сообщая Чувахину о восстании в Скутари (Шкодре), назвал, в качестве одного из тех, кто не сумел предвидеть этого события, К. Дзодзе. Советский посланник отметил в своем дневнике, что Спиру не преминул упомянуть это имя сначала в данном контексте, а затем вновь «уколоть» Дзодзе в связи с провальной попыткой осушения болот в одном из районов Албании[8].

В конце месяца о проблемах внутри партии «докладывал» Чувахину сам Ходжа, отмечая нездоровую обстановку в политбюро и сообщая о возможных кандидатурах на посты в высшем органе партии. Назывались фамилии М. Шеху, К. Темелько, Ф. Пачрами, Х. Капо и Лири Белешовой. Он характеризовал их как способных и талантливых работников, но не пройдет и двух лет, как часть из этих « выдвиженцев» окажется врагами албанского народа и агентами Югославии. Позже, секретаря албанского комсомола Л. Белешову, посадят в тюрьму, и она проведет там около тридцати лет. Особой темой встречи стало сообщение о серьезном конфликте между К.Дзодзе и Н.Спиру, нарушающем, как отмечал Ходжа, нормальную работу политбюро[9].

Несмотря на это, отношения с Югославией в тот период, дружба с этой страной, рассматривались албанским народом, как заявил Э. Ходжа Молотову во время визита в Москву в июле 1947 г., как «основной и жизненный вопрос». Он лишь посетовал на то, что экономическая и техническая помощь со стороны Белграда, как это было предусмотрено взаимными соглашениями, выполнялась не в полном объеме. По мнению албанского премьера, это свидетельствовало о том, что эти договоренности были подписаны без достаточного изучения вопроса. Ходжа получил аудиенцию у Сталина, во время которой обсуждались вопросы внутренней и внешней политики Албании[10]. На нерасторопность югославов с началом экономической помощи Албании было указано в записке по Югославии, подготовленной в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) в августе того же года. Авторы документа также отмечали, что

inslav

руководство югославской компартии очень ревниво относилось к тому, что Албания стремилась иметь непосредственные связи с СССР. По их мнению, албанцы должны были иметь контакты с Москвой «только через югославское правительство»[11].

К концу 1947 г., наблюдая непростые отношения между Югославией и Албанией, внутрипартийную борьбу в албанской компартии, в Москве постепенно приходят к выводу, что именно отсюда придется, в итоге, самым активным образом вмешиваться в процесс и «гармонизировать» ситуацию. Это диктовалось условиями строительства социалистического лагеря, в котором главным и необходимым условием было отсутствие внутренних конфликтов, единство и сплоченность перед западным, «империалистическим» блоком. Сталин был готов идти в решении этой задачи до конца, притом, как оказалось, на роль «виновника» во многих балканских проблемах, человека, который действовал, не всегда советуясь с Кремлем, был избран Тито.

Состояние внутрипартийных отношений в «братских» компартиях, отношение их руководства к СССР, опыту ВКП(б), верное следование сталинской трактовке марксизма, внимательно отслеживалось советскими дипломатами, многочисленными советниками и инструкторами, работавшими в этих странах и регулярно писавшими отчеты о своей работе. В Москве же сохранялась, теперь в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б), коминтерновская традиция внимательно относится к каждому, даже самому небольшому «движению» внутри партий, выявлению различных отклонений в теории и практике, появлению оппортунистических течений и борьбой с ними. Это увлекательное занятие кремлевских партчиновников продолжало оставаться не только данью ритуалу, но в новых условиях, как казалось, становилось совершенно необходимой работой. Кремлю сейчас в еще большей степени необходимо было знать все обо всем и обо всех внутри имперских границ. Теперь уже реально функционирующий соцлагерь требовал ежедневного управления и контроля.

К концу лета 1947 г. недовольство югославов албанцами достигло, видимо, критической точки. В середине августа Тито, находясь на отдыхе, встречается с советским послом в Белграде А.Лаврентьевым и сообщает ему о перемене настроений в албанском руководстве после поездки в Москву. Некоторые из них, а особенно Нако Спиру, по его мнению, стали неверно оценивать «дружественную политику» Югославии. Эти люди, как отмечал югославский лидер, считали, что Югославия пытается использовать даром Албанию в своих интересах, что «она много обещает, но ничего не делает». Однако, как указывал Тито, Югославия проявляла интерес к Албании, исходя из интересов самого албанского народа, стремясь сохранить ее независимость. Он подчеркнул, что югославы заинтересованы в этой стране, как в важнейшем географическом

inslav

и военно-стратегическом пункте[12]. Давая характеристики албанским партийным руководителям, Тито отмечал, что Н. Спиру проводит политику отрыва Албании от Югославии (он собирался предложить Ходже и Дзодзе отстранить его от работы), Э. Ходжа, положение которого он укреплял среди албанского руководства в прошлом году, «легко может поддаваться различным воздействиям». Самым крепким и последовательным руководителем, как отмечал в своем дневнике советский посол, Тито считал К. Дзодзе (не поэтому ли Москва и выбрала его в качестве жертвы после начала конфликта с Югославией).

Югославский лидер, озабоченный складывающимися антиюгославскими настроениями в Тиране, сказал Лаврентьеву, что собирается пригласить Э. Ходжа и К. Дзодзе в Белград и обсудить с ними вопрос югославо-албанских отношений. По мнению Тито, им следовало бы указать на то, что «помощь Советского Союза Албании нельзя рассматривать как проявление того, что Советский Союз хочет отрыва Албании от Югославии, а наоборот – как содействие сближению между двумя соседними странами»[13].

Интересно, что проблема относительно «принадлежности»» Албании и лояльности ее руководства Югославии, возникла в югославском руководстве спустя всего год после того, как Москва «передала» ее Белграду, где восприняли этот акт, видимо, как окончательный и навсегда закрывающий для албанцев «советскую альтернативу». Вместе с тем, албанское руководство в такой ситуации не избежало искушения начать игру с «двумя господами» и раскололось надвое, став как источником нарастающего напряжения с югославами, так и провоцирующим фактором для советско-югославских отношений.

Расчеты Тито на реорганизацию албанского руководства, выведение из него противников превращения Албании в югославского вассала получила практическое воплощение в ноябре, когда представитель ЦК КПЮ при ЦК КПА С. Златич прямо потребовал удаления таких людей из руководства. Как и хотел Тито на роль «козла отпущения» для югославской компартии албанцы выбрали Нако Спиру. Сразу после рассмотрения его «персонального дела» на заседании политбюро ЦК КПА и осуждения как вдохновителя антиюгославских тенденций, он пришел в советское посольство и сообщил об этом временному поверенному в делах СССР в Албании А. Н. Гагаринову. Находясь в эмоциональном возбуждении, с тревогой в голосе, он сообщил советскому дипломату, что это решение политбюро (на нем было заслушано сообщение С. Златича с мнением югославского руководства относительно Н. Спиру) является для него фактически приговором. «Это грозит мне гибелью. На нашем албанском языке это означает, что я враг», – заявил Спиру[14]. Спустя несколько дней он попытался еще раз добиться встречи с Гагариновым, но ему было отказано. На следующий день он покончил жизнь самоубийством.

inslav

Вопрос об этом случае советская сторона решила поставить перед югославами во время встречи 4 декабря 1947 г. А. Жданова с послом Югославии в Москве В. Поповичем, которая состоялась по договоренности Сталина с Тито. Через несколько дней посол передал Жданову письмо. В нем он попытался дать развернутую характеристику антиюгославской деятельности Н. Спиру и его группы (М. Шеху, Л. Белешова, Ф. Пачрами) с тем, чтобы убедительно аргументировать позицию Белграда, потребовавшего от Тираны снятия их со всех постов. По словам Поповича, вначале целью этой группы было устранение Э. Ходжи, при помощи югославской товарищей, из руководства КПА. Затем, когда югославы поняли истинные намерения Спиру и этот план не удался, он и члены его группы стали активно сотрудничать с советской миссией в Тиране, рассчитывая использовать уже советскую сторону против ФНРЮ[15]. Как сообщал в письме югославский посол, группа Спиру всячески тормозила реализацию двусторонних экономических соглашений, препятствовала взаимодействию работавших в стране югославских и советских специалистов. Интересно, что встреча Поповича со Ждановым предполагала, по замыслу Тито, помимо обсуждения югославо – албанских отношений, также постановку вопроса об отзыве из Албании советских специалистов в «связи с наметившими в Албании тенденциями к противопоставлению советских специалистов югославским и попытками на этой основе нарушить установленный модус отношений Албании и Югославии»[16]. Что имело в виду югославское руководство, не совсем ясно: этот вопрос не получил отражения в письме и, судя по документам, не обсуждался во время встречи посла со Ждановым. Трудно предположить, что югославы, рискуя своими добрыми отношениями с Москвой, могли поставить перед ней в качестве условия нормализации своих отношений с Тираной вывод советских специалистов из Албании[17]. Однако упоминание о нарушении установленного модуса отношений с Тираной, свидетельствовало о том, что в Белграде «поручение», данное Сталиным летом 1946 г. было понято однозначно, как передача ему Албании под полный контроль. В Москве, видимо, также вынуждены были учитывать этот тип отношений двух стран. Советский посол в Югославии А. Лаврентьев, встречаясь с Тито 13 декабря, сообщил ему об обращении албанцев с просьбой о поставках овса в обмен на кожсырье и медь. «Я спросил Тито, имеются ли со стороны югославского правительства возражения против такой операции», – записал в своем дневнике посол[18]. Тито, в ответ, указал на необходимость проконсультироваться с министром экономики Б. Кидричем, подчеркнув, что торговые отношения между двумя странами «развивались не совсем нормально». Он также отметил, что в течение 1947 г. Югославия затратила на Албанию в виде различных услуг и в форме поставок примерно 2 млрд. динаров, но ни-

inslav

чего не получила взамен. Он сообщил о своей встрече с Э. Ходжей, который останавливался в Белграде по пути в Софию. На ней Тито поставил перед албанским руководителем вопрос о том, «на что, собственно, может рассчитывать Албания, если она будет проводить политику на отрыв, которую стремился проводить Спиру». Ходжа, по словам Тито, как отмечал в своем дневнике Лаврентьев, проявил полное понимание необходимости дальнейшего экономического и политического сближения Албании и Югославии. Тито сообщил советскому послу, в этой связи, что «очевидно придется включить Албанию в югославский пятилетний план, а также включить в бюджет югославской армии содержание албанской армии»[19].

27 ноября 1946 г. Югославия подписала с Албанией соглашение о координации экономических планов, таможенном союзе и уравнении покупательной способности денежной единицы. Согласно этому соглашению Белград должен был, в числе прочего, предоставить и кредит на 2 млрд. динаров (или, после денежной реформы, в новой единице – лек. – *А. А.*). Спустя год, А. Гагаринов направил в Москву информацию о невыполнении Югославией своих обязательств по кредитам. Реальный кредит оказался размером 1,4 млрд. лек, но из него албанцы получили товаров из Югославии только на 650 млн. лек. В сообщении говорилось, что, с учетом того, что годовой бюджет страны составляет всего 3,5 млрд. лек, правительство вынуждено было увеличить денежную эмиссию, приведшей к резкой инфляции и усилению негативных явлений в экономике[20]. Сложность ситуации состояла, помимо прочего, еще в том, что парификация (уравнение) валют двух стран предполагала, и это беспокоило албанское руководство, Э. Ходжу и Н. Спиру, весной 1947 г., своевременные и достаточные поставки товаров из Югославии для поддержания стоимости лека на уровне стоимости динара[21]. Согласно информации, поступившей от албанцев Д. Чувахину, подписанное 22 июня 1947 г экономическое соглашение между двумя странами, в дополнение к уже имеющемуся. было составлено таким образом, что делало невозможным торговлю Албании с третьими странами, в том числе и с Советским Союзом. Кроме того, в области импортно-экспортной политики Албания оказывалась полностью зависимой от Югославии. На основе дополнительных соглашений между двумя странами также была упразднена таможенная граница, созданы смешанные албано-югославские общества, которым, как отмечал в своем политотчете за 1947 г. советский посланник, был «передан почти весь государственный сектор народного хозяйства Албании и ее внешняя торговля». Через координационный комитет и координационную комиссию по отдельным отраслям хозяйства, которые приступили к работе в августе 1947 г. «югославы фактически взяли в свои руки все руководство экономикой и финансами страны», – отмечалось в отчете[22].

inslav

Ситуацию, отчасти, пытались исправить советские специалисты, работавшие в стране, но их вмешательство и советы, видимо, только усиливали подозрения югославов в намерении албанцев «изменить» дружбе с ними и «уйти» к русским. Так, в частности, они рекомендовали албанцам, чтобы аккумуляция средств по линии смешанных обществ проходила через организованный албано-югославский банк. Такой порядок обязывал бы обе стороны своевременно вносить в банк свою долю денежных средств для работы этих обществ. Однако, под нажимом югославов, албанцы вынуждены были отказаться от этих рекомендаций и включить всю сумму югославского кредита в свой госбюджет[23].

Сталин, однако, оказался не удовлетворен результатами встречи Жданова и Поповича по обсуждению албанских дел и попросил Тито в телеграмме от 23 декабря 1947 г. направить в Москву, в связи с тем, что «в ходе бесед вскрылись новые вопросы», «ответственного товарища, может быть, Джиласа или другого наиболее осведомленного о положении в Албании». Джилас прибыл в Москву в середине января 1948 г. С ним приехала югославская военная делегация во главе с начальником Генштаба К. Поповичем и начальником политуправления армии С. Вукмановичем-Темпо. На первой же встрече с ними Сталин заявил, касаясь дела Н. Спиру, что негативно относится к тому, что в Албании из-за югославов кончают жизнь самоубийством члены ЦК. Он также сообщил, в ответ на объяснения Джиласа по поводу случая Спиру, что у СССР «нет особых интересов в Албании. Мы согласны, чтобы Югославия объединилась с Албанией – и чем быстрее, тем лучше»[24]. Джилас в своих мемуарах отмечал, что он отчетливо почувствовал в те дни плохо скрываемое недовольство Сталина югославской политикой на Балканах.

Прошедший в ноябре 1947 г. пленум ЦК албанской компартии и последовавший затем «уход» Н. Спиру, что «естественным» образом сняло одну из основных проблем в отношениях КПЮ и КПА, способствовал определенной консолидации албанского руководства, в которую, однако, советские дипломаты в Тиране верили с трудом. Д. Чувахин, встретившись с Э. Ходжей и К. Дзодзе 16 марта 1948 г., выслушав от них рассказ о ситуации в стране и некоторые подробности дела Н. Спиру, отметил в своем дневнике, что когда Ходжа рассказывал об этом, и о достигнутом теперь «полном единстве» в партии, К. Дзодзе старался показать, что он полностью с ним солидарен[25]. Как видно из данного фрагмента дневника советского посланника албанские руководители, о каких-либо проблемах в отношениях с Белградом не говорили. Между тем, ситуация вокруг югославо-албанских отношений вновь стала одной из тем уже февральской (1948 г.) встречи советского руководства с югославской и болгарской делегациями в Кремле. На первый план выходили,

inslav

в связи с нарастающей напряженностью на Балканах, военно-стратегические аспекты в политике Югославии по отношению к Албании. Кремль, однако, знавший о всем комплексе неравноправных югославо-албанских, в первую очередь экономических связей из мидовской информации (донесений Д. Чувахина), не стал поднимать эту тему в ходе переговоров.

Отношения СССР с западными державами в начале 1948 г. быстро менялась. Американцы были озабочены активной поддержкой балканскими сателлитами Москвы повстанческого движения в Греции, планируя, в случае признания ими недавно образованного партизанами правительства (ВДПГ), ввести в Грецию свои войска. Кремль, в свою очередь, стремился снять напряжение на Балканах – предстояли выборы в Италии и Чехословакии, где необходимо было обеспечить победу коммунистов, замышлялась дерзкая провокация с блокадой Берлина, призванная навязать западным державам советскую концепцию решения германского вопроса и предотвратить образование сепаратного государства на Западе[26]. От балканских союзников в этих условиях требовалась предельная координация внешнеполитических действий и подчинение планам СССР, что и стало основной причиной созыва февральского совещания. Сталин, зная о югославских планах фактического включения Албании в свою федерацию, стремлении, как он выразился, «проглотить» ее, выступил против создания на этом этапе двустороннего федеративного объединения двух стран. Югославия, согласно его плану должна была объединиться, причем немедленно, с Болгарией, а уже позже с Албанией, что вызвало возражения югославской стороны, увидевшей за этим намерение советского вождя предельно ограничить свободу выбора руководства страны. Сталин на этой встрече, также в резкой форме, критиковал югославов за их политику в Албании, имея в виду ее стратегический аспект. Его гнев вызвало, в связи с ситуацией вокруг Греции, намерение Тито послать на южную албанскую границу югославскую пехотную дивизию. Годом раньше они уже послали в Албанию авиаполк, что, как подчеркнули на встрече члены югославской делегации, не вызвало возражений Москвы. Сталин, со своей стороны, резко возразил, что это было в прошлом году, и полк – это не дивизия[27].

Цитируемый отчет миссии СССР в Албании за 1947 г. под грифом «сов. секретно», подготовленный Д. Чувахиным и датированный 9 мая 1948 г., уже содержал оценки политики Югославии по отношению к Албании, сделанные под очевидным влиянием разгоравшегося советско-югославского конфликта. Эта часть отчета была наполнена пересказом гневных обвинений албанского руководства против югославов. Можно предположить, что выступавшая против югославской политики в Албании группа министра промышленности Н. Спиру, зная и о реальном положении дел с финансово-экономической по-

inslav

мощью Югославии и о навязанных кабальных соглашениях, превращавших страну в члена югославской федерации, могла вполне обоснованно выступать за отказ от тесных связей с Белградом и переориентацию на СССР, чем дополнительно навлекала на себя гнев югославского руководства.

Примечания

[1] АВП РФ. Ф. 05.Оп. 6. Д. 2. П. 1. Л. 26–27.

[2] Любопытна, в этой связи, реплика Сталина, во время встречи с югославской делегацией 9 января 1945 г., касающаяся этнической принадлежности албанцев. Он считал, как авторитетный «эксперт» не только по кавказским, но и прочим языкам, что они тоже славяне по происхождению. (См.: Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Новосибирск, 1997. С. 132).

[3] АВП РФ. Ф. 067. Оп. 14. Д. 9. П. 104. Л. 1.

[4] Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 473–474.

[5] Там же. С. 424.

[6] Там же. С. 440.

[7] Там же. С. 475–476.

[8] Там же. С. 523–524.

[9] Там же. С. 529–530. В Москву из Тираны, лично В. Молотову, от Д. Чувахина поступала еще в августе 1946 г. информация, в которой давалась лестная характеристика Н. Спиру, как молодому, энергичному и способному работнику, в отличие от С. Малешова, активно приступившему, работая в правительстве с апреля 1946 г., к национализации промышленности, блокированию товаров у частных торговцев и введению государственной монополии на закупку зерна у крестьян. Позиция же Сейфулы Малешова, занимавшего тогда посты председателя Экономического совета и Народного банка Албании, оценивалась в телеграмме Чувахина, со слов его собеседников из албанского руководства, негативно. Как отмечалось, он сознательно проводил политику поддержки частника, оказывая ему помощь из государственных средств (АВП РФ. Ф. 067. Оп. 14. П. 104. Д. 16. Л. 37–38).

[10] Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 679–681.

[11] РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 41. Л. 22–23.

[12] Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 687.

[13] Там же. С. 688.

[14] Там же. С. 735–736.

[15] Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы. Москва. 1999. С. 511.

[16] Там же.С. 512.

inslav

[17] На расширенном заседании Политбюро ЦК КПЮ 1 марта 1948 г., когда югославское руководство обсуждало перспективы дальнейших отношений с Москвой, Кардель в своем выступлении, среди прочего, заявил, что следует потребовать, чтобы советские советники находились в составе нашей группы... *Гиренко Ю. С.* Сталин–Тито. М., 1991. С. 345.

[18] Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. С. 512.

[19] Там же. С. 513.

[20] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. Д. 423. П. 30. Л. 19–21.

[21] АВП РФ. Ф. 067. Оп. 16 б. П. 117 а. Л. 143.

[22] Там же. Л. 144–145.

[23] Там же. С. 145.

[24] *Гиренко Ю. С.* Сталин–Тито. С. 331.

[25] Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 786.

[26] *Волков В. К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 132.

[27] *Гиренко Ю. С.* Сталин–Тито. С. 340–341.

inslav

Т. В. Волокитина

Апрельский пленум ЦК БКП (1956 год) в контексте процесса либерализации политического режима в Болгарии*

Оценки пленума ЦК БКП, состоявшегося в апреле 1956 г., претерпели кардинальную смену знаков: на место безудержного восхваления и апологетики «апрельского духа», «апрельского поколения» и даже биения «апрельских сердец» пришло в начале 1990-х гг. резко критическое отношение. «Градус» полемики при оценке социалистического прошлого был настолько высоким, что усилиями нового пропагандистского аппарата и средств массовой информации деятельность БКП на всем протяжении ее истории и апрельский пленум, в частности, нередко становились объектом откровенного очернительства[1]. Оказалась ликвидированной не только «мифология» апрельского пленума, но и историческая правда об этом событии, его реальном значении и последствиях.

Крайности всегда уязвимы, а применяемые к оценкам исторических событий они затрудняют путь к истине. Можно поэтому только приветствовать, что, преодолевая, по словам российского автора, правда, сказанных по другому поводу, «болезнь бесконечной радости разоблачения»[2], болгарское общество, наконец, оказалось готовым к восприятию объективных характеристик прошлого. На волне общественного интереса историки приступили к всестороннему осмыслению «апрельского феномена», его предпосылок, проблем, непосредственного влияния на политическую жизнь страны и значения с точки зрения исторической перспективы. Отличительная черта этого процесса – активное введение в научный оборот новых источников, попытки их внимательного и объективного прочтения.

Отнюдь не претендуя на полный и законченный анализ историографии проблемы, поделюсь некоторыми беглыми наблюдениями. Прежде всего, суммируя проделанную к настоящему времени национальными историками работу, следует отметить принципиальную отправную посылку размышлений – признание тесной связи процессов, развивавшихся в 50-е гг. в Советском

* Статья подготовлена в рамках осуществления проекта ОИФН РАН на 2009–2011 годы «Социально-политические и этноконфессиональные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке: конфликты и компромиссы».

inslav

Союзе и странах восточного блока. Внимание болгарских исследователей, в первую очередь, концентрируется на периоде после смерти советского харизматического лидера в марте 1953 г. В пробуждении Восточной Европы и постепенном переходе к робким преобразованиям в советской сфере влияния, получившим название «десталинизации», именно это событие берется большинством авторов за точку отсчета. Следующей важной вехой принято считать XX съезд КПСС, подтолкнувший высшее руководство восточноевропейских стран к попыткам переосмысления внутренней ситуации и проведению аналогичных партийных форумов. Как и в отечественной историографии, оценки XX съезда сегодня, спустя более полувека, разнятся, отражая, помимо прочего, и реакцию на позиции российских исследователей. Определенный резонанс, например, имел проведенный в конце 2006 г. в Институте российской истории РАН «круглый стол» к 50-летию съезда. Участники рассматривали XX съезд через призму раскола советского общества и международного коммунистического движения, констатировали ухудшение геополитического положения СССР как следствие развенчания культа личности Сталина. Общую тональность заседания в значительной степени определяли оценки съезда как «первого шага советского государства в пропасть», «непоправимого удара по России» и пр., а действий Н. С. Хрущева, в частности его «секретного доклада», – как «примитивных и своекорыстных» попыток «свалить в одну кучу» сложные процессы репрессивной политики 30-х гг.[3] Абсолютизируя подобные оценки и неоправданно приписывая их всем российским историкам, болгарский исследователь В. Мигев в одной из последних работ с тревогой констатирует «крайне негативный процесс», якобы переживаемый сегодня нашей наукой, – «масштабную ресталинизацию»[4]. Не соглашаясь со столь радикальной оценкой, замечу, что большинство отечественных авторов занимают более взвешенную позицию при оценке XX съезда как качественного рубежа в советской истории. О принципиально новых условиях развития общественного сознания и отходе от однозначных оценок роли партии в истории страны под влиянием съезда пишет Р. Г. Пихоя[5]. Съезд, отмечает А. Ф. Носкова, положил начало «затянувшемуся на десятилетия мучительному и противоречивому процессу избавления от наследия сталинизма, преодоления нашим народом своих, во многом иллюзорных, представлений о советском строе, о возможностях его реформирования в условиях монопольной власти КПСС и при отсутствии соответствовавшего эпохе политического лидера»[6]. Не ставится российскими авторами под сомнение и несомненное положительное влияние съезда на морально-психологическую атмосферу советского общества. «Сомнения рождали раздумья, раздумья – новые вопросы... Одна дискуссия питала другую, волна общественной активности становилась шире и глубже...

inslav

Система страха была разрушена, ... казавшаяся незыблемой вера в то, что сверху все видней, была сильно поколеблена... Изменение ситуации снизу создавало особый психологический фон нетерпения...», – так точно и объемно характеризует послесъездовские настроения Е. Ю. Зубкова[7].

В свою очередь, можно предъявить серьезные претензии к некоторым болгарским авторам, предлагающим подчас грубо-поверхностную трактовку значения XX съезда как «организованного Москвой показного разрыва со сталинизмом»[8]. В Болгарии, являвшейся «самым верным советским сателлитом», считает Р. Богданова, последовавший за съездом апрельский пленум ЦК БКП положил конец «первой волне десталинизации», а наступившая затем «оттепель» оказалась «хрупкой и мимолетной»[9]. Иными словами, на XX съезд фактически возлагается вина за последующее развитие ситуации в Болгарии.

В болгарской историографии утвердилось рассмотрение апрельского пленума в русле единого процесса либерализации в стране. Но если одни авторы видят в пленуме водораздел между временем «чистого сталинизма» (1949–1953 гг.) и новым этапом политического развития (либерализацией; либерализацией без демократизации[10]), то другие связывают его значение в первую очередь с последующим формированием «апрельского курса» как перехода к новой общественно-политической модели – «частичной либерализации и демократизации с необходимыми оговорками по их ограничению»[11].

Раздвигая хронологические рамки указанного процесса, В. Мигев обосновывает точку зрения, согласно которой еще с весны 1951 г. в стране наблюдались явления и перемены, свидетельствовавшие об определенном «сотрясении всей системы» (смягчение наказательного «уклона» в общественной жизни, ликвидация концлагерей, массовая амнистия, признаки «оттепели» в духовной сфере, возможность критики как индикатор процесса либерализации и пр.)[12]. В таком контексте смерть Сталина рассматривается не как начальный импульс к переменам во внутриполитическом развитии страны, а лишь как стимулятор уже шедших процессов, придавший им бóльшую рельефность. Апрельский пленум (по оценке Мигева, – явление «средней величины», «бледная копия XX съезда») не имел, с точки зрения автора, важного значения в процессе либерализации советской модели социализма в Болгарии, завершившемся в середине 60-х гг.[13]

В. Мигев отмечает, что с самого начала либерализации болгарское руководство ощущало внешний императив к переменам. По его мнению, в Советском Союзе еще за 4–5 лет до кончины Сталина наблюдались признаки некоторого «размораживания» сталинской модели. Отсчет первых мучительных и медленных шагов в этом направлении он начинает с появления в 1950 и 1952 гг. известных работ Сталина по вопросам языкознания и экономиче-

inslav

ским проблемам социализма. В них Мигев видит попытки преодолеть некоторые догмы, бывшие «альфой и омегой» советской официальной науки и пропаганды, попытки, оказавшие определенное воздействие на общество[14]. Соглашаясь в принципе с таким «расширительным» с точки зрения хронологии подходом болгарского коллеги, полагаю все же не совсем корректным столь жестко фиксировать начальную дату указанного процесса. По большому счету, качественно новые общественные настроения, «брожения умов» в разных социальных слоях советского общества, заставившие власть реагировать, возникли с окончанием Великой Отечественной войны[15]. Это были, по своей сути, глубинные процессы, значительно опередившие конкретные признаки неотвратимости десталинизации в политической сфере. Позднее И. Эренбург напишет: «Начало справедливой оценки несправедливостей прошлого не было случайностью, оно не зависело ни от добрых намерений, ни от темперамента того или иного политического деятеля. Просыпалась критическая мысль, рождалось желание узнать об одном, проверить другое»[16].

Советское руководство ощущало симптомы роста напряженности в послевоенном обществе, заждавшемся улучшения жизни. Ответная реакция, выразившаяся в повороте к социальной сфере, базировалась на принципе «разовых действий», определявшем меру необходимых преобразований[17]. Такой подход зримо проявился и позднее, после XX съезда партии, в частности, в дозированности критики недостатков функционирования советской модели.

Все еще недостаточно широко известные даже болгарским специалистам подробности подготовки и проведения апрельского пленума и его значение[18] для российских исследователей – настоящая tabula rasa. По этой причине, прежде чем высказать свою оценку роли и места пленума в контексте политической жизни Болгарии, предлагаю читателю познакомиться с событиями, предшествовавшими пленуму, его ходом и непосредственной реакцией общества на принятые партийным форумом решения.

* * *

14 декабря 1955 г. в ЦК БКП была получена правительственная телеграмма из Москвы с приглашением болгарской делегации на XX съезд КПСС[19]. Казалось бы, достаточно рутинная процедура определения состава делегации стала, тем не менее, в Софии предметом серьезного обсуждения. Отнюдь не бесспорными оказались кандидатуры известных партийных функционеров А. Югова и Г. Чанкова. На одном из рабочих документов от 29 декабря 1955 г. сохранилась помета руководившего работой Политбюро В. Червенкова: «Предлагаю, чтобы на съезд поехали товарищи, которые *до сего времени не бывали*

inslav

на съездах КПСС (здесь и далее курсив мой. – *Т. В.*), в том числе [следует] включить 1–2-х секретарей окружных комитетов партии». Конкретизируя свое предложение, Червенков считал целесообразным направить в Москву Р. Дамянова, Г. Цанкова, Д. Ганева, Т. Звездова, Стоичкова»[20]. Показательно, что соответствовавший основному критерию Т. Живков, значившийся в одном из предварительных списков, в состав делегации включен не был. А между тем он являлся первым секретарем ЦК, отвечал за текущую работу Секретариата, отличался, и это прозвучало во время обсуждения состава делегации, «завидной работоспособностью». По всей вероятности, какие-то дополнительные скрытые пружины повлияли на окончательный выбор. В Москву было решено направить В. Червенкова, А. Югова, Р. Дамянова, Д. Ганева и Т. Звездова. Есть основания предполагать, что в случае с Живковым определяющую роль сыграла невыразительность в то время этой политической фигуры. Он считался в руководстве партии человеком «временным» и не вызывал особых симпатий ни у Червенкова, ни у формировавшейся против него оппозиции. Напомню, что ранее, при рассмотрении вопроса о руководителе Секретариата ЦК, Червенков отдавал предпочтение опытному партийному функционеру Р. Дамянову, однако Г. Чанков сумел убедить членов Политбюро в преимуществах «более молодого, более энергичного, более инициативного» Живкова[21]. Документы свидетельствуют, что, начиная с 1954 г., Живков весьма успешно готовил почву для своего карьерного взлета: он эффективно использовал с этой целью очевидные преимущества, которые давало пребывание в Политбюро, а руководя Секретариатом, имел возможность контролировать партаппарат и непосредственно влиять на продвижение партийных кадров. В это время ему удалось установить доверительные отношения с советским послом в Софии Ю. К. Приходовым, через которого Живков систематически информировал Москву о положении в стране и в высшем руководстве. Трудно сказать, ставил ли Живков уже тогда перед собой конкретную цель – достичь единоличного лидерства, но роль «советского фактора» в болгарских реалиях и, в частности, в своей политической карьере он, безусловно, понимал прекрасно.

Следует учитывать, что усилия Живкова совпали с намерением Москвы заменить после смерти Сталина лидеров-сталинистов в компартиях стран «социалистического лагеря», ограничиваясь при этом их ближайшим окружением. Таким образом, стороны двигались встречным курсом. Живкову лишь требовалось оказаться в нужное время в нужном месте. Более того, его отсутствие в составе делегации на XX съезде КПСС, соответствующим образом интерпретированное, могло стать своего рода дополнительным пропуском к высоким постам, ставя в положение некоторой дистанцированности от команды Червенкова.

inslav

Информация об осуждении культа личности Сталина в «секретном докладе» Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС явилась полной неожиданностью для делегатов, хотя и до закрытого заседания на съезде фактически прозвучала критика сталинской политики. Уже выступление А. И. Микояна на третий день работы съезда с осуждением отсутствия коллективного руководства, критическими оценками «Краткого курса истории ВКП(б)» и «Экономических вопросов социализма в СССР» вызвало определенное замешательство и даже протесты зарубежных коммунистов-участников форума. Вызывало беспокойство отсутствие ясности, отражала ли речь официальную точку зрения[22].

На закрытом заседании с «секретным докладом» Хрущева представители «братских» компартий социалистических стран не присутствовали. Но еще до возвращения из Москвы они ознакомились с текстом, получив его из рук сотрудников Международного отдела ЦК КПСС, а затем вернув хозяевам. Степень доверия к коммунистическим лидерам западных стран, видимо, была иной, так как о докладе их в устной форме, что называется, на скорую руку, проинформировали сотрудники аппарата ЦК в последние часы их пребывания в Советском Союзе[23]. Однако уже в начале марта 1956 г. руководство КПСС сочло необходимым ознакомить с содержанием доклада не только партактив и широкие массы коммунистов и комсомольцев и «беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников» в собственной стране. Лидерам стран народной демократии также было рекомендовано зачитать доклад перед партийным активом. С этой целью текст был разослан руководствам «братских» партий. Позднее, в начале июня, после появления текста доклада в американской печати, он стал достоянием коммунистов и на Западе. В международном коммунистическом движении реакция была далеко не однозначной. Например, в Итальянской коммунистической партии доклад был встречен в целом с одобрением, а руководство компартии Китая не скрывало недовольства. Публичное обсуждение материалов съезда во Франции, США и некоторых других странах Запада привело к массовому выходу коммунистов из партии. Сложной была реакция и в европейских странах «социалистического лагеря».

В болгарских «верхах» испытали настоящее потрясение. Червенков вспоминал позднее, что он «не мог осознать и воспринять прочитанное», а критику Сталина считал «односторонней», «небрежной», «грубой и недальновидной»[24]. Соратникам он казался выбитым из седла, не способным на какие-либо активные действия[25]. В обществе, как вспоминали современники событий, наблюдалась пестрая палитра мнений, слухов, комментариев: люди верили и не верили, одни ликовали, другие негодовали, третьи открыто ругали советское руководство... И все вместе внимательно прислушивались к заграничным «голосам»[26].

inslav

После XX съезда какие-либо проблемные материалы в болгарской печати не появлялись вплоть до середины марта 1956 г. Дело ограничивалось перепечаткой статей из «Правды» по рассмотренным на партийном форуме вопросам. Лишь постепенно стали публиковаться собственные пропагандистские материалы общего «теоретического» характера – статьи «Народные массы – творцы истории», «Творческий характер марксизма-ленинизма» и пр.[27] Трудно не согласиться с болгарскими авторами, отмечающими, что Червенков, по-видимому, не смог правильно оценить масштабы и осознать суть новой фазы десталинизации[28], что объясняет его выжидательную тактику, а затем попытку прибегнуть к вынужденной политической мимикрии. Поначалу он стремился отсрочить созыв пленума ЦК БКП, призванного ознакомить делегатов с решениями XX съезда и «извлечь» необходимые для партии и страны «уроки». Когда же откладывать дальше пленум стало невозможно, Червенков предложил вынести в качестве главного пункта повестки дня не «секретный доклад», а так называемый экономический проект Хрущева, и, прежде всего, в актуальной для Болгарии части сельского хозяйства. Безусловно, тем самым болгарский лидер допустил серьезную тактическую ошибку, которой воспользовался лучше других оценивший обстановку Живков. Через посла Приходова он передал в Москву сообщение о возникшей в болгарском руководстве «напряженности». Результатом явилось приглашение членов Политбюро ЦК БКП в советскую столицу. Исследователями давно подмечена одна важная особенность: на этапе подготовки аналогичных пленумов в Польше и Венгрии эти страны посетили соответственно Хрущев и Микоян. Болгары же сами ехали в советскую столицу. По мнению И. Баевой, это было знаком серьезного доверия Москвы к национальному руководству[29]. Мне представляется, что точнее говорить о доверии лично к Живкову, что советская сторона уже остановила свой выбор именно на нем как преемнике Червенкова. По всей вероятности, Живков лукавил, когда в своих воспоминаниях написал, что в КПСС на него «не обращали никакого внимания» вплоть до поездки Червенкова в Китай (а эта поездка состоялась в ноябре 1958 г.) и его публикаций в партийной печати с хвалебными отзывами о китайском опыте «большого скачка»: «Просто не занимались мной. Не произвел на них впечатления»[30]. О том, что доверие Хрущева Живков завоевал еще до XX съезда, пишет и И. Баева[31]. В самом деле, наивным было бы считать, что «смелость» Живкова и готовность к решительным действиям проросли в 1956 г. внезапно и самостоятельно, без внешнего импульса.

И, тем не менее, в Москве испытывали сомнения, что болгарские «друзья» смогут «справиться с оценками» ситуации, адекватно воспринять установки XX съезда и принять «правильные» решения. По некоторым сведениям, особую

inslav

озабоченность испытывал по этому поводу главный идеолог КПСС М. А. Суслов[32]. Червенков серьезно готовился к визиту, понимая, что ему предстоит «отчитаться» о ходе развенчания собственного культа личности в стране на протяжении 1953–1954 гг., принятых по этому вопросу решениях Политбюро и их реализации[33].

Но и Живков ехал в Москву не с пустыми руками. Приняв решение дать бой, он в строжайшей секретности от своих соратников подготовил альтернативный доклад. Супруга Мара Малеева под диктовку записала текст от руки, а личный секретарь Ангелина Горинова оформила его и перепечатала на пишущей машинке[34]. Теперь необходимо было опередить Червенкова, суметь нанести превентивный удар.

На открывшуюся 25 марта 1956 г. двустороннюю встречу Политбюро ЦК БКП прибыло почти в полном составе – В. Червенков, Т. Живков, А. Югов, Р. Дамянов, Е. Стайков, Г. Чанков, Г. Цанков, И. Михайлов. Из-за болезни отсутствовал Г. Дамянов. Советскую сторону представляли Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, В. М. Молотов, М. А. Суслов, К. Е. Ворошилов, посол Ю. К. Приходов.

Сразу по прибытии Живков без ведома остальных членов делегации установил контакт с заведующим Отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Б. Н. Пономаревым и передал ему свою просьбу «при рассмотрении вопроса о положении в руководстве ЦК БКП... предоставить сначала ему возможность изложить суть дела, а затем рассмотреть все необходимые вопросы с Президиумом ЦК КПСС»[35]. Судя по документам, 22 марта соответствующая докладная записка Пономарева была рассмотрена на заседании Президиума ЦК КПСС «без протокольной записи»[36].

Дальнейшие события показали, что план Живкова стал осуществляться: по предварительной договоренности с советскими руководителями он стал центральной фигурой во время обсуждения, его «забойщиком». Намеренно сгустив краски, Живков обрисовал обстановку в стране как крайне тяжелую и запущенную. В Болгарии, утверждал он, культ личности пустил самые глубокие корни, по сравнению с другими странами «социалистического лагеря». Всю вину за это докладчик возложил на оказавшегося в изоляции Червенкова, вынудив того оправдываться и держать ответ, в том числе и за коллективно принятые ранее решения болгарского руководства.

Советская сторона могла быть удовлетворена итогами мартовской встречи. Критика культа личности и связанных с ним нарушений законности и прямых преступлений оказалась усилиями, прежде всего, Живкова и активно поддержавших его членов делегации Р. Дамянова, Г. Чанкова и А. Югова сконцентрированной единственно на фигуре Червенкова. Болгарское руководство

inslav

в целом, как и «советский фактор», были выведены из-под удара. Это давало возможность избежать радикальной перетряски и чистки высшего руководящего состава партии, определить нового лидера из числа членов действующего Политбюро. Неизбежность перемен в «верхах» в силу жесткости критики по адресу Червенкова была очевидной, но по тактическим причинам (по-видимому, и из-за опасений дестабилизации обстановки в Болгарии и возможных обвинений в адрес Москвы в диктате и вмешательстве во внутренние дела страны) они были несколько отсрочены. Живков занял в этом вопросе отчетливую «центристскую» позицию умеренных изменений, согласно которой Червенкову спокойно, без потрясений предстояло оставить руководящие посты в правительстве и партии.

Впоследствии в мемуарной и исследовательской литературе утвердилось мнение, что «мягкость» решения вопроса о Червенкове была продиктована советской стороной. Хрущев якобы не согласился с жесткими мерами, предложенными Юговым, Чанковым и Дамяновым, считая необходимым оставить Червенкова в составе Политбюро и на посту главы правительства, но при условии самокритики на пленуме[37], однако документальных подтверждений тому пока нет. В. Мигев главную причину видит в очевидной незаинтересованности болгарского руководства в полном и окончательном «разоблачении» Червенкова[38]: «эффект бумеранга» для остальных членов Политбюро был бы неизбежным.

Позднее Т. Живков писал, что встреча в Москве стала, по существу, консультацией перед предстоявшим пленумом партии. С советской стороной была достигнута договоренность по всем основным вопросам, в том числе о содержании доклада на пленуме (в основе его – сообщение Живкова на мартовской встрече) и о кандидатуре нового руководителя БКП (и советская, и болгарская стороны высказались в пользу Живкова, несмотря на его, как он утверждал, «возражения»[39]).

По всей вероятности, советские руководители имели ясное представление о том, «кто есть кто» в болгарской политической элите. Многолетний советник Живкова Н. Яхиель отметил в мемуарах, что по окончании встречи К. Е. Ворошилов подошел с чаркой водки к Живкову со словами: «А ты хитрый мужик!»[40]. Это было равнозначно поздравлению.

Казалось бы, московские договоренности не должны были оставить возможности для каких-либо иных вариантов действия, однако, утверждал впоследствии Живков, на обратном пути в Софию Югов, Чанков и Дамянов «договорились провести другую линию» в отношении Червенкова – добиться его вывода из Политбюро непосредственно на пленуме[41], что привнесло дополнительные сложности в его работу.

inslav

После поездки в Москву Червенков был негласно отстранен от руководства работой Политбюро, эти функции автоматически перешли к Живкову. В руках последнего сосредоточилась подготовка партийного форума, к нему сходились все нити, связывавшие парторганизации на местах с центром.

Пленум открылся 2 апреля 1956 г. без какого-либо предварительного оповещения. Проходил он в обстановке секретности и по ходу заседаний внимание собравшихся неоднократно заострялось, и именно Живковым, на необходимости сохранять служебную тайну. В боевую готовность «на всякий случай» были приведен один из полков 1-ой мотострелковой дивизии, дислоцированной в окрестностях Софии.

На повестке дня значился единственный вопрос – «XX съезд КПСС и его уроки для нашей партии». Однако уже при открытии пленума возникли неожиданности. Слова попросил генерал-лейтенант Йонко Панов, в недавнем прошлом заместитель министра внутренних дел, начальник Главного политуправления Болгарской народной армии. Он предложил начать работу с рассмотрения организационных вопросов. Напомнив, что на мартовском пленуме ЦК (1954 г.) состав Политбюро был избран с серьезными нарушениями Устава партии – открытым голосованием, без предварительного обсуждения (Панов заявил, что делегата И. Пашова попросту «заставили» внести предложение о составе партийного органа[42]), генерал фактически поставил под сомнение легитимность действующего Политбюро. Предложение Панова, однако, руководством пленума было решительно отклонено, и повестка дня осталась прежней. Этот эпизод не следует недооценивать, так как он отчетливо выявил настрой отдельных делегатов на перемены, желание привнести в работу откровенность, придать ей неформальный характер, настроить на открытость дискуссий.

С основным докладом, как и условились в Москве, выступил Т. Живков. В основу была положена его речь на мартовской встрече в советской столице, однако в подготовке расширенного текста активное участие принял посол Ю. К. Приходов[43], известный в советских партийно-государственных кругах отменным владением партийной фразеологией*. Перед делегатами была развернута впечатляющая картина преследования партийных кадров, нарушения

* Сравнительно недавно стала известна роль Ю. К. Приходова (в бытность его советником ЦК МНРП, а затем и послом СССР в Монголии) в продвижении на высшие посты в партии и государстве Ю. Цеденбала (См.: *Шинкарев Л.* Цеденбал и Филатова. Любовь, власть, трагедия. М.; Иркутск, 2004. С. 68, 77–82 и др.). При этом конкретные факты позволяют констатировать очевидные параллели с «болгарским случаем», сходство «техники», т. е. методов и приемов, применявшихся советским дипломатом в Улан-Баторе и Софии.

inslav

законности органами внутренних дел, «ошибок» в работе судебной системы, противопоставления партийных и государственных органов, неблагополучия в экономике, прежде всего в сельском хозяйстве, серьезных недостатков в духовной сфере и т. д. Главным виновником всего этого объявлялся В. Червенков, культ личности которого, как подчеркивал оратор, и стал причиной столь драматической ситуации. Заранее парируя возможные упреки, Живков определенную вину возложил на Политбюро, напомнив, что культ личности считался прежде необходимым явлением с точки зрения интересов партии: «Каждый из нас, кто больше, кто меньше, платил дань культу личности, поддерживал его». Живков четко сформулировал требования к Червенкову – решительно и без колебаний осудить свой культ, подчиниться воле коллектива, отказаться от «вождизма (во-первых, в силу того, что необходимые для вождя качества у Червенкова отсутствуют, а во-вторых, что еще важнее, потому, что ныне БКП нуждается не в «вожде», а в коллективном уме и опыте ЦК, всей партии), заняться вместе с Политбюро и ЦК восстановлением ленинских норм партийной жизни и искоренением нанесенных культом личности поражений во всех сферах общественной и партийной жизни[44].

После неоднократной публичной самокритики В.Червенкова, начиная с 1954 г., в том числе на отчетно-выборной партконференции Димитровского района Софии и на VI съезде БКП, доклад Живкова не содержал ничего сенсационного, представляя собой, по большому счету, набор пропагандистских клише, расхожих оценок и далеко не оригинальных установок. В нем не оказалось и той остроты, что отличала выступление Хрущева на XX съезде КПСС. Реакция делегатов пленума свидетельствует, что доклад Живкова не стал для них откровением. И, тем не менее, плотина была прорвана. Вслед за Живковым лавину критики обрушили на Червенкова и другие участники пленума, обвиняя своего лидера во властолюбии, чрезмерной амбициозности, пристрастии к «канцелярско-бюрократическим методам руководства», установлении режима «единоличной диктатуры» и пр.

Настрой делегатов не изменило и выступление В. Червенкова[45]. Будучи искренним приверженцем «партийного единства» и дисциплины, он признал справедливость критики в свой адрес, в том числе не отрицал присущего ему менталитета «вождя», «командира» БКП, а также «привилегированного положения» в партии и государстве. В личном дневнике Червенков, вспоминая в январе 1971 г. этот день, записал: «Я принял критику и, думаю, поступил правильно. Но никогда не забуду сказанного мне, кажется, в 1948 году Георгием Димитровым – "Опасайся тех, кто особо рьяно тебя нахваливает"»[46]. Видимо, под влиянием этих воспоминаний Червенков попытался принципиально уточнить трактовку процесса формирования культа личности: он подчеркнул,

inslav

что занять «недосягаемый пьедестал» ему помогли «усердные радетели» из числа соратников по партии. Однако несмотря на очевидную объективность данной констатации, она под нажимом руководства пленума по понятным причинам не получила дальнейшего развития: ратуя за «коллективность руководства», ближайшие соратники Червенкова отнюдь не собирались признавать «коллективность вины».

Во второй день работы пленума, 3 апреля, возмутителем спокойствия вновь оказался Й. Панов. Взяв слово, он открыто обвинил партийное руководство в попытках использовать в своих целях авторитет Президиума ЦК КПСС. Намекая на нежелание руководителей рассмотреть на пленуме вопрос о выборах Политбюро в марте 1954 г., Панов заявил: «Нам дали совет, но, вероятно, советские товарищи не имели в виду, что на их мнение будут ссылаться, чтобы повлиять на свободное обсуждение вопросов на нашем пленуме». Панов резко протестовал и против попыток «все свалить на Червенкова», назвал среди «наиболее ярких создателей культа» Г. Чанкова, подчеркнул, что между Чанковым, Юговым и Червенковым существовал тесный союз, «договор», что «Чанков, Югов и К°» «давили» на партийные кадры, не входившие в их ближайшее окружение, и пр. Непривычно остро для присутствовавших оратор поставил вопрос о негативных сторонах процесса формирования в предыдущие годы руководящей прослойки в партии: «Быстро начали выдвигаться на высокие посты люди по признаку личной преданности, дружбы и родства, тогда как других бесцеремонно снимали и преследовали. Мы начали делиться на “своих” и “чужих”, как в старые партизанские времена. Одних объявляли неквалифицированными, отсталыми, не справлявшимися с работой, а других – активно и быстро растущими, надежными, исключительно востребованными и даже незаменимыми. ...Я глубоко убежден, что не естественным путем так быстро достиг товарищ Тодор Живков высокого поста в партии. Уверен, что в нашей партии, по меньшей мере, есть 500 человек таких, как он. Но не это главное. Важнее другое: чтобы тов. Живков занял пост первого секретаря, нужно было отодвинуть разными способами многих и многих других товарищей, не хуже товарища Тодора Живкова». На конкретных примерах Панов резко критиковал Чанкова и Югова, поднял вопрос о «нескромных» проявлениях первых лиц, сообщив о том, что их внушительная охрана насчитывала 300 человек, заявил о нездоровой обстановке в партийных учреждениях, где «большевистский стиль» руководства стал синонимом неуважения к товарищам, откровенной грубости и хамства. Припомнил Панов и слова Живкова в свой адрес, что ему-де на заседании Политбюро готовится «большая головомойка». В заключение своего острокритического выступления генерал призвал разделить ответственность за состояние партии и общества между Червенковым,

inslav

Чанковым и Юговым («вывести из Политбюро или их всех, или никого»), добиться, чтобы прозвучавшая из окружения В. Червенкова критика по адресу последнего шла рука об руку с самокритикой[47].

Уже начало выступления генерала вызвало резкие реплики Т. Живкова и Е. Стайкова. Перебивая оратора, они буквально набросились на него с вопросами: «С кем встречался, говорил?», «На кого клеветал В. Червенкову?», «С кем решал, кто станет председателем Совета министров, 1-ым секретарем ЦК, кто возглавит МВД?» и пр. Живков не остановился и перед откровенным шантажом: «Я прошу Йонко Панова все рассказать самому, иначе мы сами сделаем это...»[48].

Трудно сказать, чту больше испугало руководство, – резкая, не взирая на личности, прямота генерала или лаконичное упоминание им «нашего будущего XX съезда», выдававшее надежду на возможность откровенного и самокритичного обсуждения положения в стране и, как следствие, серьезных изменений в составе и функционировании властных структур. Очевидно одно – выступление Й.Панова вызвало острую реакцию руководства на «нездоровые настроения» отдельных членов партии, чреватые якобы фракционными действиями*.

Позицию «верхов» предельно жестко сформулировал А. Югов: «Никому не нужно сегодня раздваивать вину, требовать одинаковой ответственности и Вылко Червенкова, и других членов Политбюро. Критика, которая преследует цель отвлечь внимание, направить удар против Политбюро, как попытался сделать товарищ Йонко Панов, не помогает партии. От такой критики пользы для нашей партии нет». Обвинив Панова в желании «ловить рыбку в мутной воде», разжечь страсти, посеять раздоры и «стихию», Югов ответил своему оппоненту в лучших традициях большевистского «агитпропа»: «Не выйдет! Наша партия не сборище мелкобуржуазных элементов, а крепкая ленинская партия, боевой союз единомышленников-коммунистов...»[49]. Вместе с тем Югов решил подкрепить позиции критиков Червенкова, в том числе и свою собственную, авторитетом Москвы. Он сообщил делегатам, что на

* К косвенной критике выступления Йонко Панова Живков вернулся много лет спустя в своих воспоминаниях. Отметая «спекуляции..., которые имеют хождение до настоящего времени», он писал: «На пост первого секретаря я пришел не вдруг и не как руководитель фракции, а двигаясь своим нелегким путем коммунистического функционера, не перескакивая ни одной ступеньки партийной иерархии... Я не был политическим деятелем, насажденным извне или вознесенным на гребне волны случайными событиями, фигурой с конъюнктурными заслугами, но убежденным и последовательным приверженцем социалистической идеи» (*Живков Т.* Мемуари (Второ доп. издание). София, 2006. С. 177–178).

inslav

встрече с советскими руководителями в марте 1956 г. последние якобы «очень остро» реагировали на неоднократные попытки болгар «взять вину на себя». «Не могу передать словами, как они реагировали: "Не берите вину на себя, – говорили они нам. – Главный виновник тов. Червенков, и, прежде всего, он сам должен помочь ЦК партии искоренить культ личности"»[50]. Продемонстрировав, таким образом, завидную способность к словесной эквилибристике, Югов фактически сделал из советских «друзей» прямых и едва ли не единственных инициаторов «свержения» Червенкова. Впрочем, как показали дальнейшие события, откровенная ложь и подтасовка фактов неоднократно сопровождали смену лидера и утверждение «апрельского курса» в стране.

Нагнетая обстановку, Живков информировал участников, что руководство пленума располагает материалами, свидетельствующими о намерении некоторых лиц провести серьезные кадровые перестановки в партии и государственных органах. В числе таковых он назвал Д. Терпешева, обвинив его во фракционной деятельности. Исключительно оперативной оказалась и реакция на выступление Й. Панова. Живков поведал, что к члену Политбюро Р. Дамянову «приходил один товарищ и внушал, что следует встретиться с Й. Пановым. Эта фигура самая подходящая на пост первого секретаря»[51]. Понятные конкретные цели имело и сообщение о том, что *в адрес пленума* поступила телеграмма «группы военных» с требованием ввести в партии ленинские принципы внутрипартийной демократии, устранить культ личности и найти виновных в его насаждении, а также назначить в ближайшее время проведение съезда БКП, который сделает серьезные выводы из уроков XX съезда КПСС. Живков подытожил информацию заявлением, что «около ЦК крутятся военные», считающие, что из состава нынешнего Политбюро нужно вывести не менее 4–5 человек. Решающим доводом, призванным окончательно убедить делегатов в нависшей над партией и страной опасности, стало заявление Живкова, что «во всей этой работе задействованы и иностранные разведки»[52]. Трудно определенно сказать, чту и в какой степени в информации оратора имело под собой объективную основу, но одна нестыковка очевидна: о какой *телеграмме в адрес пленума* да еще и подобного содержания могла идти речь, если первая официальная информация о нем появилась в центральном партийном органе – газете «Работническо дело» лишь 8–9 апреля, причем в виде краткого сообщения и комментария с общими постановками вопроса о культе личности и его преодолении. А вот очевидное и весьма оперативное педалирование «военного фактора» с учетом выступлений генерала Й. Панова явно преследовало цель персонифицировать и блокировать источник опасности, как он виделся болгарской партийно-правительственной «верхушке». Стремление скомпрометировать возможных претендентов на власть (одним из тако-

inslav

вых, видимо, считался Панов) проявилось и в выступлении Р. Дамянова, указавшего, что из армии идут нездоровые настроения, что «язык военных – это язык Панова... такие настроения опасны».

Еще сильнее накалили обстановку неоднократные заявления Живкова на пленуме об утечке информации, сопровождавшиеся требованиями положить конец «безответственным разговорам» и не давать материал реакционным силам и поджигателям новой войны[53]. Один из делегатов генерал С. Трынский в связи с этим поднял вопрос о целесообразности опубликования в печати сообщения о проходящем пленуме, но Живков решительно возразил: «В этом нет необходимости. Вот закончим пленум, тогда сообщим». Партийные власти предпочли гласности усиление секретности. 5 апреля для выявления каналов «утечки информации» была создана специальная комиссия во главе с Б. Тасковым[54].

Ознакомление со стенограммой пленума создает ощущение, что от заседания к заседанию атмосфера на нем становилась все более удушливой. Взявший слово 5 апреля для краткой реплики Й. Панов попытался объяснить свою позицию. «Я пришел на пленум с единственной мыслью – сказать то, что думаю и как думаю. Никаких планов, как и никаких притязаний [на власть] не имел», – заявил генерал. Реакцию некоторых участников пленума на свое выступление он назвал «диверсией» из разряда «старых методов» с целью запугать товарищей, заставить их молчать[55]. Но на сей раз, судя по стенограмме, выступление Панова не вызвало никакой реакции, было попросту демонстративно проигнорировано*.

Острокритический настрой части руководства, в первую очередь А. Югова, Г. Чанкова и Р. Дамянова, против Червенкова, как и нелицеприятные высказывания отдельных делегатов в адрес самих «критиков» осложняли обстановку. Поскольку это шло вразрез с достигнутой в советской столице договоренностью, Живков, опасавшийся, что ситуация выйдет из-под контроля, был вынужден неоднократно напрямую обращаться за консультациями к «друзьям». Во время пленума он поддерживал постоянную связь с ЦК КПСС через В. М. Молотова, которого ежедневно информировал об утренних и вечерних заседаниях[56]. В болгарской литературе упоминаются также и телефонные разговоры Живкова с Н. С. Хрущевым, который, исходя, вероятно, из остроты прозвучавшей на пленуме критики, якобы предложил снять Червенкова со

* Неспособность Живкова забывать нанесенные ему обиды проявилась позднее: в мае 1961 г. Й. Панов был исключен из партии в одном ряду с критиковавшими лидера и его окружение за незавершенную десталинизацию семью партийцами (группа Куфарджиева-Варона), хотя в число подписавших «письмо семи» он не входил.

inslav

всех постов. В отличие от Никиты Сергеевича, Молотов считал возможным действовать «более мягко»[57]. О глубине переживаний самого болгарского лидера свидетельствует тот факт, что в перерыве одного из заседаний Червенкову понадобилась медицинская помощь[58].

Справедливости ради, надо сказать, что в потоке критики и обвинений в адрес Червенкова прозвучали и иные оценки. Теплые, человечные слова в его адрес нашел председатель Болгарской академии наук Т. Павлов «Считаю своим долгом сказать, – заявил ученый, – что знаю тов. Вылко Червенкова более 30 лет. Знаю как молодого комсомольца, члена ЦК коммунистического союза нашей молодежи и активного сотрудника молодежной и партийной прессы. Помню его как храброго, честного, самоотверженного молодого человека, как смелого участника и организатора нескольких партийных и молодежных антифашистских акций, в одной из них, будучи раненным, он едва не погиб. Знал его как хорошего пропагандиста и агитатора и как упорно работавшего над марксистско-ленинским самообразованием. Таким я знал его и позднее, в Москве, где он был директором Высшей коминтерновской партшколы*. И не только я, и другие знали его именно таким и ценили его положительные качества. И именно поэтому по возвращении в Болгарию еще в первые дни после 9 сентября [1944 г.] нам всем казалось естественным, что он сразу занял ответственные посты в нашей партийной и государственной системе...». Далее, отдавая должное прежней деятельности Червенкова, хотя и с критических позиций, Т. Павлов предложил оставить его в составе Политбюро, отстранить от руководства правительством, но доверить ему одно из министерств[59].

Положение Живкова было непростым. Стремясь удержать критические настроения делегатов в безопасных для действующего руководства границах, он был вынужден высказываться в защиту не только Червенкова, но и его наиболее активных оппонентов – Югова и Чанкова. Говоря об организационных изменениях в составе руководства, Живков в заключительном слове (произнесенном, к слову, до голосования резолюций пленума!) охарактеризовал Червенкова как честного и способного коммуниста. Заявив с пафосом, что «нет людей, не способных исправиться», он призвал членов ЦК проявить «великодушие», а Червенкову пожелал выдержать предстоящий ему «экзамен»[60]. Откровенным давлением на собравшихся явилось обращение Живкова к советским (дозированным) методам развенчания культа личности Сталина. В интерпретации Живкова это означало – «ни в коем случае не допустить критики ЦК, Политбюро, безосновательной критики отдельных членов [руководства],

* В 1937–1938 гг. В. Червенков руководил Международной ленинской школой в Москве.

inslav

критики политики партии»[61]. Охранительный для режима характер подобного подхода очевиден.

6 апреля, в заключительный день работы, пленум единогласно принял резолюцию по вопросу о культе личности и ряд других решений. Предстояло «извлечь серьезные уроки» из установок XX съезда КПСС, руководствоваться ими в работе не только ЦК БКП, но и всех партийных органов и организаций. Вся прежняя, до апрельского пленума, постановка вопроса о культе личности была признана «формальной», поскольку проведенное «незначительное» устранение внешних негативных «культовских» проявлений не сопровождалось изменениями порочных методов работы. Непреложным принципом партийной жизни провозглашалось недопущение впредь ни при каких условиях, чтобы «кто-либо смог поставить себя над ЦК и Политбюро». Был утвержден текст официального сообщения ЦК БКП в печати о пленуме и его итогах, принято решение о проведении разъяснительной работы среди партактива с выступлениями членов ЦК партии. Решение по кадровым вопросам предусматривало освобождение В. Червенкова от должности руководителя правительства (как в свое время Г. М. Маленков, он переместился на ступень ниже, заняв пост заместителя председателя Совета министров). После официальной отставки Червенкова* кабинет возглавил А. Югов.

Под резолюциями пленума стояла подпись Первого секретаря ЦК Тодора Живкова. Вопрос о том, кто возглавит Политбюро, фактически не возникал, все и так было ясно.

Результаты голосования фиксировали, однако, лишь внешнюю картину происходящего. «Многие члены ЦК колебались, – вспоминал Л. Аврамов, в те дни секретарь Димитровского райкома партии в Софии, – другие выражали несогласие с отдельными постановлениями, о чем говорили в кулуарах»[62]. Но

* Официальная отставка Червенкова с поста руководителя правительства в соответствии с его заявлением была оформлена 17 апреля 1956 г. на заседании Народного собрания. Червенков просил освободить его от должности в связи с «неправильными методами работы..., которые нанесли определенный вред деятельности государства...» Никто не сомневался в единодушии депутатов парламента. Так и случилось: отставка была принята единогласно.

Несмотря на остроту критики бывшего единоличного лидера, Червенков весной 1956 г. остался на верхних ступенях иерархической лестницы. Только с началом новой волны десталинизации в Болгарии руководство сделало окончательные выводы «по Червенкову»: в ноябре 1961 г. он был удален из Политбюро, а годом позже, в ноябре 1962 г., выведен из состава ЦК и исключен из партии. В мае 1969 г. членство Червенкова в партии с признанием непрерывного партийного стажа было восстановлено. Основанием стали «лояльное» поведение и отсутствие «отрицательных проявлений в отношении партийного курса и политики».

inslav

то ли опасения за свою судьбу и карьеру, то ли превратное понимание партийной дисциплины, то ли еще какие-либо соображения, а может и все вместе взятое, привели к тому, что в конечном итоге решения пленума никем из делегатов не были поставлены под сомнение.

В соответствии с решением пленума в партийные организации был разослан «секретный доклад» Н. С. Хрущева с указанием провести до 11 апреля совещания партактива. Вторым шагом должно было стать ознакомление окружного партийного актива с решениями апрельского пленума. Эту работу следовало завершить к 14 апреля. Для проведения разъяснительной работы на места предстояло выехать всем членам ЦК, за исключением В.Червенкова.

О том, как проходила пропагандистская кампания, узнаём из опубликованных воспоминаний. 9 апреля 1956 г. состоялось собрание партийного актива Димитровского райкома БКП в Софии. Первый секретарь райкома Л. Аврамов в течение почти двух часов читал доклад Хрущева. «Царила мертвая тишина, – вспоминал он. – Кто с глазами полными ужаса, кто с открытым ртом, все слушали, и большинство не верило своим ушам. Когда я закончил, зал загудел, как пчелиный улей»[63]. Описанная реакция была понятной, прежде всего, потому, что речь шла о политическом лидере, чье дело считалось бессмертным, от чьего имени действовала БКП, именовавшая себя «сталинской» столь же охотно, как и «димитровской».

Однако почти сразу же проявилось известное дистанцирование от событий в Советском Союзе. «Это была чужая драма, которая могла затронуть нас косвенно, а могла и не затронуть, – вспоминал журналист Георгий Марков. – Едва ли имело значение, будут звать диктатора Ленин или Сталин, а нашего губернатора – Червенков или Зеленков...»[64]. Среди части партийцев подобные настроения проявились в подходах к объявленному обязательным изучению материалов XX съезда как к неким «абстрактным» документам, которые не следовало «пропускать через...[болгарскую] действительность»[65].

Еще один ракурс восприятия информации о XX съезде воспроизводят воспоминания партработника Цвятко Сыбева, участника пленума Пловдивского окружного комитета партии: «КПСС, как всегда, освещает мировые проблемы, а мы проехали многие километры с надеждой, что наступившая ранняя весна ответит на вопрос, до каких пор будем мы ссориться с крестьянином, не вступившим в земледельческий кооператив?»[66].

Несмотря на определенный разброс первых впечатлений и оценок, имелось и одно важное общее – острая реакция на «свои», болгарские, реалии. Особенно отчетливо это проявилось при «проработке» резолюций апрельского пленума[67]. На партсобраниях звучали вопросы о провалах в экономике, злоупотреблениях властью, нарушениях законности, о необходимости радикальных

inslav

перемен в партии и государстве. В те дни «в райком для объяснения мы вызывали немало коммунистов, которые злословили или открыто высказывались против партии, – пишет Аврамов. – Некоторых исключили, других наказали, третьим разъясняли ситуацию. Возникло сильное брожение. Многие считали, что пришло время сменить руководство партии, партийных организаций и чуть ли не создать новую партию»[68]. Поступавшая в центр с мест информация не могла не вызывать тревоги в «верхах». Тем более что многие участники окружных партийных совещаний считали необходимым расширить круг виновников, в частности, открыто указывали на активность Живкова в выполнении распоряжений Червенкова и поднимали вопрос о необходимости строго спросить и с него[69].

В крестьянской среде с ее более «заземленными» представлениями проявились массовые ощущения, что что-то «хромает» в партийной жизни. «Но культ нам непонятен, – отмечал Цв. Сыбев. – Культ – это культ. (Мы впервые слышим, что это церковное слово относится и к политической сфере). Прежде всего, нам кажется, что этот недуг существует где-то в далеких от нас и непонятных нам управляющих верхах. А нам следует решать насущные хозяйственные вопросы... Я рассказываю коммунистам о вреде культа личности, а они критикуют всестранку*»[70]. Но довольно скоро пришло время мучительных вопросов: Значит, прежний курс был неверным? А как быть с кооперированием? С планами «резкого улучшения» материального положения людей? Куда деть бессонные ночи и заботы низовых партийных организаторов? и т. д. Крестьянская мудрость заставляла задумываться и о будущем: «Вы смотрите в оба, – предостерегал партийцев в селе Дюлево один из стариков, – не наплодите культиков»[71].

Соответствующие настроения во многом подпитывались отсутствием подробной информации об итогах пленума, его решениях. Факт, что о пленуме, заседавшем в течение недели в строгой секретности, в болгарских средствах массовой информации сообщалось буквально десятью строчками, усугубил массовое возмущение. В этих условиях ознакомление с «секретным докладом» Хрущева временно сняло преграды в обсуждении недостатков существующей системы. Одна из негативных сторон функционирования закрытого общества – запрет на информацию – парадоксальным образом обернулась очевидным, пусть временным, позитивом. На эту особенность обратила внимание болгарская исследовательница И. Баева[72].

Проведение собраний по разъяснению решений пленума выявило слабую (за редчайшим исключением) подготовку докладчиков, в том числе и членов

* Всестра́нка (разг.) – производственная и/или торговая кооперация.

inslav

ЦК, которых часто ставили в тупик конкретные вопросы и суждения аудитории. Большие трудности испытывал и агитационно-пропагандистский аппарат партии, не способный дать адекватные разъяснения и рекомендации[73].

Прямой и открытый разговор поначалу не получался и на созванном Софийским горкомом БКП 11 апреля собрании партактива, на котором решил выступить Т. Живков: собравшиеся услышали казенные формулировки о «смелости и решимости ЦК вынести на повестку дня пленума и решить вопросы, связанные с культом личности», и пр. Но неожиданно из зала прозвучала реплика секретаря парткома Механико-электротехнического института Т. Петкова: «Что вы важничаете, товарищ Живков? Ведь вся ваша смелость идет из Москвы»[74]. Обстановка накалилась, последовали «неудобные» вопросы и острые выступления. Живков реагировал жестко: партия не допустит анархии и беспорядков, соответствующим органам даны на этот счет четкие указания.

О высоте и напоре волны критических настроений в болгарском обществе свидетельствовали некоторые итоги проведенных в парторганизациях собраний: в 26 «первичках», в том числе в 2-х, объединявших военнослужащих, были приняты резолюции с требованием немедленного созыва чрезвычайного съезда партии. Но реально эта цифра была бóльшей, поскольку подобные требования звучали и на местах, в тех партячейках, где резолюции не всегда принимались[75].

Проявившиеся в партийной массе настроения встревожили руководство и обусловили необходимость прозондировать настроения в силовых структурах, установить с ними еще более тесный контакт. 25 апреля 1956 г. члены Политбюро и ЦК БКП провели встречу с активом и коммунистами-руководителями органов государственной безопасности. Цель была очевидной – внести спокойствие и уверенность в силовые структуры – «особые кадры нашей партии», добиться гарантий поддержания «силовиками» режима, то есть обеспечения его стабильности.

Один из важных акцентов, прозвучавших на встрече, – критика Живковым докладов чехословацкого и польского руководителей на аналогичных апрельскому пленумах Центральных комитетов КПЧ и ПОРП, прошедших после XX съезда КПСС. При этом Живков стремился подчеркнуть особый характер своего выступления на пленуме. «Они (империалисты. – *Т. В.*) ничего не могут взять из доклада т. Новотного и других товарищей, ничего. То, что они говорят, и мы говорим, но наш доклад действительно критичен, он очень остро ставит вопрос о слабостях в ЦК, о наших ошибках и слабостях в хозяйстве и на идеологическом фронте и т. д. Если мы все это скажем [в открытой печати], кому польза от этого? Не случайно доклад тов. Хрущева был прочитан на закрытом заседании съезда. От народа и партии мы ничего не скрываем, но не

inslav

следует давать материал другим. Почему с такой остротой и самокритикой этот вопрос не поставлен в других братских партиях? Потому что там положение не было таким. (Здесь последовала характерная реплика Р. Дамянова: «Не могут выдержать там подобного»). Если бы постановка вопроса там была, как у нас, что бы стало? Вы читали доклад первого секретаря [ЦК] ПОРП, и каково положение в Польше ныне? ...Сейчас в Польше гораздо труднее, чем у нас. Члены партии возвращают партбилеты. Вот видите, [у них] постановка вопроса, как говорится, вполне умеренная, внимательная, тактичная, а к каким ведет последствиям. Наша постановка острая. Это ли не самокритика сверху, товарищи?»[76].

Явно завышенные оценки итогов апрельского пленума, и, в первую очередь, доклада Живкова, свидетельствовали о том, что фактически сразу же после партийного форума начала оформляться тенденция к подчеркиванию его значимости, которая впоследствии перерастет в безудержное восхваление «апрельской линии». Не случайной была параллель и с выступлениями лидеров «братских» стран: на партсобраниях не единожды позитивно оценивался доклад первого секретаря ЦК КПЧ А. Запотоцкого, хотя поначалу он был опубликован в Болгарии с существенными купюрами*.

Протокол встречи отразил ясное намерение партийных «верхов» ввести критические настроения в русло осуждения единственно Червенкова («Кумир пал, мы должны возвысить авторитет ЦК, коллективное руководство, коллективный ум»), не допустить критики системы, блокировать «антипартийные проявления», выразившиеся в требованиях созыва съезда для выборов нового ЦК, борьбы с «красной буржуазией» и пр. Вместе с тем от руководства требовалось более убедительно ответить на волновавший общество вопрос «Кто виноват?» (Он, кстати, прозвучал и из зала). Ответ Г. Чанкова – образец тактического лавирования: «Этот вопрос мы не ставим. Ответственности ни с кого не будем требовать.... Виноваты и мы, ЦК, виноват в целом и режим, который был создан, общая обстановка, созданная извергами-бериевцами у нас»[77].

Еще один важный момент встречи – твердое обещание, что кадровой перетряски, в том числе и в органах госбезопасности и внутренних дел, не будет. Констатировав «слабость следственных органов», Живков тем не менее счел

* В болгарской прессе из доклада Запотоцкого были сняты принципиальные положения о необходимости искать корни культа личности в руководстве компартии и, прежде всего, в Политбюро ЦК, развивать самокритику в «верхах», отказаться от «ореола» безошибочности действий руководства и утверждений, что критикой и самокритикой могут якобы воспользоваться «наши враги», и пр. Полный текст доклада был опубликован в распространявшемся в Болгарии органе Коминформбюро газете «За прочный мир, за народную демократию!» от 13 апреля 1956 г.

inslav

это недостаточным поводом, чтобы считать положение в силовых структурах тревожным. Наоборот, он подчеркнул «полное доверие» к ним партии. Еще более категорично высказался А. Югов, пообещавший от имени партийного руководства защитить авторитет сотрудников госбезопасности, но потребовавший при этом от них проявить «необходимую политическую зрелость»[78].

Естественно, специфика аудитории не позволила обойти острый вопрос о репрессиях. Здесь мне видятся два характерных момента. Во-первых, странная и неубедительная статистика и оценка результатов и перспектив реабилитации: «У нас, – говорил Живков, – осуждены 48 коммунистов, а всего 75–80 человек – коммунистов и беспартийных (в последние годы)». Кто и что, какой период времени конкретно имелись в виду, оратор не уточнил. Не менее туманно и притом двусмысленно он высказался и о некоторых судебных процессах: «Я не говорю о процессе Трайчо Костова, там надо выяснить некоторые вопросы, но остальные процессы – это извращения...». Столь странное сопоставление свидетельствовало о том, что тогдашнее болгарское руководство не было готово к полной, судебной и политической, реабилитации Костова. Это подтвердил уже следующий, сентябрьский (1956 г.), пленум ЦК БКП, который не снял с Костова обвинения в «националистическом уклоне».

Признав, что следует «защитить правду, реабилитировать наших людей», Живков тут же явно дал выход накопившемуся раздражению. «Вы читали доклад Хрущева, – говорил он. – Сотни тысяч прекрасных партийных кадров уничтожены, и, тем не менее, КПСС не поднимает шум, не ставит этот вопрос как главный» (!? – *Т. В.*). Подчеркнув далее, что вопрос о репрессиях не должен находиться в центре внимания парторганизаций, Живков подвел черту: «В других партиях происходило то же самое, а такой шум там не поднимают»[79].

Во-вторых, и это следует отметить особо, на встрече была предпринята попытка, хотя и в осторожной форме, поставить вопрос о роли советских советников-«силовиков» в карательных мероприятиях «органов», причем, по возможности, дистанцировавшись от «людей из Москвы». Войдя в раж, Живков приписал министру внутренних дел Г. Цанкову роль едва ли не борца против института советников. По словам Живкова, именно Цанков «первый поставил вопрос, что не может работать с советскими советниками», добился отзыва из страны генерала Филатова, являвшегося, по словам Живкова, одним из звеньев преступной «цепи» Филатов – Абакумов – Берия – Сталин[80]. «Героизация» Цанкова преследовала двоякую цель: явную – поднять престиж министра, отвести от него обвинения в репрессиях, и скрытую – еще раз ударить по Червенкову. Вопреки объективным фактам, хорошо ему известным, Живков лживо приписал Цанкову заслугу Червенкова в отзыве из страны генерала Филатова[81].

inslav

Подводя итог встречи, член Политбюро Г.Чанков фактически процитировал газету «Правда» за 5 апреля 1956 г.*, заявив, что «по всем генеральным вопросам внутренней и внешней политики *линия нашей партии была правильной во все периоды*, начиная с 9 сентября [1944 г.] и поныне». «В практическом осуществлении этой линии, – продолжал Чанков, – есть что исправлять, уточнять, совершенствовать и делать более результативным». Иными словами, болгарское руководство фактически заявило, что вектор дальнейшего движения будет определяться по принципу «от хорошего к лучшему». Это означало, что оно готовилось зажечь красный свет перед любой «несанкционированной» критикой положения в партии и обществе.

«Силовики», со своей стороны, заверили ЦК, что и впредь «органы будут острым мечом в руках партии... [что они] готовы парализовать действия врага»[82]. Таким образом, думается, что общим результатом встречи стороны вполне могли быть удовлетворены.

Уже 20 мая «Работническо дело» поместило установочную статью «За правое дело партии, против мелкобуржуазной распущенности!» с очевидной целью – положить конец распространению критических настроений, самостоятельным трактовкам коммунистами сущности и задач процесса десталинизации. Обращало на себя внимание, что авторы статьи заимствовали все основные положения и лексикон советского официоза. Объективно призыв к борьбе с «мелкобуржуазной стихией» был направлен против тех членов БКП, которые выражали неудовлетворенность решениями апрельского пленума, требовали созыва чрезвычайного съезда. По мнению руководства, критика зашла слишком далеко.

Следующим, логичным шагом «верхов» явилась смена смыслового акцента критики, прозвучавшей на апрельском пленуме. 25 мая 1956 г. на встрече членов Политбюро с секретарями окружных и околийских комитетов БКП в установочном докладе Живков разъяснил, что на XX съезде КПСС вовсе не вопрос о культе личности являлся главным, центральным. Фактически Живков занял позицию Червенкова, который, как указывалось выше, непосредственно после XX съезда КПСС попытался не допустить углубления кри-

* 5 апреля 1956 г. «Правда» поместила установочную статью «Коммунистическая партия побеждала и побеждает верностью ленинизму», в которой указывалось, что «отдельные гнилые элементы... пытаются поставить под сомнение правильность политики партии». Призвав к борьбе с «мелкобуржуазной распущенностью», авторы статьи подчеркнули, что политика КПСС была ленинской *«во все периоды истории партии»*, и призвали партийные организации искоренять любые отступления от марксистско-ленинской идеологии.

inslav

тики культа личности, сосредоточить внимание коммунистов на рассмотренных съездом вопросах хозяйственной политики.

Советская сторона внимательно отслеживала положение в стране после апрельского пленума. 3 августа в Москву ушла подготовленная в советском посольстве в Софии записка «Об итогах обсуждения решений XX съезда и апрельского пленума на партийных активах и партийных собраниях в Болгарии». В центре внимания авторов документа оказались критические настроения и замечания коммунистов. Отмечалось массовое недоумение партийцев в связи с игнорированием проявлений культа личности в прошлом, указывалось на слабую информированность парторганизаций (коммунисты «питаются слухами с улиц или пользуются информацией западных радиостанций»), подчеркивалось отсутствие ясности по таким важнейшим вопросам, как формы перехода к социализму, способы укрепления единства рабочего класса. Особо авторы записки отметили важность разъяснения обстановки в Югославии, поскольку выступления на партсобраниях выдавали непонимание происходившего в этой стране и, в частности, «социалистической природы существующего в Югославии строя». Особенно это было характерно для Благоевградского округа с преобладающим македонским населением. Ошибочными и даже вредными авторы документа посчитали требования созыва чрезвычайного съезда партии, в связи с чем потребовались рекомендации со стороны ЦК БКП о повторном проведении партсобраний с осуждением указанных «антипартийных выступлений». Особо насторожила советских наблюдателей позиция творческой интеллигенции: отрицание руководящей роли БКП в идеологической жизни, осуждение «вмешательства» партии в дела печати, литературу и искусство, распространение «мелкобуржуазных» лозунгов «свободы вообще», «свободы критики», «свободы печати». В итоговой части документа подчеркивалось: «...Крупным недостатком как апрельского пленума ЦК БКП, так и прошедших после него партактивов и собраний в первичных парторганизациях, является то, что они носили односторонний характер. Сосредоточив основное внимание на вопросе о культе личности, болгарские друзья не подвергли широкому обсуждению выдвинутые XX съездом КПСС принципиальные теоретические положения, касающиеся современного международного развития, а также и другие вопросы, имеющие важное значение для внутренней жизни Болгарии. Необходимо отметить, что работа по разъяснению всех этих вопросов и в настоящее время ведется недостаточно как в печати, так и в устной пропаганде и агитации»[83]. Указанные замечания вполне определенно выдавали намерение советской стороны сориентировать «друзей» на «усмирение» волны критических настроений, что, как указывалось выше, полностью совпадало с желанием болгарского руководства.

inslav

* * *

Апрельский пленум ЦК БКП проходил в условиях, когда в болгарском обществе ощущалась потребность перемен и проявлялись соответствующие этому настроения. Однако, пробудив надежды на лучшее, пленум, как и XX съезд КПСС, не ставил задачу вскрыть истинные причины глубоких общественных деформаций, увязать их с существующим политическим режимом. Особый вопрос – было ли это вообще по силам тогдашнему руководству, и в Москве, и в Софии, до предела ограниченному догматическими представлениями? Можно ли было ожидать от него целостного анализа культа личности как явления, имманентно присущего режимам с авторитарно-тоталитарным потенциалом? Вероятно, на интуитивном уровне эта связь осознавалась, отсюда страх перед возможностью накопления «критической массы» недовольства в стране и стремление руководства придать охранительный характер своим действиям. Как ни стремились болгарские руководители приписать апрельскому пленуму масштабность и «эпохальность» звучания, их намерения оставались поверхностными, перекрывались борьбой за лидерство, откровенным сведением счетов между соратниками и доходившим до примитивизации подражательством советской практике.

Очевиден и вынужденный характер действий болгарского руководства, стремившегося ступать за Москвой след в след. Показательно, что это ощущалось частью общества. После апрельского пленума популярным был, в частности, следующий анекдот: «Тонет в реке человек. Смело бросается на выручку Гарабед и спасает утопающего. Славят его, как героя! А Гарабед мечется по берегу, ищет, кто же столкнул его в воду?»

И тем не менее, полагаю, есть основания считать пленум знаковым событием в болгарской истории. На партийном форуме Т. Живков сумел автоматически, без принятия соответствующего решения (в этом он превзошел критикуемого Червенкова), стать лидером партии. При поддержке советского руководства и лично Н. С. Хрущева он фактически превратил пленум в средство легитимизации своей личной власти[84]. Решение этой задачи облегчилось тем, что весной 1956 г. в Советском Союзе уже отчетливо проявился начавшийся откат от решений XX съезда. Кульминацией этого процесса явилось постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий», в соответствии с которым возникновение культа объяснялось только личными качествами Сталина, причем оценки его заслуг явно перевешивали негативы и прямые преступления. Закрепив отступление советских «верхов» от установок и духа XX съезда, постановление надолго стало идеологическим обоснованием «послесталинского консерватизма», его «мани-

inslav

фестом»[85]. Это дало основание иностранным наблюдателям констатировать: «Поднятая XX съездом волна разбилась о сталинистский утес советской системы и общества. Ныне она откатывается назад...»[86].

Прочно утвердившись на партийном Олимпе, Живков начинает последовательно формировать руководящее «апрельское ядро» во всех сферах (партии, комсомоле, армии, силовых структурах и пр.) с дальним прицелом – ликвидировать «двоецентрие» и сосредоточить в своих руках не только партийную, но и государственную власть. С учетом этого и, несмотря на все отмеченные выше негативы, апрельский пленум предстает как важная веха в процессе либерализации политического режима в Болгарии, как своего рода точка отсчета. Но либерализация эта была своеобразной: пленум фактически определил ее вектор – переход от тоталитарного «чистого сталинизма» периода правления Червенкова к авторитарному режиму «единоличной власти», получившему наименование «живковизма».

Примечания

[1] Подробнее об этом см.: *Баева И.* Априлският пленум – предпоставки, проблеми и последствия. 50 години от априлския пленум на ЦК на БКП (1956 г.) // Ново време. Списание за социални идеи, политика и култура. 2006. Бр. 6–7 (юни–юли). С. 138.

[2] Горбачевские чтения. М., 2003. С. 103 (выступление Е. В. Яковлева).

[3] XX съезд КПСС в контексте российской истории. «Круглый стол» ИРИ РАН // Отечественная история. 2007. № 1. С. 197, 198, 201 и др. (выступления А. С. Сенявского, Ю. Н. Жукова, Ю. П. Бокарева).

[4] *Мигев В.* За априлския пленум 1956 година и за либерализация на режима в България през 50-те и 60-те години на XX век (Опит за историческа есеистика) // Исторически преглед. 2009. Кн. 1–2. С. 190.

[5] *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998. С. 149.

[6] *Носкова А. Ф.* XX съезд КПСС и «секретный доклад» Н. С. Хрущева: что это было?» // 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. Сборник статей. М., 2008. С. 180.

[7] *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993. С. 136–137.

[8] *Богданова Р.* Българският вариант на десталинизацията (1953–1956) // Исторически преглед. 1997. Кн. 4. С. 21–57.

[9] *Богданова Р.* Лошата слава на най-верния сателит. Българо-съветски политически отношения след Втората световна война // България и Русия: между признателността и прагматизма. София, 2008. С. 565.

[10] *Яхиел Н.* Тодор Живков и личната власт. Спомени. Документи. Анализи. София, 1997. С. 69; *Даскалов Р.* От Стамболов до Живков. Големите спорове за новата българска история. София, 2009. С. 395.

inslav

[11] *Митев П.-Е.* Априлският пленум в реален исторически контекст // Ново време. Списание за социални идеи, политика и култура. 2006. Бр. 6–7 (юни–юли). С. 156.

[12] *Мигев В.* По въпроса за установяването на съветския модел на социализма в България (1948–1951) // Исторически преглед. 1996. Кн. 5. С. 46.

[13] *Мигев В.* За априлския пленум 1956 година... С. 187–188.

[14] Там же. С. 188.

[15] Подробнее об этом см.: *Зубкова Е. Ю.* Указ. соч.; Вспоминает В. И. Каплан... // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 7 . С. 142–143.

[16] *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь // Огонек. 1987. № 22. С. 23.

[17] *Зубкова Е. Ю.* 1956, 1965: уроки незавершенных поворотов // Коммунист. 1988. № 10. С. 117.

[18] *Баева И.* Указ. соч. С. 138.

[19] Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 6. А. е. 2457. Л. 2.

[20] Там же. Л. 1, 3–5.

[21] *Кастелов Б.* Тодор Живков – мит и истина. 563 щриха към портрет. София, 2005. С. 102.

[22] *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 147; *Стыкалин А. С.* XX съезд КПСС: отклики в Венгрии и Австрии // 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. Сборник статей. М., 2008. С. 223.

[23] Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002. С. 727.

[24] Вълко Червенков за себе си и своето време. София, 2000. С. 78.

[25] *Живков Ж.* Кръглата маса на Политбюро. 16-та република. Случаят «Кремиковци». Разгромът на «Тексим». Чехословашките събития. Крах на едноличната власт. София, 1991. С. 14.

[26] *Топенчаров В.* Бесове на моето време. Кладенецът на спомените. София, 1993. С. 213–214.

[27] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 15. А. е. 789. Л. 6, 9.

[28] *Чакъров К.* Втория етаж. София, 1990. С. 81.

[29] *Баева И.* Източна Европа след Сталин. 1953–1956. Полша, Унгария, Чехословакия и България. София, 1995. С. 250.

[30] *Живков Т.* Мемоари (Второ доп. изд.). София, 2006. С. 469.

[31] *Баева И.* От професионален революционер до държавник. Антон Югов // Български държавници. 1944–1989. София, 2005. С. 151.

[32] *Марчева И.* Тодор Живков – пътят към властта. Политика и икономика в България. 1953–1964 г. София, 2000. С. 39.

[33] Подробнее см.: *Волокитина Т. В.* Борьба за политическое лидерство в СССР и Болгарии (1953–1956 годы). (Исторические параллели) // 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. Сборник статей. М., 2008. С. 122–130.

inslav

[34] *Живков Тодор.* Указ. соч. С. 470.

[35] Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 64. Д. 289. Л. 115.

[36] Там же.

[37] *Живков Т.* Указ. соч. С. 471.

[38] *Мигев В.* Несъстоялата се «априлска пролет» на България – 1956 година // Исторически преглед. 1993. Кн. 4–5. С. 78–79.

[39] *Живков Т.* Указ. соч. С. 471.

[40] *Яхиел Н.* Указ. соч. С. 68.

[41] *Живков Т.* Указ. соч. С. 471.

[42] Априлският пленум на Централния комитет на Българската комунистическа партия. 1956. Пълен стенографски протокол. София, 2002. С. 25.

[43] Там же. С. 7.

[44] Там же. С. 41.

[45] Там же. С. 43–48.

[46] Вълко Червенков за себе си... С. 77.

[47] Априлският пленум... С. 101–106.

[48] Там же. С. 100.

[49] Там же. С. 126–128.

[50] Там же. С. 131.

[51] Там же. С. 136.

[52] Там же. С. 137.

[53] Там же. С. 149.

[54] Там же. С. 197–198.

[55] Там же. С. 250.

[56] *Живков Т.* Указ. соч. С. 471.

[57] *Чакъров К.* Указ. соч. С. 83.

[58] Вълко Червенков през погледа на негови съвременници. София, 2000. С. 110.

[59] Априлският пленум... С. 245, 250.

[60] Там же. С. 278.

[61] Там же. С. 274.

[62] *Аврамов Л.* 50 оспорвани години. Спомени. София, 1993. С. 189.

[63] Там же.

[64] *Марков Г.* Задочни репортажи за България. София, 1990. С. 107.

[65] Държавен архив – София (далее: ДА-София). Ф. 419в. Оп. 2. А. е. 3. Л. 5а.

[66] *Събев Ц.* В жаравата. Записки на партийния работник. София, 1987. С. 115.

[67] Подробнее об этом см.: *Мигев В.* Несъстоялата се «априлска пролет»... С. 81–88.

[68] *Аврамов Л.* Указ. соч. С. 191.

inslav

[69] *Мигев В.* Вълко Червенков и Тодор Живков // Историята. 2007. Бр. 2. Живковизмът. С. 24.

[70] *Цвятко Сыбев.* Указ. соч. С. 116–117.

[71] Там же. С. 118.

[72] *Баева И.* Източна Европа след Сталин... С. 262–263.

[73] ДА-София. Ф. 1Б. Оп. 15. А. е. 672. Л. 1.

[74] *Топенчаров В.* Указ. соч. С. 216.

[75] *Мигев В.* Несъстоялата се «априлска пролет»... С. 82.

[76] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А. е. 199. Л. 7–8.

[77] Там же. Л. 41.

[78] Там же. Л. 23, 27.

[79] Там же. Л. 15.

[80] Там же. Л. 16.

[81] Подробнее см.: воспоминания начальника личной охраны В. Червенкова генерала Л. Варадинова // Вълко Червенков през погледа... С. 167–171.

[82] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А. е. 199. Л. 31, 21.

[83] Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 28. Д. 392. Л. 79–81, 83.

[84] *Михайлов С.* Ръководител от сталинския тип // Историята. 2007. № 2. Живковизмът. С. 9.

[85] *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 354.

[86] *Mićunović V.* Moskovske godine. 1956–1958. Zagreb, 1977. S. 54.

inslav

А. С. Стыкалин

Проекты регионального сотрудничества черноморских и балканских государств и позиция СССР (1950-е – начало 1960-х годов)

По окончании Второй мировой войны во внешней политике СССР на черноморском направлении решающее значение придавалось проблеме проливов. Таким образом, в понимании государственных интересов советской державы проявилась известная преемственность тем стратегическим установкам, которые на протяжении XIX – начала XX вв. определяли внешнеполитическую линию Российской империи на Балканах[1]. Известно, что проблема черноморских проливов в 1936 г. получила международно-правовое урегулирование с подписанием в Монтре (Швейцария) соответствующего международного соглашения. В 1946 г. Советский Союз, в свое время также подписавший конвенцию в Монтре, призвал Турцию пересмотреть действовавший на ее основании режим функционирования черноморских проливов. В нотах, адресованных правительству Турции, было заявлено, что эта конвенция не отвечает интересам безопасности черноморских держав, поскольку не обеспечивает условий, при которых могло бы быть предотвращено использование Босфора и Дарданелл во враждебных этим державам целях. При этом советское правительство ссылалось на то, что в годы Второй мировой войны нейтралитет Турции отнюдь не воспрепятствовал использованию Германией черноморских проливов для решения своих военных задач. Предпринятые Советским Союзом попытки навязать Турции далеко идущее соглашение о совместных оборонительных действиях в районе черноморских проливов, в случае нарушения какой-либо из нечерноморских держав конвенции 1936 г., были решительно отвергнуты турецкой стороной, резонно опасавшейся ограничения своего суверенитета, причем активизация советского давления в отношении Турции вызвала ответную реакцию Запада и стала одним из факторов, приведших к началу «холодной войны»[2].

Только в конце весны 1953 г., уже после смерти Сталина, Советский Союз подтвердил свою приверженность конвенции 1936 г. Урегулированию этого острого вопроса способствовали не столько заинтересованность СССР в некотором ослаблении напряженности на границах с Турцией, сколько желание советского руководства воспрепятствовать активному вовлечению этой страны

inslav

в западную систему оборонительных союзов. При этом принималось во внимание как стратегическое, так и немалое внешнеторговое значение черноморских проливов для СССР (Достаточно сказать, что в середине 1950-х гг., по разным данным, от 30% до 40% всего объема товарооборота, проходившего в СССР и из СССР морским путем, приходилось на Босфор и Дарданеллы). Смена тактики, однако, не имела большого эффекта. Вступив еще в 1952 г. в НАТО, Турция пользовалась предусмотренными Североатлантическим договором гарантиями безопасности на случай нападения с чьей бы то ни было стороны, и это снижало степень ее готовности идти на компромисс в отношениях с северным соседом. Кроме того, к середине 1950-х гг. Турция стала играть все более ключевую роль в стратегических планах США не только в Восточном Средиземноморье, но и на Ближнем Востоке, что проявилось в создании в 1955 г. Багдадского пакта, позже, в 1958 г., преобразованного в Организацию Центрального договора (СЕНТО)[3]. Наконец, шло усиленным ходом создание нового регионального военно-политического союза на Балканах (Балканского пакта). Подписанный 28 февраля 1953 г. в Анкаре договор о дружбе и сотрудничестве Греции, Турции и Югославии был дополнен 9 августа 1954 г. договором о союзе, политическом сотрудничестве и взаимной помощи, в соответствии с которым обязательства трех стран расширялись – предусматривались уже не только постоянные консультации по всем внешнеполитическим вопросам, представляющим взаимный интерес, но и координация военных усилий трех стран по отпору любой вооруженной акции, направленной против одной из них[4]. С этого времени советская политика в отношении Турции и черноморских проливов оказывается в довольно тесной взаимосвязи с курсом постсталинского руководства СССР на примирение с другим участником Балканского пакта – титовской Югославией и вовлечение этой страны в сферу политического влияния СССР[5].

Для титовской Югославии сближение с Грецией и Турцией в начале 1950-х гг. явилось не только одним из способов выхода из внешнеполитической изоляции, в которой страна оказалась после 1948 г. в результате вынужденного разрыва с советским блоком[6], но и шагом, направленным на укрепление собственной обороноспособности в условиях развязанной Сталиным крупномасштабной политико-пропагандистской кампании, чреватой перерастанием в военный конфликт. Образование военного союза Югославии с двумя странами-членами НАТО, явившееся прежде всего фактором сдерживания СССР на балканско-средиземноморском направлении, нашло крайне негативный отклик советского руководства, тем более, что было очевидным стремление США при помощи Балканского пакта теснее пристегнуть режим Тито

inslav

к осуществлению военно-стратегических планов НАТО. Американская военная помощь Югославии в этот период становится более значительной[7]. Тем не менее создание Балканского пакта не воспрепятствовало процессу советско-югославского сближения, набравшему силу к концу весны 1955 г.: 26 мая – 2 июня в ФНРЮ состоялась первая после длительного перерыва встреча на высшем уровне[8]. В контактах с Москвой югославская сторона неизменно подавала Балканский пакт как одну из форм регионального экономического и культурного сотрудничества, отрицая его значимость с военной точки зрения и ссылаясь при этом на свою приверженность внеблоковой политике. Видимым подтверждением этого должна была стать отмена совместных маневров армий трех стран, запланированных на 1955 г.[9] По мере улучшения советско-югославских отношений в советском руководстве действительно проявлялось все меньше опасений относительно возможности использования Балканского пакта в качестве инструмента политики НАТО. Показательны слова Н. С. Хрущева, который в дни приезда И. Броз Тито в СССР в июне 1956 г. заметил в одном из выступлений, что установление дружественных отношений между СССР и Югославией быстро превратит Балканский пакт в «мыльный пузырь»[10]. Часть экспертов МИД СССР даже придерживалась мнения о том, что участие Югославии в Балканском пакте позволит Советскому Союзу выйти на новые рубежи в развитии отношений с двумя другими членами этого военно-политического союза, что не только предотвратило бы попытки НАТО использовать Балканский пакт в антисоветских целях, но и повлияло бы на внутриполитическую ситуацию в этих странах в интересах «демократических сил»[11]. Практическое воплощение таких планов наталкивалось, однако, на неготовность Греции и Турции к далеко идущему сближению с СССР[12].

С конца 1956 г., в условиях нового ухудшения советско-югославских отношений, произошедшего в результате венгерских событий[13], с югославской стороны предпринимаются попытки оживить деятельность Балканского пакта, переживавшего со второй половины 1955 г. некоторую стагнацию. Предполагалась, в частности, и активизация военного сотрудничества трех стран[14]. Этому, однако, мешало осложнение греческо-турецких отношений из-за принципиального различия подходов к решению кипрского вопроса[15].

Определенный геополитический вакуум, образовавшийся в результате стагнации Балканского пакта, сделал возможным выдвижение новых внешнеполитических инициатив. С одной из них выступило в 1957 г. руководство Румынии, которое именно в этот период предприняло попытку обратиться к более активной внешней политике, вероятно полагая, что это не вызовет слишком негативной реакции Советского Союза, удостоверившегося во время

inslav

польских и венгерских событий осени 1956 г. в прочности коммунистической власти в Румынии. 9 августа 1957 г. МИД Румынии адресовало в ЦК КПСС записку с изложением своих предложений[16]. После согласования с Москвой 10 сентября 1957 г. в «Скынтейя» было опубликовано Заявление румынского правительства «Об установлении отношений многостороннего мирного сотрудничества между странами балканского региона», в те же дни распространенное в ООН среди делегаций, прибывших на открывшуюся в Нью-Йорке очередную сессию Генассамблеи. В нем предлагалось провести встречу руководителей шести балканских государств (Албании, Болгарии, Греции, Румынии, Турции и Югославии) и выступить на ней с совместной декларацией о защите мира, мирном сосуществовании и ненападении. В дальнейшем такие встречи предполагалось сделать периодическими и обсуждать на них проблемы, представляющие взаимный интерес, в том числе острые политические вопросы в целях поиска путей их мирного разрешения. По мнению румынской стороны, нахождение более широкой по охвату заинтересованных сторон формы балканского сотрудничества не только позволило бы «растворить» в ней Балканский пакт, поставило бы под вопрос целесообразность его существования, но и ослабило бы влияние НАТО в регионе, а в конечном итоге способствовало бы преодолению еще сохраняющейся политической конфронтации на Балканах (В письме, адресованном в ЦК КПСС, акцент делался на ликвидации очага напряженности у границ социалистического лагеря). При контактах с греческими и турецкими лидерами предполагалось сделать упор на перспективе взаимовыгодных экономических отношений и культурных связей[17]. Даже в случае, если бы Афины и Анкара под давлением Запада или в силу других причин отклонили бы выдвинутую инициативу, она все равно, по мнению румынского руководства, была бы поддержана в широких общественных кругах, имела бы необходимый пропагандистский эффект в интересах повышения престижа стран социализма и способствовала бы укреплению взаимного доверия, восстановлению многовековых традиций добрососедства и экономического сотрудничества, расширению торговых и культурных связей.

Как явствует из упомянутой записки МИД Румынии в ЦК КПСС, официальный Бухарест уделял большое внимание подключению к своей инициативе титовской Югославии, отличавшейся более независимой внешней политикой и имевшей в силу этого совсем иную, нежели Румыния, репутацию на международной арене[18]. По некоторым сведениям, румынское правительство даже обращалось к руководству ФНРЮ с предложением выступить с аналогичной инициативой от своего имени, но получило отказ[19]. Свое прохладное отношение к румынским планам югославы мотивировали прежде всего неурегулиро-

inslav

ванностью конфликта с Албанией, руководство которой, надо сказать, поддержало идеи балканского сотрудничества, исходившие от РНР[20]. Представители ФНРЮ считали нецелесообразным созыв общебалканской конференции лидеров государств региона до урегулирования двусторонних отношений между всеми балканскими странами. Не менее сдержанной оказалась реакция Югославии на новое румынское предложение, нашедшее отражение в правительственном Заявлении, опубликованном в «Скынтейя» 7 июня 1959 г. и также вынесенном на рассмотрение Генассамблеи ООН (В нем предлагалось заключить многосторонний договор о взаимопонимании и коллективной безопасности в балканском регионе в целях превращения Балкан в зону мира и добрососедства). К началу 1960-х гг. магистральным направлением во внешней политике режима Тито становится участие в движении неприсоединения, организационно оформившемся в сентябре 1961 г. на конференции, состоявшейся в Белграде[21]. В связи с этим официальные лица ФНРЮ неоднократно заявляли, что идея балканского сотрудничества не должна заслонять собой более широкомасштабные внешнеполитические задачи. Применительно к Балканам югославы предлагали сосредоточиться на урегулировании двусторонних отношений[22].

Румынские инициативы (особенно относящаяся к июню 1959 г.) все же встретили положительный отклик на Балканах. Они были поддержаны частью греческой политической элиты, вызвали определенный интерес турецкой дипломатии и деловых кругов[23], стали импульсом к расширению сотрудничества балканских государств в сфере культуры. Уже в июле 1959 г. под руководством депутата греческого парламента и бывшего министра С. Меркуриса образуется национальный Комитет по сотрудничеству балканских стран, которому весной 1961 г. удается провести в Афинах совещание с участием представителей общественных организаций ряда балканских стран, где также уже в 1959 г. развернулась организационная работа по созданию аналогичных комитетов. К осуществлению планов Меркуриса сразу подключается Болгария, в Албании также выразили готовность участвовать в совещаниях национальных комитетов балканского сотрудничества. Второе подобное совещание состоялось в Софии осенью того же года. Правда, официальные Афины отнеслись к румынским предложениям довольно скептически. Как явствует из записи беседы советского посла М. Г. Сергеева с депутатом парламента Греции И. Илиу (февраль 1958 г.), этот видный греческий левый политик говорил советскому дипломату: если бы предложение о совещании балканских государств исходило бы не от Киву Стойка (премьер-министра Румынии), а от Тито, греческому правительству было бы гораздо труднее его отклонить[24].

inslav

В Бухаресте также осознавали, что участие лидеров Греции, а может быть и Турции в общебалканской конференции, проведенной на высоком уровне, во многом зависит от позиции Югославии.

Однако более существенное препятствие для реализации идей многостороннего балканского сотрудничества представляла собой позиция не греческого и не югославского правительства, а руководства Советского Союза. С конца 1950-х гг. СССР неоднократно выступал с предложениями о создании безъядерной зоны на Балканах, на Адриатике и в Причерноморье, что имело целью прежде всего не допустить размещения атомного оружия и ракет дальнего радиуса действия на территории балканских стран-членов НАТО (Греции и особенно Турции). Наиболее значительные инициативы такого рода были выдвинуты Н. С. Хрущевым при посещении Румынии и Болгарии в мае-июне 1962 г. Так, 16 мая, выступая в болгарском городе Варна, советский лидер предложил превратить черноморские берега, на которых расположены стартовые площадки для ракет с ядерными зарядами, в «зону мира, дружбы и сотрудничества»[25]. В то же время Советский Союз не поддерживал идею балканского сотрудничества в формах, не предполагавших активного (и направляющего) участия в нем советской стороны. Как и в случае с Балканской федерацией 1940-х гг., он видел в этом опасность возникновения неподконтрольного ему регионального блока, способного усилить центробежные тенденции внутри советского лагеря (с мая 1955 г. Организации Варшавского договора). Показательно, что румынские предложения 1957 и 1959 гг. нашли очень слабое отражение в советской печати. И это несмотря на то, что в записке румынского МИДа в ЦК КПСС от 9 августа 1957 г. подчеркивалось, что своей мирной инициативой Румыния собирается оказать содействие советской внешней политике, при этом отмечалось, что предложения, исходящие не от великой державы, а от одной из сравнительно небольших социалистических стран, могут возыметь даже больший пропагандистский резонанс. Что же касается румынской инициативы 1959 г., то она фактически явилась непосредственным откликом на одно из советских заявлений о превращении Балкан в безъядерную зону[26].

Правда, Советский Союз однажды воспользовался румынским предложением при выработке своей не балканской, но ближневосточной политики (инициатива руководства Румынии рассматривалась в контексте дискуссий по проблемам Ближнего и Среднего Востока). Это произошло 15 ноября 1957 г. при обсуждении на Президиуме ЦК возможностей создания союза, который наряду с некоторыми балканскими странами включал бы в себя Египет и Сирию, стремившуюся в это время к далеко идущему сотрудничеству с СССР

inslav

в военной области. Эта идея, однако, оказалась мертворожденной в силу невозможности объединить на общей платформе государства, преследовавшие слишком различные внешнеполитические цели. Кстати сказать, это в некоторой степени осознавалось и участниками обсуждения. Так, Турцию, находившуюся в непримиримых отношениях с Египтом и Сирией, немыслимо было включить в проектируемый военно-политический союз. Скептически была оценена и готовность участвовать в таком союзе хотя и лояльного Москве, но политически непредсказуемого президента Египта Г. А. Насера. Небезынтересно, что приглашенные на заседание Президиума ЦК советские военачальники (только что назначенный вместо Г. К. Жукова министром обороны маршал Р. Я. Малиновский и начальник Генерального штаба маршал В. Д. Соколовский) проявили более здравый подход в оценке перспектив ближневосточно-балканского союза под эгидой СССР, нежели министр иностранных дел А. А. Громыко, от которого, собственно говоря, и исходило само предложение[27].

В начале 1960-х годов инициатива в продвижении идей балканской солидарности переходит от Румынии к Болгарии. Воспользовавшись высказываниями Хрущева, сделанными в Варне 16 мая 1962 г., о необходимости сотрудничества всех стран, расположенных на берегах Черного моря, министр иностранных дел НРБ К. Луканов направил в сентябре 1962 г. в посольство СССР детально разработанный план многостороннего регионального сотрудничества[28]. Для того, чтобы в большей мере заинтересовать Советский Союз, болгары лучше проработали именно черноморский аспект регионального сотрудничества. Их программа включала в себя комплекс мер по развитию курортного строительства, туризма, торговых и культурных связей между черноморскими странами[29]. Предлагалось также Болгарии совместно с Румынией (а возможно и Югославией) выступить в экономической комиссии ООН с инициативой проведения регионального экономического совещания, а на сессии Генассамблеи ООН выдвинуть ряд конкретных предложений по расширению торговых связей между балканскими странами. Политическая составляющая программы, разработанной МИД Болгарии, предусматривала заключение коллективного пакта о ненападении. Кроме того, по мнению болгарской стороны, Румыния и Болгария могли бы выступить на заседавшей в Женеве комиссии по разоружению с предложением относительно превращения Балкан и Причерноморья в зону свободную от атомного оружия, ракет и иностранных военных баз; Румыния, Болгария и СССР обратились бы к правительству Турции с предложением демилитаризации черноморского побережья.

inslav

В Советском Союзе болгарский план опять-таки не вызвал большого отклика, может быть потому, что предполагаемое участие СССР вновь оказывалось недостаточно активным. Как явствует из помет, сделанных на тексте проекта, полученного из Болгарии, в аппарате МИД СССР собирались заняться разработкой собственного плана сотрудничества черноморских стран с учетом болгарских предложений, но никаких следов такого плана в архивах нами пока не обнаружено. В этой связи важно также заметить, что задача далеко идущей демилитаризации района Черного моря не входила в приоритетные планы СССР, будучи увязанной с широким кругом проблем разоружения, а советские предложения о создании на Балканах безъядерной зоны явились прежде всего ответом на решения Совета НАТО о размещении в Европе ядерного оружия – в СССР опасались его размещения на греческой и турецкой территории. Негативную реакцию в СССР вызвали также решения афинской сессии НАТО 1962 г. о реорганизации и перевооружении греческой армии. Опасения далеко идущей милитаризации Греции обусловили попытки советской дипломатии установить тесные контакты с некоторыми оппозиционно настроенными греческими политиками, не чуждыми идей балканской солидарности[30].

Румынская сторона к 1962 г., насколько можно судить из документов, несколько охладела к планам регионального сотрудничества, возможно, увидев в болгарских предложениях попытку навязать Румынии участие в осуществляемой под эгидой СССР и СЭВ экономической программе, не отвечающей ее интересам. В конце декабря 1962 г. председатель Болгарского комитета за взаимопонимание и сотрудничество балканских стран академик С. Гановский говорил советскому послу о слабом отклике в Румынии на болгарские предложения и о фактическом отказе официального Бухареста от проведения у себя в марте 1963 г. ранее запланированной встречи представителей национальных комитетов балканского сотрудничества по вопросам ликвидации военных баз на Балканах[31]. Югославия также в сложившейся международной обстановке скептически отнеслась к постановке в рамках движения балканской солидарности вопроса о ликвидации военных баз в регионе. Албания к этому времени вступила в конфликт с СССР, что поставило под сомнение ее участие в любых проектах, предлагавшихся близким союзником СССР – Болгарией. Греция и Турция не поддержали далеко идущих разоруженческих инициатив, хотя и не были против расширения экономического и культурного сотрудничества. Предложенная болгарской стороной в 1962 г. развернутая программа черноморско-балканского сотрудничества во многом осталась на бумаге.

inslav

В начале 1960-х гг. пути двух соседних социалистических стран – Румынии и Болгарии – расходятся. Румынская коммунистическая элита после острого конфликта между Хрущевым и Георгиу-Дежем в июне 1963 г. при обсуждении планов экономической кооперации в рамках СЭВ все более решительно и последовательно выступает против далеко идущей экономической интеграции стран социалистического содружества, видя в ней дискриминационный для Румынии характер. Она настаивает также на корректировке отношений внутри Организации Варшавского договора на основе равноправия. Новая концепция продвижения к социализму, ставившая во главу угла защиту национального суверенитета, находит развернутое выражение в Декларации Румынской рабочей партии по вопросам коммунистического и рабочего движения, принятой в апреле 1964 г. Сотрудничество с балканскими странами заслоняется более широкомасштабной внешнеполитической доктриной, предполагавшей расширение связей с Западом, проведение более активной политики в «третьем мире» и, наконец, балансирование между двумя коммунистическими державами – СССР и КНР. Болгария, также не удовлетворенная отведенной ей ролью в системе взаимоотношений в рамках СЭВ, напротив, пытается компенсировать издержки превращения в аграрный придаток более развитых стран своим выдвижением на роль особого, наиболее близкого партнера Москвы, что наглядно проявилось в ряде ее внешнеполитических жестов осени 1963 г.[32] В этих условиях идеи черноморского и балканского сотрудничества отходят в болгарской внешней политике на второй план.

Тем не менее, как румынские, так и болгарские предложения конца 1950-х – начала 1960-х гг., несомненно, дали импульс активизации регионального сотрудничества, что проявилось среди прочего в создании в разных странах национальных комитетов балканского сотрудничества. Они функционировали в государствах, принадлежащих к обоим, противостоящим друг другу военно-политическим лагерям, охватывая определенную часть национальных культурных элит, привлекая к себе внимание (в частности, в Греции) видных политиков и бизнесменов. Периодически проводимые совещания с участием представителей общественности балканских стран способствовали улучшению взаимопонимания между народами региона. В среде деятелей культуры имели отклик конференции писателей балканских государств, проводившиеся с начала 1960-х гг.[33] Но регулярные многосторонние встречи лидеров балканских стран начались лишь в 1976 г. после проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, установившего базовые принципы взаимоотношений стран, независимо от характера их социально-политических режимов.

inslav

Примечания

[1] См. коллективный труд Института российской истории РАН: Россия и Черноморские проливы (XVIII – XX столетия). М., 1999. О черноморских проливах как зоне общеевропейского геополитического напряжения см. также новейшую публикацию: *Рыбаченок И. С.* Ключи от Черного моря (на рубеже XIX и XX веков) // Новая и новейшая история. 2009. № 2.

[2] См. из имеющейся литературы: *Егорова Н. И.* Истоки советско-американского соперничества в Иране и Турции, 1944–1945 // Американский ежегодник. 1997. М., 1997. С. 132–144; *Поцхверия Б. М.* Советско-турецкие отношения и проблема Проливов накануне, в годы Второй мировой войны и в послевоенные десятилетия // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия).

[3] О внешней политике Турции в 1950-е гг. см.: *Улунян Ар. А.* Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960 гг. М., 2001.

[4] Тройственное соглашение не перекрывало обязательств Греции и Турции в рамках НАТО, а с другой стороны, было открыто для присоединения других черноморских и балканских стран. Подробно см.: *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002. Глава IV. Из опубликованных архивных документов, отражающих официальную позицию СССР в отношении Балканского пакта, см. справку посольства СССР в ФНРЮ «Балканский пакт» (июнь 1960): КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х – первой половине 1960-х гг. (Сборник документов). Салоники, 2003. С. 365–386.

[5] См.: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.

[6] В вышеупомянутой справке о Балканском пакте, относящейся к июню 1960 г., нашло отражение мнение официальной Москвы, согласно которому после 1948 г. югославское руководство «добилось улучшения своих отношений с Грецией ценой предательства интересов греческих демократических сил», т. е. прежде всего коммунистов, которых поддерживало в период гражданской войны второй половины 1940-х гг. в Греции.

[7] См.: *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. Глава V.

[8] Подробнее см.: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации.

[9] В записке корреспондента ТАСС в ФНРЮ «К положению в Югославии» от 21 марта 1955 г. содержалась ссылка на распространившееся в информированных журналистских кругах Белграда мнение о том, что руководство ФНРЮ в последнее время изменило свой взгляд на цели и задачи Балканского союза. Его главной задачей теперь считается экономическое, политическое и культурное сотрудничество, а отнюдь не военное. Именно с этим и была связана отмена маневров армий 3 стран. Причины переориентации союза на решение новых задач виделись в нормализации отношений с СССР, а также в несогласии с попытками США включить Балканский пакт в структуру НАТО. Глава югославского внешнеполитического ведомства К.Попович на пресс-конференции в начале марта по итогам поездки в Анкару говорил о поисках новых форм сотрудничества

inslav

3 стран. Если поставить во главу угла военный аспект сотрудничества, это стало бы, по мнению К. Поповича, поддержкой «политики блоков», тогда как во всем мире хорошо известно негативное отношение югославского правительства к такой политике. См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 121. Л. 44–46. См. также: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 379.

[10] См.: *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. С. 273.

[11] Такая точка зрения нашла отражение, в частности, в одной из записок, подготовленных в МИД СССР в связи с посещением Тито СССР 1–23 июня 1956 г.: Там же. С. 271–272.

[12] См.: *Улунян Ар. А.* Греция и Турция между Западом и Востоком (1950-е годы) // Холодная война. 1945 – 1963 гг. Историческая ретроспектива. Отв. редакторы Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003. С. 406–430.

[13] См.: *Стыкалин А. С.* СССР – Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 1950-х – начало 1960-х годов) // Славяноведение. 2006. № 3; *Он же.* Советско-югославские отношения и внутриполитическая ситуация в Венгрии в условиях кризиса 1956 г. // Spoljna politika Jugoslavije. 1950–1961. Zbornik radova. Beograd, 2008.

[14] О необходимости активизации военного сотрудничества стран-участниц Балканского пакта Тито говорил с трибуны состоявшегося 22–26 апреля 1958 г. VII съезда Союза коммунистов Югославии, на котором была принята программа СКЮ, объявленная руководством КПСС ревизионистской. При этом он ссылался на все еще сохраняющуюся военную угрозу для Югославии, не конкретизируя, впрочем, источник этой угрозы. Балканский пакт подавался лидером ФНРЮ как оборонительный региональный союз, призванный дать отпор любым попыткам агрессии на Балканах. Однако в переписке с ЦК КПСС, относящейся к началу 1957 г., Тито от имени ЦК СКЮ заверял Н.Хрущева в том, что в ФНРЮ не придают Балканскому пакту военного значения. См.: РГАНИ. Ф. 89. Пер. 45. Док. 83, 84. Подобным же образом Тито трактовал суть Балканского союза на встречах с лидерами азиатских государств, участников движения неприсоединения. В Москве судя по всему сомневались в реальной приверженности ФНРЮ декларируемому ее руководством принципу внеблоковой политики. Так, в июне 1960 г. Н. Хрущев, выступая на III съезде Румынской рабочей партии, заявил, что внешняя политика Югославии не является такой уж внеблоковой, учитывая, что эта страна связана через Балканский пакт с НАТО и СЕНТО. Ответом на заявление Хрущева явилась неформальная договоренность греческой и югославской сторон о том, чтобы более решительно подчеркивать экономическую и культурную составляющие Балканского союза.

В 1960-е гг., как и ранее, попытки Югославии вдохнуть свежие силы в Балканский пакт находились в тесной взаимосвязи с состоянием советско-югославских отношений. В моменты их улучшения на первый план выдвигалось экономическое и культурное, а не военно-политическое сотрудничество в рамках пакта. Одна из поздних попыток реанимировать этот союз в качестве военно-политической организации относится к периоду чехословацкого кризиса 1968 г.

inslav

[15] 7 декабря 1959 г. депутат греческого парламента В. Эфремидис говорил временному поверенному СССР в Афинах Г. Чеботареву в связи с поездкой греческого лидера К. Караманлиса в Белград: сближение Греции и Турции в настоящих условиях невозможно, а потому активизация балканского трехстороннего союза остается лишь желанием американцев. Встречи Караманлиса с лидерами Югославии способствуют дальнейшему развитию греко-югославских отношений, но ни о каком далеко идущем двустороннем (а тем более трехстороннем) соглашении речи не идет (РГАНИ). Как бы там ни было, механизм Балканского пакта продолжал функционировать. Постоянный секретариат в Афинах заседал ежемесячно, происходили регулярные встречи министров иностранных дел, раз в три месяца созывались совещания представителей генштабов, греческие наблюдатели неизменно присутствовали на маневрах югославской армии, хотя их присутствие не афишировалось прессой. Оставались в силе все статьи договора 1954 г. о совместных оборонительных действиях.

Из трех участников пакта наибольший интерес к его развитию проявляла именно Югославия, видевшая в нем не только оборонительный союз, но также одну их форм активного многостороннего сотрудничества с Грецией, а также инструмент активизации связей с Турцией. Отношения с Грецией неизменно подавались в Белграде как классический пример мирного сосуществования и тесного сотрудничества государств с различным общественным строем.

[16] Записка МИД Румынии «К вопросу о создании коллективного регионального сотрудничества Балканских стран» // КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 136–140.

[17] Предложения румынской стороны включали в себя проведение многосторонних совещаний в целях совершенствования региональной транспортной инфраструктуры, создание Балканской торговой палаты как одного из инструментов экономического сотрудничества, расширение контактов между парламентариями, разного рода неправительственными, общественными организациями, развитие научных связей, курортного строительства, туризма и т. д. Предложенная программа развития научного сотрудничества предполагала создание при помощи ЮНЕСКО международных институтов по изучению балканской истории, балканского фольклора.

[18] На отношении к Румынии мирового сообщества сказывались жестокие репрессии режима Георгиу-Дежа против своих реальных и мнимых оппонентов в дни венгерского и польского кризисов осени 1956 г., а также содействие СССР в нейтрализации свергнутого правительства И. Надя (См.: *Стыкалин А. С.* Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь–декабрь 1956 года) // Славяноведение. 2000. № 1). На московских совещаниях компартий в ноябре 1957 г. делегация Румынской рабочей партии выступала как сторонник жесткой борьбы с любыми проявлениями ревизионизма в мировом коммунистическом движении (Подробнее см.: *Стыкалин А. С.* За кулисами юбилейных торжеств (Московские совещания компартий в ноябре 1957 г. и участие в них польской делегации) // Российско-польский исторический альманах. Вып. III. Ставрополь–Волгоград–М., 2008). Таким образом, Румыния не без оснований воспринималась на Западе как верный сател-

inslav

лит СССР. Вместе с тем уже в это время проявилась тенденция к ее более самостоятельной внешней политике. Венгерские события явились фактором, заметно ускорившим формирование румынской национальной модели тоталитаризма. Из опасений (как показала Венгрия, совсем не беспочвенных), что либеральные веяния, порожденные XX съездом, зайдут настолько далеко, что составят серьезную угрозу положению румынского руководства, Георгиу-Деж с конца 1956 г. все более целенаправленно стремился к созданию механизмов противодействия советскому влиянию (именно в этом контексте и можно понять, что в реальности стояло за планами активизации регионального сотрудничества в формах, не предполагающих непосредственного участия СССР). Начатый им курс получил в дальнейшем продолжение и развитие его преемником Н. Чаушеску. Более самостоятельная в сравнении с другими странами-участницами Организации Варшавского договора внешняя политика Румынии была прежде всего средством поддержания устоев жесткой коммунистической диктатуры.

[19] Посол Румынии в Афинах Дринчиану говорил об этом греческому политику (См. запись беседы посла СССР в Греции М. Г. Сергеева с членом Исполкома партии левой ориентации ЭДА, депутатом парламента И. Илиу от 14 февраля 1958 г.: КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 192). В упомянутой записке МИД Румынии, адресованной в ЦК КПСС, излагались аргументы в пользу принятия Югославией румынских предложений. По мнению румынской стороны, югославское правительство не сможет объяснить ни своему народу, ни мировому общественному мнению, почему оно, в свое время пойдя на заключение союза с двумя капиталистическими государствами, не может теперь, в условиях восстановления дружбы с социалистическими странами, присоединиться к соглашению, которое распространялось бы и на союзников ФНРЮ по Балканскому пакту. Как отмечалось далее, Югославии было бы трудно возражать против активизации балканского сотрудничества, поскольку она выступает за принцип активного мирного сосуществования со всеми странами далеко за пределами балканского региона (Там же. С. 136–140).

[20] Следует заметить, что позиция ФНРЮ находила определенное понимание советской стороны, причем даже в условиях временного охлаждения советско-югославских отношений, сопровождавшегося развязанной Москвой в 1958 г. пропагандистской кампанией критики югославского «ревизионизма» (нашедшего, согласно официальной версии КПСС, проявление в новой Программе СКЮ). В донесении посольства СССР в Албании, подготовленном не позднее 20 октября 1959 г., отмечалось: «Высказывания албанских друзей о югославских руководителях вряд ли помогают идейному разоблачению ревизионизма. Они в большинстве своем являются бездоказательными и используются югославами для обвинения албанских друзей и, в частности, т. Энвера Ходжи, в раздувании холодной войны» (Там же. С. 279–280). В Москве исходили из того, что критика югославского ревизионизма «не должна вылиться в крикливую перепалку: не следует размениваться на мелочи, задевать национальные чувства югославов. Критика должна быть принципиальной, аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949–1953 годов». (Из закрытого письма ЦК КПСС парторганизациям КПСС. Май 1958 г. См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 207. Л. 65–75). Призывая извлечь уроки из негативного опыта разрыва отношений с Югославией в 1948–1949 гг.,

inslav

Н. С. Хрущев говорил с трибуны майского пленума ЦК КПСС 1958 г.: «Нам надо сделать все, что в наших силах, чтобы не отдать Югославию в империалистический лагерь», напротив, необходимо «терпеливой товарищеской критикой ошибок руководителей Югославии добиваться их исправления» (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 35).

[21] См. документы Белградской конференции неприсоединившихся государств: Движение неприсоединения в документах и материалах. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М., 1979.

[22] В марте 1960 г. руководство ФНРЮ отклонило сделанное в развитие румынских инициатив предложение председателя Совета Министров Болгарии А. Югова о проведении совещания министров иностранных дел балканских стран (КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 294). В конце 1962 г. югославская сторона не поддержала инициативу греческого комитета балканского сотрудничества о созыве регионального совещания представителей общественности по проблемам превращения Балкан в зону мира.

[23] Острота внутриполитической борьбы в Турции (государственный переворот 1960 г.) делала не слишком своевременным активное участие этой страны в новых внешнеполитических проектах.

[24] КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 192. При посещении С. Меркурисом Белграда в июне 1960 г. до его сведения были доведены серьезные сомнения руководства ФНРЮ относительно перспектив реализации предложенного греческим политиком проекта балканского сотрудничества.

[25] Правда. 1962. 17 мая. Совместное заявление двух сторон по итогам советско-болгарских переговоров на высшем уровне см.: Правда. 1962. 21 мая. См. также совместное советско-румынское коммюнике по итогам поездки советской партийно-правительственной делегации в Румынию 17–25 июня 1962 г.: Правда. 1962. 25 июня.

[26] Речь идет о советско-албанском заявлении о превращении Балкан и Адриатики в зону мира, сделанном по итогам пребывания Хрущева в Албании в конце мая 1959 г. См.: Правда. 1959. 1 июня. 25 июня 1959 г. советское правительство выступило с новым заявлением относительно превращения Балкан и Адриатики в зону, свободную от атомного и ракетного оружия.

[27] См. краткую запись заседания Президиума ЦК КПСС от 15 ноября 1957 г. (протокол 126. I. О дальнейших шагах в отношении Ближнего и Среднего Востока): Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Главный редактор *А. А. Фурсенко*. М., 2003. С. 281–282. Принятое по итогам обсуждения постановление Президиума ЦК предложило МИД СССР совместно с Министерством обороны на основе изложенных соображений «разработать предложения, связанные с дальнейшими мероприятиями Советского Союза по закреплению достигнутых результатов в деле ослабления угрозы войны на Ближнем и Среднем Востоке» (Там же. Т. 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 731). В тот же день, 15 ноября, принимая венгерского лидера Я. Кадара, находившегося в Москве на совещании компартий, Хрущев поделился с ним своими замыслами создать антиимпериалистический блок в Восточном Средиземноморье. Советский лидер не питал при этом иллюзий от-

inslav

носительно желания Турции участвовать в этом союзе, заметив вместе с тем, что дистанцирование от советских мирных инициатив разоблачит турецкую политическую элиту как противника мира в регионе. С другой стороны, Хрущев надеялся, что Советскому Союзу удастся включить в проектируемую им по своему сценарию систему безопасности в Восточном Средиземноморье титовскую Югославию (Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1956–1959. Bp., 1997. 230–231.o.). В дальнейшем идея широкого балканско-ближневосточного (восточносредиземноморского) союза под эгидой СССР, насколько можно судить из известных документов, развития не получила.

[28] См. проект плана проведения мероприятий в районе Черного моря и Адриатики, полученный от министра иностранных дел НРБ К. Луканова посольством СССР в Болгарии (не позднее 4 сентября 1962 г.) // КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 338–347.

[29] Была предложена среди прочего широкая программа сотрудничества научных учреждений, университетов, национальных библиотек и музеев. Предполагалось проведение международных научных конференций по проблемам археологии и истории черноморских стран, по биологии, экологии и т. д. В планы болгарской стороны входили также расширение обмена гастролями театральных коллективов, проведение кинофестивалей и спортивных соревнований, обмен студентами, организация встреч писателей, издателей, деятелей культуры, журналистов, представителей молодежных, женских движений, профсоюзов черноморских стран (в том числе в рамках созданных национальных комитетов балканского сотрудничества). Предусматривались также меры по расширению межцерковного сотрудничества православных стран. Софийский горсовет выступил с инициативой встречи мэров столиц балканских стран для обмена мнениями о перспективах расширения связей.

Экономическая программа включала в себя расширение сотрудничества в области рыболовства, совершенствование таможенных соглашений. Предвидя, что некоторые предложения не могут быть реализованы как многосторонние, МИД Болгарии выдвинул ряд инициатив по расширению двусторонних связей и урегулированию спорных вопросов с Грецией, Югославией, Турцией и т. д. Пункт об активизации сотрудничества Болгарии с отдельными республиками Югославии не мог бы найти положительный отклик в Белграде, учитывая несовпадение болгарской и югославской точек зрения на суть македонского вопроса, проблему формирования македонского этноса.

[30] В СССР, в частности, всерьез заинтересовались деятельностью греческого движения за балканское сотрудничество, наладили связи с его лидером С. Меркурисом, пригласили его посетить Москву. В последнем видели политика, которого можно было бы склонить к выступлениям в поддержку советских предложений о создании безъядерной зоны на Балканах. См., например, запись беседы посла СССР в Греции М. Г. Сергеева с Меркурисом о внутриполитическом положении в стране и по проблемам балканского сотрудничества от 7 июля 1959 г.: КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 238–242.

[31] Запись беседы посла СССР в НРБ Г. А. Денисова с С. Гановским 28 декабря 1962 г.: Там же. С. 353–354. О проведении этой встречи представители Румынии и Болгарии

inslav

предварительно договорились летом 1962 г. на конгрессе в защиту мира, проходившем в Москве.

[32] В письме Политбюро ЦК БКП первому секретарю ЦК КПСС, председателю Совмина СССР Н. С. Хрущеву «По вопросу более тесного экономического, политического и культурного сотрудничества и сближения между Народной Республикой Болгарией и СССР» (не позднее 10 октября 1963 г.) ставился вопрос о еще более полном увязывании народнохозяйственных планов Болгарии с народнохозяйственными планами Советского Союза, о более тесном кооперировании, а в перспективе о слиянии экономики Болгарии с экономикой Советского Союза. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 3. Постановления. 1959–1964. М., 2008. С. 608–610. См. также: *Баева И.* Болгария в 60-е годы XX века: ответ на вызовы меняющегося мира // 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. М., 2008.

[33] Наиболее представительные встречи состоялись в мае 1964 и январе 1965 г. В записке Иностранной комиссии Союза писателей СССР, посвященной этим встречам, отмечалось, что за последние годы удалось установить тесные связи, в частности, между болгарскими и греческими писателями. Вместе с тем болгарские писатели старались в ходе встреч избегать острых политических вопросов, которые могли бы вызвать полемику. Разногласия возникли при обсуждении вопроса о создании лиги балканских писателей – соответствующая инициатива поступила от греческих и турецких писателей. Болгарские и албанские писатели ее поддержали, тогда как румынские и югославские проявили сдержанность: сначала надо лучше узнать друг друга и установить более тесные двусторонние контакты. Решение вопроса было отложено до одной из новых встреч. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 150. Л. 14–15.

inslav

Искра Баева
(Болгария)

Роль Советского Союза в распаде Восточного блока

В конце 1980-х гг. политические перемены, вызванные общественными процессами в Польше и Венгрии, а затем и в остальных восточноевропейских социалистических странах, совпали с коренным поворотом в советской внешней политике и привели к глобальным изменениям: завершилась послевоенная эпоха развития, именуемая «холодной войной». Два десятилетия тому назад был разрушен послевоенный биполярный мир, один полюс которого с центром в СССР уступил свои позиции, дав возможность другому – во главе с США установить новый однополярный миропорядок. Но крушение социалистической системы в Восточной Европе и в Советском Союзе (как альтернативы западному капитализму) вызвало столь продолжительные и глубокие последствия, что уже в первое десятилетие XXI в. монопольные позиции Запада в международных отношениях были поставлены под вопрос.

События двадцатилетней давности и сегодня привлекают историков и обществоведов, пытающихся уточнить реальную роль тех или иных действующих лиц, определить их «вину» или «заслуги», разобраться в позитивах и негативах последствий «больших перемен». Общественное внимание и интерес к 20-летней годовщине «революционной осени» 1989 г. в очередной раз подтверждают справедливость слов русского историка Василия Осиповича Ключевского, который в далеком 1891 г. утверждал: «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий»[1].

Поскольку Болгария являлась частью указанного процесса, болгарские историки также пытаются выяснить условия, в которых оказалась страна и ее лидеры во второй половине 80-х гг. Нас интересуют не только конкретные действия болгарских политиков, но и механизмы, приведшие к распаду существовавшую систему государственного социализма советского типа. В этом направлении идут мои размышления, предлагаемые вниманию читателя.

Но начну я не с финала, а с истоков возникновения советского блока: попытаюсь сравнить роль Советского Союза при распаде блока и ту роль, которую играл СССР при его создании и на протяжении существования. Прежде

inslav

всего, следует констатировать историческое значение Восточного блока. Благодаря ему, впервые в современной истории почти вся Восточная Европа оказалась объединенной в единую структуру, пытавшуюся играть глобальную роль – противодействовать традиционно лидировавшему в международных отношениях «западному миру».

Рождение Восточного блока – один из итогов глобальных перемен, произошедших в результате Второй мировой войны. Блок – следствие победы Советского Союза над германским вермахтом, потребовавшей колоссальных жертв, но приведшей к коренному изменению роли огромной восточной державы в региональном и глобальном масштабах. Восточная Европа находилась в непосредственной близости от европейских границ Советского Союза, и советская армия в 1944–1945 гг. прошла через ее территории, хотя и в различном качестве – с освободительной миссией в Польше, Югославии, Албании, Чехословакии или как враждебная и оккупационная сила в Румынии, Болгарии, Венгрии, Германии[2]. Новое советское присутствие в Европе и мире признали западные союзники по антигитлеровской коалиции, которые считали Восточную Европу «сферой влияния» Советского Союза в послевоенном мире[3]. Советское влияние в этом регионе огромно и бесспорно уже в первые месяцы по окончании войны, но оно не привело к созданию межгосударственного блока. Вместо этого оформился иной тип конструкции, при которой Советский Союз в одностороннем порядке определял внешнюю и внутреннюю политику государств, граничивших с ним на Западе. Такой тип отношений со странами Восточной Европы напоминал созданный после Первой мировой войны в том же регионе и из числа почти тех же стран «санитарный кордон» с целью изоляции революционной Советской России (позднее СССР) от Западной Европы.

О шагах к оформлению союза между СССР и восточноевропейскими странами можно говорить лишь после 1947 г. Поворотным моментом в этом процессе явилось открытое объявление холодной войны между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции в знаменитой речи У. Черчилля 5 марта 1946 г. Обоснование же этого шага, сделанное в не менее значимой, хотя и не столь известной «длинной телеграмме», принадлежит американскому дипломату Джорджу Кеннану[4]. Но в начале холодной войны Советский Союз и страны его сферы влияния были, скорее, потерпевшими, нежели инициаторами нового глобального конфликта. На это указывают и переговоры по вопросу об участии СССР в «плане Маршалла»[5].

На мой взгляд, первым шагом к межгосударственному объединению СССР со странами Восточной Европы стало информационное совещание девяти коммунистических партий в польском курортном местечке Шклярска Поремба

inslav

в сентябре 1947 г.[6] Это была встреча не на государственном, а на партийном уровне, но участвовали в ней компартии, которые или управляли в тот момент страной (советская, югославская, болгарская, румынская, польская, чехословацкая, венгерская), или, как французская и итальянская, до недавнего времени участвовали во властных структурах. Конкретные обсуждавшиеся вопросы касались глобальных изменений в мире (разделение на два лагеря), деятельности коммунистов в собственных странах, как в прошлом, так и с точки зрения исторической перспективы. Но и учрежденное в Шклярской Порембе Коминформбюро еще не означало создания межгосударственного блока. Это было, скорее, воспоминание на региональном уровне о Коминтерне, как о мировой коммунистической партии. Подтверждением служит и кратковременное существование Коминформа, история которого связана прежде всего с первым крупным конфликтом в Восточной Европе, завершившимся отлучением Югославии в 1948 г. После этого деятельность Коминформа постепенно шла на спад и фактически завершилась прежде, чем он был официально распущен в 1956 г.

Первая действительно международная организация с участием Советского Союза и стран Восточной Европы – это созданный в январе 1949 г. Совет экономической взаимопомощи (СЭВ)[7]. Тот факт, что учредительное совещание в Москве прошло без предварительного объявления в прессе и пропагандистских разъяснений важности создания организации как первого шага к единому блоку, что о появлении СЭВ сообщено лишь по окончании работы совещания, демонстрирует огромную разницу в стиле отношений между странами в Западной и Восточной частях континента. Всего через три месяца после создания СЭВ, в апреле 1949 г., Запад оповестил о создании Североатлантического союза (НАТО). Это была первая в своем роде совместная организация «старых» европейских государств и Соединенных Штатов Америки, назвавшая себя оборонительной и провозгласившая своей задачей защиту Западной Европы от советской военно-политической угрозы. Наступила эпоха длительной американской протекции быстро терявшей свой престиж и мировую роль Западной Европе. Но и в этой новой ситуации Советский Союз не предпринял «зеркальных» действий, направленных на создание своей военно-политической организации для противостояния американской угрозе, возникшей с созданием НАТО. С позиций сегодняшнего дня двойную угрозу – и с Востока и с Запада – следует признать, скорее, виртуальной, нежели реальной. Состояние взаимной опасности было порождено психологическими последствиями распада антигитлеровской коалиции, причем в тот момент, когда еще свежи были воспоминания о войне «горячей» и наступивший мир отнюдь не казался необратимым.

inslav

Так или иначе, но нельзя оспорить тот факт, что Восточный блок не оформился параллельно с Западным. Он стал реальностью лишь после смерти Сталина, когда в Советском Союзе началась умеренная либерализация. Подписание 14 мая 1955 г. Варшавского Договора произошло не в период наибольшего могущества СССР, а в условиях перемен в стране, когда во внешнем плане ему пришлось не столько властвовать над своими сателлитами, сколько искать поддержки у союзников (все еще не апеллируя к таким огромным и влиятельным странам, как Китай). Начиная с 1955 г. и вплоть до 80-х гг. Восточный блок в двух его ипостасях (СЭВ и Организация Варшавского Договора) развивался, проходя этапы умеренных перемен, сталкиваясь со многими внутренними и внешними вызовами. В послевоенном мире Восточный блок олицетворял собой не только разделение мира, но также факт, что и восточная сверхдержава опирается на более широкую международную конструкцию и имеет идейных, политических, экономических и военных последователей.

Впервые прочность послевоенной глобальной конструкции была поставлена перед испытанием в 80-е гг. XX в. Тогда, почти через двадцать лет усилий избежать резких перемен (это время определялось позднее как «застой»), в условиях углублявшегося в различных сферах общественной жизни кризиса пришло время очередного крупного советского реформатора. Во многих отношениях Михаил Горбачев походил на прежних советских реформаторов, но имел и особые, характерные черты. В отличие от 50-х гг. – периода хрущевских преобразований, реформаторский импульс середины 80-х возник не в Москве, а вовне, в странах Восточного блока – Венгрии и Польше. Создание блока открыло перед восточноевропейскими странами возможность быть немного самостоятельнее, чем прежде, в период их непосредственного подчинения Москве. Благодаря этому, углубились национальные различия. В Польше под давлением оппозиционно настроенной части граждан (в 80-е гг. они объединятся вокруг «Солидарности») еще в 70-е гг. были проведены политические реформы. В Венгрии реформы задумывались национальным руководством как экономические, с целью предотвратить кризис. Так что Горбачев не был первопроходцем, скорее, лидером, вынужденным начать реформы под давлением массовых общественных настроений ожидания и надежд на то, что с «финалом» геронтократии наступят, наконец, настоящие перемены. Цель реформаторского курса Горбачева – вернуть советской системе жизненную силу и привлекательность (ныне расчет на привлекательность советской модели кажется неубедительным, но после войны она была бесспорной).

Уже на первых встречах с руководителями восточноевропейских стран, прибывшими в Москву на похороны К. У. Черненко, Горбачев обещал прово-

inslav

дить курс на поддержание равноправных отношений, уважение суверенитета и независимости каждой страны, взаимовыгодное сотрудничество во всех сферах[8]. По сути дела, эти его слова ничем не отличались от заявлений прежних советских лидеров и сенсацию не вызвали. О чем, действительно, шла речь, стало ясно несколько месяцев спустя, когда на двусторонних встречах с восточноевропейскими союзниками Горбачев разъяснил нежелание и невозможность для Советского Союза продолжать нести на себе основное бремя экономических проблем всего Восточного блока.

Встреча М. С. Горбачева и Тодора Живкова состоялась во время заседания СЭВ в Софии в октябре 1985 г. В беседе, перемежавшейся заверениями в дружбе, прозвучала новая нота. Горбачев категорически заявил: «Как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь»[9]. Горбачев «замахнулся» на основу «особых» болгаро-советских экономических отношений: он намеревался отменить ежегодные советские субсидии, направлявшиеся в болгарское сельское хозяйство (примерно около 400 млн. рублей)[10]. Договоренность об этом была «отвоевана» Живковым на встрече 20 сентября 1973 г. с Л. И. Брежневым[11]. Свое заявление Горбачев сделал всего три месяца спустя после подписания Долгосрочной программы развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и НРБ до 2000 года[12].

На встрече в Софии Горбачев заявил и о своем намерении трансформировать отношения в рамках СЭВ. Он резко критиковал Совет за бюрократизм, недостаточную эффективность, отставание от достижений мирового технического прогресса и ведущих технологий. Эти положения стали обоснованием докладной записки Горбачева «О некоторых вопросах сотрудничества с социалистическими странами», рассмотренной в Политбюро ЦК КПСС в мае 1986 г.[13] План реформы внешнеэкономических отношений был представлен лидерам Восточного блока для обсуждения в ноябре 1986 г. В плане предусматривался отказ от старой системы связей, согласно которой СССР снабжал союзников сырьем, а те рассчитывались соответствующим количеством готовой продукции независимо от ее качества. Обсуждались и рыночные принципы взаимной торговли. По этому вопросу мнения разделились. Венгр Янош Кадар и поляк Войцех Ярузельский с энтузиазмом поддержали новый курс, поскольку он соответствовал начавшимся в их странах хозяйственным реформам. Словак Густав Гусак (позднее Милош Якеш) и болгарин Тодор Живков встретили новацию с неохотой, а немец Эрих Хоннекер и румын Николае Чаушеску – попросту «в штыки»[14]. Когда позднее добавилось предложение советской стороны о замене переводного рубля, имевшего хождение в СЭВ, мировой денежной единицей – американским долларом[15], стало ясно, какие

inslav

глубокие перемены задумала провести администрация Горбачева в экономической структуре Восточного блока.

Были ли предложенные перемены в СЭВ шагом к распаду блока? На первый взгляд, наоборот, реформы предусматривали модернизацию СЭВ, превращение его в организацию, способную конкурировать со своим западным антиподом – Европейским экономическим сообществом (ЕЭС). Но результаты оказались прямо противоположными. С момента создания Общий рынок (будущие ЕЭС и ЕС) являлись частью мирового рынка, действовавшего на рыночных принципах, в то время как СЭВ создавался для оказания помощи менее развитым странам и поддержки привилегированной взаимной торговли на основе более низких или догоняющих мировые цен. При таком положении попытки ввести рыночные принципы и мировые цены, как и переход на долларовые расчеты в торговле, лишали СЭВ привлекательности в глазах слаборазвитых социалистических и развивавшихся стран. Такая политика неминуемо вела к разрыву экономических связей и ослаблению взаимозависимости между странами Восточной Европы[16]. Разумеется, самым важным элементом зависимости была готовность (в данном случае, скорее, отказ) Советского Союза оставаться энергетическим донором и поставщиком сырья своим союзникам, забирая на внутренний рынок произведенные ими товары, независимо от их качества и цены. Новое положение рождало следующую проблему: попытки СССР защитить свои экономические интересы, предложив строить отношения с союзниками на рыночной основе, вело к отдалению последних и переориентации их на Запад. Таким образом, в конечном счете, экономическая реформа в Восточном блоке стала шагом к его распаду.

Наиболее важным компонентом Восточного блока, бесспорно, был Варшавский Договор – организация, обеспечивавшая советское господство в Восточной Европе на основе так называемой «доктрины Брежнева». Хотя еще до подписания пакта в 1955 г. было ясно, что ситуацию в регионе будет определять воля Советского Союза, все же заметим, что военная сила была применена только после создания блока (введение советских войск в Венгрию осенью 1956 г., вторжение войск Варшавского Договора в Чехословакию 21 августа 1968 г.). Более того, советские войска не использовались ни во время конфликта с Югославией в 1948 г., ни по ходу многократных польских кризисов. Удержалась от такого развития событий Москва и в период введения военного положения в Польше 13 декабря 1981 г., хотя генерал Войцех Ярузельский мотивировал свой шаг опасностью советской военной интервенции[17]. Столь бедный военный опыт Варшавского Договора достаточно ясно свидетельствует о том, что в его деятельности определяющими были политические, а не военные составляющие.

inslav

Во второй половине 80-х гг. отношения внутри Варшавского Договора казались стабильными. Восточноевропейские страны сохраняли свои позиции – Болгария как самый верный советский союзник, Румыния как наиболее строптивая и оспаривавшая принципы блока страна, Польша и Венгрия как последовательные сторонники бóльшей самостоятельности. Начатые Горбачевым реформы отразились и на функционировании Варшавского Договора. Они предоставили каждой из стран-участниц возможность выбора – воспользоваться реформами или не согласиться с ними. Первый вариант избрали для себя Польша, Венгрия и Чехословакия: они захотели бóльшую свободу и получили ее. Во время визитов в Чехословакию и Польшу Горбачев официально объявил об отказе от «доктрины Брежнева». Благодаря этому в Венгрии уже в конце 1988 г. были легализованы Венгерский демократический форум и Союз свободных демократов. В это же время польское политическое руководство начало переговоры с нелегальной «Солидарностью», завершившиеся проведением «Круглого стола» на протяжении февраля–апреля 1989 г. Оба события привели к утверждению парламентской демократии и отстранению от власти ПОРП (лето 1989 г.) и ВСРП (начало 1990 г.). Поскольку Варшавский Договор являлся идеологически мотивированным блоком, указанные политические перемены вызвали вопрос о дальнейшем участии в нем Польши и Венгрии. Иными словами, хотя и косвенно, реформы Горбачева содействовали распаду всего восточноевропейского объединения.

Вторым вариантом воспользовалась Румыния. Николае Чаушеску отказался приступить к реформам, предложенным Горбачевым. Но и эта позиция ослабляла Восточный блок, разводя участников и отдаляя друг от друга. Это проявилось во время заседания Политического консультативного комитета Варшавского Договора в Бухаресте в июле 1989 г. В кулуарах заседания Чаушеску предложил своим более консервативным коллегам создать параллельную структуру в противовес группе реформаторски настроенных участников пакта. Замысел румынского лидера не был реализован, но само его возникновение сделало раскол в пакте зримым.

Другими словами, в 1988–1989 гг. Советский Союз предпринял попытку «переформулировать» отношения в Восточном блоке, но объективным (не планировавшимся сознательно) итогом этого явилось поступательное и необратимое расхождение между союзниками. На следующем этапе, ставшем заключительным в истории существования блока, в 1990–1991 гг., роль СССР в распаде блока, олицетворявшаяся в деятельности Горбачева, стала еще более активной.

В год «больших перемен» (1989 г.) мировая популярность советского лидера достигла «пика». Американский журнал «Тайм» объявил Горбачева «человеком года». Восточная Европа не стала исключением: овации и крики

inslav

«Горби! Горби!» сопровождали его появление повсюду, а не только в ГДР в октябре 1989 г. Но параллельно с ростом популярности отношение Горбачева к восточноевропейским лидерам, искавшим с ним встреч и ждавшим от него советов, заметно охладевало. Сошлюсь на записи в дневнике советника Горбачева по внешнеполитическим вопросам Анатолия Черняева. 13 мая 1989 г. Черняев записал: «Размышления после встречи Горбачева с Бейкером. Новое мышление уже сработало в том смысле, что всем ясно: на нас никто не нападает, и можем заниматься своими делами и сколько угодно сокращать армию, ВПК, уходить из Восточной Европы и т. д. Горбачев развязал везде необратимые уже процессы распада, которые раньше сдерживались или были прикрыты: ...мифами о международном коммунистическом движении, о социалистическом содружестве, о мировом революционном процессе, о пролетарском интернационализме и т. д. Исчезает социализм в Восточной Европе...»[18]. Со временем пренебрежительное отношение к Восточной Европе усилилось, и два года спустя, 27 апреля 1991 г., Черняев процитировал следующие слова Горбачева: «Правильно "мы" сделали, что перестали обращать внимание на своих бывших союзников. Пусть сами разберутся, хотят или не хотят они иметь дело с нами, нужно ли им это или не нужно. А мы обойдемся!»[19].

Что касается двух организаций Восточного блока – СЭВ и Варшавского Договора, – то после «осенних революций» 1989 г. их исчезновение стало неизбежным. Решение о самороспуске, принятое в начале 1991 г., было чистой формальностью. Единственный спор, возникший на этой стадии, связан с определением уровня заключительных заседаний[20].

Распад Восточного блока походил на развод по взаимному согласию – к нему стремились восточноевропейские общества и часть их руководств, но основная роль все же выпала на долю Советского Союза в лице его лидера Михаила Горбачева. Странное в данном случае то, что именно Советский Союз больше всех терял из-за распада блока. Ведь именно разросшееся в территориальном плане до центра Европы влияние СССР после Второй мировой войны сделало его мировой силой, а потеря влияния свела державу до прежних региональных позиций. По сути дела, во второй половине 80-х гг. политика СССР по отношению к Восточному блоку имела много общего с внутренней политикой Советского Союза, который распался всего несколькими месяцами позже. Можно ли сравнить роль СССР в уничтожении созданных им структур с распадом подобных межгосударственных объединений прошлого? Аналогии возможны, но советская политика отличалась, прежде всего, тем, что вместо сопротивления процессу распада политическое руководство с энтузиазмом приняло в нем участие.

(Перевод с болгарского языка – *Т. В. Волокитина*)

inslav

Примечания

[1] *Ключевский В. О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 6.

[2] Болгарский случай – особый, поскольку большинство населения встретило Советскую армию как освободительницу, хотя формально она являлась оккупационной силой. О роли СССР в Болгарии см.: *Калинова Е.* Победителите и България. 1939–1945. София, 2004. С. 71–110.

[3] Как известно, идею установить сферы влияния в Восточной Европе выдвинул британский премьер-министр У. Черчилль во время визита в Москву в октябре 1944 г. Но еще в Тегеране в середине 1943 г. Черчилль предложил изменить границы между Советским Союзом, Польшей и Германией, что свидетельствовало о коренном изменении отношения к СССР.

[4] «Длинная телеграмма» Кеннана была направлена из посольства США в Москве в Госдепартамент в 1946 г., но опубликована в журнале «Форин аффеарз» в 1947 г. (Department of State. Foreign Relations of United States. 1946. Vol. 6. Washington, 1969. P. 696–709).

[5] *Наринский М. М.* СССР и план Маршалла // Холодная война. Новые подходы. Новые документы. М., 1995. С. 172–181.

[6] Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948.

[7] Болгарская точка зрения на создание СЭВ и месте Болгарии в нем отражена в: *Никова Г.* Съветът за икономическа взаимопомощ. 1949-1960. София, 1989.

[8] *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995. С. 311.

[9] Стенограмму встречи см.: *Горбачев М. С.* Указ. соч. С. 46.

[10] Вот как пишет об этом Горбачев: «Тогда стало окончательно ясно, что принятая в Болгарии, как и в некоторых других странах СЭВ, экономическая модель работала в большей или меньшей степени благодаря “искусственному дыханию”, за счет внешних инъекций. Продолжать экономические отношения на основе этой схемы советская сторона дальше не могла. Мы поставили вопрос о переходе на экономические связи на основе эквивалентного обмена, при котором подразумевалось и прекращение ежегодной выплаты Болгарии субсидий на нужды сельскохозяйственного производства в размере 400 млн. рублей» (Там же. С. 368).

[11] *Баева И.* «Сближението» между България и Съветския съюз (1963–1973 г.) // Ново време. Кн. 1. 1993. С. 101–102.

[12] *Горбачев М. С.* Указ. соч. С. 367.

[13] Там же. С. 315.

[14] Там же. С. 316–317.

inslav

[15] Один болгарский экономист так описывал ситуацию: «...Все страны, за исключением Румынии, накопили огромный долг: Польша – 40 млрд. долларов, Венгрия – 20,5 млрд., Чехословакия – 8,1 млрд. К этому следует прибавить, что в это время в СЭВ было решено расчеты по товарообороту между странами-членами СЭВ производить в конвертируемой валюте. И поскольку ни одна из стран не располагала собственными валютными средствами, их положение еще более осложнилось. Традиционные рынки сбыта, особенно в Советском Союзе, значительно сократились...» (*Цанев Цв.* Източна Европа: трудният път към демокрация и пазарно стопанство // Международни отношения. Кн. 4. 1991. С. 30–41).

[16] Попытки реформирования СЭВ продолжались и в более позднее время, но они были уже обречены. См.: *Аройо Ж.* СИВ: варианти на преустройство // Международни отношения. Кн. 6. 1990. С. 36–47.

[17] *Jaruzelski W.* Stan woienny. Dlaczego... Warszawa, 1992.

[18] *Черняев А.* 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 16–17.

[19] Там же. С. 133.

[20] В конце концов решено было провести заседания на уровне министров, а не глав правительств или государств (Там же. С. 94).

inslav

Е. Л. Валева

Метаморфозы политической жизни в Болгарии на рубеже веков

За двадцатилетие, прошедшее с начала «антикоммунистической» революции 1989 г., трансформация в Болгарии затронула все сферы: политическую систему, экономическую модель, внешнеполитическую ориентацию, культурную политику, социальные отношения. В стране семь раз проводились парламентские выборы, из них трижды досрочно, сменилось 12 правительств, у власти находились различные политические силы и их комбинации. Решающее воздействие на итоги выборов оказывала ухудшающаяся социально-экономическая ситуация, падение жизненного уровня основной массы населения. В начале 90-х годов Болгария переживала структурный кризис в экономике, притом в условиях отсутствия опыта и средств для структурного обновления и трансформации, без традиций в области рыночной экономики, но зато с сильно выраженными потребительскими настроениями в обществе и с живучей убежденностью в том, что болгарское государство должно оставаться социальным. За резкий переход от протекционистской, централизованной экономики к неолиберальному ее типу с открытостью международному рынку болгарскому обществу пришлось заплатить очень высокую социальную цену.

Проведение каждой избирательной кампании сопровождалось возникновением новых или распадом старых коалиций. Большая динамика смены лиц на политической сцене Болгарии была вызвана высокими темпами обновления, ошибками и даже межличностными отношениями. После 1989 г. в Болгарии сложилась биполярная модель управления, выражавшаяся в том, что две основные партии, Болгарская социалистическая (БСП) и правый Союз демократических сил (СДС), неоднократно сменялись у государственного руля, но каждый раз народ испытывал разочарование от результатов их правления.

Бывшая правящая коммунистическая партия, в 1990 г. переименованная в социалистическую, БСП до недавнего времени являлась формацией с наибольшим числом представителей на высших управленческих постах, включая президента и премьер-министра. За годы демократических перемен социалисты неизменно входили во все парламенты, формировали или участвовали в четырех кабинетах.

inslav

Правление кабинета социалиста Жана Виденова (1991–1996 гг.) связывается с самым тяжелым экономическим и финансовым кризисом в новейшей истории страны, сопровождавшимся гиперинфляцией и обесцениванием национальной валюты. Правительство социалистов столкнулось с острой, особенно для левой партии, проблемой. С одной стороны, их предвыборные обещания породили надежды у населения, более 60% которого имело доходы ниже прожиточного минимума; с другой – необходимо было проводить либеральные рыночные, часто непопулярные, реформы. По сути, в начале своего правления кабинет Виденова попытался уменьшить скорость экономических реформ и сохранить остатки социального социалистического государства, иными словами, совершить левый поворот в ходе трансформации[1].

В 1996 г. в стране возник острый зерновой кризис, в середине года начала рушиться банковская система (пропали сначала сбережения в банках, потом сами банки), гиперинфляция в марте составила 310,8%, подошли сроки выплаты 2 млрд. долларов по внешнему долгу[2]. Огромный бюджетный дефицит Центральный банк пытался заполнить печатанием денег. Финансовая система рухнула, Болгария столкнулась с риском остановки платежей по внешней задолженности.

Ударом по политическому престижу кабинета социалистов стало поражение их кандидата на президентских выборах осенью 1996 г. В ходе предвыборной кампании кандидат от СДС Петр Стоянов выступил за скорейшую интеграцию Болгарии в евроатлантические военно-политические и экономические структуры, заявив: «Для нас возможность преодоления кризиса связана со вступлением в Европейский Союз, а путь в ЕС проходит через НАТО»[3]. Правительство же социалистов критиковалось за то, что оно так и не подало заявку на присоединение к Североатлантическому Альянсу. На выборах П. Стоянов набрал почти на 20% голосов больше кандидата от БСП, малоизвестного историка И. Маразова.

В декабре 1996 г. глубокий внутрипартийный кризис и острое общественное недовольство (несколько месяцев в стране проходили массовые акции протеста) вынудили Ж. Виденова подать в отставку с постов и премьер-министра, и председателя партии[4]. С начала нового (1997) года под руководством СДС проходили массовые шествия, на которых ставилось под вопрос конституционное право БСП составить новый кабинет. БСП, затягивая разрешение правительственного кризиса, допустила катастрофическое ухудшение обстановки в стране, что было на руку оппозиции. В конце года доллар стоил уже 600 левов, а к февралю наступившего – 3000. Последовал невиданный скачок цен, в том числе на товары первой необходимости. Политическое напряжение

inslav

подогревалось спекуляциями социальным недовольством[5]. 10 января организованная СДС оппозиция провела штурм парламента, поставивший страну на грань гражданского конфликта. Так глубокий финансово-экономический кризис перерос в острое политическое противостояние между постсоциалистическими силами, которые олицетворяло правительство Виденова, и сторонниками радикальных перемен, возглавляемыми СДС[6]. В этих условиях БСП 4 февраля 1997 г. добровольно отказалась от мандата на формирование нового правительства, согласившись на проведение досрочных выборов в Народное Собрание.

В конечном счете, крах кабинета Виденова стал результатом глубокого расхождения между ожиданиями общества от правления социалистов и объективными требованиями трансформационного процесса в стране. Триумфальная победа БСП на выборах 1994 г. объяснялась резким обеднением значительной части болгар после радикальных реформ правого кабинета Ф.Димитрова (ноябрь 1991 – октябрь 1992 г.) и их надеждами на то, что БСП вернет социальную стабильность времен социализма, будет проводить более внимательную, социально ориентированную модернизацию. Когда же эти надежды не оправдались, БСП во второй раз оказалась отстраненной от власти в результате натиска «снизу», причем на долгих восемь лет. Неудачный опыт правления кабинета Виденова, его бесславный конец и неспособность социалистов удержать законно полученную власть отрезвили болгарское общество. Электорат БСП освободился от иллюзий, что в условиях перехода к рыночной экономике можно сохранить социальную стабильность или социальные гарантии времен социализма. Число избирателей партии социалистов резко сократилось.

СДС на своей 9-й национальной конференции в феврале 1997 г. преобразовался из движения в политическую партию христианско-демократического типа и составил ядро правоцентристской коалиции ОДС (Объединенные демократические силы). Главной движущей силой изменений и председателем партии стал Иван Костов. На выборах в Народное Собрание в апреле 1997 г. ОДС выиграли с абсолютным большинством (137 депутатов). БСП в коалиции с «Экогласностью» получила всего 58 мандатов[7]. Это доказывало, что болгарское общество в целом распрощалось с ностальгией по социализму и убедилось в необходимости ускорения реформ.

Председателем совета министров 21 мая 1997 г. стал И. Костов, политик прагматическо-технократического типа, твердый приверженец либерально-рыночных реформ. Его кабинет получил в наследство экономику, которая находилась на грани полного развала. Костов выступил с радикальной четырех-

inslav

летней программой развития страны, провозгласив ее конечной целью вступление Болгарии в ЕС и НАТО. В первые месяцы правления кабинета СДС к общественной поддержке добавилась и дипломатическая и финансовая помощь Запада, что привело к быстрой консолидации макроэкономических показателей[8]. Получив новые транши от МВФ, правительство использовало их на развитие экономики. В 1998 г. начался процесс ее медленного оздоровления – был зафиксирован рост ВВП на 3,5%. Сразу после прихода к власти кабинет Костова немедленно отменил контроль над ценами и запустил программу «массовой приватизации». К концу 1999 г. более 70% всей государственной собственности, подлежащей приватизации, было распродано, а объем имущества, приватизированного в 1999 г., превысил масштабы всех предыдущих лет.

С 1 июля 1997 г. по рекомендации МВФ и Всемирного банка финансовая система Болгарии была взята под строгий «монетаристский» контроль специального Валютного совета, в который вошли представители этих организаций. Национальная валюта, лев, была «привязана» к германской марке, а впоследствии к евро (в соотношении 1 евро – 1,95 левов). Валютный совет действует и по сегодняшний день, причем среди политических сил в Болгарии существует консенсус, что он будет сохранен до момента, когда Болгария введет евро в качестве своей валюты. Одно из важнейших достижений Валютного совета – возвращение доверия к болгарскому леву, сохранившееся даже во время финансово-экономического кризиса.

Строгая валютная политика остановила галопирующую инфляцию, однако имелись и отрицательные последствия соглашений с международными финансовыми институтами. Условия, поставленные ими для получения займов, привели к опасной комбинации – болгарское правительство было вынуждено поддерживать политику максимально низких доходов и максимально высоких (и скрытых) налогов. Структурная перестройка народного хозяйства свелась главным образом к закрытию или приватизации убыточных предприятий, что увеличило безработицу, но не решило задачи создания эффективной, конкурентоспособной экономики. По данным статистики безработица в 1999 г. охватила 19% трудоспособного населения страны, причем 20% безработных составляла молодежь до 24 лет[9]. Болгария существовала в основном за счет внешней помощи и кредитов. Сельское хозяйство находилось в полном упадке. Продолжала разрушаться социальная сфера – бесплатные медицинское обслуживание и образование, увеличивалось имущественное расслоение населения[10]. Непопулярные меры, трудное ежедневие и лишения миллионов простых граждан были представлены как необходимые жертвы, которые болгарский народ должен принести на алтарь заветной цели – приема в ЕС и НАТО.

inslav

СДС полностью переориентировал внешнюю политику Болгарии на Запад. БСП, хотя и поддерживала призыв к более тесным связям с Западом, не проявляла в этом должной энергии и явно тяготела к России. СДС занял безоговорочно прозападную позицию и постоянно упрекал БСП за то, что та, по его мнению, не смогла «переориентироваться на европейские ценности»[11]. В декабре 1999 г. Болгарию пригласили начать переговоры о присоединении к Евросоюзу (правда, с условием досрочного закрытия первых четырех блоков АЭС «Козлодуй»).

Серьезные проблемы правительству принесла война в Косово, начавшаяся в марте 1999 г. Бомбардировки НАТО блокировали торговые пути Болгарии в Европу, разрушенные мосты на Дунае отрезали ее от речной торговли. Несмотря на преимущественно негативное отношение населения к войне против Югославии, по настоянию правительства Костова болгарский парламент выразил поддержку НАТО и предоставил часть воздушного пространства Болгарии самолетам Альянса[12].

Правительство Костова, сумевшее в короткие сроки добиться политической и макроэкономической стабилизации страны, стало первым за весь период трансформации, кому удалось выполнить свой мандат до конца. Можно было ожидать, что реформирование экономики, некоторый спад преступности и сближение страны с Западом обеспечит дальнейшее пребывание СДС у власти. Однако пропаганда правительством своих успехов (в 1999 г. оно даже заявило об окончании в Болгарии переходного периода) вступила в противоречие с трудной повседневностью большинства болгар. Упреки в коррупции достигли и правительственной партии, ее рейтинг постепенно снижался. Местные выборы в октябре 1999 г. показали, что СДС более не опережает БСП по популярности: в 14 областных центрах мэрами стали кандидаты от БСП и в 11 – от СДС.

БСП, медленно восстанавливавшая свой авторитет среди населения, готовилась к пятым за переходный период выборам в парламент, назначенным на июнь 2001 г. Вместе со своими 14 новыми союзниками она образовала предвыборную коалицию «За Болгарию». Главный упор в предвыборной борьбе она делала на том, что кабинет Костова и руководство ОДС стали главными виновниками разгулявшейся коррупции, приватизационных афер, заключенных в последнее время. Но тут в Болгарии произошли события, коренным образом изменившие политический ландшафт страны.

В начале апреля 2001 г. в Болгарию после 55-летней вынужденной эмиграции вернулся бывший царь Симеон II Саксен-Кобург-Готский. С самого начала «бархатной» революции 1989 г. он пристально следил за событиями

inslav

на родине и все больше завоевывал популярность своими умеренными и объединяющими нацию посланиями, которые шли из Испании[13]. После того, как Конституционный суд не допустил Симеона к участию в президентских выборах, намеченных на осень 2001 г. на том основании, что он постоянно не проживал в стране на протяжении пяти лет, бывший монарх заявил, что каждый, кто хочет за него голосовать, получит такую возможность[14].

Через два дня после приезда в Софию Симеон выступил со своей программой, направленной против коррупции, чрезмерного имущественного расслоения, и обещал улучшить жизнь каждого болгарина за 800 дней, подняв пенсии и зарплаты. Более конкретных высказываний он избегал. Бывший царь активно и успешно культивировал образ, с одной стороны, преуспевающего бизнесмена, прагматика, способного привести Болгарию в Большую Европу, а с другой – патриота, озабоченного чистотой нравов в правящей элите, глубоко скомпрометировавшей себя коррупцией.

Для участия в парламентских выборах бывший монарх создал формирование с претенциозным названием «Национальное движение Симеон Второй» (НДСВ). В руководство движением вошли молодые, неизвестные болгарской общественности деятели, никто не знал, что именно представляет собой новая формация. Необыкновенная популярность только что возникшего движения свидетельствовала о том, что значительная часть политических лидеров 90-х годов в Болгарии потерпела политическое банкротство, не сумев побороть искушение чрезмерными амбициями, властью и деньгами. Новая политическая формация была воспринята избирателями как желанная альтернатива всем надоевшим прежним партиям, и правым, и левым. Большинство болгар стало к этому времени воспринимать СДС как партию власти, партию новой, «синей» номенклатуры (синий – цвет символики СДС). Различия между «левыми» и «правыми», между «красными» и «синими» стерлись до такой степени, что основными отличительными признаками их в глазах населения остались лишь цвета символики. В погоне за своими корпоративными интересами политическая элита упустила значительную часть болгарских избирателей. Обществом оказалась объективно востребована некая «третья сила» – на этой волне и появилось НДСВ.

Результаты выборов 17 июня 2001 г. оказались сенсационными, они коренным образом изменили расстановку сил в Народном Собрании. НДСВ одержало впечатляющую победу, получив ровно половину мандатов: 120 из 240. Остальные партии довольствовались куда более скромными результатами. Особо сильно пострадал на выборах правящий с 1997 г. СДС (51 мандат). Не случайно он атаковал НДСВ в ходе предвыборной кампании, видя в нем опас-

inslav

ного конкурента в правом политическом пространстве. Коалиция «За Болгарию» во главе с БСП, получившая всего 48 мест в парламенте, впервые оказалась на третьем месте. Таким образом, биполярная политическая конфигурация оказалась разрушенной. Четвертая политическая сила – партия этнических турок «Движение за права и свободы» (ДПС) – получила 21 мандат.

Как справедливо пишет болгарский историк И. Баева, восход НДСВ явился следствием отлива избирателей от абсолютно всех партий и коалиций, он свидетельствовал о глубоком кризисе в болгарском обществе, об огромном разочаровании болгар результатами реформ, демократизации, переструктурирования, которые не улучшили, а ухудшили условия жизни большинства граждан[15].

24 июля 2001 г. Народное Собрание утвердило состав нового кабинета во главе с С. Саксен-Кобург-Готским. Из 16 министерских портфелей по два получили представители ДПС и БСП. СДС отказался участвовать в правительстве. НДСВ вынуждено было образовать правительственную коалицию, поскольку 120 его депутатов составляли относительное, но не абсолютное большинство в парламенте (не хватило всего одного голоса). Правительственная программа Симеона предусматривала развитие функциональной рыночной экономики, улучшение условий жизни рядовых граждан и непримиримую борьбу с коррупцией. В правительство вошли молодые, хорошо образованные бизнесмены, а также юристы. Однако очевидной их слабостью было незнание болгарской специфики. Они хорошо изучили западные модели демократии, но не имели представления о Болгарии как объекте управления и реформирования. Большинство болгар встретило новое правительство с большим энтузиазмом, однако уже вскоре они испытали первые разочарования, поскольку их надежды на быстрое улучшение жизни в который раз не оправдались.

Президентские выборы, проводившиеся в два тура 11 и 18 ноября 2001 г., проходили при небывало низкой активности избирателей[16]. Перед СДС встала во весь рост угроза потерять последний высший пост в государстве. За кандидатуру П. Стоянова выступили премьер-министр и его НДСВ. БСП выдвинула председателя Высшего совета партии Г. Пырванова, поддержанного ДПС. В итоге окончательную победу во втором туре одержал лидер БСП, получивший 54% голосов избирателей. По мнению экспертов, его успех не носил чисто политического характера, поскольку в стране не наблюдалось особого роста влияния партии социалистов. Скорее, свою роль здесь сыграли личные качества Пырванова, его умеренность, отказ от прямых атак и компроматов во время избирательной кампании[17]. Такое поведение привлекло к нему избирателей, которым надоело яростное противостояние большинства политиков.

inslav

Таким образом, в первый год нового тысячелетия Болгария дважды удивила мир крутыми виражами во внутренней политике, а от журналистов получила следующую эффектную характеристику: трансформирующееся государство, где премьер-министр – бывший царь, а президент – бывший коммунист[18].

В октябре 2001 г. новый кабинет представил, наконец, свою программу действий с многообещающим названием «Народ – богатство Болгарии». Она содержала намерения обеспечить годовой рост ВВП на 5–7%, снизить прямые налоги, привлечь иностранные инвестиции, уменьшить число безработных. Однако уже вскоре правительство было вынуждено отказаться от некоторых своих обещаний (отчасти это было связано с экономическими последствиями для всего мира терактов в США 11 сентября 2001 г.). Бюджет на 2002 г., предусматривавший двукратное увеличение зарплат на 5% и однократное повышение пенсий при инфляции в 3,5%, явно не означал обещанного улучшения уровня жизни народа. Когда в конце октября истекли первые 100 дней нового правительства, обе главные оппозиционные партии не преминули продемонстрировать свое к нему отношение, причем если ОДС критиковала политику кабинета за ее «левизну», то БСП считала ее «правой», продолжающей политику кабинета Костова.

Особенно тяжело отразилось на населении новое повышение цен на продукты и услуги, 10% увеличение цен на электроэнергию, паровое отопление и газ, а также обложение налогом на добавленную стоимость болгарских лекарств. Когда в начале 2002 г. пришло время платить налоги и разного рода патенты, то оказалось, что большинство их повышено, причем в разы. Недовольство правительством, наметившееся уже осенью 2001 г., резко возросло, профсоюзы стали организовывать протесты. За считанные месяцы доверие населения к НДСВ (трансформировавшегося из коалиции в партию) резко упало.

Сферой, в которой правительство С. Саксен-Кобург-Готского добилось наиболее значимых успехов, была внешняя политика. За время его мандата Болгария стала полноправным членом НАТО (2 апреля 2004 г.) и завершила переговорный процесс о присоединении к Европейскому Союзу, подписав соответствующий договор 25 апреля 2005 г. (с 1 февраля 1995 г. она являлась ассоциированным членом ЕС). Датой вступления Болгарии в ЕС был определен 2007 г., но до этого ей следовало провести целый ряд реформ, чтобы отвечать необходимым политическим и экономическим критериям.

Что касается болгаро-российских отношений, то они характеризовались продолжающимся спадом в сфере политических, экономических и культурных отношений, которым был отмечен весь период трансформации в Болга-

inslav

рии. Подписанный еще 4 августа 1992 г. президентами двух стран межгосударственный договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между двумя странами не смог приостановить почти десятикратного снижения объема торгово-экономических связей и не повысил результативность политического взаимодействия. Поворот во взаимоотношениях между Россией и Болгарией наметился после избрания президентом Г.Пырванова, выступившего с концепцией улучшения сотрудничества между двумя странами[19].

Сдвиги в расстановке основных политических сил в Болгарии отчетливо выявили итоги выборов в местные органы власти осенью 2003 г. Наибольшее число мандатов в советах общин получили представители БСП (17,6%), на втором месте оказалось ДПС (13,2%), на третьем – СДС (10,2%). Правящая правоцентристская партия НДСВ получила лишь 6,5% мест, что продемонстрировало глубочайший кризис доверия к ней избирателей[20]. При этом такие неблагоприятные для НДСВ итоги выборов были получены в условиях экономического роста и макроэкономической стабилизации, правда, при дефиците внешней торговли и текущего счета платежного баланса. Интересно, что более половины мандатов в местные органы власти завоевали независимые кандидаты и представители партий, не входящих в нынешний парламент. При выборах градоначальников областных центров на первом месте также оказалась БСП (самостоятельно или в коалиции). Все это свидетельствовало о недовольстве населения правительством, о том, что в болгарском обществе в очередной раз назрела потребность в альтернативе утвердившейся политической элите[21]. Выборы в местные органы власти показали значительный рост влияния БСП, которая продолжала свою модернизацию после принятия ее в члены Социалистического Интернационала в 2003 г. Воодушевленные успехом, социалисты взяли курс на подготовку к очередным выборам в Народное Собрание.

Шестые после ноября 1989 г. парламентские выборы состоялись в положенный срок, 25 июня 2005 г., хотя оппозиционные СДС и БСП неоднократно поднимали вопрос о недоверии правительству С. Саксен-Кобург-Готского и о проведении досрочных выборов. Возглавляемая социалистами Коалиция «За Болгарию» получила большинство – 31% голосов и 82 мандата вместо 48 в предыдущем Народном Собрании. Более 4% голосов, необходимых для получения места в парламенте, набрали следующие партии: НДСВ –19,88% (соответственно, 53 места вместо прежних 120), ДПС – 12,68% (34 места), ультранационалистическая Коалиция «Атака» – 8,93% (21 мандат), ОДС – 7,70% (20 мандатов), партия бывшего премьер-министра И. Костова «Демократы за сильную Болгарию» (ДСБ) – 6,45% (17 мест) и коалиция Болгарский народный союз (БНС) – 5,20% (13 мандатов)[22].

inslav

Таким образом, результаты выборов свидетельствовали, с одной стороны, о резком падении доверия к бывшей правящей партии НДСВ и ее лидеру, а с другой – об упрочении позиций социалистов. Кроме того, стало очевидным значительное усиление позиций партии турецкого меньшинства – ДПС, игравшей роль своеобразного балансира в парламенте, когда ни одна ведущая политическая сила не обладала большинством. Она стала третьей по численности партией в Народном Собрании. Рекордно высокий результат ДПС имел несколько причин, в том числе низкую избирательную активность традиционно голосующих за другие партии, активизацию электората ДПС в связи с участием в выборах «Атаки» с ее националистическими, в частности, антитурецкими лозунгами.

Однако самой большой неожиданностью стал прорыв в парламент Коалиции «Атака». Аналитики объясняли этот феномен появившимся кризисом доверия к традиционным партиям всего политического спектра, а также к публичным политическим фигурам, преследующим вместо общественных интересов групповые или собственные. «Атака» адресовала свои популистские послания именно тем людям, которые потеряли свои иллюзии и надежды, остались без ориентиров. Она отражала экстремистское недовольство граждан (как бедных, так и богатых, как крайне левых, так и крайне правых), избирателей, не нашедших своего места ни в раздробленном и разбитом правом политическом лагере, ни в практически не существующем крайне левом (коммунистическом). Исследования, в частности, показали, что более половины электората «Атаки» составили разочаровавшиеся левые избиратели, которые больше не воспринимали БСП в качестве левой и социальной партии, способной формулировать и защищать их новые социальные ожидания[23].

Партия «Атака» была создана в апреле 2005 г., ее председателем стал известный болгарский журналист Волен Сидеров. Она привлекла к себе внимание тем, что поднимала важные и крайне болезненные для болгарского общества проблемы, которые другие партии и политики не решались открыто дискутировать в публичном пространстве, и при помощи демагогии и популизма создавала обманчивое представление о возможности их легкого и быстрого решения. Так, «Атака» выступила за изменения в конституции страны (например, признание православия официальной религией), за восстановление смертной казни преступникам, против невыгодного для Болгарии закрытия реакторов АЭС «Козлодуй», против покупки болгарских земель иностранцами, против вступления в НАТО и ЕС, против «колониальных» отношений с МВФ. При этом она использовала национал-патриотические и ксенофобские настроения части населения, которой импонирует ее риторика против ДПС,

inslav

турок и цыган. Политические противники «Атаки» и некоторые болгарские СМИ квалифицируют идеологию этой партии как антигуманную, расистскую и близкую к фашизму, хотя сама она определяет себя в качестве патриотической и националистической[24]. Согласно социологическим опросам в начале 2006 г. «Атака», которую поддерживало 12–13% всех совершеннолетных болгарских граждан, представляла собой вторую политическую силу после БСП. Поскольку ни одна политическая партия не получила абсолютного большинства в Народном Собрании, назначить правительство можно было только на основе коалиции различных политических сил, предварительно приведя к консенсусу их программные и управленческие принципы. Однако исключительная раздробленность парламента, властные устремления отдельных групп затруднили процесс формирования необходимого большинства. Начавшиеся в июле переговоры между БСП, НДСВ и ДПС о трехпартийной коалиции шли долго и трудно, часто заходили в тупик. В течение семи недель политическая жизнь Болгарии фактически была парализована. Хотя разногласий по основным политическим вопросам и принципам будущего кабинета между БСП и НДСВ не было, основная борьба разгорелась за пост премьера и за министерские портфели.

В период формирования коалиции БСП – НДСВ – ДПС немало говорилось о ее «противоестественности» (как сказал бы Крылов, «лебедь, рак да щука»). Однако пойти на ее формирование БСП пришлось не от хорошей жизни. Результаты выборов 2005 г. сделали очевидными недостатки подхода социалистов к формированию предвыборной коалиции. Как отмечал член Высшего совета БСП В. Топенчаров, все попытки социалистов собрать всех «левых» или хотя бы всех «антиправых» оказались бесплодными или по крайней мере недостаточными для убедительной победы на выборах[25]. Поэтому после них перед БСП встала новая проблема – искать решение об участии во власти. Выход был один – пытаться сформировать коалицию, но в рамках уже избранного парламента. Это стало возможным лишь в результате внутренней перестройки БСП после провала кабинета Ж.Виденова и тяжелой изоляции, в которую партия попала. БСП вынуждена была воспринять (хотя и со многими оговорками) тезис о «социально-либеральном» управлении. Это открывало перед ней перспективу развития и постэлекторального соглашения с ДПС. Таким образом, волей-неволей, БСП оказалась «сдвинутой» несколько вправо. Возможности проводить подчеркнуто свою внешнюю и социальную политику в соответствии с предвыборными обещаниями оказались резко ограниченными. Тем не менее, выигрыш БСП был очевиден. После 8 лет глухой оппозиции, когда социалисты были изгнаны из управленческих структур не только в по-

inslav

литическом, но и в кадровом отношении (особенно в период правления кабинета Костова), БСП снова оказалась у власти, причем в качестве определяющей силы. Ее стали воспринимать как возможного партнера не только левые и левоцентристские партии, но и правоцентристские. Иными словами, БСП воспринималась теперь в качестве «нормальной партии» на политической арене Болгарии[26].

Обострение парламентского кризиса вызвало предупреждения со стороны Евросоюза о возможности отсрочки приема Болгарии в ЕС из-за политической нестабильности. Нелишне отметить, что придти к соглашению С. Станишева и С. Саксен-Кобург-Готского заставила и угроза полной победы «Атаки» на возможных повторных парламентских выборах. Наконец, 16 августа Народное Собрание утвердило состав лево-центристского правительства во главе с С. Станишевым (167 голосов «за» и 67 «против»). Министерские портфели были распределены следующим образом: БСП – 8, НДСВ – 5, ДПС – 3.

С большим трудом образованная «тройная коалиция» с самого начала несла печать политической нестабильности и была чревата будущими внутренними конфликтами. Перед новым кабинетом стояли непростые задачи – он должен был провести реформы, необходимые для вступления страны в Европейский Союз. Премьер-министр заявил, что главными задачами новой коалиции будут решение социальных проблем граждан, сокращение отставания от ЕС по уровню жизни населения и рост экономики. Пока что приближение Болгарии к Европе происходило такими медленными темпами, что огромное число способных молодых людей предпочитало пройти этот путь не вместе со своей страной, а самостоятельно, выехав за рубеж.

22–29 октября 2006 г. в Болгарии состоялись очередные президентские выборы, в ходе которых на пост главы государства претендовали семь кандидатов, в том числе действующий президент Болгарии Г. Пырванов, лидер «Атаки» В. Сидеров и Н. Беронов, выдвинутый рядом правых партий. Пырванов формально баллотировался как независимый кандидат, но имел мощную поддержку БСП, которую он возглавлял вплоть до начала президентской кампании в 2001 г., а также ее партнеров по правящей коалиции – НДСВ и ДПС. Глава государства с 2001 г. находился в лидерах с точки зрения рейтинга ведущих болгарских политиков, снискав популярность среди населения вступлением страны в НАТО в 2004 г. и договоренностью о вхождении 1 января 2007 г. в Евросоюз. Он зарекомендовал себя как политик, который в самые трудные моменты проявлял политическое спокойствие и предсказуемость, национальную ответственность и способность видеть проблемы в их развитии и перспективе. В предвыборном штабе Пырванова не скрывали, что его пере-

inslav

избрание на новый срок очень важно для стабильности и европейской ориентации Болгарии, а также для авторитета БСП как внутри страны, так и в международном плане[27].

Поскольку в первом туре явка составила менее половины зарегистрированных избирателей, 29 октября состоялся второй тур выборов, в котором участвовали только два кандидата, получившие наибольшее число голосов Пырванов и Сидеров. Убедительную победу в нем одержал Г. Пырванов, набравший более 76% голосов и ставший первым президентом Республики Болгария, переизбранным на второй срок. По мнению наблюдателей, победа Пырванова прежде всего означала продолжение нынешнего курса в отношениях с Европой, НАТО, США и Россией.

Опираясь на итоги выборов, многие политологи констатировали новый раскол в болгарском обществе, вызывающий немалую тревогу. На заре демократических перемен болгары делились на «синих» – тех, кто эти перемены пропагандировал, и «красных» – сторонников социалистического выбора. В 2006 г. линия раскола прошла в иной плоскости. По другую сторону от президента и его электората оказались националисты. Их приход к власти лишил бы страну европейских денег и мог бы спровоцировать серьезные внутренние беспорядки.

В декабре 2006 г., за месяц до вступления Болгарии в ЕС, Национальный центр по изучению общественного мнения (НЦИОМ) провел опрос среди населения о рейтинге популярности партий и политиков. 60% болгар были уверены, что правительство выполнит свой мандат до конца. По мнению социологов, этот результат отражал удовлетворение работой кабинета на пути евроинтеграции Болгарии. Естественно, наиболее оптимистично были настроены приверженцы партий «тройной коалиции», люди с высшим образованием и с доходами выше средних. Самым популярным политиком в этом месяце стал софийский мэр и бывший главный секретарь МВД Б. Борисов (71%), ему совсем немного уступал Г. Пырванов (70%). Третье место занял министр культуры (известный актер) Ст. Данаилов (65%). Значительно отставал от них премьер С. Станишев (42%).

Согласно данным НЦИОМ, участие в правительстве больше всего «навредило» партии Симеона – в ее поддержку высказалось всего 2% болгар. Симпатии к БСП сохранило около 26% граждан. Второй политической силой, набравшей 13–15% голосов опрошенных, оказалась совершенно новая партия «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ), созданная ее неформальным лидером Бойко Борисовым 3 декабря 2006 г. (она стала наследницей образованного несколькими месяцами раньше гражданского объединения

inslav

с таким же названием). ДПС и «Атака» находились на одном уровне – 7–9%. Таким образом, ГЕРБ вытеснил «Атаку» со второго места. Рейтинг лидеров этих партий оказался вообще несопоставим: 71% (Б. Борисов) против 17% (В. Сидеров). СДС мог рассчитывать на поддержку всего 5%. НЦИОМ констатировал, что ГЕРБ «оттянул на себя» часть электората БСП, НДСВ и «Атаки», то есть привлек много разочарованных из других партий. В глазах населения ГЕРБ не выглядел ни левым, ни правым формированием, а привлекал к себе прежде всего критикой в адрес правящих и заявлениями о намерениях побороть преступность[28].

Уже спустя полгода после вступления Болгарии в Европейский Союз (1 января 2007 г.) стало очевидно, что политическая ситуация в стране отнюдь не стабилизировалась, как прогнозировали многие политики и СМИ. Напротив, пропасть между основной массой населения и политическими и экономическими элитами углубилась, обострились и конфликты внутри самих элит.

Схема управления «тройной коалиции» подвергалась постоянной критике в результате усиливавшегося натиска общественного недовольства, порожденного адаптацией к членству в Европейском Союзе. Уже с 2004 г. в НДСВ не стихали политические страсти, велась борьба за новые посты во внутрипартийном управлении на фоне падения рейтинга лидера движения – С. Саксен-Кобург-Готского. В декабре 2007 г. в НДСВ произошел раскол. В результате недовольства ряда депутатов политикой, проводимой парламентской группой НДСВ, сформировалась новая парламентская группа «Болгарская новая демократия» (БНД), занявшая место в правом пространстве[29]. Многие сторонники НДСВ отвернулись от этой партии, поскольку не одобряли ее участия в «тройной коалиции». Ведь значительная часть электората НДСВ в 2001 г. сформировалась из «синих», разочарованных распадавшимся СДС, и этим людям трудно было принять сотрудничество бывшего царя с социалистами и с ДПС.

Выборы 18 депутатов в Европейский парламент в мае 2007 г., в которых приняли участие всего лишь 28% имеющих право голоса, фактически вылились в вотум протеста против правящих партий и их политического курса. Результаты голосования в который раз удивили своей непредсказуемостью. Победителем, набравшим 21,69% голосов (5 мандатов), стала партия ГЕРБ, образованная лишь за полгода до выборов. За ней почти вплотную шла БСП с 21,41% (5 мандатов), далее следовал ее партнер по правящей коалиции – ДПС (20,26%, 4 мандата). Таким образом, лидер «тройной коалиции» – БСП – оказался на втором месте после новой формации. Четвертое место заняла ультранационалистическая «Атака» с 14% голосов (3 мандата). Партия НДСВ потерпела сокрушительное поражение (6%, 1 мандат). За бортом оказался весь

inslav

право-консервативный лагерь: «Демократы за сильную Болгарию» (ДСБ) во главе с бывшим премьером И. Костовым, Болгарский народный союз (БНС) и СДС даже не смогли преодолеть 4% барьер и превратились в политических аутсайдеров.

При сравнении результатов выборов в Народное Собрание летом 2005 г. и в Европарламент два года спустя обращает на себя внимание, что, с учетом падения избирательной активности населения в два раза, электорат БСП сократился в три раза, а электорат НДСВ – даже в шесть раз. Уменьшилось, хотя и не очень значительно, относительное число голосовавших за ДПС. Сохранила свой твердый электорат и «Атака», несмотря на раскол в своем руководстве и муссировавшиеся в СМИ скандалы, связанные с ее лидером В. Сидеровым. В то время как социалисты и правые партии рисовали своим согражданам вступление в ЕС в розовых красках, «Атака» была единственным формированием, которое выступало против Евросоюза. Она использовала отрезвление, наступившее у населения уже вскоре после вступления в ЕС (усилившиеся с этого времени призывы из Брюсселя к большей дисциплине в экономике и к более решительному проведению реформ были восприняты многими болгарами как угроза их благополучию) и систематически пыталась поставить растущую оппозицию по отношению к Евросоюзу под свои ультранационалистические знамена. Наконец, поистине катастрофичными можно назвать результаты выборов в Европарламент для традиционно правых партий: и ДСБ, и СДС получили втрое меньше голосов, чем в 2005 г.[30]

Следует особо остановиться на новом факторе в болгарской политике, каким стала партия ГЕРБ, создавшая всего за несколько месяцев свои структуры в 264 муниципалитетах и признанная на выборах в Европарламент первой политической силой. ГЕРБ обошел не только социалистов, находящихся у власти. В Софии, где многие годы подряд самыми мощными структурами располагали правые силы, ГЕРБ получил приблизительно в три раза более высокие результаты, чем объединенные ДСБ и СДС. В своей пропаганде он с успехом использовал растущее недовольство населения социалистической и «царской» партиями, а также различными объединениями консервативных «демократов», которые почти за 20 лет своего правления не смогли вывести страну из нищеты. ГЕРБ проводил громкую популистскую кампанию против коррупции и кричащего социального неравенства в стране, обещал проводить правовую политику и улучшить условия для развития отечественной экономики, чем и завоевал на свою сторону многих болгар.

В конце августа 2007 г. премьер-министр С. Станишев подвел итоги двухлетней работы правительства. По его словам, за последние два года болгар-

inslav

ская экономика продолжала отмечать высокий и устойчивый рост. Реальный рост ВВП за 2005 и 2006 гг. превысил 6%, а за первый квартал 2007 года он стал еще выше. Уровень безработицы в стране составил менее 8%. В бюджетном секторе средняя заработная плата повысилась до 250 евро, средняя пенсия повысилась с 68 евро в 2005 г. до 84 евро в июле 2007 г. Подчеркнув, что Болгария находится в числе самых быстро развивающихся стран в ЕС, премьер, тем не менее, отметил, что болгарское общество ожидает более ощутимых изменений в доходах, качестве жизни, образовании и здравоохранении[31].

Своеобразным ответом на оптимистичный отчет премьера стали два события осени 2007 г.: национальная забастовка учителей, которая оказалась самым масштабным социальным протестом в стране за весь период трансформации, и выборы в местные органы власти в октябре. Забастовка учителей с самого начала носила не политический, а социально-экономический характер[32]. Уже многие годы зарплаты в сфере образования были среди наиболее низких в стране. В сентябре 2007 г. болгарские учителя начали общенациональную бессрочную забастовку, которая грозила привести к срыву учебного года. Десятки тысяч болгарских учеников не ходили в школу более месяца. Учителя настаивали на поэтапном заметном увеличении размера их зарплат и на проведении более эффективной реформы в сфере образования. Социологи отмечали спад политического доверия к премьер-министру и к министрам, непосредственно связанным с конфликтом[33]. Через месяц после начала забастовки оппозиция в парламенте внесла вотум недоверия правительству. Это был уже третий вотум недоверия кабинету тройной коалиции БСП – ДПС – НДСВ за период ее двухлетнего правления. Предыдущие два вотума были мотивированы невосполнением ущерба от страшных наводнений летом 2005 г. и кризисом в области здравоохранения.

Забастовочные действия болгарских учителей, продолжавшиеся почти полтора месяца, в конце концов столкнулись с ослаблением поддержки со стороны родителей; в обществе и среди самих учителей уже ощущалась усталость от забастовки. Одновременно она выявила преобладание среди населения скептицизма по отношению к управленческому потенциалу исполнительной власти[34]. Разочарованные прибавкой в 40 евро и готовые не отступать от своих требований, болгарские учителя приняли компромиссное решение возвратиться в школы, поскольку дальнейшие переговоры стали бессмысленны. Подводя итоги, можно сказать, что кризис был весьма симптоматичным для состояния всего болгарского общества, где наблюдается конфронтация узкого слоя богачей и основной части населения, сталкивающейся с социальной незащищенностью и бедностью.

inslav

Накануне выборов в органы местной власти в конце октября 2007 г. оптимистические настроения болгар в связи с развитием страны после вступления в Евросоюз сильно понизились, а политическая элита все больше теряла доверие граждан. Этот тревожный вывод был сделан на основе опроса общественного мнения, проведенного в период с 19 по 23 октября Институтом по маркетингу и социальным исследованиям (МБМД). На вопрос: «Как изменилась жизнь болгар за последние два года?» лишь 14% населения считало, что к лучшему, а 46% опрошенных ответило: «К худшему». В соответствие с этим наблюдался спад авторитета многих политических лидеров. Несмотря на прочное большинство в парламенте, которое имела правящая коалиция БСП – НДСВ – ДПС (почти две трети депутатов), в стране налицо была политическая нестабильность, которую еще более усилила забастовка учителей. Праволиберальная оппозиция в Народном Собрании инициировала против правительства семь вотумов недоверия. Конкретные обвинения в адрес кабинета Станишева были связаны с неудачами в трех областях – членстве в ЕС и НАТО, провале социальной политики и создании олигархической модели управления, связанной с организованной преступностью.

На этом фоне в Болгарии наблюдалась весьма ожесточенная и сопряженная со множеством экономических интересов кампания по выборам в местные органы власти. После своего присоединения к ЕС Болгария получила доступ к европейским фондам, которые открывали новые возможности перед развитием муниципалитетов в целом. В случае реализации представленных проектов страна могла получить возможность освоить почти 7 млрд. евро за период 2007–2013 гг. Несомненно, это стало стимулом для создания разного рода объединений граждан и предпринимателей, которые имели сильные позиции в регионах и активно подключились к предвыборной борьбе. Уже в первом туре значительное число голосов было отдано именно за них.

Первые две позиции, как и на выборах евродепутатов весной, заняли ГЕРБ и БСП – от них было избрано наибольшее число мэров муниципалитетов, а также муниципальных советников. НДСВ, а также правые формации, которые во многих местах выдвинули общие кандидатуры на пост мэра, не получили существенной поддержки. Местные выборы осени 2007 г. отразили серьезное смещение пластов в политической системе страны, поскольку внепарламентская правоцентристская партия ГЕРБ заняла второе место в национальном масштабе и одержала победу в двух самых крупных городах Болгарии – Софии и Пловдиве, собрав при этом много голосов и правых избирателей, и центристов. На выборах отмечалась относительно низкая избирательная активность – немногим более 42% по стране, что подтвердило установившую-

inslav

ся негативную тенденцию, объяснявшуюся возрастающим разрывом между элитой и избирателями. Внимание болгарских политиков и СМИ привлекли два феномена этих выборов: огромное число бизнес-обществ, зарегистрированных под формой различных партий, и «покупка голосов» в небывалых прежде масштабах, что крайне встревожило правительство и парламент.

В июне 2009 г. кабинет С. Станишева отчитался о проделанной работе за четыре года[35]. Отчет выглядел весьма оптимистично: итоги мандата в политическом и экономическом плане оказались положительными. Несмотря на последствия кризиса, показатели безработицы за март 2009 г. составили 6,2%, что меньше среднего по Европе. В экономике на текущий момент было на 360 тыс. рабочих мест больше по сравнению с 2006 г. С начала мандата минимальная заработная плата увеличилась на 60% и в 2009 г. достигла 120 евро. Банковская система и Валютный совет стабильны. ВВП увеличился на 70%, экспорт в последние годы вырос примерно вдвое и составил 40,3 млрд. евро. Государственная задолженность уменьшилась более чем в 2 раза. Среднегодовой темп роста ВВП за 4 года составил более 6%. В связи с кризисом правительство приняло антикризисный план, который постоянно адаптируется. По словам вице-премьера М.Плугчиевой, 2009 год прошел под знаком преодоления кризисной ситуации, связанной с финансовыми санкциями со стороны Брюсселя по причине злоупотреблений средствами из еврофондов: Болгария не только сделала выводы из критики Еврокомиссии, но и полностью изменила способ управления средствами ЕС[36]. Однако громкие коррупционные скандалы расшатывали и ослабляли позиции коалиционного правительства, как и проблемы энергетики и роста цен на топливо.

Оценку управления за последние восемь лет дало само болгарское население в ходе парламентских выборов 5 июля 2009 г. Уже за несколько месяцев до выборов социологи отмечали усиление оппозиционных настроений в обществе и радикализацию политически активных избирателей. Причиной появления этих тенденцией стал мировой финансовый кризис, который не обошел стороной и Болгарию, а также газовый кризис зимы 2009 г. Сложившаяся политическая модель уже давно не представляла интересов граждан, они в очередной раз искали альтернативу. Если в предыдущие годы в стране много говорилось об апатии избирателей, не веривших в то, что от них реально что-то зависит, то рекордно высокая избирательная активность на выборах в июле 2009 г. удивила даже социологов: в голосовании приняли участие около 60% болгар (около 4.2 млн. человек). При этом большинство поддержало правоцентристскую партию ГЕРБ (39,7% голосов). Тем самым население страны выразило свое решительное желание изменить сложившуюся ситуацию. Более

inslav

чем в два раза меньше голосов получили стоявшие у власти социалисты (их Коалиция за Болгарию получила 17,7%, то есть даже меньше, чем в 1997 г.) и ДПС (14,5%), а партия НДСВ после 8 лет участия в управлении страной даже не вошла в парламент. Четвертую позицию на выборах заняла националистическая «Атака» (9,4% голосов); правоцентристская «Синяя коалиция» (СДС и ДСБ) также вошла в состав нового парламента (6,8%). Шестой представленной в Народном Собрании политической формацией стала партия крайних консерваторов «Порядок, законность, справедливость» (4,1%).

После сокрушительного провала НДСВ на выборах С. Саксен-Кобург-Готский объявил, что «принимает ответственность на себя и уходит в отставку». В отличие от него С. Станишев, продолжая представлять правление своего кабинета успешным, переложил вину за поражение социалистов на мировой экономический кризис и антитурецкие настроения, не признавая, что чрезмерное сближение с ДПС было ошибкой. Более того, на заседании 47-ого съезда БСП в октябре 2009 г. Станишев вновь был избран на пост председателя партии, хотя в проекте декларации подчеркивалась воля БСП к переменам в ее политике, руководстве и дальнейшей работе в обществе. Национальный совет БСП признал серьезный кризис в партии и назвал в качестве основной причины утраты ею доверия тот факт, что коалиционное правление «создало и укрепило впечатление о приоритетном обслуживании интересов узкого круга людей и групп, близких к БСП»[37].

Повышенная избирательная активность, отмечали политологи, говорила о том, что ситуация вышла за определенные границы, что должны наступить перемены, так как страна практически не развивается. Большое влияние оказало и серьезное ухудшение публичного образа Болгарии в Евросоюзе, неуспешный старт в ЕС в качестве его полноправного члена. Дополнительным стимулом для избирателей стала и особенно агрессивная фаза, в которую вступила предвыборная кампания в канун выборов. В середине кампании была разыграна и этническая карта[38].

Согласно результатам выборов, в состав Народного Собрания 41-ого созыва вошли 116 представителей партии ГЕРБ, 40 депутатов от Коалиции за Болгарию, 38 – ДПС, 21 – партии «Атака», 15 – «Синей коалиции» и 10 от партии «Порядок, законность и справедливость». Мандат на составление правительства получил Б. Борисов. Его партии ГЕРБ не хватило всего лишь пяти голосов, чтобы располагать полным большинством в парламенте, но в него вошли еще три формации с желанием изменить статус-кво и заявившие о своей поддержке будущего кабинета – «Синяя коалиция», более консервативная правая партия «Порядок, законность и справедливость» и «Атака». Остальные две

inslav

партии в новом парламенте – правящие до сих пор левая Коалиция за Болгарию и либеральная партия ДПС – составили оппозицию.

Правоцентристский однопартийный кабинет Б. Борисова был сформирован в конце июля 2009 г. В качестве заместителя премьера и министра внутренних дел выступил его ближайший соратник, председатель партии «ГЕРБ» Ц. Цветанов, пост вице-премьера и министра финансов получил известный либеральный экономист, бывший сотрудник Всемирного банка С. Дянков, а министерство иностранных дел возглавила депутат Европарламента, социолог Р. Желева. Среди первоочередных задач новое правительство назвало необходимость ликвидировать политическую коррупцию, что способствовало бы восстановлению доверия к Болгарии европейских институтов, Евросоюза в целом, и, в результате, разблокированию замороженных средств из еврофондов[39]. Не менее важным приоритетом являются поиски механизмов для ограничения последствий экономического кризиса – задача, оказавшаяся не по силам «тройной коалиции». Это означает борьбу с безработицей и оказание помощи бизнесу, а также пересмотр бюджета. Несмотря на то, что ГЕРБ в ходе своей предвыборной кампании не делал упор на социальной стороне своей экономической политики, новому кабинету придется иметь в виду, что во всех общественных группах крайне велики ожидания увеличения социальных расходов и индексирования зарплат и пенсий. Именно в трудном балансировании между поддержкой бизнеса и социальными расходами эксперты видят один из главных вызовов новому болгарскому правительству[40].

Быстрыми и конкретными действиями Б. Борисов принялся доказывать, что «Болгария может» – девиз, которым ГЕРБ завоевал симпатию и болгар, и партнеров по Евросоюзу. Уже во время своего первого официального визита в Брюссель в сентябре 2009 г. он представил пакет неотложных мер против организованной преступности и коррупции в высших эшелонах власти, принятый его кабинетом в ответ на рекомендации Европейской комиссии. В ответ ЕС деблокировал миллионы евро для болгарских фермеров по программе САПАРД, которые были заморожены при предыдущем правительстве из-за установленных серьезных нарушений. По словам председателя Еврокомиссии Ж. Баррозу, новое болгарское правительство получило в Брюсселе кредит доверия: при наличии контроля выплаты средств со стороны ЕС будут возобновлены.

С целью овладения кризисом, борьбы с коррупцией и восстановления доверия Брюсселя были осуществлены первые шаги – ревизия управления «тройной коалиции» БСП – НДСВ – ДПС, сокращение бюджетных расходов на 15%, смена руководящих кадров в государственных структурах, подозре-

inslav

вающихся в злоупотреблении служебным положением и невыполнении служебных обязанностей[41]. Данные действия, в свою очередь, спровоцировали прежних правящих обвинить новое правительство в «охоте на ведьм». Одной смены политической элиты недостаточно для того, чтобы решить, что политическая коррупция исчезла, считает аналитик А. Гылыбов. Он полагает, что представители сетей влияния, созданных в последние годы, продолжают оказывать весьма серьезное сопротивление попыткам расследования[42]. Для того, чтобы оправдать надежды общества, ГЕРБ постепенно должен переместить центр тяжести в своих политических действиях от установления нарушений предыдущим правительством к позитивной управленческой программе, к активному решению проблем, связанных с экономическим кризисом.

Новое правительство разработало пакет экономических мер по восстановлению экономики страны на период с июля 2009 г. по апрель 2010 г. Антикризисные меры распределены на восемь групп и согласованы с депутатами, международными финансовыми институтами и социальными партнерами. Часть этих мер направлена на сохранение и увеличение числа рабочих мест в отраслях, имеющих стратегическое значение. Предусматривается уменьшение бюрократических препятствий в сфере бизнеса. Другие акценты в антикризисной программе – развитие сектора информационных технологий, использование новых источников энергии и завершение трех главных для Болгарии магистралей, являющихся частью европейской транспортной системы. В макроэкономическом плане программа предусматривает сохранение Валютного совета, фиксированного курса лева к евро до вхождения Болгарии в еврозону, поддержку сбалансированного бюджета. Важнейшая задача – прекращение коррупции при освоении еврофондов, прозрачное и точное соблюдение условий пользования деньгами ЕС. Министерством правосудия был подготовлен пакет мероприятий сроком до конца 2009 г., затрагивающих три области: реформу судебной системы, противодействие коррупции и организованной преступности и постоянные меры в сфере правосудия. Часть мер связана с изменениями в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах, в Законе о конфликте интересов и т. д. Особое значение придается конкретным действиям по обеспечению прозрачности работы судебной системы и процедурам выбора административного руководства в ней.

Пока большинство болгар одобряют первые шаги кабинета Б. Борисова. Вопрос в том, сумеет ли правительство оправдать это беспрецедентное доверие болгарского народа и Евросоюза. Ведь имеющиеся налицо сверхожидания общества предполагают огромную политическую ответственность и серьезные вызовы...

inslav

* * *

Если для стран Запада очевидно, что чем раньше объявит свою предвыборную программу тот или иной кандидат, та или иная партия, тем лучших показателей они добьются, то избирательные кампании в постсоциалистической Болгарии часто показывали прямо противоположный результат. За последние десять лет среди победителей порой оказывались партии, появившиеся всего за несколько месяцев до выборов. Так, в 2001 г. неожиданно оглушительной победы добилось НДСВ, четыре года спустя сюрприз преподнесла «Атака», а феноменом выборов депутатов в Европарламент и в местные органы власти в 2007 г., как и в Народное собрание в 2009 г. стали партия ГЕРБ и ее лидер Б. Борисов. Сам он в 2005 г. выдвинул свою кандидатуру на пост мэра Софии значительно позже своих конкурентов и тем не менее победил. Стремление электората отдавать предпочтение «харизматической личности» в ущерб политическому выбору свидетельствовало о нестабильности болгарской политической системы, перманентной общественной напряженности в стране, об отрыве политической элиты от общества и о непрекращающихся конфликтах между ними. В то же время многообразие политической жизни, частая смена правительственных кабинетов говорят о политическом плюрализме, являющемся непременной составляющей демократии.

После двадцатилетнего периода системной трансформации (которая, судя по всему, не закончена до сих пор), испробовав в управлении различные политические силы и их комбинации, пережив очередные надежды и разочарования, Болгария по-прежнему стоит перед масштабными задачами. Это преодоление бедности, модернизация страны, достижение европейских показателей развития, построение демократического правового государства и гражданского общества, пока еще находящихся в стадии становления.

Примечания

[1] См. *Баева И.* БСП пред предизвикателствата на управлението // Ново време. 2005. № 12. С. 11–28.

[2] См.: Левый поворот и левые партии в странах Центральной и Восточной Европы. М., 1998. С. 47–48; Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 440.

[3] «Эхо планеты». 1997. № 40. С. 19.

[4] Новым председателем Высшего совета БСП стал историк Георгий Пырванов. Под его руководством партия социалистов совершила поворот в сторону Европейского Союза и НАТО.

inslav

[5] *Димитров И.* Един добре камуфлиран държавен преврат. Хроника на току-що отминали събития. София, 1997. С. 43.

[6] Подробнее о правлении кабинета Ж. Виденова см.: *Баева И.* Участието на БСП в управлението – трудна равносметка // «Ново време». 1997. № 2–3. С. 13–18; *Она же.* Отношението на БСП към властта в години на прехода // «Ново време». 2000. № 12. С. 41–57.

[7] «Труд» (София). 1997. 23 април.

[8] См. *Зудинов Ю. Ф.* Посткоммунистическая Болгария: поиски места в современном мире // Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М., 2000. С. 127.

[9] *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1939–2005. София, 2006. С. 487.

[10] См. Болгария в XX веке... С. 442.

[11] «Труд» (София). 2000. 6 мая.

[12] Подробнее о внутренней и внешней политике правительства И. Костова см.: *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи... С. 308–324; http://assemirov.hit.bg/I_kniga_pristrasten_nabljudatel.

[13] См. *Кеворкян К.* Разговори със Симеон Втори. София, 1990; Симеон II. Завръщането. София, 2001.

[14] «Независимая газета». 20 февраля 2001; *Василев Н.* Битката за България: последното десетилетие на XX век. София, 2001. С. 257.

[15] *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи... С. 337.

[16] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 15 ноября 2001.

[17] *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи... С. 345.

[18] После победы на выборах Пырванов вышел из состава БСП, а председателем Высшего совета партии был избран Сергей Станишев, сын бывшего члена Политбюро ЦК БКП Димитра Станишева.

[19] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 4 декабря 2001.

[20] Страны Центральной и Восточной Европы в 2003 году: результаты социально-экономического и политического развития. М., 2004. С. 26.

[21] Там же. С. 25–27.

[22] http://www.parlament.bg от 17 июля 2005.

[23] «Нова зора». 2006. 26 септември.

[24] http://www.ataka.bg/index.php?option.

[25] *Топенчаров В.* Управляваща коалиция БСП – НДСВ – ДПС // «Ново време». 2006. № 3. С. 93.

[26] Там же. С. 98.

[27] «Дума». 2006. 20 септември.

[28] «Сега». 2006 декември.

inslav

[29] http://news.ibox.bg/columnist/id_1175628417.

[30] http://www.mediapool.bg за 24 ноября 2007.

[31] http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Monitor/Material/doklad_190907.htm.

[32] Подробнее см.: *Валева Е. Л.* Системная трансформация в Болгарии: от смены власти до вступления в Европейский Союз (1991–2007 гг.) // Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века – начало XXI столетия). М., 2008.

[33] http://www.dnevnik.bg за 24 октября 2007.

[34] «Капитал». 12 октября 2007. № 41.

[35] http://bnr.bg/radiobulgaria/emission_russian/theme_monitor/material/11-06-cabinet-report.htm.

[36] Там же.

[37] http://bnr.bg/sites/horizont/News/Bulgaria/Pages/a.aspx.

[38] http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Monitor/Material/07-07-elections-results.htm.

[39] Болгария заняла в 2009 г. первое место в самом позорном рейтинге Европейского бюро по борьбе с мошенничеством (ОЛАФ) о злоупотреблениях с еврофондами. Больше всего злоупотреблений с деньгами ЕС было раскрыто в секторе сельского хозяйства, в результате чего Еврокомиссия заморозила 140 млн. евро по программе САПАРД. По другим программам также была заблокирована значительная часть средств Евросоюза.

[40] «Капитал». 10 юли 2006. № 27.

[41] http://bnr.bg/sites/radiobulgaria/Lifestyle/Politics/Pages/2409_antikrizisni_merki.aspx.

[42] http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Monitor/Material/24-08-govmnt-first-steps.htm.

inslav

Н. С. Пилько

Словения. Путь к независимости

Республика Словения официально вышла из состава Социалистической Федеративной Республики Югославии 25 июня 1991 г. В Хартии о самостоятельности и независимости говорилось, что Словения получила право считаться независимым государством согласно проведенному в декабре 1990 г. плебисциту. Особо отмечалось, что «Республика Словения и ранее по своему конституционному устройству являлась государством и только часть своих суверенных прав осуществляла в СФРЮ»[1]. СФРЮ обвинялась в серьезных нарушениях прав человека, национальных прав и прав республик и автономных краев. «Федеративное устройство Югославии», говорилось в документе, «не обеспечивает разрешения политического и экономического кризиса, и югославским республикам не удалось прийти к соглашению, которое позволило бы им обрести самостоятельность и трансформировать югославское союзное государство в союз суверенных государств»[2]. Когда же началось противостояние государства и республики и что послужило причиной этого?

Словения после изгнания с ее территории оккупантов в мае 1945 г. изъявила желание стать частью новой Югославии, в которой главенствующую роль взяла на себя коммунистическая партия. Активист народно-освободительного движения Борис Кидрич в одном из своих выступлений отметил, что Словения не может быть свободной без поддержки сильной Югославии[3]. 29 ноября 1945 г. на торжественном заседании Учредительной скупщины, была принята декларация о создании Федеративной Народной Республики Югославии[4]. Монархия была полностью ликвидирована, а король и его семья лишены власти. С этого момента ФНРЮ провозглашалась союзным государством равноправных народов, добровольно решивших войти в состав нового государства. Почти сразу же по окончании войны началась работа над созданием текста конституции нового государства. Ее конечный вариант был принят в конце января 1946 г. ФНРЮ провозглашалась объединением равноправных народов, которые выразили добровольное желание жить в едином федеративном государстве. Республиканские конституции были приняты в 1946–1947 гг. Каждая из республик имела свой парламент и правительство. Новое государство рассматривалось словенскими коммунистами как централизованное и федеративное. Борис Кидрич считал, что после войны должна зародиться новая форма патриотизма. «Новый патриотизм – народный патриотизм,

inslav

являющийся по сути патриотизмом рабочего народа, который завоевал свою настоящую Родину. И только поэтому патриотизм не должен и не смеет быть ограничен национальностью»[5].

В конце 1946 г. официально закончился период послевоенного восстановления и началось строительство социалистической экономики, что означало ликвидацию частной собственности и создание новой системы экономических отношений. 5 декабря 1946 г. Скупщина Республики Словения в соответствии с решением центра приняла закон о национализации, согласно которому были ликвидированы почти все частные магазины, строительные фирмы, отели. Согласно некоторым статистическим данным, к концу 1946 г. в Словении государству перешло 70% индустриального и банковского капитала[6]. 28 апреля 1946 г. Союзная скупщина приняла дополнительный закон о национализации частных предприятий. В соответствии с этим законом к маю 1948 г. было национализировано 769 предприятий, большая часть которых являлись индустриальными[7].

Страна пошла по пути строительства социализма, предполагалось, что экономический механизм будет единым для всех. Такой подход к экономике сразу не устроил некоторые республики. В первую очередь сюда относились Словения и Хорватия. Это были наиболее развитые регионы страны, руководители которых полагали возможным разработку для себя отдельных планов развития. По мнению некоторых представителей словенских политических кругов, уравниловка вела к деградации словенской экономики. Главным камнем преткновения стал вопрос о финансировании строительства и модернизации индустриальных объектов, возникли проблемы и при решении вопроса о разделе прибыли. В руководстве Словении не все соглашалась с тем, что значительная часть доходов республики идет на развитие экономически отсталых регионов. Однако эти настроения были подвергнуты критике наиболее ортодоксальными представителями власти, поскольку идеология нового государства строилась на идее централизма. Выразители подобных настроений подверглись критике и были названы сепаратистами и националистами.

Для упрочения своей власти коммунистической партии необходимо было провести экономическую реформу, которая сразу бы дала ощутимые результаты. В 1950 г. Народная скупщина приняла закон, согласно которому полностью менялась система управления государственными предприятиями. Теперь ими руководили трудовые коллективы, хотя они и оставались в народной собственности. Для управления создавались рабочие советы и комитеты управления. Для решения производственных задач членами рабочего совета избирался комитет управления и директор[8]. Особенностями новой системы стала передача некоторых функций федерального правительства республикам.

inslav

Были ликвидированы и некоторые федеральные министерства, на их месте созданы республиканские. Все это в свою очередь привело к росту самостоятельности республик. Пятилетний план заменялся годовым. Кроме того, в сельском хозяйстве был сделан откат в сторону частных форм хозяйствования. От коллективизации как таковой югославское правительство отказалось.

В Словении в это время за период 1947–1955 гг. набрали мощь почти все крупные индустриальные предприятия, которые до 80-х гг. оставались хребтом словенской промышленности. Большинство предприятий было сосредоточено в больших городах: Любляне, Мариборе, Целье, Камнике. В 1954 г. начался сбор средств для отсталых и наиболее пострадавших во время войны предприятий Словении. Был создан специальный инвестиционный фонд, из которого выделялись средства для восстановления заводов в Приморье и Нижней Крайне. К 1956 г. промышленность окончательно заняла лидирующее место в экономике. Объем производства в два с половиной раза превысил показатели довоенного 1939 г. В промышленности было занято 148196 человек, что составляло половину всех трудящихся республики в 1956 г.

В апреле 1958 г. в Любляне состоялся VII конгресс Союза коммунистов Югославии. На нем был поднят вопрос о межнациональных отношениях. Было решено в новой программе партии уделить особое внимание национальному вопросу. Основополагающим принципом провозглашалась индивидуальность, равноправие и право на самоопределение народов Югославии. Как отметил в своем выступлении словенский делегат: «Югославия – это федерация равноправных народов и нет ничего пагубного в том, чтобы уважать самостоятельное культурное развитие всех народов»[9]. В программе также отмечалось, что равноправие касается и вопросов экономики, при этом оговаривалась необходимость проявить заботу о слаборазвитых регионах страны.

В начале 60-х гг. Югославия вступила в фазу экономического кризиса, что обострило и без того непростые межнациональные отношения. Для обсуждения создавшейся ситуации в марте 1962 г. Тито созвал расширенное заседание исполнительного комитета Центрального комитета Союза коммунистов Югославии. Словению на нем представляли девять человек, среди них Э. Кардель, М. Маринко и Ф. Лесковшек. Заседание не принесло никаких результатов, оно только еще больше обострило противоречия внутри правящей верхушки. Некоторые республики были обвинены в стремлении к разрушению единства внутри СКЮ и в дестабилизации государства. Вскоре состоялись заседания республиканских исполнительных комитетов. В Республике Словения оно прошло в конце марта 1962 г. На заседании представители республиканского правительства заявили о неприятии вмешательства партии в общественные дела и высказались против назначения на все главные посты только ее членов.

inslav

Кроме того, словенские политические верхи заявили, что их не устраивает, как в средствах массовой информации отражается роль Словении в Народно-освободительной войне, и опровергли обвинения в том, что республика слишком ориентирована на Запад. Недовольство вызывало и то, что словенцев не брали на дипломатическую службу, а союзный верховный суд все свои решения печатал только на сербско-хорватском языке. Особо отмечалось, что все эти претензии не следует воспринимать как проявление национализма, напротив, это требование уважения законных прав[10].

Подобные заявления вызвали критику со стороны СКЮ. Неодобрительно к ним отнесся и Э. Кардель. На заседании исполнительного комитета СКЮ в апреле 1962 г. Тито заявил, что в Словении разрастается национализм и стремление к отделению, хотя недовольство республики экономической ситуацией и разделом инвестиций вполне понятно. А 23 июля 1962 г. на пленуме центрального комитета Союза коммунистов Югославии Тито высказался за изменение отношения к слаборазвитым республикам. Он подчеркнул, что «нельзя требовать от Словении, чтобы она оставалась на уровне 1941 г. до тех пор, пока все другие республики не достигнут того же уровня. Но необходимо помочь отстающим в развитии, если мы хотим получать от них пользу. Чем больше будет иметь Словения, тем больше она сможет дать другим»[11].

Многие понимали, что для стабилизации ситуации в стране, в первую очередь необходимо провести значительные преобразования в сфере экономики. Новая экономическая политика ставила новые цели: достижение более высокого уровня жизни, рост экспорта, стабильный и уравновешенный внутренний рынок и рост материальной помощи слабо развитым республикам. В мае–июне 1964 г. Союзная скупщина представила план развития отдельных отраслей промышленности. Экономическая реформа начала осуществляться в июле 1965 г. По словам заместителя председателя союзного исполнительного совета Б. Крайгера, Югославия в своем развитии достигла той точки, в которой экономика закрытого югославского рынка не могла более успешно развиваться. Он отметил, что главной целью реформы должно стать значительное расширение рынка[12]. Были также приняты решения, сделать динар конвертируемым, повысить финансовую компетентность республик, банков и предприятий. Первая фаза реформ длилась до конца 1966 г. Ее последствия были весьма благоприятны. Остановился рост цен, повысились доходы населения и производительность, в промышленности началось использование новых технологий. 13 июня 1966 г. Союзная скупщина приняла новый Общественный план экономического развития Югославии в 1966–1970 гг. Согласно плану необходимо было увеличить средства, выделяемые на модернизацию, улучшить организацию производства, увеличить импорт и производитель-

inslav

ность. Это был первый план, который давал больше свободы регионам. В Словении с воодушевлением приняли известие об изменении экономического курса.

Но уже к концу 1967 г. экономика оказалась перегруженной. Все чаще стали говорить о необходимости прекратить реформу, пока государство не оказалось перед глубоким экономическим кризисом. В 1971 г. она была прекращена. Словении реформа принесла больше вреда, нежели пользы. В период с 1964 по 1967 гг. рост производства значительно снизился. Многие крупные промышленные предприятия после реформы 1965 г. оказались на грани закрытия. Среди них были Энергохимический комбинат Веленье и Искра, некоторые металлургические заводы продолжали функционировать только благодаря заказам армии. В итоге комбинат Веленье был закрыт. Решение о его ликвидации принял словенский Исполнительный совет, который с мая 1967 г. возглавлял С. Каучич. Он придерживался новой концепции экономического развития, которая заключалась в повышении внимания к тем отраслям промышленности, которые давали возможность быстрого оборота капитала. Он считал, что в Словении не стоит увеличивать строительство больших промышленных объектов, для которых не хватало ресурсов, а напротив особое внимание следует уделить банковским структурам, туризму, транспортной инфраструктуре, торговле, а также тем сферам деятельности, которые базируются на науке, знаниях, интеллектуальных способностях. Сюда он относил инженерные разработки, дизайнерские инновации и менеджмент[13]. Эта концепция не вписывалась в реалии того времени, поскольку она касалась только республиканских интересов, и практически игнорировала задачи, которые ставились перед страной как таковой. Словенские партийные функционеры некоторое время поддерживали идеи Каучича, однако восхваление рыночной экономики, его стремление установить непосредственные экономические связи между республиками, а также предложение наладить торговые отношения с зарубежьем, минуя мнение Белграда вызвали в итоге осуждение. Идеи централизма возобладали. Каучич оставался на должности председателя Исполнительного комитета до 1972 г. На VII конгрессе коммунистов Словении, состоявшемся в апреле 1974 г. были публично осуждены так называемые либеральные идеи Каучича. С этого момента началось увеличение процента рабочих в партийном руководящем аппарате. Значительно возросла численность коммунистической партии за счет новых членов. К 1978 г. их число в Словении составило около 126 тыс. человек (6,6% от общего числа населения республики).

Новая генерация политиков во главе с председателем ЦК СКС Ф. Попитом и председателем республиканской скупщины С. Крайгером, к которым присо-

inslav

единились и некоторые представители лагеря Каучича, начали популяризацию идеологии социализма путем создания специальных курсов и школ. В республиканских органах власти была проведена своеобразная чистка, устранялись все инакомыслящие. После X Конгресса СКЮ партия начала активно вмешиваться во все сферы жизни. Идеологическая линия стала более жёсткой. Те, кто выражал несогласие с ней, подверглись гонениям. Особое внимание уделялось настроениям в середе профессуры и студенчества. Выявлялись те, кто не был согласен с «генеральной линией». В первую очередь это коснулось университетов в Белграде и Загребе, но не обошло и Любляну. От преподавания были отстранены четыре профессора социологического факультета[14].

В ноябре 1972 г. Союзная скупщина приняла решение о подготовке новой югославской конституции. Проект был готов к маю 1973 г. Его представлял Э. Кардель, который в начале 70-х гг. стал одной из ключевых фигур государства. Необходимость новой конституции он объяснил стремлением создать защитный механизм для социализма и социалистического самоуправления в Югославии, который должен был ликвидировать слабые места в системе самоуправления. Конституцию приняли в 1974 г., она состояла из 406 статей, где были подробно прописаны основы организации общественно-экономической жизни. Согласно ее тексту все средства производства находились в общественной собственности, предоставленной в пользование объединений трудящихся, которые образовывали так называемые «первичные организации объединенного труда». Конституция 1974 г. значительно расширила права союзных республик. Республики и края превратились, по сути, в независимые государственные образования и в сфере экономики, и в сфере государственно-политических прав. Это привело к тому, что единая экономическая система в стране перестала существовать. Сокращался межреспубликанский товарооборот. Республики теперь контролировали свыше половины цен на выпускаемую продукцию и стремились продавать ее по максимально завышенным ценам, что приводило к инфляции. В одной из брошюр того времени, пояснявшей смысл проведенной конституционной реформы говорилось, что социалистические республики из которых состоит федерация, являются государствами и самоуправляющимися содружествами, в которых осуществляется право народов на собственные национальные государства[15].

Значительный урон экономике страны нанес нефтяной кризис 1978 г. и плохой урожай. Инфляция в это время приближалась к 30%, а импорт превышал экспорт на 50%. Подрыву экономики Югославии способствовал и большой внешний долг. В начале 80-х гг. он составил 40% всех валютных поступлений[16]. Все это привело к тому, что Югославия оказалась неспособной окупать свои потребности в нефти и сырье. С углублением кризиса усилилось разли-

inslav

чие в уровне жизни республик. А это, в свою очередь, вело страну к новому более острому политическому кризису. Все силы были брошены на сохранение коммунистического режима, который пока не сильно, но пошатнулся. В первую очередь его дестабилизировали те элементы, которые стремились поставить экономику Югославии на рыночные рельсы. С ними и началась главная борьба. Стремясь повысить значимость партии, югославская верхушка начала популяризировать учения Маркса. С этой целью создавались различные школы и кружки на предприятиях. В 1977 г. вышла книга Карделя «Пути развития политической системы социалистического самоуправления»[17]. В книге давалось объяснение сущности и характера самоуправления. Текст книги, довольно сложный для человека не слишком разбирающемуся в политической терминологии, был непонятен. Все эти меры привели к недовольству тех слоев населения, которые усмотрели в укреплении централизма стремление к ограничению свободы. В середине 70-х гг. словенский поэт Э. Коцбек издал небольшую брошюру, в которой рассказал о своем опыте общения со словенскими партийными функционерами, а также выразил мнение относительно гражданской войны, которая разразилась на территории Словении в ходе Второй мировой войны, и о расправе с врагами народно-освободительного движения. Книга вызвала большой резонанс. Против Коцбека развернулась информационная война[18]. Все это было первыми предвестниками приближающегося краха государства.

Утрата вождя в 1980 г. способствовала нарастанию экономического и политического кризиса. Тяжелая экономическая ситуация в первую очередь была связана с внешним долгом, поскольку долгое время Югославия существовала за счет предоставляемых ей государственных кредитов. В начале 80-х гг. инфляция составила 45%, к середине 80-х гг. – 800%, к началу 90-х переросла в гиперинфляцию. Не смотря на то, что власти пытались хоть как-то стабилизировать ситуацию, это практически не приносило результатов. Был разработан целый ряд непопулярных экономических законов. Среди них был принятый Союзной скупщиной в мае 1983 г. закон о социализации внешних долгов Югославии, теперь их должны были выплачивать все республики независимо от того использовали ли они эти деньги или нет. Словенская экономика была одной из наиболее развитых экономик Югославии, поэтому меры такого рода на обывательском уровне вызвали недовольство, дескать, Словения платит за все экономические неудачи государства.

Кризис коснулся не только экономики Югославии. По швам начинает трещать югославская политическая система. Критике подвергаются складывавшиеся на протяжении четырех десятилетий принципы югославского федерализма. Новое звучание приобретают укрепившиеся в 70-е гг. идеи децентрали-

inslav

зации и конфедерализма, носители которых все громче и громче заявляли о необходимости комплексного реформирования государственного устройства. Представители словенской политической элиты в начале 80-х гг. пытались обратить внимание центра на политические проблемы государства. Один из старейших коммунистов Словении Ф.Клопчич в 1983 г. заявил о том, что настал исторический момент, когда необходимо создать так называемую «словенскую национальную программу», которую представил в 1984 г. Она базировалась на принципах социализма, но предусматривала рост влияния республик в федерации. По мнению Клопчича, все народы, вступившие ранее в федерацию, должны были получить некоторые суверенные права, которые они утратили после Второй мировой войны. Он полагал необходимым сократить союзный государственный аппарат. В области экономики предлагал заменить неэффективный фонд помощи неразвитым республикам экономической помощью, которая предоставлялась бы не безвозмездно и облагалась процентами. Кроме того, по его мнению, необходимо было реформировать армию таким образом, чтобы ее невозможно было использовать для разрешения внутренних конфликтов. Что касается Словении, то она должна была получить свои собственные вооруженные силы. Аппарат Союза коммунистов Словении и возглавлявший его в то время Андрей Маринц предпочли рассмотреть программу в узком кругу[19]. В итоге она не нашла поддержки.

В это время благодаря политике руководства государства, которое после смерти Тито взяло курс на так называемую «либерализацию», активизируется интеллигенция, которая активно выступает с критикой режима и властей. Либерализация коснулась всех сфер интеллектуальной жизни общества. Начали издаваться запрещенные ранее книги. В июне 1980 г. 60 словенских деятелей культуры, большинство из которых являлись профессорами Люблянского университета, приняли решение об издании журнала «Нова ревия» (Nova revija), в его редакционный совет вошли Н. Графенауер, Т. Хрибар, А. Инкрет, С. Макарович, Б. Новак и Д. Рупел. Цель создания этого журнала заключалась в объединении вокруг него специалистов по общественным вопросам. Обсуждение вопроса о необходимости и целесообразности создания подобного печатного органа продолжались два года. В итоге после длительных дебатов первый номер вышел в мае 1982 г. Его первым главным редактором был Т. Хрибар, а в 1984 г. стали Н. Графенауэр и Д. Рупел. Особенностью журнала являлось то, что в нем могли публиковать свои статьи не только словенские авторы, но и авторы из других республик, чьи рукописи не были приняты к печати по тем или иным соображениям. В первой половине 80-х гг. активизируется молодежный журнал «Младина» (Mladina), который вскоре стал оппозиционным изданием. В 1985 г. он обратил особое внимание на проблему

inslav

послевоенного коммунистического насилия. Возникавшие в это время в Словении различные оппозиционные группы выступали за демократизацию политической, культурной и экономической жизни. Что касается национального вопроса, то время от времени появлялись различного рода высказывания и исследования, которые в той или иной мере оказывали будоражащее воздействие на население. Так в начале 80-х гг. был поднят вопрос о чистоте словенского языка, поскольку, по мнению инициаторов дискуссии, в повседневном употреблении появилось много иностранных слов. Это явление объяснялось тем, что в Словению из центральной и западной частей страны переехало много «инородцев»[20]. Не успели утихнуть лингвистические дебаты, как общественность всколыхнули демографы. По их данным в Словении значительно снизился уровень рождаемости, ускорилось старение общества и увеличилось количество самоубийств, при сохранении подобных тенденций численность словенского народа могла значительно сократиться. В 1984 г. социолог С. Хрибар в сборнике посвященном памяти Э. Коцбека выступила с идеей примирения враждебных в ходе Второй мировой войны лагерей и за установку памятников всем павшим независимо от того на чьей стороне они воевали и за примирение со словенцами оказавшимися по тем или иным причинам в эммиграции[21]. Власти запретили издание сборника. В купе с экономическим кризисом все это создавало определенные настроения в обществе, как нельзя лучше отвечавшие стремлениям оппозиционно настроенных групп. В это же время лидирующей общественной силой становится Общество словенских писателей. Его члены начинают активно участвовать в акциях в поддержку идей демократизации общества, отстаивании национальных интересов, в частности равноправия языков. В середине 80-х гг. в рамках Общества была создана Комиссия по защите мнения и слова (Komisija za zaščito mišlenja in pisanja), которую возглавил В. Тауфер. Главной ее функцией была защита прав человека.

В 1986 г. по всей стране проходили конгрессы республиканских и областных органов Союза коммунистов. На многих из них происходила смена руководства: место старых руководителей занимали представители нового поколения. Словения не явилась исключением. В апреле на X Конгрессе Союза коммунистов Словении председателем ЦК СК Словении был избран М. Кучан. На Конгрессе обсуждались вопросы различного характера. Особое внимание было уделено проблемам экономики. Новый председатель отметил, что государство «переживает самый глубокий из пережитых ранее кризисов. И нет ни одного оправдания, для сохранения сложившейся ситуации»[22]. Открытого противоборства республики и центра пока не было, но время от времени Словения делала выпады вызывавшие неодобрение Белграда. Так в конце 1986 г. впервые после окончания Второй мировой войны по радио выступил люблян-

inslav

ский архиепископ, поздравив верующих и всех граждан с рождеством. Были предложения объявить рождество выходным днем, правда, на этот шаг словенские власти не решились. В конце 1987 г. архиепископ выступил не только по радио, но и по телевидению. К его поздравлениям присоединился и глава Словенского союза рабочего народа (SZDL) Й. Смоле.

Отношения между Любляной и Белградом обострялись день ото дня. Камнем преткновения стали дебаты, разгоревшиеся вокруг реформы политической системы. Словенские коммунисты выступали против конституционного сокращения прав республик, поскольку считали, что это ведет к воскрешению централизма. Споры и разногласия с центром не оставили равнодушной общественность, особенно ее интеллектуальную элиту. В январе 1985 г. Общество словенских писателей собралось в Цанкарьевом доме в Любляне для обсуждения вопросов словенской культуры и насущных проблем словенского народа. Решимость отстаивать интересы своего народа Общество словенских писателей продемонстрировало и на конгрессе Союза литераторов Югославии в апреле 1985 г. Однако пока это были только общие заявления, не содержавшие четко сформулированных требований. Впервые идея независимости Словении была озвучена в 57 номере журнала «Нова ревия» за 1987 г. В нем было опубликовано 16 статей, авторы которых, полемизировали о будущем словенского народа. Критике подверглась главенствующая роль коммунистической партии, которая, как отмечалось, по-своему трактовала марксизм. Предлагалось избавиться от ее гегемонии и установить демократический порядок, который бы базировался на свободе личности и слова. Выдвигалось требование уважать права наций на самоопределение вплоть до создания ими независимых государств. Выход этого номера взбудоражил общественность страны. Авторов статей провозгласили «националистами и правыми». В итоге журнал был закрыт.

Несколько позднее, статьи с похожим содержанием были напечатаны в журнале «Младина». Центр довольно резко отреагировал на подобного рода тенденции. Делом заинтересовались и военные. По некоторым данным младший офицер ЮНА передал журналистам документ, содержавший секретную информацию о возможности применения вооруженных сил против Словении в «определенных условиях». Дело было передано в трибунал. Суд над тремя журналистами еженедельника «Младина» и младшим офицером[23] начался весной 1988 г. в Любляне. В историю процесс вошел как «суд над четырьмя». Слушания велись на сербском языке. Командование югославской армии потребовало от руководства Словенской республики раскрыть, каким путем журнал получил секретные сведения. Любляна дабы доказать, что не нарушала договора о сохранении секретности, инициировала расследование и в конце

inslav

мая сотрудники словенской службы безопасности арестовали двух подозреваемых – журналиста журнала «Младина» Я. Яншу и младшего офицера И. Борштнера. Вскоре были арестованы еще два человека: журналист «Младины» Д. Тасич и редактор журнала Ф. Заврл. В конце июля был объявлен приговор. Янша и Заврл были осуждены на полтора года, Тасич на пять месяцев, а Борштнер на четыре года. Верховный суд в Белграде весной 1989 г. несколько смягчил приговор, словенское руководство гражданских осужденных отпустило досрочно.

В 1987–1988 гг. в союзных органах власти возрастало недовольство словенским отношением к централизации и стремлением к плюрализму и демократизации. В это время в Словении оппозиционная интеллигенция проводит ряд акций против доминирования коммунистической партии и за установление демократического строя. В марте Общество словенских писателей организовало дебаты с целью продемонстрировать нежелание общественности принимать новые поправки к Конституции, которые, по их мнению, вели к унитаризму и централизму. В связи с этим несколько известных юристов и ученых обратились с петицией, которую подписали около 10 тыс. человек: представителей различных гражданских организаций и простых граждан. Республиканская скупщина все же приняла поправки 20 марта 1987 г., правда отношение центра к республике после этого не улучшилось. Общество писателей летом 1987 г. создало свою собственную комиссию, которая заявила о централистской и недемократической природе поправок, внесенных в конституцию. Словенские власти предложили провести референдум. Одновременно группа Социологического общества начала подготавливать свои так называемые «тезисы» для новой словенской конституции[24]. В предисловии к «тезисам» говорилось, что словенская конституция должна базироваться на признании права словенского народа иметь собственное государство, для этого необходимо принять словенскую конституцию, где был бы отдельно оговорен статус Словении как суверенного государства и уже после этого начать обсуждение будущего Югославии, которое виделось словенским представителям как союз югославских государств. Словенское государство они представляли как западную демократию с рыночной экономикой и конституционным правом, базировавшееся на уважении прав человека и гражданских свобод[25]. Что касается позиции словенских официальных властей, то в этот период она была двоякой. Многие в руководстве Словении, так же как и представители оппозиционной интеллигенции тяготели к независимости, но они понимали, что реакция центра, который стремился к сплочению государства, может быть сокрушительной для небольшой республики и в связи с этим предпочитали политику лавирования и выжидания благоприятного момента.

inslav

Но были и те, кто считал, что Словения должна оставаться в рамках социалистической, реформированной Югославии.

В конце декабря 1987 г. Союзное вече Скупщины СФРЮ принимает Проект по изменению Конституции Югославии, который был представлен для всенародного обсуждения. Словенцы усмотрели в проекте попытки ущемить их права. Поэтому представители словенских политических и культурных слоев на специально созванном для обсуждения поправок заседании приняли решение: изменения в конституции направлены на укрепление централистской власти, а это идет вразрез с интересами словенского народа. Для того чтобы не позволить центру вмешаться в дела республики, была созвана общественная Конституционная комиссия. Несмотря на неудовольствие некоторых республик в ноябре 1988 г. Скупщина СФРЮ приняла 39 поправок к основному закону. Большинство из них касалось хозяйственных аспектов. Центральное правительство получило право вмешиваться в деятельность республик и краев в случае невыполнения ими союзных законов. Создавалась единая налоговая, кредитная, валютная и финансовая система. Федерация получала право создавать фонды товарных резервов, обеспечивать средства на содержание армии, выступать в качестве арбитра в разрешении противоречий между законами отдельных республик и краев. Что касается армии, то на ее содержание Федерация должна была выделять определенную часть национального дохода. Одновременно сужалась компетенция краевых властей. Теперь они могли осуществлять международное сотрудничество только в рамках утвержденной политики. Что касается статуса автономных краев, то они утрачивали элементы государственности и становились подотчетными республиканскими органами[26].

Подобные изменения не могли не вызвать неприязни словенских политических кругов, которые полагали, что республика достаточно развита, чтобы самой регулировать свои финансы и политические преобразования. Кроме того, появились опасения, что усиление центральной власти пагубно скажется на развитии Словении. Понимая, что в одиночку бороться за независимость невозможно, словенская политическая и культурная элита провозглашает себя неким борцом за права наций в государстве, обращаясь к другим республикам с просьбой о поддержке. Оппозиционные слои объединились вокруг так называемой «Майской декларации» от 8 мая 1989 г. В ней говорилось, что «открытая враждебность, которую в настоящее время испытывают словенцы в Югославии, убеждает... в наступлении переломного момента в истории и обязывает... в ясной форме высказать свою позицию... Мы хотим жить в суверенном государстве словенского народа... Будучи суверенным государством мы будем самостоятельно решать вопросы о связях с югославскими и другими

inslav

народами в рамках обновленной Европы»[27]. В декларации также отмечалось, что самостоятельное словенское государство будет базироваться на уважении прав и свобод человека, демократии и на общественном строе, который гарантирует духовное и материальное благосостояние в соответствии с естественными потребностями и человеческим потенциалом граждан Словении. Под декларацией подписались: Общество словенских писателей, Словенский демократический союз, Словенский крестьянский союз, Словенское христианско-социальное движение, Социал-демократический союз Словении[28]. Однако не все словенцы стремились к отделению от Югославии. Часть словенской политической элиты и интеллигенции не представляли будущего республики вне союзного государства и предлагали так называемую ассиметричную федерацию, которая бы позволила ее составляющим самим решать, каким образом проводить внутреннюю и внешнюю политику. Ими была составлена «Основополагающая хартия». В ней также содержались тезисы о необходимости соблюдения прав человека, словенского суверенитета и права на самоопределение. Но все это должно было происходить при условии сохранения Югославии, которую следовало преобразовать в федеративное и демократическое объединение[29].

В сентябре 1989 г. Скупщина Республики приняла ряд дополнений к новой словенской конституции[30]. В этих дополнениях отмечалось, что Социалистическая республика Словения находится в составе СФРЮ на основе постоянного, целостного и неотъемлемого права словенского народа на самоопределение вплоть до отделения и объединения, особо подчеркивалось, что впредь Словения будет сама решать вопрос о количестве отчислений в государственную кассу. Оговаривалось и то, что государственные власти не имеют права вводить чрезвычайного положения в республике или применять чрезвычайные меры без разрешения словенского парламента. Кроме того, отмечалось, что Скупщина Социалистической республики Словения сама будет определять курс международной политики; самостоятельно решать вопросы, касающиеся интересов республики в отношениях с иностранными государствами, регулировать деятельность службы государственной безопасности и осуществлять контроль за ее деятельностью, регулировать вопросы и процедуры, связанные с реализацией права на самоопределение[31]. Последний тезис особо оговаривался в поправке 71, которая предусматривала возможность проведения референдума трудящихся и граждан по вопросу о суверенитете Социалистической Республики Словении[32].

Скорее всего, тому, что идеи о суверенитете и независимости приобрели в Словении новое звучание и получили широкое распространение не только среди представителей политической элиты, но и в среде простых обывателей,

inslav

в немалой степени способствовала ситуация, сложившаяся вокруг сербских автономных краев Косово и Воеводина. 23 февраля 1989 г. Сербия приняла новую конституцию, согласно которой автономные края лишались большей части привилегий. В ответ 1300 шахтеров в Косове объявили голодовку с целью добиться возврата утерянных автономных прав. Для обсуждения сложившейся ситуации 27 февраля 1989 г. в доме Цанкара в Любляне впервые собрались вместе словенские власти, новоявленные союзы и другие оппозиционные группы. На собрании свое несогласие с политикой центра, олицетворением которого была Сербия, выразили как члены Союза коммунистов Словении, так и члены Союза социалистической молодежи, они поддержали бастующих шахтеров Косова. Кроме того, обсуждался вопрос о возможности проведения в Любляне так называемого «митинга правды», который сербы и черногорцы, проживавшие в Косово, собирались провести в Любляне 1 декабря 1989 г. Цель митинга заключалась в стремлении рассказать общественности о ситуации, сложившейся в крае. Руководство республики отказалось предоставить сербам Косова такую возможность, и в то же время косовским албанцам было разрешено провести митинг, причем позиция сербских властей была проигнорирована. Белград отреагировал на это собрание весьма болезненно, обвинив албанцев и словенцев в разрушении Югославии. Словения продемонстрировала нежелание участвовать на стороне Белграда в конфликтной ситуации в крае, поскольку средства, затрачивавшиеся на его урегулирование, поступали не из бюджета Сербии, а из общефедерального, который состоял из средств всех республик, и, следовательно, напрямую затрагивал интересы Словении, которая все активнее выражала желание интегрироваться с Западной Европой, а не тратить деньги на урегулирование внутренних проблем Сербии. Позиция Словении недвусмысленно свидетельствовала о стремлении к независимости, и это не могло не беспокоить Белград, пытавшийся сохранить целостность государства. Решение о запрете митинга в Любляне привело к бойкоту словенских товаров в Сербии. Постепенно с прилавков стали исчезать привычные словенские молочные продукты, техника, кожгалантерея и др.

Именно в это время, в 1988–1989 гг. начинается формирование политических партий Словении. В ноябре 1989 г. оппозиционные организации и течения подписали соглашение об образовании оппозиционной коалиции, получившей название «Демократическая оппозиция Словении» или ДЕМОС. Она состояла из шести партий: Христианских демократов Словении, Словенской народной партии, Словенского демократического союза, Либеральной партии, Социал-демократической партии Словении и партии Зеленых Словении[33]. Эти политические изменения нашли поддержку партийного руководства республики. Для того чтобы укрепить свое положение оппозиция стреми-

inslav

лась к созданию избирательной системы, которая позволила бы осуществить в Республике идею парламентской демократии. Закон о новой системе выборов был принят 27 декабря 1989 г. Новая избирательная система предусматривала проведение непосредственных и тайных выборов, по комбинированной избирательной системе. Выборы в общественно-политическое собрание проходили по так называемой пропорциональной системе. Простым большинством голосов избирались кандидаты в два оставшихся собрания республиканской скупщины[34]. В общественно-политическое собрание могли попасть только те партии, которые на день выборов имели не менее 500 членов, проживавших постоянно на территории Словении.

20 января 1990 г. состоялся последний XIV съезд Союза коммунистов Югославии, после которого он практически перестал существовать. Делегации Словении и Хорватии сочли невозможным свое участие в съезде и покинули его. Союз коммунистов Словении был преобразован в Партию демократических преобразований. Бывший Социалистический союз Трудового народа Словении трансформировался в Социалистическую партию Словении, а Союз социалистической молодежи Словении – в партию Либеральная демократия Словении. Следует отметить, что Союз коммунистов Словении, за исключением некоторых ортодоксальных представителей, проявлял незаурядную гибкость и готовность к переменам.

Началась подготовка к многопартийным выборам. Первыми республиками, которые смогли их провести стали Словения и Хорватия. Остальные части Федерации провели их несколько позднее в ноябре-декабре 1990 г. В Словении выборы состоялись в апреле 1990 г. Всего в них приняло участие 34 партии. Победу одержал оппозиционный блок Демократическая оппозиция Словении. Он получил 55% голосов и большинство мест в парламенте. Оставшиеся 114 мест поделили между собой бывшие коммунисты, которые назывались теперь Партией демократического обновления, Либерально-демократическая и Социалистическая партии. Что касается программных положений партий, то они не отличались оригинальностью. Каждая из них строилась на готовности защищать интересы Словении, главным из которых была независимость. Премьер-министром Словении стал представитель Словенского христианско-социального движения Л. Петерле. Пост Председателя Президиума Словении занял представитель Партии демократического обновления М. Кучан. Следует сказать несколько слов о программе этой партии, которая так резко поменяла свою окраску. Ее лозунгом было: «За европейское качество жизни». Своим избирателям они обещали разработку новой конституции, «за которую не стыдно было бы ни одному европейскому государству»[35]. Что касается будущего устройства Словении, то Партия демократического обновления не

inslay

отрицала возможности участия республики в создании конфедеративной Югославии с рыночной экономикой, демократией и правами человека, при условии, что она будет «содружеством добровольно объединившихся и равноправных народов, на основе их прав на самоопределение и отделение»[36]. В своей речи на первой сессии Скупщины Республики Словения 9 мая 1990 г. Кучан говорил о решении провести парламентские выборы, как о свершившемся факте. Апеллируя к истории социалистической Югославии, он отметил, что Словения не должна помнить обиды и ущемления прав югославского периода. Она должна начать строить новое общество. В частности он сказал: «цель примирения... которое является нашим долгом перед культурой и цивилизацией состоит в том, чтобы положить конец нашей болезненной одержимости прошлым, ведь мы должны жить дальше; народ, который излишне отягощает себя прошлым, угрожает своему настоящему и отказывается от своего будущего. Те, кого переполняет ненависть, не могут достичь примирения. Мы сможем его достичь только в том случае, если откажемся от разжигания новой вражды на старых пепелищах»[37]. Своего рода это был призыв, обращенный не столько словенскому народу, сколько к народам Югославии и в большей степени к Сербии. Это было упреждение от развязывания вооруженного конфликта, к которому могло привести провозглашение независимости. Далее в своем выступлении Кучан указал на причины, толкавшие Словению к столь решительному шагу. Он отметил, что «мы можем с большой степенью уверенности сказать, что нам после стольких лет пребывания в едином югославянском государстве с другими народами совершенно ясно, что невозможна Югославия, основанная на гегемонии одного народа, ни Югославия, которая основывалась на гегемонии одной политической партии»[38]. Председатель президиума заметил, что главной причиной кризиса, в который скатилась страна за последнее десятилетие является централизм. Таким образом, стремление Словении выйти из состава СФРЮ в основном было связано с тремя причинами: с отсутствием в стране демократии (наличие всего одной партии), навязывание Сербией своей воли (централизм) и нежелание республики бросать деньги не ветер (подразумевалась помощь отсталым республикам и краям). После обнародования Закона об исполнении основополагающей конституционной хартии о самостоятельности и независимости Словении, произошло то, чего так надеялось избежать руководство республики, на территорию Словении были введены войска. Американский посол в Югославии У. Циммерман писал, что отношения между республиками начали ухудшаться в 1989 г., и самыми плохими они были между Сербией и Словенией, хотя у Словении было много причин быть благодарной Югославии. «После Второй мировой войны Югославская армия отвоевала для Словении земли,

inslav

про которые словенцы говорили, что после Первой мировой войны они не справедливо отошли к Италии. Нынешняя независимая Словения третью своей территории обязана военным действиям ЮНА против Италии. Югославия для Словении была гарантированным рынком для ее товаров, которые вряд ли выдержали конкуренцию на западном рынке. Но поскольку Словения «считала свою республику зародышем западной демократии, она решила напасть на Милошевича, не дожидаясь, что он нападет на них», – писал Циммерман[39].

Словенское руководство понимало, что Центр не захочет добровольно отпустить республику, поэтому оно заблаговременно начало готовиться к вооруженному столкновению. Оружие закупалось за границей, создавалась собственная служба разведки. Постепенно словенская армия выходила из-под контроля ЮНА. 25 июня, когда была провозглашена независимость Словении, словенское руководство взяло под свой контроль границы республики, воздушное пространство, порты. На КПП югославские государственные символы были заменены словенскими. Союзный парламент выступил с осуждением отделения Словении, признав эти действия незаконными, поскольку независимость была провозглашена в одностороннем порядке. Для того чтобы закрепить акт провозглашения независимости, и привлечь внимание международной общественности, президент Словении Кучан оповестил всех руководителей государств и генерального секретаря ООН о том, что Словения вышла из состава Югославии. Это стало главной причиной срыва назначенной на 27 июня встречи Кучана и премьер-министра СФРЮ А. Марковича, на которой планировалось обсудить возможное разрешение сложившейся ситуации. На заседании правительства, проходившего в ночь с 25 на 26 июня, большинство федеральных министров высказались за сохранение единства страны. Однако это могло привести к военным столкновениям, что повлекло бы за собой нежелательные последствия, главным из которых была негативная реакция международного сообщества. По свидетельству министра иностранных дел СФРЮ Б.Лончара, ему звонили министры иностранных дел Италии и Германии – Джанни де Микелис и Ганс-Дитрих Геншер, которые предупредили, что если дойдет до военных столкновений, то единство югославской федерации больше не будет поддерживаться международным сообществом[40]. Такая позиция международного сообщества была обеспечена во многом стараниями министра иностранных дел Словении Д. Рупела, который в преддверии провозглашения независимости посетил многие европейские страны, где вел переговоры со своими коллегами по внешнеполитической линии. В своих воспоминаниях он писал, что «нас очень волновало отношение заграницы к стремлению обрести независимость, но мы видели хороший знак в поведении сенатора Боба

inslav

Дола, который предложил США поддерживать только демократические республики, т. е. Словению и Хорватию»[41]. Словения пыталась заручиться поддержкой Венгрии и Австрии, стран Бенилюкса, Бельгии. На всех встречах словенские представители указывали на тот факт, что Республика смогла установить демократию сама, без иностранной помощи. Однако именно это, по словам Рупела, настораживало Республику, поскольку «западные друзья не чувствовали за Словению той ответственности, которую несли за Восточную Германию, Польшу и Венгрию»[42].

Тем не менее, рано утром 27 июня к границам Словении выдвинулись танки ЮНА. Однако тогда осталось непонятным, кто именно отдал приказ о наступлении танков. В одном из своих интервью Маркович отметил: «что касается отделения Словении и так называемой войны, у меня сложилось очень ясное мнение. Прежде всего, Словения заняла пограничные пункты суверенного государства Югославии, и поэтому интервенция ЮНА была оправдана. Другое дело, как и каким образом, дошло до интервенции. Думаю даже, что речь шла о договоре между руководством Словении и Сербии об инсценировке нападения... О походе танков ЮНА в Словению я узнал только в четверг, 27 июня 1991 г. около пяти часов утра, когда мне, единственному в Белграде позвонил по телефону Кучан»[43]. Сейчас уже можно достоверно утверждать, что приказ взять под контроль аэродром Брник, порт Копер отдавался командованием ЮНА в соответствии с решениями правительства. Для этих целей было выделено 1990 военнослужащих, из которых 400 – из подразделений министерства внутренних дел, и 270 таможенников[44]. По свидетельству очевидцев, начавшая наступление армия была плохо подготовлена и вооружена. Ряд исследователей считает, что это было сделано намеренно с целью дискредитировать ЮНА.

Так почему же страх перед вооруженным нападением Сербии не остановил словенские власти и не отсрочил провозглашение независимости? Несомненно, были опасения, что Сербия может пойти ва-банк ради сохранения целостности государства. Однако по свидетельству министра обороны Словении Янеза Янши, «в июне 1991 г., благодаря скрупулезному анализу ситуации в Югославии и благодаря хорошим разведывательным данным, мы были уверены в том, что части ЮНА не смогут осуществить нападение с привлечением большого количества сил в тот момент, когда Словения и Хорватия провозгласят независимость, и что это будет интервенция и давление на ключевые посты, которое впоследствии может быть обострено путем привлечения резервных сил ЮНА»[45]. Судя по воспоминаниям министра обороны, Словения не была полностью подготовлена в вооруженном плане к провозглашению независимости. Еще в десятых числах июня у руководства не было уверенности

inslav

в том, что заказанное им вооружение поступит в срок. Военный заказ состоял из 5 тыс. автоматических винтовок и 5 млн. комплектов боеприпасов, более 1 тыс. противотанковых снарядов, включая несколько ракет для пусковых установок типа Фагот и несколько десятков противовоздушных ракет типа Стрела 2М[46]. Вооружение прибыло 21 июня. «Я до сих пор спрашиваю себя, – пишет Янез Янша, – приняла бы служба президента Республики решение о вооруженном сопротивлении 27 июня с чистой совестью, если бы мы не получили вооружения, которое увеличило наши возможности противостояния танковому натиску более чем на 100%»[47]. Для обсуждения сложившейся ситуации состоялось совещание Президиума Словении. На нем было принято решение оказать сопротивление югославской армии и довести процесс провозглашения независимости до конца. Все население Словении встало на защиту своей свободы. Причем в некоторых случаях именно словенская сторона первая открывала огонь по ЮНА, которая судя по всему не собиралась вести активных боевых действий. С каждым днем становилось все очевиднее, что сохранить целостность страны не удастся. Чтобы избежать настоящей войны следовало отпустить Словению. Одним из самых напряженных дней стало 2 июля. Вероятность усиления давления военной мощи ЮНА оставалась реальностью, ожидалось, что югославская армия начнет атаку с воздуха. Вернувшись из поездки в Германию, Кучан сообщил, что переговоры с Геншером прошли успешно, последний настаивал на том, чтобы немедленно были прекращены военные действия и начался переговорный процесс с югославской стороной[48].

Попытка Сербии вернуть все на круги своя не принесла желаемых результатов. Руководство Словении смогло мобилизовать 35 тыс. добровольцев и силы так называемой «территориальной обороны». В длившихся 10 дней боевых столкновениях погибло 44 военнослужащих ЮНА. Со стороны Словении убитых было трое и 66 раненых. По мнению словенских историков и политиков, эту войну нельзя было считать гражданской, поскольку это не была война одного народа, а интервенция, направленная на подавление стремлений к свободе и демократии. Стороны заключили перемирие 3 июля, а 4 июля Президиум СФРЮ принял решение о возвращении к состоянию до 27 июня, потребовал возвращения всех пленных и прекращения огня. Большую роль в разрешении конфликта сыграла Германия. Выступая по радио 5 июля Геншер заявил, что «в случае нарушения условий прекращения огня со стороны ЮНА нужно будет поставить вопрос о признании европейским сообществом независимости Словении и Хорватии». При этом он подчеркнул, что необходимо принять на специальной встрече министров иностранных дел в Гааге решение о введении эмбарго на поставки оружия в Югославию и заморозить сотрудничество

inslav

в области финансов[49]. 7 июля состоялась встреча министерской тройки Европейского сообщества с членами Президиума СФРЮ во главе с С. Месичем и представителями всех республик кроме Сербии на острове Бриони. Цель встречи заключалась в создании условий для мирных переговоров. В итоге была принята Декларация о мирном разрешении югославского кризиса. Стороны согласились, что они должны полностью уважать следующие принципы:

– лишь народы Югославии и только они сами могут принимать решения о собственном будущем,

– немедленно, то есть не позднее 1 августа 1991 г. должны начаться переговоры обо всех аспектах будущего Югославии безо всяких предварительных условий, на основании принципов Хельсинского Заключительного акта СБСЕ и Парижской хартии для новой Европы[50].

Все югославские стороны обязались оказывать планируемой миссии наблюдателей поддержку, в том числе обеспечить ее членам полную безопасность и свободу передвижения. В приложении 1 декларации оговаривались дальнейшие формы реализации и подготовки к переговорам. Контроль над словенскими границами передавался в руки словенской полиции, таможенные сборы оставались союзными доходами и должны были взиматься словенскими таможенниками, полученные средства переводились на совместный счет, находящийся под контролем союзного и республиканского министерств финансов и внешних наблюдателей. Что касается границ, то восстанавливалось состояние, существовавшее до 25 июня 1991 г.[51] Кроме того, снималась блокада со всех дорог, расформировывались части Территориальной обороны. Что касается захваченных во время боевых действий пленных, то они должны быть отпущены в кратчайшие сроки.

С принятием Брионской декларации европейские государства получили возможность вмешаться во внутренние дела суверенного государства и под предлогом восстановления справедливости и демократии поставить разгоравшийся с молниеносной скоростью пожар югославского кризиса под свой контроль. Изначально наблюдатели посылались только в Словению и Хорватию, однако особо оговаривалась возможность расширения ареала их деятельности. Состав миссии не был однородным, в него могли входить как гражданские, так и военные представители. Планировалось, что все они разместятся в так называемом «Координационном центре», откуда в различные сектора будут посылаться небольшие группы, находящиеся под контролем Руководителя Миссии наблюдателей, который должен предоставлять ежедневный отчет о деятельности Миссии Комитету старших должностных лиц через Секретариат СБСЕ в Праге[52]. Скупщина Республики Словения приняла все положения Брионской декларации, выразив благодарность министерской тройке

inslav

Европейского сообщества за оказанную помощь «в миролюбивом разрешении югославского кризиса» и полное доверие «к добрым намерениям Европейского сообщества»[53]. 12 июля 1991 г. после предварительно заключенного перемирия президиум СФРЮ принял решение вывести войска из Словении. Окончательно все войска были выведены 29 июля 1991 г. До 8 октября 1991 г. Словения практически приостановила процесс строительства суверенного государства. Но уже в ноябре был принят закон о денационализации, а в декабре – новая Конституция.

Выход Словении из состава СФРЮ не был сиюминутным действием. Противостояние началось еще в 50-е гг. XX в. Словения всегда стремилась занять особое место в федерации, получить особые привилегии и права, объясняя это своей высокой экономической и культурной развитостью. При этом она не хотела играть по общим правилам, считая проводившуюся в стране политику пагубной для своей экономики. Несомненно, уравниловка не давала возможности республике развиваться так, как ей хотелось бы. Но не будь она частью Югославии в то время, смогла бы она достичь тех же успехов? Скорее всего, нет. Послевоенная Югославия являлась для Словении защитой от посягательств западноевропейских государств. Она позволила ей расширить свою территорию, защитила от традиционных поползновений со стороны Австрии и Италии. За 46 лет пребывания в составе Югославии Словения, никогда не имевшая своего государства в новое и новейшее время, созрела для получения политической независимости. Она оказалась в условиях, пусть и не всегда благоприятных, но давших ей исключительную возможность выработать свою национальную программу, сформулировать свои национальные интересы. За эти годы сложилась словенская политическая элита, получившая необходимые знания и управленческие навыки, позволившие Словении быстро и органично интегрироваться в Европейский Союз.

Примечания

[1] Хартия о самостоятельности и независимости // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2000. С. 235–236.

[2] Там же. С. 236.

[3] *Kidrič B.* Zbrano delo. Članki in razprave. Ljubljana, 1976–1978. Knj. 2. S. 294.

[4] Deklaracija o proglašenju FNRJ // Od AVNOJa do Delegatske skupštine. Beograd, 1983. S. 169.

[5] *Kidrič B.* Zbrano delo... S. 316–317.

[6] *Vodopivec P.* Od Pohlinove Slovnice do samostojne države. Ljubljana, 2006. S. 365.

inslav

[7] *Prinčič J.* Povojne nacionalizacije v Sloveniji. 1945–1963. Novo Mesto, 1994. S. 83–89.

[8] История южных и западных славян. М., 1998. Т. 2. С. 180–184.

[9] *Režek M.* Program ZKJ // Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 2. S. 991.

[10] *Režek M.* Spopad dveh usmeritev // Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 2. S. 995.

[11] Četrti plenum CK ZKJ. Ljubljana, 1962. S. 11.

[12] *Prinčič J.* Gospodarska reforma // Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 2. S. 1046.

[13] *Vodopivec P.* Od Pohlinove Slovnice... S. 377–378.

[14] *Prinčič J.* Dileme ekonomske politike na začetku šestdesetih let; *Gabrič A.* Intelektualci kot opozicija // Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 2. S. 1122–1125.

[15] *Пашич Н.* Общественно-политическая система СФРЮ. Белград, 1975. С. 21.

[16] *Vodopivec P.* Od Pohlinove Slovnice... S. 382.

[17] *Kardelj E.* Pravci razvoja političkog sistema socijalističkog samoupravljanja. Beograd, 1978.

[18] *Vodopivec P.* Od Pohlinove Slovnice... S. 418–419.

[19] *Gabrič A.* Zaostrenost mednacionalnih odnosov // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992. Ljubljana, 2005. S. 1166.

[20] *Vodopivec P.* Od pohlinove Slovnice... S. 475.

[21] *Vodopivec P.* Od pohlinove Slovnice... S. 479.

[22] *Gabrić A.* Na zahodu vzhodnega sveta // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992. Ljubljana, 2005. S. 1164.

[23] *Габрич А., Чепич З.* Развитие словенской государственной идеи в 1941–1991 гг. // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2000. С. 72–73.

[24] *Vodopivec P.* Od pohlinove Slovnice... S. 483.

[25] *Vodopivec P.* Od pohlinove Slovnice... S. 484.

[26] *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000) . М., 2001. С. 66.

[27] Майская декларация // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2000. С. 106.

[28] Там же. С. 106–107.

[29] *Vodopivec P.* Od pohlinove Slovnice... S. 494.

[30] *Габрич А., Чепич З.* Развитие словенской государственной идеи в 1941–1991 гг. // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2000. С. 73.

[31] Из конституционных поправок к Конституции Социалистической Республики Словении // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2000. С. 137–138.

[32] Там же. С. 139.

inslav

[33] *Габрич А., Чепич З.* Развитие словенской государственной идеи в 1941–1991 гг. С. 72–73.

[34] *Čepič Z.* Volitve aprila 1990 // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992. Ljubljana, 2005. S. 1283.

[35] Из предвыборной программы СК Словении – партии демократического обновления // Югославия в огне. М., 1992. С. 41.

[36] Там же. С. 41.

[37] Речь председателя Президиума Республики Словения Милана Кучана на первой сессии Скупщины Республики Словении // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2000. С. 149.

[38] Там же. С. 151.

[39] *Zimmerman W.* Izvori jedne katastrofe. Zagreb, 1996. S. 312 – цит. по: *Гуськова Е. Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 107.

[40] См. подробнее: *Гуськова Е. Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). С. 113.

[41] *Rupel D.* Srečanja in razhajanja. Ljubljana, 2001. S. 118.

[42] Там же. С. 128.

[43] *Гуськова Е. Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). С. 112.

[44] Там же. С. 113.

[45] *Janša J.* The making of the Slovenian state. 1988–1992. Ljubljana, 1994. S. 139.

[46] Там же. S. 142.

[47] Там же. S. 142.

[48] См. подробнее: *Гуськова Е. Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). С. 117.

[49] Там же. С. 116.

[50] Брионская декларация // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2000. С. 245–247.

[51] Там же. С. 247.

[52] Там же. С. 247–248.

[53] Решение и заявление Скупщины РС по поводу Совместной декларации // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2000. С. 251–252.

inslav

Сведения об авторах

Аникеев А. С. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Баева Искра – кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета Софийского Государственного Университета.

Белов М. В. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Нижегородского Государственного Университета им. Н. И. Лобачевского.

Валева Е. Л. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Волокитина Т. В. – доктор исторических наук, заведующая Центром Института славяноведения РАН.

Горина Л. В. – доктор исторических наук, профессор МГУ им. М. В.Ломоносова.

Игнатьев Р. Н. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

Каширин В. Б. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Косик В. И. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Лобачева Ю. В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Макарова И. Ф. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Марков Георгий – профессор, академик БАН, директор Института истории БАН.

Перович Латинка – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института новейшей истории Сербии.

Пилько Н. С. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Ревякина Л. В. – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории БАН.

Серапионова Е. П. – доктор исторических наук, заведующая Отделом Института славяноведения РАН.

inslav

Силкин А. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Стыкалин А. С. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Фролова М. М. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Шемякин А. Л. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Шкундин Г. Д. – кандидат исторических наук, доцент Международного юридического института при Министерстве Юстиции РФ.

inslav

Оглавление

От редакционной коллегии 5

Л. В. Горина

Болгарский хронограф и русский митрополит Кирилл II 9

Р. Н. Игнатьев

Люди у святыни: к вопросу о характере власти на Балканах 25

М. М. Фролова

Забалканский поход 1829 года и «открытие» русскими Румелии
(по воспоминаниям русских офицеров) 36

М. В. Белов

Русский офицер в роли этнографа:
А. Г. Розелион-Сашальский описывает Сербию 58

Латинка Перович (Сербия)

Личность князя Михаила Обреновича
на страницах дневника Николы Крстича 69

И. Ф. Макарова

Апрельское восстание 1876 года в Болгарии:
две версии одного события 83

А. Л. Шемякин

Никола Пашич в Болгарии (1883–1885 годы) 96

Ю. В. Лобачева

Сербские и хорватские переселенцы в США
в конце XIX – начале XX веков 118

В. Б. Каширин

Поход в Добруджанскую степь:
эволюция замысла, планирование и подготовка
экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году 139

Г. Д. Шкундин

Вопрос о сепаратном мире с Антантой в 1916–1918 годах
в отражении болгарской мемуаристики 186

inslav

Е. П. Серапионова

Антикоминтерновская деятельность Русской секции Лиги Теодора Обера в Болгарии (1924–1934 годы) 196

А. А. Силкин

Деятельность Хорватской крестьянской партии в 30-е годы XX века 216

Георгий Марков (Болгария)

Мюнхенская конференция в освещении болгарской периодической печати (сентябрь–октябрь 1938 года)..... 229

В. И. Косик

Русские на театральных сценах Балкан (1920–1940-е годы)..... 239

Л. В. Ревякина (Болгария)

Болгарский земледельческий народный союз в 1944–1948 годы: борьба за власть и за существование 258

А. С. Аникеев

Албано-югославские отношения в первые послевоенные годы в контексте советской политики на Балканах 281

Т. В. Волокитина

Апрельский пленум ЦК БКП (1956 года) в контексте процесса либерализации политического режима в Болгарии 294

А. С. Стыкалин

Проекты регионального сотрудничества черноморских и балканских государств и позиция СССР (1950-е – начало 1960-х годов)..... 323

Искра Баева (Болгария)

Роль Советского Союза в распаде Восточного блока..... 339

Е. Л. Валева

Метаморфозы политической жизни в Болгарии на рубеже веков..... 349

Н. С. Пилько

Словения. Путь к независимости 373

Сведения об авторах 396

Оглавление..... 398

inslav

Научное издание

STUDIA BALKANICA

К юбилею Р. П. Гришиной

Сборник статей

Ответственный редактор *А. Л. Шемякин*

Обложка *М. И. Леньшиной*

На обложке: фото «Старая София» с сайта www.stara-sofia.com

Сборник подготовлен к печати
в отделе редакционной подготовки рукописей
Института славяноведения РАН

Подписано в печать 00.00.2010. Печ. л. 25,0.
Тираж 150 экз. Цена договорная.

ООО «Пробел-2000»
121069, Москва, Поварская ул., 36.

inslav

STUDIA BALKANICA • • К юбилею Р.П. Гришиной

inslav